

ШЕЛЕПИН

Леонид
Млечин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Александр Николаевич Шелепин (1918–1994) вошел в историю как человек, которого после отставки Н. С. Хрущева многие считали самым реальным кандидатом на пост руководителя КПСС и Советского государства, полагая, что Леонид Ильич Брежнев — фигура временная. Сейчас ясно, что если бы страну возглавил Шелепин, застоя, вероятнее всего, не было бы. Возможно, не было бы и перестройки, а следовательно, и СССР не распался бы. Шелепин выиграл множество политических схваток, но одну все-таки проиграл. Брежнев и его окружение оттеснили Шелепина от власти. Историк и писатель Леонид Млечин попытался ответить на вопрос: почему Брежнев, а не Шелепин стал руководителем Советского Союза и продержался на этом посту восемнадцать лет?

- [Леонид Млечин](#)
 -
 - [ОТ АВТОРА](#)
 - [«ТЫ НЕ ОШИБСЯ В ЭТОМ БОЙЦЕ»](#)
 - [ИФЛИЙСКОЕ БРАТСТВО И ФИНСКИЙ ФРОНТ](#)
 - [СЕКРЕТАРЬ МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА](#)
 - [«ТОВАРИЩ СТАЛИН ПОДПИСАЛ РЕШЕНИЕ О МОЕМ НАЗНАЧЕНИИ»](#)
 - [РУКОВОДИТЕЛЬ КОМСОМОЛА](#)
 - [ЦЕЛИННАЯ ЭПОПЕЯ](#)
 - [СЕКРЕТНЫЙ ДОКЛАД](#)
 - [БОЛЬШАЯ СХВАТКА ВОКРУГ ХРУЩЕВА](#)
 - [СЕМЕЙНЫЕ ДЕЛА](#)
 - [ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ](#)
 - [ПОЭТЫ, БАЛЕРИНЫ, ПРОЗАИКИ И ДРУГИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ](#)
 - [СЫН ВОЖДЯ](#)
 - [ДВА ВЫСТРЕЛА В СТЕПАНА БАНДЕРУ](#)
 - [КАТЫНСКИЙ АРХИВ](#)
 - [ВЗЛЕТ ВЛАДИМИРА СЕМИЧАСТНОГО](#)
 - [СРОЧНАЯ КОМАНДИРОВКА В НОВОЧЕРКАССК](#)
 - [РЯЗАНСКИЕ РЕКОРДЫ И СТРАННАЯ СМЕРТЬ ХОЗЯИНА ОБЛАСТИ](#)

- [illegible]

ЖИЗНЬ[®] ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1364

(1164)

Леонид Млечин

ШЕЛЕПИН

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Млечин Л. М., 2009

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2009

ОТ АВТОРА

Эта книга не появилась бы на свет, если бы много лет назад я не познакомился с Александром Николаевичем Шелепиным. Это произошло в середине 1970-х годов на Северном Кавказе, в городе Железноводске, известном своими минеральными водами. Я учился тогда в Московском университете и жарким летом оказался вместе с родителями в санатории «Дубовая роща», где поправляли здоровье те, кто, говоря медицинским языком, жаловался на органы пищеварения.

Место не очень веселое, но располагающее к раздумьям. Три раза в день обитатели санатория организованно приходили к живительному источнику, потом располагались в столовой. Санаторий был для начальства, поэтому отдыхающих встречали и провожали в соответствии с занимаемой должностью. Разница в служебном положении ощущалась во всем. Скажем, обитатели люксов сдавали анализы без очереди, и сеансы массажа у них были подлиннее.

Пожалуй, единственным свободным от чинопочитания был я как лицо в ту пору очень молодое и неноменклатурное.

Среди отдыхающих выделялся посол в одной из Скандинавских стран, бывший партийный работник из Сибири, с роскошной седой шевелюрой, посвятивший меня в тонкости дипломатического протокола. Единственный трехкомнатный люкс занимал мрачный заместитель министра внутренних дел. Его замкнутость и тоскливое выражение лица объяснялись необходимостью в течение месяца ограничивать себя в самом необходимом. Рассказывали, что весь срок в санатории замминистра крепче минеральной воды ничего в рот не берет, зато остальные одиннадцать месяцев ни в чем себе не отказывает. Но будто бы чем больше коньяка выпьет, тем лучше работает. Бывало, что даже во время заседания коллегии министерства он просил разрешения выйти. Министр, понимая, в чем дело, не возражал. Замминистра поспешно уходил в свой кабинет, доставал из сейфа вожденную бутылку пятизвездочного, делал порядочный глоток и, вернувшись в зал заседаний, выступал разумнее всех.

С главным редактором одного партийного журнала, тоже поправлявшим здоровье в санатории, мы вместе оказались в кинозале. Показывали модный тогда фильм, где парочка (весьма целомудренно) предавалась любви подальше от шума городского. Выходя из зала, я из вежливости поинтересовался у главного редактора:

— Как вам понравился фильм?

Он изумил меня ответом:

— Я еще не готов ответить на этот вопрос.

На следующее утро, увидев меня, он отвел меня в тень и сказал:

— Ты спрашивал вчера о фильме. Так вот...

И главный редактор, бывший заведующий сектором отдела пропаганды ЦК КПСС, изложил мне выдержанную, четкую, глубоко партийную оценку: с одной стороны, с другой стороны, вместе с тем... Я восхитился: это было железное правило, привычка, впитавшаяся в плоть и кровь — ни одного необдуманного и невзвешенного слова! Даже в разговоре с каким-то студентом.

Но главный редактор был светочем мысли и даже вольнодумцем по сравнению с нашим соседом в столовой.

За нашим столиком оказался первый секретарь Пятигорского горкома партии Иван Сергеевич Болдырев, сравнительно молодой человек. Он почему-то держался крайне настороженно. Избегал общения с другими отдыхающими и только осматривал высокопоставленных чиновников внимательным взглядом. Сам он ни о чем не рассказывал. На вопросы отвечал, хорошенько подумав, и только на нейтральные темы — о семье, о сыне, которому подарил только-только появившиеся тогда электронные часы по случаю поступления в Бауманское училище.

Иван Сергеевич, видимо, еще крепче редактора партийного журнала усвоил, что молчание — золото. Ей-богу, свет не видел более осторожного человека.

Я заметил, что наш сосед почему-то никогда не подходил к отдыхавшему в том же санатории своему непосредственному начальнику Виктору Алексеевичу Казначееву, второму секретарю Ставропольского крайкома партии. Они словно не замечали друг друга. Видно, отношения в краевой верхушке были непростые.

Казначеев был человек иного типа, чем Болдырев, заметный и даже шумный. Официантки так и порхали вокруг него, готовые исполнить любое желание второго человека в крае.

Санаторий хотя и подчинялся Москве, но находился на территории края, и Казначеев вел себя по-хозяйски. Кстати говоря, имя главного хозяина — первого секретаря Ставропольского крайкома — в разговорах ни разу не упоминалось.

А ведь это был не кто иной, как Михаил Сергеевич Горбачев. Пройдет каких-нибудь пару лет, и его имя услышит вся страна.

Характерно, что Горбачев впоследствии забрал Виктора Казначеева в

Москву, но дал ему сравнительно невысокую должность заместителя министра. А нашего соседа-молчальника, Ивана Сергеевича Болдырева, посадил на свое место, сделал хозяином огромного края и членом ЦК. Помню, что это назначение заставило меня сильно усомниться в способности Горбачева подбирать кадры.

Но все лечившиеся в санатории начальники, союзного или местного значения, в упор не замечали одного из отдыхающих, немолодого уже человека в трикотажной рубашке с короткими рукавами. И не потому, что он никому не был известен. Совсем наоборот. Его-то знали все и каждый. Но, встретив его в столовой или на дорожке, ведущей к источнику минеральной воды, те, кто постыдливее, отводили взор и заговаривали с женами, остальные равнодушно скользили по нему взглядом, даже не делая попытки поздороваться.

Одиноким отдыхающий находился в опале. Это было страшнее, чем проказа. Решительно никто не желал оказаться рядом с ним даже в лифте или тем более сесть за один столик. А вдруг кто-то доложит о странном интересе к опальному политику? О чем это он с ним говорил? Подсел к нему... Прогуливался вместе... А зачем? Уж не группа ли сколачивается, может быть, новая политическая оппозиция? Это что же, вызов генеральному секретарю? И всё, и конец карьере...

В роли санаторского прокаженного пребывал Александр Николаевич Шелепин, недавний член политбюро. Бывшего комсомольского вожака, бывшего председателя КГБ, бывшего главу Комитета партийно-государственного контроля, бывшего секретаря ЦК и заместителя председателя Совета министров СССР перевели — словно в насмешку — на незначительную должность во второразрядное ведомство.

А ведь этот человек обладал счастливым даром спланировать вокруг себя людей. Некоторые из них остаются его искренними поклонниками и по сей день. Этого человека в пору его расцвета и стремительной карьеры за глаза называли «железным Шуриком», с намеком на «железного Феликса».

Александр Николаевич Шелепин вошел в историю как человек, организовавший осенью 1964 года свержение Хрущева.

Когда Никиту Сергеевича сняли со всех постов и отправили на пенсию, многие считали именно Шелепина самым реальным кандидатом на пост руководителя партии и государства.

Влиятельные и весьма близкие к высшей власти люди уверенно говорили, что Леонид Ильич Брежнев — фигура слабая и временная и скоро его сменит Шелепин. Его имя гремело. И в нашей стране, и за рубежом многие были уверены, что он вот-вот станет главой государства.

Он приехал в Москву юношей поступать в институт и сделал фантастическую карьеру.

Он выиграл множество политических схваток, но одну все-таки проиграл. Брежнев и его окружение постепенно оттеснили его от власти. Его изъяли из большой политики. Исчезли его фотографии в прессе, перестали упоминать его имя. И если бы не популярный несколько лет назад художественный фильм «Серые волки» о кремлевском заговоре в октябре 1964 года, то современный читатель, может, уже и не вспомнил бы, кем был Александр Николаевич Шелепин.

Он был совсем другим человеком, чем Леонид Брежнев. И по характеру, и по взглядам, и по образу жизни. Если бы Шелепин возглавил страну, застоя, скорее всего, не было бы. Возможно, не было бы и перестройки. А следовательно, и Советский Союз бы не распался. Вся история нашей страны пошла бы иным путем...

Отдыхал в тот год Александр Николаевич в железноводском санатории без семьи, и это только подчеркивало его одиночество. Могу себе представить, каково ему было видеть всю эту чиновничью рать, которая прежде заискивала перед ним, за три шага шапку ломала, а теперь даже не здоровалась.

Не сложно было заметить, что и Шелепин инстинктивно сторонился людей. Сам ни к кому не обращался, повсюду ходил один, погруженный в свои мысли. Большую часть времени проводил в своем номере, тем более что жара была страшная.

И во всем немаленьком санатории только мои родители самым любезным образом приветствовали опального политика. Не потому что они были знакомы. Раньше видели его только на трибуне или на портретах. Просто иной образ поведения для них исключался. Как же не поздороваться с человеком, с которым каждый день сталкиваешься нос к носу? А если другие — из трусости — его не замечают, тем более следует быть вдвойне вежливым и внимательным.

Той завидной осторожности, которой отличались наши чиновные соседи по санаторию, у моих родителей не было. За что я их люблю и уважаю, хотя в конце концов именно это обернулось для них бедой. Общение с еще одним опальным политиком стоило им любимой работы, и уже они оказались в положении прокаженных, которых не узнавали недавние приятели. Ну, да это другая история.

Родители даже разок уговорили Шелепина прогуляться вместе после ужина и повели его по дорожке, петлявшей вокруг многоэтажного корпуса. И стали конечно же расспрашивать про Сталина. Александр Николаевич

рассказал, как после смерти вождя секретарей ЦК комсомола привезли на Ближнюю дачу в Волынском и он своими глазами видел этот дом, бесконечные репродукции из «Огонька», которые Сталин развешивал на стенах...

В столовой я сидел лицом к входу, родители спиной. Поэтому получалось так, что каждое утро Александр Николаевич Шелепин, входя в столовую, со мной одним приветливо здоровался и желал мне приятного аппетита, на который я в те годы и так не жаловался.

Маму эта забавная ситуация очень веселила. Она шутила:

— Раньше он с Леонидом Ильичом здоровался, теперь с тобой...

Я застал его на излете. А у молодого Шелепина — я потом видел его старые фотографии, просматривал кинохронику из Красногорского архива — было очень выразительное, интересное лицо, губы сомкнуты, взгляд внимательный, даже пронзительный.

Но и тогда, когда я познакомился с ним в Железноводске, в его глазах, в походке, манере говорить, в крепком рукопожатии было нечто, выдававшее в нем человека сильной воли, который до конца так и не реализовался.

Много лет спустя, уже работая на телевидении, я подумал о том, почему человек, сыгравший столь важную роль в истории нашей страны, мало кому известен. И не настало ли время ответить на вопрос: почему Леонид Ильич Брежнев, а не Александр Николаевич Шелепин восемнадцать лет руководил нашей страной?

«ТЫ НЕ ОШИБСЯ В ЭТОМ БОЙЦЕ»

Имя Шелепина страна впервые услышала, когда ему было всего двадцать четыре года. Осенью 1941-го в столице, к которой вплотную придвинулся фронт, секретарь Московского городского комитета комсомола по военной работе Александр Шелепин отбирал добровольцев для партизанских отрядов, для диверсий в тылу врага.

Сам он, к слову, не воевал в ту лихую годину. Несколько месяцев провел на финской войне — заместителем политрука, комиссаром эскадрона, а в Великой Отечественной не участвовал, за что потом подчиненные в КГБ будут его упрекать: других отправлял в бой, а сам отсиживался в Москве. Впрочем, среди руководителей нашей страны фронтовиком был, пожалуй, только Брежнев. Он действительно прошел всю войну, не на передовой, конечно, а в политотделе, но в действующей армии, так что рисковал жизнью. Остальные члены политбюро нужнее были в тылу — на партийной или комсомольской работе.

К Шелепину пришла проситься в партизаны ученица 201-й московской школы Зоя Космодемьянская. Он не сразу определил ее в отряд. Ему показалось, что она боится, что не сможет провести операцию, и он ей отказал. А потом все-таки включил Зою в отряд.

Однако сделать она фактически ничего не успела — немцы ее сразу поймали и как поджигательницу казнили. Посмертно ей присвоили звание Героя Советского Союза. Ее трагическая судьба так потрясла людей даже в те суровые времена, что на смерть девушки откликнулась вся страна. Зоя стала символом стойкости и мужества.

Совсем не официальная поэтесса Маргарита Алигер написала получившую громкую известность и удостоенную Сталинской премии поэму «Зоя», патетически воспев в ней в духе тех лет и секретаря горкома комсомола Александра Шелепина:

Октябрьским деньком, невысоким и мгlistым,
В Москве, окруженной немецкой подковой,
Товарищ Шелепин, ты был коммунистом
Со всей справедливостью нашей суровой...
Ты не ошибся в этом бойце,
Секретарь Московского Комитета...

Это уже была всесоюзная слава, сыгравшая свою роль в его комсомольской карьере. Хотя много позже некоторые историки и писатели косвенно поставят ему в вину гибель Зои Космодемьянской.

На самом деле все началось с приказа Ставки Верховного главнокомандования № 0428 от 17 ноября 1941 года, подписанного Сталиным и начальником Генерального штаба маршалом Шапошниковым:

«Опыт последнего месяца войны показал, что германская армия плохо приспособлена к войне в зимних условиях, не имеет теплого одеяния и, испытывая огромные трудности от наступивших морозов, ютится в прифронтовой полосе в населенных пунктах.

Лишить германскую армию возможности располагаться в селах и городах, выгнать немецких захватчиков из всех населенных пунктов на холод в поле, выкурить их из всех помещений и теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом — такова неотложная задача, от решения которой во многом зависит ускорение разгрома врага и низложение его армии.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог.

Для уничтожения населенных пунктов в указанном радиусе немедленно бросить авиацию, широко использовать артиллерийский и минометный огонь, команды разведчиков, лыжников и подготовленные диверсионные группы, снабженные бутылками с зажигательной смесью, гранатами и подрывными средствами...

3. При вынужденном отходе наших частей на том или другом участке уводить с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать...

Ставке каждые три дня отдельной строкой доносить, сколько и какие населенные пункты уничтожены за прошедшие дни и какими средствами достигнуты эти результаты».

Невероятно жестокий приказ! Сжигать дома и уничтожать целые деревни на своей (не вражеской!) территории — такое военные не могли придумать. Это явно была сталинская идея. И когда он диктовал этот приказ, его мало волновало, что немцы-то в любом случае организуют себе ночлег, а вот крестьянские семьи, лишившись дома, не переживут трудную военную зиму.

Именно этот сталинский приказ и привел к трагической гибели

московской школьницы Зои Космодемьянской.

Недостатка в добровольцах, готовых отправиться в тыл врага и исполнить волю вождя, не было. Московская молодежь не щадила себя.

Зою Космодемьянскую взяли в воинскую часть № 9903, которой были поручены разведка и диверсии на временно оккупированных территориях. Реальное название — Оперативный диверсионный пункт при штабе Западного фронта. Командиром назначили военного разведчика майора Августа Карловича Спрогиса, участника Гражданской войны и боевых действий в Испании. Первоначально в части проходили переподготовку бойцы и командиры Красной армии. Когда ситуация на фронте ухудшилась, стали принимать москвичей-комсомольцев.

Новичков направляли в диверсионно-разведывательную школу. В Кунцеве, в помещении детского сада, вчерашних школьников наскоро готовили к диверсионной работе. Учили самому элементарному: стрелять, закладывать взрывчатку.

Обычно полный курс проходили за десять дней. И это-то был ничтожно короткий срок, а группу Зои сочли готовой к заброске в тыл врага всего через четыре дня! Это было преступное решение. Отправить на сложнейшее задание необученную молодежь — значит заведомо обречь ее на гибель. Никакой военной необходимостью эти жертвы не оправдывались. Но такова была воля вождя, и командиры спешили отчитаться об исполнении сталинского приказа.

Скажу сразу, что Шелепин к этому не имел никакого отношения. Мобилизованные столичным комсомолом юноши и девушки поступали в полное распоряжение военных и чекистов. Это они так варварски распорядились судьбами московской молодежи. В диверсионные группы с сентября по декабрь 1941-го взяли две тысячи юношей и девушек. Той зимой погиб каждый четвертый.

Группа, в которую включили Зою Космодемьянскую, получила приказ поджигать населенные пункты, занятые немцами, хотя уже было известно, что отправленные в тыл врага неопытные диверсанты действуют неумело и быстро попадают в руки немцев. Как и следовало ожидать, местное население возненавидело людей, сжигающих их дома, и сдавало их немцам. Подмосковные крестьяне, хватавшие переодетых в штатское диверсантов, не были предателями. Они спасали свои семьи от неминуемой смерти. Зима в тот год выдалась особенно холодной. Они же не знали, что дома сжигаются по личному приказу любимого вождя, товарища Сталина.

Немецкая полевая жандармерия пойманных диверсантов после недолгого допроса вешала. Казнь совершалась публично. На грудь

прикрепляли фанерную табличку с надписью на двух языках: «Поджигатель».

23 ноября Зоина группа оказалась на занятой немцами территории возле Наро-Фоминска. Пять дней диверсанты двигались в сторону деревни Петрищево. Считалось, что они должны были разложить костры, чтобы помочь нашим самолетам-разведчикам точнее установить линию фронта. Потом — что им дали приказ уничтожить немецкую штабную радиостанцию в Петрищеве, которая мешала советской радиоразведке. Ни того, ни другого они не сделали. Большая часть группы Зои погибла, остались трое.

Вечером 27 ноября двое из них пробрались в деревню, перерезали провод полевого телефона и подожгли конюшню. Загорелась и изба крестьянина Петра Свиридова. Тот выскочил из избы, схватил поджигателей и передал немцам.

Один — Василий Клубков — предпочел всё рассказать. Он согласился работать на немцев, и те отправили перевербованного агента назад, в расположение Красной армии. Он попал в руки чекистов, и его расстреляли. Зоя на допросе упорно молчала, даже не выдала свое настоящее имя. Она назвала себя Таней в честь героини Гражданской войны Тани Соломахи, которую зарубили белоказаки. Утром 29 ноября Зою Космодемьянскую повесили.

Когда немцев из этого района выбили, туда приехал корреспондент «Правды» Петр Лидов. Ему рассказали эту историю. Эксгумировали труп и с трудом опознали десятиклассницу 201-й московской школы Зою Космодемьянскую...

Фронтовик, литературный критик Лазарь Ильич Лазарев пересказывает в своих записках слова режиссера Лео Оскаровича Арнштама, который еще во время войны, в 1944-м, снял фильм о Зое Космодемьянской:

«Он был уверен, что эта девочка, с военно-прагматической точки зрения ничего существенного не совершившая, была человеком незаурядным, из той породы, что и Жанна д'Арк. Она жила высокими помыслами и страстями.

Советско-германский пакт тридцать девятого года вызвал у нее такое возмущение, такой нервный срыв, что ее положили в больницу. Со школьных лет она была одержима идеей героического жертвенного подвига. Искала случая, чтобы его совершить.

Очень дурно Арнштам говорил о Шелепине как о человеке, который несет немалую ответственность за то, что «цвет московской молодежи»

(эти слова я точно запомнил) угробили без всякого смысла и пользы: там, куда забрасывали эти группы, в одну из которых входила Зоя, — сто километров от Москвы — условий для партизанской войны не было никаких, они были обречены.

С еще большим негодованием говорил он о матери Зои: она снимала пенки с гибели дочери, она славы ради вытолкнула в добровольцы младшего брата Зои, Александр Космодемьянский по возрасту еще не должен был призываться, и мальчишка погиб.

— Когда фильм был готов, — рассказывал Лео Оскарович, — я со страхом думал о том, как она его будет смотреть. Ведь там пытаются и казнят героиню. Это актриса, но ведь за ней стоит ее дочь, ее страшная судьба. А она мне говорит: «По-моему, ее мало пытаются». Я ужаснулся...

Справедливо ли возлагать вину за смерть девушки на секретаря горкома комсомола Шелепина? Зоя Космодемьянская и другие молодые (и не молодые) москвичи и без него ушли бы на фронт — одни в ополчение, другие в разведывательно-диверсионные отряды. В те самые страшные месяцы войны москвичи, по существу, заменили действующую армию, которая не в силах была остановить вермахт, отступала и едва не сдала столицу.

Формирование народного ополчения в 1941-м было актом отчаяния. Подавляющее большинство ополченцев прежде не держали в руках винтовки, да и винтовок на всех не хватало. Бросать в бой ополчение — то есть людей немолодых (или слишком юных), не пригодных по состоянию здоровья к военной службе и не имеющих военной подготовки, — было не только нелепо, но и вообще преступно.

Однако Сталин распорядился сформировать части народного ополчения, потому что кадровая армия — по его вине и по вине бесталанных выдвиженцев-генералов — была частично разгромлена, частично взята в плен...

Но московская молодежь тогда об этом не думала и просто исполняла свой долг. Из Института истории, философии и литературы, в котором учился Шелепин, многие ушли на фронт в первые же дни войны. Студенческий билет давал право на отсрочку от призыва, поэтому записывались добровольцами.

Учившийся вместе с Шелепиным на историческом факультете Александр Израилевич Зевелев и его друзья попали в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН), состоявшую из двух полков. Один с помощью Коминтерна сформировали из иностранных коммунистов, другой — из москвичей, им, кстати, командовал полковник

Сергей Вячеславович Иванов, отец Игоря Иванова, ставшего при Ельцине министром иностранных дел, а при Путине секретарем Совета безопасности.

Боевые группы ОМСБОН сражались в тылу противника. Первым Героем Советского Союза в бригаде стал секретарь комитета комсомола Второго часового завода Лазарь Паперник. Александр Зевелев зимой 1943 года был ранен в бою, его перебросили через линию фронта. После пяти операций вернулся к гражданской жизни, стал профессором истории и написал книгу о родном институте.

То, что сделала тогда столичная молодежь, считавшаяся изнеженной и не готовой к суровым испытаниям, заслуживает высочайшего уважения.

Я нашел записки медсестры Анны Косаревой, которую осенью 1941-го зачислили в 311-й отдельный батальон местной противовоздушной обороны. Батальон состоял из четырех рот: строительной, пожарной, санитарной и дегазационной.

Девушки из санитарной роты встречали на вокзалах поезда с ранеными и развозили их по госпиталям, во время налетов немецкой авиации спускались в метро, превращенное в бомбоубежище, чтобы помогать москвичам, измученным бомбардировками. Пожарная и дегазационная роты дежурили на крышах московских зданий и тушили зажигательные бомбы. Строительная рота разбирала завалы после бомбардировок, раненых отправляли в больницы, мертвых — в морги.

— В горькоме за военную работу отвечал Саша Шелепин, — вспоминала Анна Косарева, избранная секретарем комсомольского бюро. — Часто вызывал к себе, интересовался, как я строю свою комсомольскую работу, нуждаюсь ли я в какой-либо помощи, и всегда смотрел на меня, улыбаясь. Видимо, я была ему небезразлична. Но я всегда была строгая...

Александр Шелепин родился 18 августа 1918 года в Воронеже. Его отец, Николай Георгиевич, был железнодорожником, работал инженером в управлении Юго-Восточной дороги.

Тогда железнодорожники были в почете — благодаря наркому путей сообщения Лазарю Моисеевичу Кагановичу, человеку огромной энергии и фантастической работоспособности. Поезда, чистые, ухоженные, стали ходить по расписанию, и железнодорожникам подняли зарплату; их переодели в форму, вызывавшую зависть у мальчишек.

В год, когда родился Александр Шелепин, в Воронеж решением Совнаркома перевели Юрьевский университет, поскольку город Юрьев (ныне Тарту) заняли немецкие войска. Зато закрыли духовную семинарию, в здании которой устроили Дворец труда.

Шелепины жили на улице Венецкой, снимали квартиру с отдельным входом в частном одноэтажном доме, стоявшем в глубине двора. Жили очень скромно, держали кур. Отец был человеком бережливым и аккуратным, заботился о семье. Мама не работала — воспитывала троих сыновей.

Младший сын, Леонид Шелепин, в Великую Отечественную погиб. Никто не знает, где его похоронили. Александр Николаевич, будучи одним из руководителей страны, пытался навести справки, чтобы могилу найти и памятник поставить, но безуспешно.

Средний брат, Георгий Шелепин, тоже воевал. Спортивный, как и все братья Шелепины, он в юности мечтал работать в цирке. Но сорвался с турника, сильно расшибся, и о гимнастике пришлось забыть. Став врачом, Георгий Николаевич после войны вернулся в Воронеж. В родном городе прожил с семьей долгую жизнь.

Саша Шелепин учился в школе № 9 на улице Комиссар-жевской, неподалеку от Дворца труда на проспекте Революции. Школа размещалась в здании бывшей женской гимназии. Это было время бесконечных школьных реформ, когда педагоги постоянно придумывали что-то новенькое. Однажды в наркомате просвещения распорядились разбить класс на группы по пять учеников, которые должны были заниматься вместе и друг за друга отвечать — так воспитывали чувство коллективизма. Кто-то один от имени своей пятерки отвечал на уроке, и полученную им оценку учитель ставил и всем остальным. Это была глупость несусветная, и от новации быстро отказались. Были пятидневки, как в промышленности: пять дней работали, а шестой — выходной. Потом и о пятидневках забыли.

А рядом стояла школа № 5, там были друзья, там училась и первая любовь Александра Шелепина — Нина Щербакова. В десятом классе у них начался настоящий роман, но не сложилось...

Нина окончила педагогический институт в Воронеже, где встретила своего будущего мужа — Афанасия Долгих, страстного поклонника поэзии. Он тоже делал карьеру в комсомоле, стал первым секретарем обкома ВЛКСМ, потом работал в Москве в Комитете народного контроля. Последние годы Афанасий Трофимович страдал от страшной болезни — рассеянного склероза — и умер раньше жены.

Самое удивительное, что семьи Шелепиных и Долгих оставались друзьями. Когда и Нина ушла в мир иной, Шелепин провожал ее в последний путь.

Обо всем этом рассказывал мне Валерий Иннокентьевич Харазов, который дружил с Шелепиным с пятого класса. С Харазовым я

познакомился, когда снимал первую телепередачу о Шелепине. Валерий Иннокентьевич — человек открытый, искренний, доброжелательный. Подружившись школьниками, они пронесли свою дружбу через всю жизнь. Причем Харазову дружба с Шелепиным стоила карьеры. Но об этом речь впереди.

Воронеж был столицей образованной в марте 1928 года Центрально-Черноземной области. В нее вошли Воронежская, Тамбовская, Курская, Липецкая, Белгородская и Орловская области. А в июне 1934 года произошло разукрупнение, огромную ЦЧО поделили.

На первой областной конференции в августе 1928 года первым секретарем обкома избрали известного партийного деятеля Иосифа Михайловича Варейкиса; тогда в Воронеже, кстати, обосновалось довольно много литовцев.

С его именем связан один из самых драматичных эпизодов Гражданской войны, описанный во множестве книг и показанный в кинофильмах. В июле 1918 года находившийся в Симбирске командующий Восточным фронтом бывший подполковник царской армии и левый эсер Михаил Артемьевич Муравьев повернул оружие против большевиков. Он был возмущен миром с кайзеровской Германией, считал его позорным и заявил, что намерен продолжать войну против немцев. Муравьев арестовал местных партийных работников и заодно одного из своих подчиненных, будущего маршала Михаила Николаевича Тухачевского.

Мятеж ликвидировал председатель Симбирского губкома Варейкис. Он вызвал Михаила Муравьева в губернский комитет будто бы для переговоров. Там его убили верные Варейкису бойцы. Оставшийся без командования отряд легко разоружили.

Иосиф Варейкис до поры до времени принадлежал к числу сталинских любимцев. Вождь сделал Варейкиса членом ЦК партии. Иосиф Михайлович выступал на съездах и конференциях, вообще был очень заметным в стране человеком. Он вел себя скромно, скажем, ездил на дачу на электричке, и в Воронеже к нему относились с уважением. Варейкис многое сделал для развития города. Там построили завод синтетического каучука — СК-2, второе предприятие в стране, 18-й самолетный завод, радиотехнический завод «Электросигнал» (здесь уже после войны собирали телевизор «Рекорд»), 16-й моторный завод, то есть в городе оказались два крупных авиационных предприятия. Воронеж стал крупным промышленным и культурным центром.

Потом вождь перевел Варейкиса первым секретарем в Сталинград, а в 1937-м отправил на Дальний Восток. Это было последнее назначение

Иосифа Михайловича, его арестовали и расстреляли.

Два года областью руководил Евгений Иванович Рябинин, его тоже арестовали. В областном управлении НКВД сварили дело о мнимой «контрреволюционной правотроцкистской организации», которая будто бы занималась диверсиями и вредительством и создавала повстанческие организации. По этому делу чекисты арестовали руководящих работников обкома и облисполкома, практически всех ректоров высших учебных заведений Воронежа, директоров заводов, председателей колхозов. Массовые расстрелы проходили в лесу возле поселка Сормово.

13 марта 1938 года Сталин распорядился:

«Бить во всю Рябинина, почему не выдал Варейкиса».

Чекисты доложили вождю, что указание выполнили, Рябинина избивали, нужные показания он дал. 19 апреля бывшего воронежского секретаря расстреляли.

В 1937 году в город ненадолго прислали первым секретарем обкома Михаила Ефимовича Михайлова, известного партийного работника. 12 октября на пленуме ЦК ВКП(б) его из кандидатов перевели в члены ЦК, но он уже был под подозрением.

В эти дни Сталин лично инструктировал следователей НКВД, что им следует выяснить во время допроса Якова Аркадьевича Яковлева, который перед арестом исполнял обязанности первого секретаря ЦК компартии Белоруссии. Среди вопросов был и такой:

«Его мнение о Михайлове из Воронежа и его участие в контрреволюционной организации».

10 ноября Михайлова арестовали и этапировали в Москву, где допрашивали с пристрастием — бывшего первого секретаря избивали нарком внутренних дел Николай Ежов и его заместитель Михаил Фриновский... В 1938 году Михайлов был расстрелян.

Саша Шелепин учился в школе, когда начался период массовых репрессий, истерической борьбы против врагов народа. Как и в других городах, в Воронеже провели большую чистку.

Для этого из столицы прибыл секретарь ЦК Андрей Андреевич Андреев. По его указанию снимали с должностей и арестовывали целыми списками. Его рвение объяснялось среди прочего и тем, что Андреев замаливал грех политической юности.

Незадолго до его приезда в Воронеж, выступая перед военными, Сталин словно невзначай напомнил:

— Андреев был очень активным троцкистом в двадцать первом году.

Кто-то из сидящих в зале спросил:

— Какой Андреев?

— Секретарь ЦК, Андрей Андреевич Андреев, — пояснил Сталин. — Были люди, которые колебались, потом отошли от троцкистов, отошли открыто, честно и в одних рядах с нами очень хорошо дерутся с ними. Товарищ Андреев дерется очень хорошо.

Вождь дал понять, что все, даже члены политбюро, самые проверенные люди могут оказаться врагами и он один имеет право карать и миловать.

Новым первым секретарем стал тридцатилетний Владимир Дмитриевич Никитин, чья карьера началась в Ярославском губкоме комсомола.

Никитину повезло, он пережил эпоху массового террора, руководил Куйбышевским и Татарским обкомами. В конце войны его взяли в управление кадров ЦК, где он и работал до пенсии.

13 ноября 1937 года Андреев шифротелеграммой докладывал Сталину: «По Воронежу сообщаю следующее:

Вместе с Никитиным разобрался в обстановке, и он сел за работу.

Бюро обкома нет, за исключением одного кандидата все оказались врагами и арестованы, новое будет избрано на пленуме обкома, как только Никитин ознакомится с людьми. На половину секретарей райкомов есть показания о причастности к антисоветской работе, а они остаются на своих постах, из них часть мы решили арестовать, а часть освободить с постов, заменив новыми...

Очевидно, что самое большое вредительство в Воронеже было по скоту и прежде всего по тяглу. Травили и убивали скот, якобы больной и зараженный. Расчистка в этом направлении еще далеко не закончена, указания Никитину и НКВД мы дали, будут также дополнительно на днях проведены два открытых процесса по вредителям в животноводстве и один по свекле...

Был я на самолетном заводе, завод с большими возможностями и по площади цехов и по оборудованию, но сейчас еще сильно дезорганизован и работает с большими простоями оборудования и рабочих, наркомат недостаточно помогает заводу. Новый директор завода из парторгов производит неплохое впечатление, но ему надо помочь посылкой группы инженеров вместо арестованных вредителей...»

Письмо Андреева позволяет представить, какой разгром был учинен в городе и в какой атмосфере воспитывалась молодежь. Аресты, мнимые разоблачения, разговоры о врагах народа не проходили даром.

— В тридцать шестом, — вспоминал Валерий Харазов, — пожары

случались один за другим — и на СК-2, и на «Электросигнале». Когда приехали пожарные, ворота были заперты. И все гидранты были обезвожены... Случайностей не бывает — так мы тогда считали. Ведь новые заводы горели, а не старые.

ИФЛИЙСКОЕ БРАТСТВО И ФИНСКИЙ ФРОНТ

В 1934 году Саша Шелепин вступил в ВЛКСМ, и его сразу избрали секретарем комитета комсомола школы, затем членом райкома комсомола. Лидерские качества проявились в нем очень рано. С юных лет он целенаправленно готовил себя к роли руководителя, считал, что должен воспитать в себе собранность и пунктуальность, умение выступать. Читать его доклады было менее интересно, чем слушать.

«Шурик отличался от всех нас собранностью, дисциплинированностью, некоторой замкнутостью, — рассказывала в газете «Воронежский телеграф» Людмила Насонова, одноклассница Шелепина. — Обязательный. Подтянутый. Учился только на пятерки. Выглядел каким-то строгим. Со всеми ребятами было просто общаться, а в разговоре с ним каждый чувствовал какую-то скованность. Прекрасно возглавлял комсомольскую организацию. В то же время Шурик никогда не выпендривался, был равным с нами, а не над нами».

Однажды Шелепин с Харазовым договорились, что они никогда не позволят себе опаздывать.

— Опоздать на минуту — это был позор, — вспоминал Харазов. — И мы выработали такую привычку на всю жизнь. Заседание, которое он вел, всегда начиналось в назначенное время.

Шелепин с юности увлекался политикой — в той степени, в какой это было возможно. Он даже написал письмо Сталину по вопросу о возможности построения социализма в отдельно взятой стране. Ответа из Москвы не получил. Но через некоторое время в газетах появился ответ Сталина другому человеку на тот же самый вопрос. Шелепин был доволен. Говорил, что поставил важный вопрос, который и других интересует: значит, Сталин и ему тоже ответил...

Когда он уже заканчивал школу, завуч сказал Харазову:

— Такого комсомольского вожака у нас больше никогда не будет.

Через много лет, во время целинной эпопеи, в Казахстане на демонстрации Харазов увидел директора своей бывшей школы. Он эвакуировался во время войны из Воронежа и остался в Казахстане. Харазов позвонил ему:

— Я у вас учился. Не помните?

Тот с трудом вспоминал, потом радостно воскликнул:

— А это было не тогда, когда у нас Саша Шелепин был секретарем комсомольской организации?!

Александра Шелепина часто изображали карьеристом, который с юности ни о чем другом и не думал. Но он был молод, и, как говорится, ничто человеческое ему было не чуждо. Он вырос в очень уютном городе.

«Была в Воронеже какая-то особая атмосфера покоя, стабильности, единения людей, — вспоминал Виталий Иванович Воротников, еще один член политбюро — выходец из Воронежа. — И позже, в предвоенные годы Воронеж оставался таким же доброжелательным, гостеприимным, распахнутым людям городом. Воронежцы порой поражали приезжих своей непосредственностью, свойственной и другим южнорусским городам».

— К нам из столицы приезжали отдыхать, — рассказывал мне Валерий Харазов. — Под Воронежем есть чудесные места, лес прекрасный. Вокруг города строили дома отдыха. У нас был старейший в России драматический театр, настоящий большой цирк, театр юного зрителя, театр музыкальной комедии, где я смотрел оперетту, — в главном городском саду «Первомайский» на проспекте Революции.

Трамвай в городе пустили в мае 1926 года, первая линия шла от вокзала к маслозаводу. В сентябре 1934 года заасфальтировали главную улицу города — проспект Революции.

В городе было много парков, в центре — Дом Красной армии, Студенческий сад, плац Третьего интернационала, стадионы — «Пищевик» и «Динамо», где зимой заливали каток. По улице Венецкой, где жил Шелепин, идущей вниз к реке Воронеж, под горку, катались на санках.

Саша Шелепин хорошо плавал, потому что жил рядом с рекой. Как и многие в те годы, гонял голубей, увлекался футболом, болел за «Динамо». В футбол играли на левом берегу реки. Правый берег крутой, а на левом, пологом, устроили пляжи и футбольные поля. В садике у дома, где жили Шелепины, стоял турник, братья на нем крутились.

Катались на велосипедах — по проспекту Революции, где машин тогда было мало, или по плацу Третьего интернационала. Иногда отправлялись за город, там в лесу отдыхали, играли в карты или домино. Ездили втроем или вчетвером: Харазов, Шелепин, Виктор Рудаков, с которым Александр сидел за одной партой, еще один его одноклассник Борис Редин, который впоследствии погиб в Севастополе.

— От тех времен у меня сохранился один-единственный снимок. Все фотографии пропали в войну, — с грустью говорил Харазов. — Город сгорел, а население немцы выгнали. Моя мама чудом выжила.

Валерий Иннокентьевич вырос на улице Фридриха Энгельса, в том же доме, где некоторое время жил попавший в опалу Осип Мандельштам. Поэт сам выбрал Воронеж, когда его высылали из Москвы. Здесь жили в ссылке и многие видные деятели революции, в основном эсеры и анархисты. В Воронеже они смогли найти работу, но недолго оставались на свободе. В 1937–1938 годах практически всех ссыльных арестовали, устроили новые процессы и расстреляли.

Выступая на февральско-мартовском пленуме ЦК в Москве, секретарь воронежского горкома, кандидат в члены ЦК ВКП(б) Анна Степановна Калыгина каялась перед товарищами:

— В этом году у нас вскрыт эсеровский центр. Воронеж был местом ссылки.

Анна Калыгина, крестьянская дочь, одна из немногих женщин, которые сделали партийную карьеру после революции. Она была заместителем заведующего отделом ЦК по работе среди женщин — работниц и крестьянок, руководила городом Калининым (Тверь) и, наконец, была переведена в Воронеж. Тридцать седьмой оказался роковым и в ее судьбе. Через четыре месяца после пленума ее арестовали, в ноябре расстреляли.

Присутствие в городе ссыльных оставило свой след; общение со свободомыслящими людьми не могло не повлиять на студенческую молодежь и другую культурную публику.

— Восемнадцатого августа, в день авиации, а это же и Сашин день рождения, — вспоминал Харазов, — мы обычно ездили в аэроклуб, который находился за Коминтерновским кладбищем. Там орешник чудесный, к этому времени орехи уже поспевали. В аэроклубе училась летать моя будущая жена, Людмила Петровна. Она мечтала стать летчиком, написала письмо наркому обороны Ворошилову. Он ответил: мы женщин не берем. А поженились мы ровно за неделю до начала войны, пятнадцатого июня сорок первого.

Юный Саша Шелепин бегал на танцы. Спиртным он не увлекался ни в юности, ни в зрелом возрасте — редкое для советских руководителей качество.

Шелепин закончил школу с отличием, получил в награду карманные часы фирмы «Павел Буре» и право поступить в любое высшее учебное заведение без экзаменов.

В Воронеже были университет, медицинский институт, педагогический, сельскохозяйственный... Но Шелепин твердо выбрал знаменитый до войны Московский институт философии, литературы и

истории, созданный в 1931 году.

Шелепин и Харазов в 1936-м поехали в Москву. Шелепина приняли на исторический факультет ИФЛИ, Харазов, прирожденный технарь, поступил в Московский авиационный институт.

ИФЛИ был, пожалуй, лучшим гуманитарным вузом того времени, воспитавшим целое поколение интеллигенции. Как выразился один из выпускников, ИФЛИ оказался вузом молодых поэтов, безбоязненных полемистов и творчески мыслящих философов. Институт появился в результате выделения из состава Московского университета гуманитарных факультетов. В 1939 году, когда Шелепин уже был студентом, институту присвоили имя Н. Г. Чернышевского. В институте было четыре факультета — филологический, исторический, философский и экономический. Располагался он в Сокольниках, в Ростокинском проезде.

Учившийся в ИФЛИ сын посла и сам будущий посол Олег Александрович Трояновский писал, что «во время майских и ноябрьских демонстраций по пути на Красную площадь, проходя мимо определенного места, было принято хором кричать: «Да здравствует Борис Леонидович Пастернак!»».

Конечно, перед войной Борис Пастернак еще не воспринимался властью как диссидент, но само по себе приветствие поэту во время демонстрации было фантастическим вольнодумством.

Институт задумывался как кузница идеологических кадров, но там собрались лучшие преподавательские кадры, которые вышли далеко за рамки этой задачи. Учиться в институт приходила и приезжала со всей страны тянувшаяся к знаниям молодежь, и получился, по словам одного из бывших студентов, «островок свободомыслия среди моря догматизма».

«У нас учились и русские, и украинцы, и евреи, и татары, — вспоминал литературовед Игорь Черноуцан, многие годы проработавший в отделе культуры ЦК КПСС. — Но никому в голову не приходила идиотская мысль, что евреев, пожалуй, многовато, а русских маловато».

Выпускник ИФЛИ Юрий Павлович Шарапов, фронтовик, известный историк, прислал мне изданный им небольшим тиражом очерк истории института — «Лицей в Сокольниках». И в очерке чуть не каждой странице знаменитое имя. Правда, многие из студентов ИФЛИ погибли на фронтах Великой Отечественной.

«Особая атмосфера ощущалась в институте даже в обеденную перемену, — вспоминал Юрий Александрович Поляков, ставший известным историком и академиком, — девушки у окна напевали мало еще известную тогда, но ставшую нашим гимном, сочиненную ифлийским

поэтом Павлом Коганом «Бригантину», одна группа студентов в коридоре ожесточенно спорила о новом фильме, а другая слушала юного пиита, вдохновенно декламировавшего свои стихи».

Конечно, бывшие ифлийцы на склоне лет, вполне возможно, несколько преувеличивали свободомыслие студенчества и степень «ифлийского братства».

«Тогда еще не было Высшей партшколы, — вспоминал ифлиец Григорий Померанц, — и кадры в ИФЛИ наколачивали подковы на свои копыта. Несколько мальчиков и девочек из десятилеток, принятых на первый курс, выглядели как Иванушка и Аленушка в избе у Бабы-яги...

На старших курсах извивался клубок змей. Кадры могли уцелеть, только уничтожая друг друга, и они это поняли. Каждая ошибка на семинаре разоблачалась как троцкистская вылазка. В каждом номере стенгазеты кого-то съедали живьем».

В ИФЛИ в ту пору училось много политически активной молодежи. Но именно Шелепина избрали секретарем институтского комитета комсомола, сделали внештатным инструктором Сокольнического райкома ВЛКСМ.

«Впервые я увидел и услышал Шелепина осенью 1937 года на факультетском комсомольском собрании, — вспоминал Юрий Шарапов. — Обсуждалась какая-то резолюция. Позади меня встал и попросил слова юноша в темно-лиловой куртке и глуховатым голосом внес предложение, оказавшееся вполне дельным. Я спросил: кто это? Мне ответили: Шелепин, студент второго курса».

— Мы с ним учились на разных факультетах, — рассказывал мне известный журналист и историк Лев Александрович Безыменский (сын знаменитого комсомольского поэта), — но это не имело значения, потому что он был очень заметным человеком. Красивый, с правильными чертами лица, волевой, энергичный. Шелепин очень хорошо говорил, пользовался авторитетом, поэтому и стал секретарем комсомольской организации — лучшим! Он стал известен и за пределами института. Не удивительно, что его быстро забрали наверх. Он конечно же был выдающимся человеком.

Рассказывали, что Шелепин был суров в роли секретаря, распекал студентку, потерявшую комсомольский билет:

— Ты понимаешь, что ты сделала? Ты отдала свой билет врагу! Вот ты сидишь здесь, а враг — шпион, диверсант — проходит по твоему билету в здание ЦК комсомола...

Но высокий уровень образования в ИФЛИ и атмосфера «битвы за знания» сомнению не подлежат. Александр Шелепин получил в институте

полноценное образование. Не случайно в хрущевском и брежневском руководстве он выделялся своей образованностью.

По количеству поэтов и непризнанных гениев ИФЛИ не знал себе равных. Сама атмосфера ИФЛИ, находившегося в Сокольниках, прямо в лесу, располагала к поэзии. Среди ифлийцев — Семен Гудзенко, Павел Коган, Юрий Левитанский, Давид Самойлов, Михаил Матусовский, Сергей Наровчатов, будущий литературовед (и диссидент) Лев Копелев и его жена Раиса Орлова. В аспирантуре ИФЛИ учился Константин Симонов, но недоучился, потому что отправился военным корреспондентом на Халхин-Гол. Студентом-заочником был Александр Солженицын. С философского факультета вышли такие известные ученые, как Арсений Гулыга и Александр Зиновьев.

«Как я теперь понимаю, — вспоминал Александр Твардовский, учившийся в том же институте, — в ИФЛИ не было такого разудалого вольномыслия, да и годы, когда я учился, вовсе не способствовали свободе собственных мнений, хотя юные индивидуальности стремились быть каждый на особицу.

Это может показаться странным и невероятным, но в тридцать седьмом, восьмом, девятом, то есть в годы разгула сталинского террора, не пощадившего и ИФЛИ (и там сажали — и студентов, и преподавателей, а на комсомольских собраниях, проходивших каждую неделю по два-три раза, на трибуну выходили чередом дети «врагов народа» и каялись, что проглядели, не увидели, как у них под боком мама или папа... — говорилось с оттенком отчужденной брезгливости: «отец», «мать» или чаще — «он», «она»), в это время поэты еще громогласно провозглашали что-то свое.

Но фрондерство мальчиков было слишком легковесным и только им представлялось чем-то мощным.

Я с детства не любил овал,
Я с детства угол рисовал.

Эти строки были как бы эмблематичными для всей фрондирующей поэтической молодежи. Программа. Мы угловаты и необтекаемы, мы врежемся в современную поэзию. В действительности же эти мальчики были ортодоксальны.

И если допустить фантастическую мысль, что, скажем, Сталин прочитал бы у того же Павла Когана строки: «Но мы еще дойдем до Ганга,

но мы еще умрем в боях, / Чтоб от Японии до Англии сияла Родина моя», он был бы доволен: хорошие мальчики растут, эти за мной пойдут куда угодно. Ах, какая смена растет: до Ганга...»

Твардовский был намного старше основной массы студентов, но уже знаменит поэмой «Страна Муравия» и в 1939 году получил самый высокий орден — Ленина. Как студенческий фольклор ходил рассказ о том, что на выпускном экзамене Твардовскому достался билет с вопросом о «Стране Муравии».

Его заместитель по журналу «Новый мир» Алексей Иванович Кондратович, тоже ифлиец, вспоминал, что Твардовский «Шелепина не признал, когда тот стал членом политбюро, шишкой недосыгаемой, человеком-портретом, висевшим в унылом ряду в трепетанье красных стягов на всех праздниках».

— Кто этот мрачный тип, который сидит один за столиком? — спросил Александр Трифонович, приехав в подмосковный санаторий «Барвиха» (для высокого начальства).

Официантка с испугом ответила:

— Это товарищ Шелепин.

Когда Александр Трифонович в редакции «Нового мира» пересказал эту историю, Кондратович в свою очередь поинтересовался у Твардовского:

— А вы знаете, что Шелепин учился в ИФЛИ?

— Нет.

Один из ифлийцев, уже упоминавшийся в этой книге профессор-историк Александр Зевелев, вернувшийся с войны инвалидом, на склоне лет вспомнил несколько эпизодов совместной студенческой жизни:

«1940 год. Зимняя сессия. Стромынка. Иду за кипятком (основной пищей бедного студента) в кубовую. Здесь в окружении девушек балагурит наш комсомольский вожак. Веселый, как обычно, гомон.

— Шурик! Все «грызут» науку. Экзамены. А ты...

— Учись, учись — профессором будешь. А я вождем!.. — и в глазах неподдельный блеск.

1947 год. После войны и выписки из госпиталя живу в Ташкенте. Выхожу из здания горкома партии, где числюсь внештатным лектором. Навстречу — Шелепин в сопровождении первого секретаря ЦК комсомола Узбекистана:

— Здравствуй, Александр! Что в горкоме делаешь? Где работаешь?

— Я кандидат наук, доцент в Среднеазиатском университете. Похоже, твое предсказание не сбылось. Я еще не профессор, а ты еще не вождь...

Шелепин пригласил меня на дачу ЦК. Вспомнили ИФЛИ, товарищей,

живых и погибших.

— Дерзай, пиши, — говорит Шелепин. — Надеюсь на удачу, предсказания мои сбудутся.

1966 год. Москва, ЦК КПСС. Навстречу мне в окружении двух охранников не идет — шествует — член президиума, секретарь ЦК партии Александр Шелепин:

— Читал, читал твою статью в «Правде». Как видишь, сбылось: ты — доктор исторических наук. Ну, а я...»

Известно: плох тот солдат, который не мечтает стать маршалом. А комсомол был единственной стезей для юноши с задатками политика. Впрочем, мне кажется, что насчет желания стать «вождем» шутил тогда окруженный студентками молодой секретарь институтского комитета комсомола. Хотя бы потому, что был он достаточно осторожен в словах и поступках — черта, необходимая в то время.

Ректором института была Анна Самойловна Карпова, сестра Розалии Самойловны Землячки. Старая большевичка, Розалия Землячка занимала перед войной высокие посты — член ЦК, заместитель председателя Совнаркома. Сталин ее не тронул. Анна Карпова тоже рано примкнула к большевикам, при царе дважды сидела в тюрьме, после революции оказалась на партийной работе. Студенты вспоминали ее с уважением как человека интеллигентного и внимательного. Во всяком случае, при ней в институте учились дети расстрелянных наркомов, их не выгоняли, как это случалось в других учебных заведениях.

На одном из партийных собраний ректор изложила свое кредо:

— Здесь выступали товарищи и говорили о необходимости исключения из института исключенных из партии и из комсомола. Я не имею права этого делать, так как наша задача — не механически отсекаать, а воспитывать и перевоспитывать молодежь.

Комитет комсомола ИФЛИ работал под руководством парткома. Его возглавляли тоже известные люди — сначала болгарский философ Тодор Павлов. После войны он стал в Софии президентом Академии наук и членом политбюро болгарской компартии. Затем секретарем парткома стал Георгий Федорович Александров, известная в ту эпоху (пожалуй, анекдотически известная) личность. Заведующий кафедрой истории философии Александров считался автором учебника по истории западноевропейской философии, но в реальности даже не читал классиков мировой философской мысли — в чем быстро убедились наиболее серьезные и пытливые студенты.

«Мы напрасно пытались получить у профессора Александрова

консультацию по «Малой логике» Гегеля, когда зачем-то принялись добровольно ее изучать, — писал известный публицист Даниил Данин. — Мы не слышали ни одного ответа ни на один вопрос!

Выяснилось: руководитель кафедры философии никаких гегелевских сочинений в натуре не проходил, хотя эти сочинения были, как он доверительно сообщил нам, одним из трех источников марксизма».

Зато он оказался умелым партийным чиновником.

Георгия Александрова из института забрали в аппарат Коминтерна, оттуда перевели в ЦК партии. Он понравился Сталину и занял ключевую должность начальника управления пропаганды и агитации. Более того, Сталин нарушил все партийные традиции, введя Александрова, который еще не был членом ЦК, в состав оргбюро ЦК ВКП(б), ведавшего руководящими кадрами — центральными и местными — и вообще всеми текущими партийными делами.

Это решение Сталин поддержал своим авторитетом, взяв слово на пленуме ЦК в марте 1946 года:

— Были разговоры, что будто бы оргбюро должно быть составлено только из членов ЦК. Никаких указаний на этот счет в уставе не имеется, и никаких запрещений нет. Пленум может ввести любого члена партии в оргбюро. Товарищ Александров — кандидат в члены ЦК. Мы его вводим в оргбюро...

Но барская любовь недолга. Уже через год Сталин разочаровался в своем выдвиженце.

«Неопределенность, почти безликость и была главной отличительной его чертой, — рассказывал об Александрове один из руководителей югославской компартии Милован Джилас. — Он был невысок, коренастый, а его бледность и полнота показывали, что он не выходит из рабочего кабинета. Кроме общих замечаний и любезных улыбок — ни слова...»

Весной 1947 года политбюро приняло решение провести вторую дискуссию по книге Александрова «История западноевропейской философии». Как будто появление этой книги было таким крупным событием, что заслуживало внимания высшего органа власти в стране!

Устроил эту маленькую интригу сам Сталин, который хотел, чтобы Александрова обвинили в идеологических ошибках, а еще лучше — и в плагиате. Николай Семенович Патоличев, тогда секретарь ЦК, вспоминал, как после долгой беседы в кабинете Сталина все встали и пошли к выходу. Вождь вдруг сказал:

— Патоличев, задержитесь.

Все ушли. Николай Семенович стоит у двери, ждет, что скажет вождь.

А тот что-то на столе перебирает. Время идет. Патоличев думает: не забыл ли вождь о нем? Наконец Сталин оторвался от письменного стола, сделал несколько шагов и спросил:

— Скажите, Александров сам пишет?

Патоличев твердо ответил:

— Александров пишет сам.

Сталин внимательно посмотрел на Патоличева, помолчал:

— Ладно, можете идти.

Вообще-то творческая манера Александрова, которого в 1946-м сделали академиком, была известна в Москве. Рассказывали, как он вызывал к себе талантливого молодого ученого и говорил ему примерно следующее:

— Тут звонили из госбезопасности, спрашивали о вас. Плохи ваши дела. Единственное для вас спасение — срочно написать такую-то книгу.

Тот в панике пишет, Александров запугивает его вновь и вновь и в конце концов получает рукопись, на которой смело ставит свое имя и отдает в издательство...

Учебник Александрова был компилятивный, он создавался с помощью ножниц и клея. Но раскритиковали его, разумеется, не по этой причине, а потому, что так решило начальство. Александрова отстранили от руководства управлением пропаганды и из аппарата ЦК отправили руководить Институтом философии Академии наук.

После смерти Сталина над Александровым смиростивились и сделали его министром культуры. Но весной 1955 года совершенно случайно в подмосковной Валентиновке открылось «гнездо разврата», где развлекался с женщинами легкого поведения главный идеолог и партийный философ страны Георгий Федорович Александров, а с ним еще несколько высокопоставленных чиновников от культуры.

Писатель Корней Иванович Чуковский записал в дневнике:

«Подумаешь, какая новость! Я этого Александрова наблюдал в санатории в Узком. Каждый вечер он был пьян, пробирался в номер к NN и (как говорила прислуга) выходил оттуда на заре. Но разве в этом дело. Дело в том, что он бездарен, невежественен, хамоват, вульгарно-мелочен. Нужно было только поглядеть на него пять минут, чтобы увидеть, что это чинуша-карьерист, не имеющий никакого отношения к культуре. И его делают министром культуры!..

В городе ходит много анекдотов об Александрове. Говорят, что ему позвонили 8 марта и поздравили с женским днем.

— Почему вы поздравляете меня?

— Потому что вы главная наша проститутка».

Знаменитой балерине Майе Плисецкой министр культуры Александров показался «невзрачным и тусклым человечком — вылитый Кот в сапогах». Она с некоторым удивлением всматривалась в министра, который «проводил темные московские ночи в сексуальных оргиях с молоденькими, аппетитными советскими киноактрисами. Разве откажешь любимому министру? По счастью, низкорослому, лысоватому философу любви были дородные женские тела. Тощие, костлявые балеринские фигуры никаких вожделенных чувств у министра не вызывали. Большой балет остался в первозданной невинности».

Тогда уж Александрова вовсе выслали из Москвы, отправили работать в Минск, где он умер в пятьдесят три года...

Так что атмосфера свободомыслия в ИФЛИ компенсировалась такими профессиональными циниками, как секретарь институтского парткома Александров. Да и не один он такой был.

На филологическом факультете кафедрой заведовал Александр Михайлович Еголин, будущий член-корреспондент Академии наук. Он ушел в аппарат ЦК вслед за Александровым — руководить отделом художественной литературы. После войны стал заместителем начальника управления пропаганды и агитации ЦК. С Александровым его роднило не только преподавание в ИФЛИ, но и неумеренная страсть к молоденьким девицам и добывание денег с использованием служебного положения.

«Еголин заработал несколько десятков тысяч рублей, — вспоминал ифлиец Григорий Померанц, — и в конце концов погорел, оказавшись акционером подпольного публичного дома. При другом режиме он был бы банщиком или половым в трактире и прожил умеренно честную жизнь, разве что попался б на мелком воровстве».

В конце ноября 1939 года Сталин начал войну с Финляндией. К финской кампании в стране отнеслись без особого энтузиазма: не очень понимали, из-за чего воюем. Студенты-ифлийцы уходили на фронт добровольцами. В январе 1940 года ушел в армию и Александр Шелепин. Как комсомольского секретаря его назначили заместителем политрука эскадрона 157-го полка 24-й Московской кавалерийской дивизии.

Финская война продолжалась сто пять дней. На той, как писал Твардовский, «войне незначительной» сложили голову немало молодых людей. Погибли и были ранены несколько ифлийцев. Александра Шелепина судьба хранила. 23 февраля 1940 года приказом по институту грамотами и ценными подарками были отмечены «лучшие представители Института, ушедшие в ряды РККА». Армейская служба Шелепина

закончилась в апреле. Перед демобилизацией ему вручили денежную премию наркома обороны.

«Шелепин возглавил группу добровольцев, ушедших на фронт, — вспоминал Юрий Шарапов. — Я хорошо помню, как солнечным весенним днем они вернулись и мы чествовали их в 15-й аудитории. Один из них, Сергей Наровчатов, самый красивый парень в институте, вернулся похудевший, потемневший, неохотно говорил о боевых действиях, вспоминал, как на льду озера погиб его друг и тоже поэт Арон Копштейн, пытаюсь вытащить из-под огня раненого товарища».

Шелепина поселили на Стромынке, где находилось большое общежитие для студентов разных вузов — Центральный студенческий городок. Здесь он познакомился с будущей женой, Верой Борисовной, которая училась в педагогическом институте. Со Стромынки Шелепин перебрался в студенческое общежитие на Усачевку.

Дети Шелепиных сохранили открытку, написанную Александром Николаевичем 15 августа 1940 года:

«Здравствуй, Веруся!

Был у коменданта. Сказал он следующее: 1. Переводят вас в наше общежитие. 2. Остаться на Стромынке можно, но нужно договориться об этом у вас в институте. Амелин в этом поможет, так как ему тоже нужно устроить одну девушку.

Веруся! Я тебе советую приехать сюда числа 20-го и договориться окончательно. Приходи прямо к Амелину и скажи, что я с ним об этом говорил. Вот и все. Передай от меня большой привет папе, маме, Сереже и Ниночке.

Ну, всего хорошего, до скорой встречи.

А. Шелепин».

Свадьбу устроили в комнате у жениха. Они прожили вместе всю жизнь.

СЕКРЕТАРЬ МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА

В журнале «Новое время» я работал с одним из однокашников Шелепина. Борис Михайлович Кравец, который ушел добровольцем на фронт и вернулся инвалидом, рассказывал мне, что политическая карьера Шелепина началась 3 октября 1940 года.

Как раз в этот день вышло постановление Совнаркома о том, что высшее образование становится платным, стипендии будут получать только отличники. Из-за войны у Шелепина, естественно, накопились хвосты, и по новому закону стипендия ему не полагалась. Они с Борисом Кравецом сидели в институтском комитете комсомола и думали, что делать. И тут к ним заехал Николай Прокофьевич Красавченко, секретарь Московского горкома комсомола и бывший студент исторического факультета ИФЛИ. Он и решил судьбу Шелепина:

— А для тебя, Шурик, у меня есть работа. Пойдешь к нам в горком?

Николай Красавченко был на два года старше Шелепина. Он приехал в Москву из Краснодарского края и тоже поступил на исторический факультет ИФЛИ. В горкоме Красавченко курировал отдел студенческой молодежи и взял Шелепина к себе инструктором.

Возможно, переход Шелепина в горком никак не связан с постановлением Совнаркома о платном высшем образовании, потому что инструктором МГК ВЛКСМ по работе среди студенческой молодежи он стал еще до выхода постановления, в сентябре 1940 года. Но на этой должности он не задержался. В комсоале быстро оценили его способности. Уже в октябре Шелепина назначили заведующим военно-физкультурным отделом обкома комсомола. 10 декабря 1940 года назначение утвердили решением бюро МК ВЛКСМ.

В 1941 году его вернули в горком секретарем по военной работе. Институт Шелепин закончил как раз перед войной, весной 1941-го. Специальность по диплому: «преподаватель основ марксизма-ленинизма».

Горком и обком комсомола находились в одном помещении — в Колпачном переулке, доме пять. Первым секретарем Московского горкома и обкома комсомола с июня 1941-го был Анатолий Пегов. Его брат, Николай Михайлович, на последнем при Сталине XIX съезде был избран секретарем ЦК. Анатолия Пегова на посту руководителя столичного

комсомола в январе 1941-го сменил Николай Прокофьевич Красавченко.

В 1941 году в столичном горкоме комсомола работали двадцать шесть человек — четыре секретаря, два заместителя заведующих отделами, два заведующих секторами, десять инструкторов, статистик, бухгалтер, технический секретарь и две машинистки.

Отделы обычные для комсомольских структур: организационно-инструкторский, студенческой молодежи, школ, военно-физкультурный, по работе среди комсомольцев и молодежи промышленности и транспорта, пропаганды и агитации. В условиях военного времени появился еще и отдел по работе комсомольских организаций на дровозаготовках, в 1942-м ввели должность секретаря МГК ВЛКСМ по работе комсомольских организаций авиационных предприятий...

В начале Великой Отечественной войны Александр Шелепин и Валерий Харазов впервые расстались. Валерий Иннокентьевич рано остался без отца, надо было кормить семью, и параллельно с учебой он пошел работать на авиационный завод № 82 в Тушине.

— Там, в конструкторском бюро, я и узнал, что началась война, — вспоминал Харазов. — Через неделю поступил приказ — эвакуироваться. Месяц ушел на подготовку, вышли на баржах из Водного стадиона и по Москве-реке, Оке, Волге пришли в Казань. Три завода разместились на одной площадке. А в сорок втором наш коллектив вернули в Москву. Жена работала сменами — сначала две дневные смены, потом две ночные, один выходной и все заново. А я стал старшим мастером, это вообще ни дня, ни ночи. Кормили скудно. Мы были измотаны до предела.

С Шелепиным они потеряли друг друга. Харазов думал, что Шелепин в эвакуации — все учреждения, включая ЦК партии, из столицы вывезли:

— А когда весной сорок второго на Новодевичьем кладбище хоронили Зою Космодемьянскую, с заводов отправили на митинг представителей комсомола. От нашего завода поехала моя жена. И на кладбище она увидела Сашу, который вел митинг.

Шелепин оставался в Москве, не эвакуировался даже в страшные октябрьские дни 1941-го, когда казалось, что удержать Москву не удастся. Но и на фронт не ушел, за что его впоследствии упрекали.

«Только в последние годы, — писал поэт Юрий Левитанский, прошедший войну, — припоминая былое, стали задаваться вопросом: почему все-таки тогда не пошли на фронт секретарь институтского комитета комсомола Александр Шелепин, комсорг нашей группы Зоя Туманова, некоторые другие комсомольские вожаки? Известно, как затем они быстро поднимались, обретая власть над миллионами».

Из ИФЛИ ушли на фронт не только юноши, но и девушки. 31 июля 1941 года приказом по институту отчислили сто тридцать восемь человек в связи с уходом в армию. Как выразился тот же Юрий Левитанский, «это была война детей». Многие погибли. Студент экономического факультета восемнадцатилетний Ефим Дыскин, наводчик орудия 694-го полка, осенью 1941-го подбил восемь немецких танков. Ему присвоили звание Героя Советского Союза. Думали, что посмертно. Оказалось, он выжил. После войны о Дыскине рассказал маршал Жуков.

В обороне Москвы возникла огромная брешь в пятьсот километров. В любой день немецкие войска могли нанести прямой удар по столице.

12 октября в Кремле обсуждался вопрос о защите Москвы. Докладывал генерал-майор Александр Михайлович Василевский, первый заместитель начальника Генерального штаба. Московскому военному округу поручалось создание Московской зоны обороны. Главный оборонительный рубеж должен был пройти в пятнадцати-двадцати километрах от города. На строительство оборонительных рубежей нужно было мобилизовать двести тысяч москвичей и столько же тысяч жителей Подмосковья.

Городской оборонительный рубеж предполагалось организовать в три полосы — Окружная железная дорога, Садовое кольцо и Бульварное кольцо.

В тот же день секретариат горкома партии принял решение:

«1. В целях руководства работой по формированию рот и батальонов из числа трудящихся г. Москвы — создать Городской штаб формирований трудящихся в следующем составе:

т. Чугунов (начальник штаба), т. Чесноков (штаб МВО), т. Шелепин (МГК ВЛКСМ), т. Черных (горвоенком), т. Сергеев (горсовет Осоавиахима).

2. Обязать РК ВКП (б) формирование рот и батальонов закончить 14 октября и немедленно приступить к их обучению по сокращенной программе. Для руководства формированиями создать районные штабы в количестве 3–5 человек».

Утром 15 октября Сталин собрал в Кремле членов политбюро.

Сталин исходил из того, что немцы могут прорваться в город, поэтому придется эвакуировать правительство и все главные учреждения, подготовить к взрыву важные объекты. Но Сталин требовал удержать хотя бы часть города, чтобы иметь право сообщать, что Москва держится. Если и это не удастся, решил Сталин, город надо взорвать. Когда заместитель главы правительства Анастас Иванович Микоян — он сам об этом

вспоминал — зашел к Сталину, они с Молотовым смотрели на карте Москвы, что можно удержать в своих руках.

Сам Сталин в это не верил. Ночью он подписал постановление «Об эвакуации столицы СССР города Москвы». Сталин сказал членам политбюро, что всем нужно сегодня же, то есть пятнадцатого вечером, эвакуироваться. Он сам уедет из города на следующее утро, то есть шестнадцатого октября.

Когда Сталин объявил, что руководство страны должно покинуть столицу, весть об этом мгновенно распространилась по городу. Началось нечто неописуемое. С окраины Москвы доносились звуки артиллерийской канонады, и чиновники решили, что немцы вот-вот войдут в город, и все побежали. Стали ясны слабость, безответственность аппарата, трусость людей, которых выдвинул Сталин, система. Организованная эвакуация превратилась в повальное бегство. Начальники думали только о собственном спасении, бежали с семьями и личным имуществом и бросили огромный город на произвол судьбы.

Жизнь в городе остановилась. Утром 16 октября в Москве впервые не открылось метро.

«16 октября, — вспоминал второй секретарь Московского горкома партии Георгий Попов, — мне позвонил Щербаков и предложил поехать с ним в НКВД к Берии. Когда мы вошли в его кабинет в здании на площади Дзержинского, Берия сказал:

— Немецкие танки в Одинцове».

Одинцово — дачное место в двадцати пяти километрах от центра Москвы. Берия и Щербаков уехали к Сталину. Попову приказали собрать секретарей райкомов партии.

Берия и Щербаков вернулись от Сталина и объявили:

— Связь с фронтом прервана. Эвакуируйте всех, кто не способен защищать Москву. Продукты из магазинов раздайте населению, чтобы не достались врагу. Всем прекратившим работу выплатить денежное пособие в размере месячного заработка.

Многие начальники, загрузив служебные машины вещами и продуктами, пробивались через контрольные пункты или объезжали их и устремлялись на Рязанское и Егорьевское шоссе.

В Москве дома не отапливались. Закрылись поликлиники и аптеки. В учреждениях отделы кадров сжигали архивы, уничтожали личные документы сотрудников и телефонные справочники. Возникла паника. На Центральном аэродроме дежурили транспортные «дугласы», чтобы в последний момент эвакуировать Сталина. Личные вещи вождя увезли в

Куйбышев.

Увидев, что начальники грузят свое имущество и бегут, люди поняли, что Москву не сегодня-завтра сдадут. Приказ об эвакуации спровоцировал панику. На Казанском вокзале штурмовали уходившие на восток поезда.

Но и нашлись сотни москвичей, которые согласились остаться в Москве и, если ее захватят немцы, продолжить борьбу с врагом в подполье. Людей подбирали самых обычных, не имеющих опыта конспиративной работы — учителей, инженеров, рабочих, даже артистов. Им меняли фамилии и выдавали новые документы.

Первый секретарь Сокольнического райкома комсомола Григорий Михайлович Коварский вспоминал:

«15 октября часов в восемь вечера позвонил секретарь райкома партии. Выслушав его, я невольно попросил повторить сказанное, так как оно не укладывалось в сознании. Положив трубку, набрал телефон второго секретаря горкома комсомола Михаила Морозова. Тот подтвердил услышанное: фашисты значительно усилили натиск. Необходимо ликвидировать все райкомовские документы, оставив себе только печать. Мы собрали все оставшиеся в райкоме бумаги и сожгли их в котельной соседнего завода.

Мне было дано задание — получить оружие и боеприпасы для формируемых в районе коммунистического батальона и подразделений истребителей танков, а также для боевой группы работников аппарата райкомов партии и комсомола.

18 октября я отправился в Колпачный переулок. В горкоме на столе, за которым мы привыкли сидеть на совещаниях, стоял станковый пулемет, и секретари райкомов были заняты отработкой действий пулеметных номеров. Первый секретарь Анатолий Михайлович Пегов открыл сейф и вручил нам по две тысячи рублей на «непредвиденные», по его выражению, расходы райкома. Деньги эти почти полностью мы вернули ему в марте 1942 года.

В райкоме побывал секретарь горкома по военной работе Шелепин в своей неизменной желтой куртке с маузером в деревянной кобуре на ремне. Приехал он неожиданно и еще более неожиданной оказалась цель его приезда.

— Надо, — сказал он, — подобрать трех-четырёх хороших надежных комсомольцев в дублирующий состав бюро Сокольнического райкома.

Увидев недоумение на моем лице, он невесело улыбнулся:

— Ну, знаешь, как это бывает у футбольной команды.

А затем поставил задачу подготовить подполье. Уезжая, Александр

Николаевич сказал, что немцы уже в районе Звенигорода на западе и в районе Крюкова на северо-западе».

В 1941 году ЦК ВЛКСМ выпустил пособие под названием «Жизнь на снегу», потом «Спутник партизана» с простейшими советами, как выжить в лесу.

Секретарь Коминтерновского райкома комсомола Вячеслав Владимирович Янчевский вспоминал, как ему позвонил Александр Шелепин и сказал:

— Для работы в тылу врага надо подобрать надежных парней. Желательно блондинов и голубоглазых. Но, самое главное, они должны безукоризненно владеть немецким языком. Поищи в школьных или институтских организациях, а может, кто в наркоматах остался?

К вечеру отобрали группу молодых людей, их передали в военную часть № 9903, которой командовал майор Спрогис.

К счастью, Москву отстояли. В марте 1942 года Александру Шелепину решением военного совета Западного фронта вручили орден Красной Звезды (впоследствии его наградят медалями «Партизану Отечественной войны» первой степени, «За оборону Москвы», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»).

Жизнь в столице стала входить в обычную колею. 10 декабря партийный руководитель Москвы Щербаков и председатель исполкома Пронин обратились к Сталину:

«В Москве при домоуправлениях по инициативе частных лиц, минуя органы народного образования, проводятся школьные занятия с детьми. Проводят эти занятия учителя-пенсионеры и некоторые безработные учителя за особую плату.

В настоящее время в Москве насчитывается около 115 тысяч детей школьного возраста, из них: 54 тысячи учеников первых — четвертых классов и 61 тысяча — пятых — десятых классов.

Московские организации считают целесообразным и просят разрешить возобновить частичное обучение детей пятых — десятых классов на добровольных началах в школах и домоуправлениях, имеющих бомбоубежища».

На заседании бюро МГК был представлен проект постановления:

«1. Считать необходимым с 20 декабря 1941 г. частично возобновить учебные занятия с учащимися V–X классов для желающих на добровольных началах.

2. Учебные занятия с учащимися VI–X классов проводить в одну смену (с 9 часов до 14 ч. 30 мин.), в первом и втором этажах школ,

имеющих убежища, и при домоуправлениях, имеющих убежища.

3. Обязать МГК ВЛКСМ (т. Пегова), ГорОНО (т. Орлова) организовать воспитательную внешкольную работу с детьми младшего возраста (1–4 класса), используя для этого существующую сеть внешкольных учреждений, детские библиотеки, фильмотеки, а при домоуправлениях организовать пионерские базы и форпосты.

4. Обязать председателей райисполкомов в декадный срок заделать оконные проемы на первых и вторых этажах в школах, где будут проводиться учебные занятия.

5. Количество учащихся в каждой школе определить соответственно вместимости бомбоубежища. Для быстрого вывода детей в бомбоубежища по сигналу «ВТ» предложить МосгорОНО обеспечить устройство вешалок для верхней одежды в классных комнатах.

6. Исполкомам райсоветов привести все школы в надлежащий порядок и обеспечить необходимым запасом топлива, а Топливо-энергетическому управлению (т. Абрамян) выделить для этого необходимые лимиты топлива.

7. Поручить Мосгорздравотделу (т. Левант) организовать врачебное обслуживание учащихся и обеспечить санитарный надзор за состоянием школьных зданий и бомбоубежищ.

8. Поручить Горисполкому войти с ходатайством в Правительство об отпуске продуктов для школьных буфетов.»

На заседании бюро МГК ВКП(б) 10 декабря 1941 года решили короче: «Считать целесообразным частично возобновить школьные занятия учащихся пятых — десятых классов на добровольных началах.

Занятия организовать в школах и при домоуправлениях, имеющих бомбоубежища».

Но обязанности Шелепина практически не изменились. Фронту требовалось пополнение, и он должен был его обеспечить.

20 мая 1942 года бюро горкома комсомола постановило:

«1. Обязать райкомы комсомола совместно с военкоматами мобилизовать женщин комсомолок и некомсомолок в возрасте от 19 до 25 лет с образованием пять — девять классов, годных по состоянию здоровья к службе в береговых и тыловых частях Военно-Морского Флота.

Разверстку по районам утвердить. Мобилизацию закончить 23 мая 1942 г. Всех мобилизованных направить на сборный пункт по адресу: Старо-Петровский проезд, школа № 201.

2. Райкомам ВЛКСМ разъяснить мобилизованным женщинам, что они направляются в Военно-Морской Флот и при назначении их на должность

будут обеспечены всеми видами довольствия.

Мобилизованные должны быть тепло одеты, иметь при себе две смены белья, постель, крепкую обувь, предметы личной гигиены, вещевой мешок, кружку, ложку, полотенце.»

Иногда заявки с фронта были сравнительно небольшими.

13 августа 1942 года бюро горкома комсомола приняло постановление:

«1. Мобилизовать пятьдесят комсомольцев и некомсомольцев из числа окончивших школу связи в 16-ю армию Западного фронта.

2. Обязать РК ВЛКСМ до 15 августа мобилизовать шестьдесят девушек — комсомолок и некомсомолок — с образованием не ниже семи классов на работу в центральное управление Красной Армии.

3. Мобилизовать к 14 августа десять девушек-комсомолок с образованием не ниже десяти классов на работу в Управление гвардейских минометных частей Красной Армии.

Возложить ответственность за проведение мобилизаций на военный отдел МГК и секретарей РК ВЛКСМ по военной работе».

На пленуме горкома комсомола 16 января 1943 года Александра Шелепина избрали секретарем МГК ВЛКСМ по пропаганде и агитации. Но на этой должности он проработал меньше полугода.

«ТОВАРИЩ СТАЛИН ПОДПИСАЛ РЕШЕНИЕ О МОЕМ НАЗНАЧЕНИИ»

Шелепины жили на Петровке. Харазовы часто оставались у них ночевать, чтобы поздно вечером не тащиться в Тушино. Они приехали к друзьям и 30 апреля 1943 года, чтобы вместе провести майские праздники.

— Я с собой дровишек прихватил, — рассказывал Харазов, — в доме было еще очень холодно, а у него уже ребенок родился. Мы пришли, а его еще нет. Приходит радостный. Что такое? Объяснил торжественно: «Сегодня Сталин подписал решение о моем утверждении секретарем ЦК комсомола».

С 1941 по 1944 год пленумы ЦК комсомола не проводились, потому что Сталин не собирал партийные пленумы. Только 17 марта 1944 года состоялся пленум и Шелепина официально утвердили секретарем ЦК комсомола по военной работе. Отныне ему приходилось заполнять обширные анкеты, где был раздел «Приметы». Он написал: рост — 172 сантиметра, глаза — серые, волосы — шатен. В графе «особые приметы» писать ничего не стал.

Александр Николаевич сменил в ЦК Филиппа Ивановича Наседкина, известного писателя, который оказался на высоком посту случайно. В конце 1937 года его утвердили заведующим отделением «Комсомольской правды» в Киеве. Через год, после большой чистки, когда некого было взять на руководящую работу в республиканский комсомол, Наседкина назначили секретарем ЦК комсомола Украины, а весной 1939-го перевели в Москву секретарем ЦК ВЛКСМ. В апреле 1943 года он ушел учиться в Высшую дипломатическую школу.

Шелепин пришел в ЦК, когда секретарем по пропаганде и агитации была печально знаменитая Ольга Петровна Мишакова. В 1938 году бывшая учительница начальных классов Мишакова, ставшая инструктором ЦК ВЛКСМ, написала Сталину донос на своих начальников. Обращение к вождю использовали как повод для разгрома комсомольского руководства.

По ее письму в ноябре 1938-го созвали пленум ЦК ВЛКСМ. Главный партийный инквизитор, секретарь партколлегии Комиссии партийного контроля при ЦК Матвей Федорович Шкирятов выступил с докладом о результатах разбора заявления Мишаковой и о положении в комсомоле.

Секретари ЦК Александр Васильевич Косарев, Серафим Яковлевич

Богачев и Валентина Федоровна Пикина были сняты со своих постов «за бездушно-бюрократическое и враждебное отношение к честным работникам комсомола, пытавшимся вскрыть недостатки в работе ЦК ВЛКСМ, и расправу с одним из лучших комсомольских работников (дело тов. Мишаковой)». Косарева и Богачева расстреляли, Пикина тринадцать лет отсидела в тюрьмах и лагерях, еще три года провела в ссылке.

Первым секретарем ЦК ВЛКСМ избрали Николая Михайлова, Мишакова тоже стала секретарем ЦК. Шелепин застал Ольгу Мишакову, когда она еще была в силе. В аппарате ее смертельно боялись. Вздохнули спокойно, когда в июле 1946 года она ушла в партийный аппарат. Мишакова заведовала отделом культурно-просветительных учреждений управления пропаганды и агитации ЦК партии, потом была инспектором ЦК.

Она продолжала писать доносы, называя тех, кто ей не нравился, «шпионами». Ходила со своими записками к руководившему партийным аппаратом Георгию Максимилиановичу Маленкову и к Берию. Зная о том, что однажды на письмо Мишаковой откликнулся сам Сталин, ее «сигналы» воспринимались как руководство к действию, и люди вылетали с работы.

После XX съезда, в 1957 году Комитет партийного контроля исключил Ольгу Мишакову из партии за то, что она оклеветала большую группу партийных и комсомольских работников. Те, кто выжил, вернулись, и им невыносимо было видеть доносчицу на высокой должности в партийном аппарате.

Первым секретарем ЦК ВЛКСМ был Николай Александрович Михайлов, который руководил советской молодежью четырнадцать лет. Он был на двенадцать лет старше Шелепина. До революции учился в церковно-приходской школе, потом занимался в вечернем рабочем университете. Рабочую жизнь начинал подмастерьем в сапожной мастерской отца. Стал редактором многотиражки завода «Динамо», в начале 1937-го был переведен в «Правду», а в декабре — в «Комсомольскую правду» и сразу утвержден ответственным редактором. Это был драматический момент, когда все прежнее руководство газеты было арестовано.

Николай Михайлов понравился Сталину. На следующий год, когда уничтожили прежнее руководство комсомола, Михайлов стал первым секретарем ЦК ВЛКСМ. Под его руководством комсомольский аппарат принял участие в большой чистке, когда детей заставляли отрекаться от арестованных родителей. В 1939 году вождь включил Михайлова в состав оргбюро ЦК. Высокое партийное звание делало его влиятельным

человеком.

На XI съезде комсомола, проходившем в марте — апреле 1949 года, Николай Михайлов — задолго до хрущевской программы построения коммунизма — говорил:

— Великое счастье выпало на нашу долю. Наше поколение будет жить при коммунизме.

В 1950 году Михайлов намеревался снять с должности первого секретаря республиканского комсомола Петра Мироновича Машерова, бывшего партизана, Героя Советского Союза. Уже был созван пленум ЦК ЛКСМ Белоруссии с повесткой «О мерах улучшения политико-воспитательной работы среди сельской молодежи». Михайлов сам приехал на пленум в Минск.

На пленуме Петра Машерова жестко критиковали:

— Доклад товарища Машерова не удовлетворил участников пленума. Он был составлен без глубокого знания действительного положения дел на местах, показал оторванность ЦК от жизни обкомов, райкомов и первичных комсомольских организаций... В докладе отсутствовали большевистская критика и самокритика серьезных недостатков и ошибок в работе бюро и аппарата ЦК комсомола Белоруссии.

Но менять Машерова не захотел новый первый секретарь ЦК компартии Белоруссии Николай Семенович Патоличев. Он договорился с Москвой, и Петр Миронович остался на месте. Михайлов уехал из Минска ни с чем.

После войны Шелепин в ЦК комсомола отвечал за организационные дела, ведал отделом комсомольских органов. На пленумах ЦК его иногда критиковали за резкость и требовательность, но все признавали — хороший организатор. В феврале 1947 года его избрали депутатом Верховного Совета РСФСР.

Характер у Шелепина был твердый и властный, вел он себя смело, не юлил и перед начальством не заискивал.

Константин Симонов вспоминал, как осенью 1947 года он возглавлял небольшую делегацию, отправившуюся в Югославию. В нее входили секретарь ЦК комсомола Шелепин и Ольга Александровна Хвалебнова, секретарь парторганизации Союза писателей и жена министра черной металлургии Ивана Федоровича Тевосяна.

В белградском аэропорту делегацию никто из посольства не встретил, о ситуации в стране не информировал.

«Шелепин, — вспоминает Симонов, — со свойственной ему прямоотой высказал послу Лаврентьеву все, что он думал о том, что нас не встретили

и не позаботились проинформировать, и пообещал об этом безобразии рассказать в Москве...»

— В сорок девятом, на одиннадцатом съезде комсомола, — вспоминал Харазов, — меня, секретаря Сталинского райкома комсомола города Москвы, избрали членом Ревизионной комиссии ВЛКСМ, а потом сделали ее председателем. Как председатель Ревизионной комиссии я присутствовал на всех заседаниях бюро ЦК ВЛКСМ, кстати, сидел рядом с Петром Машеровым, будущим руководителем Белоруссии, и видел, как Саша работает.

— Александр Николаевич изменился, став секретарем ЦК? — спросил я Хазарова.

— Он бывал резок, но не был ни мстительным, ни начальственным. Барин он не стал. Поймите, наше поколение — в основном из-за войны — было лишено радостей и веселья, сопровождающих молодость. На нашу долю этого не досталось. В определенном смысле мы росли аскетами, равнодушными к бытовым удобствам.

Вторым секретарем ЦК комсомола был Николай Николаевич Романов. Перед войной его из Ленинграда перевели в столицу и сделали секретарем по работе среди учащейся молодежи и спорту. В 1941-м он стал вторым секретарем. А в 1945 году Романова назначили председателем Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта при Совнарком.

Вторым секретарем ЦК ВЛКСМ был избран Всеволод Николаевич Иванов, тоже выходец из Ленинграда, человек с необычной биографией. В Гражданскую войну он остался без родителей, беспризорничал, работал на мельнице. Окончил в Ленинграде электротехнический институт связи, остался в нем преподавать, стал доцентом. В 1940 году его избрали секретарем одного из ленинградских райкомов партии, а в 1941-м внезапно утвердили первым секретарем обкома и горкома комсомола. Всю блокаду он провел в осажденном городе.

В октябре 1944-го Всеволода Иванова повысили — сделали секретарем горкома партии по пропаганде и агитации. Он защитил кандидатскую диссертацию по истории комсомола. В мае 1945-го его перевели в Москву вторым секретарем ЦК ВЛКСМ.

Сын руководителя московского комсомола Красавченко, Сергей Николаевич, ученый-экономист (а в ельцинские годы политик и депутат), рассказывал мне, что в детстве родители иногда оставляли его на попечении Иванова, и тот наизусть читал мальчику всего «Евгения Онегина».

Впрочем, любовь к литературе не помешала тому же Иванову

участвовать в идеологических кампаниях тех лет. В декабре 1946 года Иванов отправил послание секретарю ЦК партии Николаю Патоличеву:

«Просим Вас ознакомиться со сказкой К. Чуковского «Собачье царство», изданной кооперативным издательством «Сотрудник» по заказу Центрального универмага Главсособторга.

По нашему мнению, это антихудожественное и антипедагогическое произведение. К. Чуковский, как и в предыдущих своих сказках «Одолеем Бармалея» и «Бибигон», допускает серьезные ошибки.

ЦК ВЛКСМ в свое время ставил перед Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) вопрос о деятельности кооперативных издательств. Выход сказки К. Чуковского «Собачье царство» показывает необходимость установить тщательный контроль за деятельностью этих издательств...»

Патоличев переадресовал письмо в управление пропаганды и агитации. Начальник управления академик Александров успокоил секретаря ЦК:

«Антихудожественная книжка К. Чуковского «Собачье царство» подвергнута критике в газете «Культура и жизнь» в заметке «Пошлятина под флагом детской литературы»».

По указанию Главлита книжку замечательного детского писателя конфисковали, она находилась в списке запрещенной литературы до самой перестройки.

Считалось, что Всеволод Иванов находится в оппозиции к первому секретарю ЦК комсомола Михайлову. Поговаривали, что он и заменит малообразованного Михайлова, тем более что тот засиделся в кресле первого секретаря.

Но все получилось иначе. Иванова в 1949 году забрали в аппарат ЦК партии инспектором. Но это не было повышением. Красавченко-младший вспоминал, как его отец и Всеволод Иванов после футбольного матча на стадионе «Динамо» уединились, чтобы побеседовать:

— А после разговора отец был мрачный и взволнованный. Иванов говорил, что его прижимают и что назревают какие-то крупные события.

Через несколько месяцев Всеволода Николаевича Иванова арестовали.

Вторым секретарем ЦК комсомола стал Шелепин.

В жизни и карьере Шелепина ключевую роль сыграло решение Сталина вернуть Хрущева из Киева в Москву и вновь поставить во главе столичной партийной организации.

В конце 1949 года первый секретарь ЦК компартии Украины Никита Сергеевич Хрущев находился во Львове. Он проводил митинг в Лесотехническом институте, посвященный памяти писателя Ярослава

Галана, убитого студентом этого института — членом националистического подполья. Во время выступления Хрущеву передали записку, что Сталин просит позвонить.

Хрущев закончил речь, поехал на временную квартиру, на которой остановился во Львове, и связался с Москвой. Сталин только 7 декабря вернулся из отпуска, в котором находился три месяца.

— Когда вы можете приехать в Москву? — спросил он Хрущева.

— Если нужно срочно, могу завтра, — ответил тот.

— Хорошо, — сказал Сталин и, по обыкновению не прощаясь, повесил трубку.

Разговор был коротким, и Хрущев забеспокоился. После неурожая 1946 года он попал у Сталина в опалу. Но тут же Хрущеву позвонил Георгий Маленков, секретарь ЦК, ведавший кадровыми делами и хорошо обо всем осведомленный, и ободрил:

— Ты не беспокойся. Тебя вызывают по хорошему делу. А подробности узнаешь, когда приедешь.

Когда Хрущев вошел в сталинский кабинет, вождь сразу заговорил о деле:

— У нас неблагополучно в Ленинграде. Там обнаружена измена, ведется следствие.

Речь шла о сфабрикованном чекистами — во исполнение высочайшей воли — «ленинградском деле», когда руководство города обвинили в сепаратизме и нежелании подчиняться ЦК. Разбираться с ленинградцами вождь приказал Георгию Маленкову. Это закончилось расстрелами.

Столицу Сталин поручил Хрущеву, понимая, что тот должен ревниво относиться к нынешним кадрам.

— В Москве тоже неблагополучно. Мы хотим, чтобы Москва стала настоящей опорой Центрального комитета, поэтому предлагаем вам перейти сюда. — И добавил доброжелательно: — Довольно вам работать на Украине, а то вы совсем превратились в украинского агронома.

Когда Сталин отдыхал на юге, на его имя в ЦК пришло не очень грамотное письмо, подписанное вымышленными именами. В нем говорилось, что в Москве существует заговор против Сталина, такой же, как в Ленинграде.

А по «ленинградскому делу» уже начались аресты...

Главной мишенью доноса был руководитель Москвы Георгий Михайлович Попов:

«Большевики Московской организации вполголоса заговорили, пока в кулуарах, о том, не пришел ли момент своевременного вскрытия давно

назреваемого гнойника в головке нашей организации. Речь идет о весьма подозрительной политике, проводимой секретарем МК ВКП(б) т. Поповым...

Попов самый молодой из секретарей ЦК. Будучи одержим титовской манией вождизма, его одолевает мысль в будущем стать лидером нашей партии и народа... На банкете по случаю 800-летия Москвы один из подхалимов поднял тост:

— За будущего вождя нашей партии Георгия Михайловича.

Присутствующий Попов пропустил мимо ушей и будто согласился с прогнозом. Тогда как нужно было одернуть дурака или после обсудить о его партийности...

Попов расставляет свои кадры везде, где может, с тем, чтобы в удобный момент взять баранку руля страны в свои руки. Таким образом, Попов соревновался с ленинградцами в расстановке «своих» людей. Шла подготовка к захвату лидерства. В Москве начали поговаривать, что Попову дорога расчищена на этом пути.

В кругах МК открыто говорят, что за плечами Попова тов. Сталин и что пост великого вождя перейдет Попову...»

В письме говорилось и о кадрах Попова. Мол, один из его фаворитов, секретарь райкома партии, во время войны служил в армии присоединившегося к немцам генерала Власова, другой — «тупица из тупиц», секретарь обкома (женщина) сделала карьеру, потому что входила в гарем Попова. Секретарь горкома партии Николай Павлович Фирюбин — «политически безграмотный человек, лизавший ему пятки».

Досталось и руководителю московского комсомола Николаю Красавченко, под руководством которого начинал Шелепин: «Молодой карьерист комсомолец Красавченко попал на фронт, оказался в плену у немцев, неизвестно где дел партийный билет. Неизвестными путями выбрался из тыла врага. Ему бы место в лагерях. Но Попов выдал ему новый партбилет, послал за границу в числе членов молодежной делегации, а затем сделал его секретарем МК и МГК ВЛКСМ.

Будучи карьеристом, а не руководителем Красавченко на прошлой областной конференции комсомола был забаллотирован депутатами. Попов находился в это время в отпуске. Поехали к Попову с вопросом как быть? Приказ был дан «избрать Красавченко опять секретарем МК и МГК ВЛКСМ».

Попов настоятельно домогался избрания Красавченко на последнем съезде комсомола секретарем ЦК ВЛКСМ. Но даже молодежь раскусила, что за фрукт Красавченко, и провалила его».

Николай Красавченко в 1941-м с большой группой московской молодежи был отправлен под Смоленск на строительство оборонительных сооружений. Немцы наступали так стремительно, что люди попали в плен. Красавченко, понимая, что его ждет, закопал партбилет в каком-то сарае. Но ему удалось бежать из плена. Выйдя к своим, он рассказал, как утратил партбилет, и ему выдали новый. Теперь этот эпизод поставили ему в вину...

Что касается поездки за границу, то его в 1942 году вместе с двумя снайперами, отличившимися на войне, отправили в Англию и Соединенные Штаты агитировать британскую и американскую молодежь за скорейшее открытие второго фронта...

Красавченко действительно прочили в секретари ЦК ВЛКСМ, но Попов эту идею отверг, сказав:

— Ты туда не лезь. Мы на тебя в Москве виды имеем...

Вождь многое прощал своим подчиненным, но если Георгий Попов позволяет окружению говорить о нем как о будущем лидере, значит, от него надо избавиться.

29 октября Сталин с юга написал записку Маленкову, оставшемуся в Москве на хозяйстве:

«Я не знаю подписавших это письмо товарищей. Возможно, что эти фамилии являются вымышленными (это нужно проверить). Но не в этом дело. Дело в том, что упомянутые в письме факты мне хорошо известны, о них я получил несколько писем от отдельных товарищей Московской организации.

Возможно, что я виноват в том, что не обращал должного внимания на эти сигналы. Не обращал должного внимания, так как верил тов. Попову. Но теперь, после неподобающих действий тов. Попова, вскрывших антипартийные и антигосударственные моменты в работе тов. Попова, Политбюро ЦК не может пройти мимо вышеупомянутого письма».

Записка вождя позволяет предположить, что вождь уже выражал недовольство Поповым. А для формального разбирательства нужен был повод, который и был организован — письмо. Сталин распорядился назначить комиссию. Поручение было исполнено незамедлительно.

1 ноября появилось постановление политбюро:

«Назначить комиссию в составе тт. Маленкова, Берия, Кагановича и Суслова для проведения проверки деятельности т. Попова Г. М. с точки зрения фактов, отмеченных в письме трех инженеров».

Комиссия легко справилась с задачей, поскольку позиция Сталина была ясна: снять Попова с должности.

Карьера Георгия Михайловича Попова началась с комсомольской работы. Он руководил комсомольской ячейкой на торфоразработках в Тамбовской области, потом был секретарем в Пахотно-Угловском волостном комитете комсомола, работал в протезной мастерской, откуда был отправлен на комсомольскую работу в Татарию.

В 1935 году Георгий Попов поступил на машиностроительный факультет Промышленной академии. В 1939-м его взяли инструктором в организационно-распределительный отдел ЦК партии, занимавшийся расстановкой руководящих кадров.

Когда перед войной Сталин отправил Хрущева на Украину, московское руководство сформировали заново. Первым секретарем горкома и обкома стал Александр Сергеевич Щербаков, молодой политик, которого Сталин быстро продвигал по служебной лестнице. Щербаков начинал трудовую деятельность разносчиком газет в Рыбинске, после революции стал секретарем Туркестанского крайкома комсомола. В 1924 году окончил Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова и работал в Нижегородском крае секретарем Муромского окружка партии.

В 1930-м он приехал в Москву учиться в Институт красной профессуры, но через два года его взяли в аппарат ЦК партии — заместителем заведующего орготделом. Еще через два года стал секретарем только что созданного Союза советских писателей (то есть был своего рода комиссаром при Максиме Горьком) и одновременно заведовал отделом культурно-просветительной работы ЦК.

В 1936 году Щербакова сделали вторым секретарем Ленинградского обкома, а в апреле 1937-го утвердили первым секретарем Иркутского (Восточно-Сибирского) обкома, где он провел массовую чистку.

Щербаков докладывал члену политбюро Андрею Александровичу Жданову о проделанной работе:

«Должен сказать, что людям, работавшим ранее в Восточной Сибири, верить нельзя. Объединенная троцкистско-«правая» контрреволюционная организация здесь существовала с 1930–1931 года...

Партийное и советское руководство целиком было в руках врагов. Арестованы все руководители областных советских отделов, заворготделами обкома и их замы (за исключением пока двух), а также инструктора, ряд секретарей райкомов, руководители хозяйственных организаций, директора предприятий и т. д. Таким образом, нет работников ни в партийном, ни в советском аппарате.

Трудно было вообразить что-либо подобное.

Теперь начинаем копать органы НКВД.

Однако я не только не унываю, но еще больше укрепился в уверенности, что все сметем, выкорчем, разгромим и последствия вредительства ликвидируем.

Даже про хворь свою и усталость забыл, особенно когда побывал у т.т. Сталина и Молотова».

Так тогда делались карьеры — на чужой крови. В начале 1938 года Щербакова перевели в Сталинский (Донецкий) обком, но в октябре того же года Сталин поставил его во главе Московского горкома и обкома партии, в помощь ему подыскали Георгия Попова — в ноябре 1938-го его сделали вторым секретарем Московского горкома. В начале декабря 1944 года Попова назначили еще и председателем исполкома Моссовета. Иначе говоря, он непосредственно занимался всеми городскими делами, до которых у Щербакова просто руки не доходили.

Перед войной Сталин сделал Александра Сергеевича Щербакова секретарем ЦК, членом оргбюро и кандидатом в члены политбюро, поручил ему руководить управлением пропаганды и агитации ЦК. Когда началась война, его назначили еще и начальником Совинформбюро. В 1943-м Щербаков стал одновременно заведовать отделом международной информации ЦК. Это была нагрузка, превышающая человеческие возможности.

Историки считают Александра Щербакова чуть ли не самым исполнительным помощником Сталина, готовым в лепешку расшибиться, лишь бы исполнить указание вождя. Если многие его коллеги были циничными карьеристами, то Щербаков подчинялся вождю искренне.

«По культурному уровню это был старший дворник, — вспоминал Корней Чуковский. — Когда я написал «Одолеем Бармалея», а художник Васильев донес на меня, будто я сказал, что напрасно он рисует рядом с Лениным — Сталина, меня вызвали в Кремль, и Щербаков, топая ногами, ругал меня матерно. Это потрясло меня.

Я и не знал, что при каком бы то ни было строе всякая малограмотная сволочь имеет право кричать на седого писателя. У меня в то время оба сына были на фронте».

Нечто подобное сказал о Щербакове Александр Александрович Фадеев, руководивший Союзом писателей: «Я ненавижу Щербакова за то, что он кичился своей бюрократической исполнительностью, своей жестокостью бесчеловечного служаки».

Щербаков вполне мог стать вторым человеком в партии. Но Александр Сергеевич был тяжелым сердечником. Неправильный образ жизни усугубил его нездоровье. Для него опасно было принимать участие в

сталинских застольях. А он почитал за счастье быть приглашенным к вождю на дачу.

«Берия, Маленков и Микоян сговорились с девушками, которые приносили вино, чтобы те подавали им бутылки от вина, но наливали бы туда воду и слегка закрашивали ее вином или же соками, — вспоминал Хрущев. — Таким образом, в бокалах виднелась жидкость нужного цвета: если белое вино — то белая жидкость, если красное вино — то красная. А это была просто вода, и они пили ее.

Но Щербаков разоблачил их: он налил себе «вина» из какой-то такой бутылки, попробовал и заорал:

— Да они же пьют не вино!

Сталин взбесился, что его обманывают, и устроил большой скандал Берии, Маленкову и Микояну.

Мы все возмущались Щербаковым, потому что не хотели пить вино, а если уж пить, то минимально, чтобы отделаться от Сталина, но не спаивать, не убивать себя. Щербаков тоже страдал от того же. Однако этот злостный подхалим не только сам подхалимничал, а и других толкал к тому же. Кончил он печально. Берия тогда правильно говорил, что Щербаков умер потому, что страшно много пил. Опился и умер.

Сталин, правда, говорил другое: что дураком был — стал уже выздоравливать, а потом не послушал предостережения врачей и умер ночью, когда позволил себе излишества с женой. Но мы-то знали, что умер он оттого, что чрезмерно пил в угоду Сталину, а не из-за своей жадности к вину...»

Александр Сергеевич Щербаков умер 10 мая 1945 года, когда страна праздновала победу над фашизмом. Ему не было и сорока четырех лет. Должности Щербакова унаследовал Попов. Он возглавил горком и обком партии. В марте 1946-го он стал еще и секретарем ЦК и членом оргбюро.

При Попове пышно, целую неделю, отмечалось восьмисотлетие Москвы. 6 сентября 1947 года в Большом театре прошло торжественное заседание Моссовета. Попов выступил с докладом «О социалистической Москве и перспективах ее развития». На следующий день был заложен памятник основателю города Юрию Долгорукому. 20 сентября на митинге объявили об учреждении медали «В память 800-летия Москвы».

Все это делалось с благословения Сталина. Праздник позволял Попову приблизиться к вождю. Георгия Михайловича и в самом деле стали воспринимать как политика с большим будущим. В Москве он вел себя как абсолютный хозяин. Но Попов, по словам Хрущева, был «неумный человек и грубый администратор». Он зарвался, кричал даже на министров и

настроил против себя интеллигенцию. А уж московский партийно-комсомольский аппарат он разносил безжалостно.

Юрий Владимирович Бернов работал в те годы в горкоме комсомола. Накануне празднования 7 Ноября Бернова утвердили комиссаром тридцатитысячной колонны физкультурников, которые по традиции открывали демонстрацию трудящихся на Красной площади.

На одну из ночных репетиций приехал Георгий Попов. Как назло, именно в этот момент колонна сбилась. Взбешенный Попов прилюдно матерно выругал руководителей колонны (один из которых заведовал отделом в горкоме партии), подозвал барабанщиков из оркестра и заставил своих подчиненных под свист и улюлюканье собравшихся ходить строевым шагом по Красной площади.

— Вот так продолжайте репетицию, — удовлетворенно сказал он и уехал.

Не удивительно, что Попов нажил себя множество врагов, которые мечтали избавиться от самодура.

4 декабря 1949 года политбюро утвердило выводы, сделанные комиссией, а 12 декабря появилось постановление политбюро, естественно, согласованное со Сталиным. Попову предъявили два главных обвинения:

«1. Тов. Попов не обеспечивает развертывания критики и самокритики в Московской партийной организации. Более того, своими неправильными методами руководства он способствует зажиму критики недостатков в работе Московского комитета ВКП(б) и Московской партийной организации...

2. Московский комитет ВКП(б) прежде всего по вине т. Попова проводит неправильную линию в отношении союзных министерств и министров, пытаясь подмять министров и командовать министерствами, подменить министров, правительство и ЦК ВКП(б)...

Возомнив, что ему все позволено, т. Попов требует от министров, чтобы они беспрекословно подчинялись указаниям Московского комитета... Не согласным с этими антигосударственными требованиями министрам т. Попов угрожает тем, что Московский комитет будто бы имеет свою резиденцию, куда он «может пригласить министров» и дать им нагоняй...»

Политбюро решило:

«а) освободить т. Попова от обязанностей секретаря МК и МГК ВКП(б), а также от обязанностей секретаря ЦК ВКП(б) и направить на другую работу, обязав его решительно изжить неправильные методы в своей дальнейшей деятельности;

б) созвать пленум МК и МГК ВКП(б), на котором разъяснить ошибки и недостатки в руководстве как т. Попова, так и бюро Московского областного и бюро МГК ВКП(б)».

Отдельно постановили, что отныне секретари райкомов и председатели райисполкомов Москвы и Ленинграда будут утверждаться еще и в ЦК. Подозрительный Сталин хотел помешать городским руководителям самостоятельно подбирать кадры и окружать себя преданными людьми.

Изгнанного с позором Попова сменил Никита Хрущев. 13 декабря 1949 года постановлением политбюро он был утвержден секретарем ЦК ВКП(б). Это постановление было подтверждено опросом членов ЦК, проведенным за два дня, 15–16 декабря. Собирать пленумы ЦК Сталин не любил.

13 декабря открылся и пленум горкома и обкома партии. Впервые Хрущев выступил в новой роли. Дали слово и Попову. Он, зная правила игры, каялся и повторял:

— Правильно, что меня освободили.

Первоначально друзья-приятели надеялись сохранить за Поповым пост председателя Моссовета, но Сталин велел вообще убрать его из города. Он показал Хрущеву письмо, погубившее карьеру Попова, спросил:

— Вы ознакомились с этим документом?

— Да, ознакомился.

— Ну, как?

Наверное, если бы Хрущев пожелал, Попов угодил бы в руки чекистов. Но Хрущев не захотел затевать в Москве новую чистку. Он доложил, что безобразий в столице много, но контрреволюции нет.

Георгий Попов еще легко отделался, его сделали министром городского строительства. В марте 1951 года назначили министром сельскохозяйственного машиностроения. Но в декабре Попов потерял и этот пост. Сталин распорядился отправить его в Куйбышев руководить заводом. Но не забыл о Попове. Осенью 1952-го, перед XIX съездом, вызвал его в Кремль. Вождь долго смотрел на опального чиновника, потом сказал:

— Ну что, одумался? Говорят, ссылка только пошла тебе на пользу.

После смерти вождя, в апреле 1953-го, Попова вернули в Москву и в порядке компенсации отправили послом в Польшу. Однако и на этой должности Попов не удержался.

Бывший комсомольский работник Юрий Бернов, который стал дипломатом и в Варшаве вновь оказался подчиненным Попова, вспоминал,

как на приеме в посольстве по случаю Октябрьской революции к Георгию Михайловичу подошел посол Ирана и возмущенно сказал:

— Господин посол, вы без объяснения причин не пришли ко мне в посольство на прием в связи с нашим национальным праздником. То есть вы не уважаете мою страну и меня лично. Я уважаю вашу страну — нашего доброго соседа, поэтому пришел на прием в советское посольство. Но я не уважаю вас как посла, поэтому я ухожу с приема.

Самодур Попов вел себя в Польше, как комиссар среди анархистов, по каждому поводу отчитывал главу партии и правительства Болеслава Берута — например за то, что польские крестьяне якобы не так пахут и не так сеют, и однажды заявил, что не взял бы его к себе даже секретарем райкома в Московской области.

Возмущенный руководитель Польши позвонил Хрущеву и сказал, что раз уж он не способен быть даже секретарем райкома, то должен поставить вопрос о своем освобождении. Хрущев поспешил его успокоить. Преданный Москве Болеслав Берут был для советского руководства значительно важнее, чем порядком надоевший посол.

Георгия Попова, который и года не усидел в Варшаве, отозвали. 13 февраля 1954 года на заседании президиума ЦК Попова отчитали за грубые ошибки на посту посла. Тот оправдывался:

— Я же не дипломат...

Ничего другого сказать в свое оправдание не мог.

Заместителю министра иностранных дел Валериану Александровичу Зорину поручили подготовить проект постановления «о политических ошибках и неправильных действиях т. Попова».

29 марта президиум ЦК снял Попова с должности:

«Тов. Попов нарушил указания ЦК КПСС и советского правительства о недопустимости какого-либо вмешательства послов СССР во внутренние дела народно-демократических стран и пытался взять на себя функции контроля за деятельностью ЦК ПОРП и польского правительства.

Тов. Попов, не имея на то никаких полномочий, позволил себе в беседах с т. Берутом произвольное и неправильное толкование тех советов, которые ЦК КПСС давал ЦК ПОРП...

Тов. Попов в ряде вопросов тенденциозно подходил к оценке внутривластного положения в Польше и деятельности ее руководящих партийных и государственных органов, допуская высокомерное отношение к польским товарищам...

Послы СССР обязаны руководствоваться тем, что какие-либо советы и рекомендации руководящим органам коммунистических и рабочих партий

они могут давать лишь по поручению ЦК КПСС, не допуская каких-либо своих толкований этих советов и рекомендаций».

Неудачливого посла переводили с одной должности на другую и наконец назначили директором завода авиационных приборов во Владимире...

В феврале 1950 года убрали выдвиженцев Попова, вторых секретарей горкома и обкома партии, — «за беспринципную позицию, зажим критики и самокритики, серьезные ошибки в работе с кадрами».

Николая Красавченко, который сделал из Шелепина профессионального комсомольского работника, тоже сняли с должности и исключили из партии. Новым руководителем московского комсомола стал Николай Трофимович Сизов, который закончит свою карьеру генеральным директором «Мосфильма».

Сын Красавченко, Сергей Николаевич, рассказывал мне, как отец уехал за город и закопал в лесу винтовку, подаренную ему во время войны на фронте, сжег письма тех, кого уже посадили. Полгода он сидел без работы и ждал ареста. Потом попросился на учебу. Никто согласия не давал. Министр высшего образования Сергей Васильевич Кафтанов, старый знакомый, великодушно согласился:

— Ладно, давай заявление, подпишу.

В тридцать четыре года бывший комсомольский вожак поступил в аспирантуру исторического факультета Московского университета. Николай Прокофьевич Красавченко защитил диссертацию, стал преподавателем, руководил кафедрами в различных институтах. Когда Шелепин был в силе, друзья по комсомолу вспомнили о Красавченко, предлагали ему какие-то должности. Он не захотел возвращаться на прежнюю стезю и правильно сделал. Ему поручили создать университет в Элисте, а потом он стал ректором Историко-архивного института в Москве. Более удачливые выходцы из комсомола к тому времени уже утратили свои посты, а Красавченко работал ректором до преклонных лет, когда его сменил Юрий Николаевич Афанасьев, историк, политик и депутат времен перестройки...

Но я слишком забежал вперед.

Политическая карьера Шелепина начиналась под руководством Щербакова, Попова и Красавченко, так что история со сменой московской власти могла ему сильно повредить.

Но вслед за Хрущевым в Москве появился молодой украинский комсомольский работник Владимир Ефимович Семичастный. О его переводе в столицу попросил Хрущев. В штатное расписание ЦК ВЛКСМ

ввели еще одну должность секретаря ЦК, в конце января 1950 года ее занял Семичастный. Ему было всего двадцать шесть лет. Новичок быстро освоился в столице.

Напористый и экспансивный Семичастный и вдумчивый, волевой Шелепин сблизились и подружились, образовался мощный политический тандем. Владимир Ефимович признавал ведущую роль старшего товарища, Александр Николаевич ценил энергию и политический темперамент Владимира Ефимовича. И в комсомоле, и позже они с Шелепиным действовали сообща. Эта дружба определила их политическую судьбу. Семичастный сыграл свою роль в том, что Хрущеву понравился Шелепин.

Я познакомился с Семичастным через много лет после описываемых событий, осенью 1997 года, когда снимал телепередачу о Карибском кризисе. Со съемочной группой приехали к Владимиру Ефимовичу, уже пенсионеру, в его квартиру на Патриарших прудах. Он сначала держался несколько настороженно, потом стал рассказывать живо и интересно. У него была яркая и образная речь. Он не боялся никаких вопросов и никогда не затруднялся с ответом. Впоследствии мы беседовали довольно часто.

Владимир Ефимович Семичастный родился 1 января 1924 года в селе Григорьевка Межевского района Днепропетровской области. Школу закончил накануне войны. От службы в армии его освободили по причине порока сердца. В июле 1941-го он стал председателем Красноармейского райсовета добровольного спортивного общества «Локомотив» Донецкой области. Через месяц, в августе, его избрали секретарем узлового комитета комсомола в Красноармейске.

Когда пришли немецкие войска, Семичастный эвакуировался в Кемерово, где жила сестра с мужем. В декабре поступил в Кемеровский химико-технологический институт, но проучился недолго. На следующий год Семичастного послали в военно-интендантское училище в Омске, но начальник училища от белобилетника отказался:

— Таких, как вы, у меня достаточно.

Семичастный вернулся в Кемерово, где его сделали секретарем комитета комсомола Кемеровского коксохимического завода. А через два месяца избрали секретарем Центрального райкома вместо девушки, добровольно ушедшей на фронт.

Осенью 1943-го Семичастный вернулся на освобожденную Украину, и там началась его стремительная комсомольская карьера. В двадцать один год он уже был первым секретарем Донецкого обкома комсомола, и почти сразу его забрали в Киев — секретарем ЦК комсомола по кадрам. Хрущев потребовал назначить на этот пост молодого человека. Моложе

Семичастного никого не было.

Весной 1947-го Сталин прислал на Украину первым секретарем Лазаря Кагановича. Первого секретаря республиканского ЦК комсомола Василия Костенко и второго секретаря Петра Тронько обвинили в притуплении политической бдительности и отправили в Москву учиться. Каганович ценил энергичных людей и поставил Семичастного во главе республиканского комсомола. На эту должность предлагали более опытного работника и с высшим образованием. Но Каганович категорически воспротивился:

— Во главе комсомола Украины должен быть украинец.

Лазарь Моисеевич в том же году вернулся в Москву, и хозяином республики опять стал Хрущев. Никита Сергеевич очень хорошо относился к Семичастному, считал молодого человека своим выдвиженцем. Сам Семичастный говорил, что «наши отношения можно было сравнить с отношениями отца и сына».

Хрущев спас Семичастного, когда выяснилось, что брат первого секретаря ЦК комсомола Украины осужден на двадцать пять лет. Борис Семичастный попал в немецкий плен, а после войны отправился в Сибирь, поскольку чекистам доложили о его «сотрудничестве с немцами».

Владимира Ефимовича вызвали в Москву. Второй секретарь ЦК ВЛКСМ Всеволод Иванов объяснил Семичастному, что таким, как он, нечего делать в комсомоле. Но в Киеве Хрущев твердо сказал:

— Не тревожься и спокойно работай.

Когда Семичастный уже позже заведовал отделом ЦК КПСС, то попросил принести его собственное дело. В нем лежало адресованное Сталину письмо, в котором Никита Сергеевич ручался за своего комсомольского секретаря.

Семичастный рассказывал, как он еще на Украине однажды позвонил Хрущеву, попросился на прием, а тот ответил:

— Приходи. Я буду министров принимать, а ты посиди.

Никита Сергеевич вызывал одного, другого, третьего.

Между делом спрашивал Семичастного:

— А ты что думаешь по этому поводу? Твое какое мнение?

Он изучал комсомольского секретаря, хотел понять, на что молодой человек способен. Хрущев распорядился, чтобы в аппарате ЦК Украины ни одного вопроса, который касается комсомола, без Семичастного не решали. Но работать с Никитой Сергеевичем было не просто. Однажды Семичастный пришел к Хрущеву с большим количеством накопившихся проблем. А у первого секретаря настроение было отвратительное. Что бы

комсомольский лидер ни предложил, тот все отвергал. Как же быть? Наконец Хрущев смиловился и объяснил:

— Меня разозлили, я на тебе срываюсь. А ты все равно старайся меня убедить. Учись это делать.

И Семичастный научился. Поэтому Хрущев, перебравшись в Москву, позаботился о том, чтобы Семичастного тоже перевели в столицу.

Впрочем, хорошие отношения с одним из членов политбюро не спасали от неприятностей. Летом 1952 года на XV летних Олимпийских играх в Хельсинки советская команда выступила очень удачно. Но в Москве ожидали полной победы. Однако проигрыш футболистов, поражение конников и то, что первое место пришлось поделить с американской командой, Сталин и политбюро восприняли крайне болезненно.

Владимир Ефимович рассказывал:

— Мы с Шелепиным были в Хельсинки на Олимпийских играх. Когда вернулись, нас сразу повезли в Кремль. Там сидят хмурые Маленков, Берия, Каганович и Суслов. И прорабатывали они нас с десяти вечера до шести утра. Главным обвинением был, конечно, проигрыш в футбол югославам. Ведь Сталин футболистам телеграмму послал, надеялся, что победим. Мы с югославами были тогда на ножах, так что эта игра была не спортивная, а политическая. Команду ЦСКА за проигрыш разогнали. И нам Берия так злоево говорит: «Вас, наверное, не туда доставили...»

Мы еще из Хельсинки дали шифровку, что опередили американцев по очкам. А в последний момент американцы подали протест по итогам соревнований по пулевой стрельбе, протест удовлетворили. И получилось, что мы не выиграли у американцев, а только сравнялись. Нам это поставили в упрек: «Как вы могли обмануть товарища Сталина?!» Потом Маленков сходил к Сталину, вернулся успокоенный: «Товарищ Сталин сказал, что неплохо выступили, но некоторые виды спорта надо подтянуть». И нас отпустили...

Руководил Всесоюзным комитетом по делам физической культуры и спорта Николай Николаевич Романов, бывший второй секретарь ЦК комсомола. Шелепин по должности являлся членом комитета. Во время Олимпийских игр 1952 года Шелепин был заместителем Романова по политической линии. Романова наказали тем, что не утвердили руководителем Спорткомитета, оставили исполняющим обязанности председателя.

Шелепин в декабре того же года передал Маленкову записку с просьбой освободить его от обязанностей члена Комитета по делам

физической культуры и спорта при Совете министров СССР и утвердить в этой должности Семичастного. Через две недели замену утвердило правительство.

РУКОВОДИТЕЛЬ КОМСОМОЛА

5 октября 1952 года, в воскресенье, открылся XIX съезд партии. Это был последний съезд при Сталине и первый, на котором присутствовал Александр Шелепин.

«Со своего места я мог рассмотреть Сталина до мельчайших подробностей, — рассказывал украинский партийный работник Александр Ляшко, в будущем секретарь ЦК компартии республики. — На страницах газет и журналов все привыкли видеть его проникновенный взгляд на моложавом лице, гордую осанку. Я же обратил внимание на заметно обрюзгшую физиономию Сталина с явно проступающими на ней оспенными пятнами. Сквозь припорошенные сединой поредевшие волосы просвечивалась красноватая кожа головы».

Вступительную речь на съезде произнес Вячеслав Михайлович Молотов. Он закончил ее здравицей Сталину.

«Начались овации, — вспоминал Александр Ляшко. — Лишь только шквал аплодисментов стал стихать, как из разных концов зала раздавались новые прославления вождя. Слева от украинской делегации звучал хорошо поставленный красивый баритон. Я повернул голову и сразу же узнал Николая Черкасова, именитого артиста, лауреата нескольких Сталинских премий. Он с поднятой рукой, точь-в-точь как его герой Александр Невский в одноименном кинофильме, провозглашал все новые слова любви и верности вождю».

Сталину было почти семьдесят четыре года, он чувствовал себя слабым, отказался делать основной доклад и ограничился небольшой речью. С отчетным докладом выступил Георгий Максимилианович Маленков. Он был одновременно и секретарем ЦК, и заместителем председателя Совета министров, ведал всеми организационными делами, держал в руках партийно-государственную канцелярию и воспринимался как самый близкий к Сталину человек, как заместитель вождя.

«Во время доклада Маленкова, — вспоминал присутствовавший на съезде Михаил Иванович Халдеев, тогда первый секретарь Московского горкома комсомола, — Сталин встал и пошел — тихо, медленно — к правой трибуне, где находились иностранные гости. Сталин подошел к Морису Торезу, лидеру французской компартии, после чего вернулся на свое место. Прошло минут десять — он опять поднялся, подошел к Долорес Ибаррури, возглавлявшей тогда испанскую компартию».

XIX съезд был на редкость скучным и запомнился, пожалуй, только тем, что Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков) переименовали в Коммунистическую партию Советского Союза, а политбюро ЦК — в президиум ЦК.

После съезда в Георгиевском зале Кремля был устроен прием. Иностранных гостей приветствовал маршал Ворошилов. Он произносил все тосты. Сталин был в прекрасном расположении духа. Главные драматические события произошли уже после окончания съезда.

Шелепина избрали членом ЦК. Александр Николаевич этого не ожидал — впервые в состав Центрального комитета партии включили не только первого, но и второго секретаря ЦК комсомола. Шелепин получил множество поздравлений по случаю избрания в Центральный комитет партии, не только от товарищей по работе, но и от итальянских коммунистов.

16 октября 1952 года провели традиционный после съезда первый пленум нового состава ЦК, на котором предстояло избрать руководящие органы — президиум и секретариат. Такие организационные пленумы обычно носят рутинный характер, кто куда будет выдвинут — людям посвященным известно заранее. С теми, кого ждет повышение, предварительно беседуют, сюрпризов избегают. На этом пленуме все было иначе. Никто — кроме самого Сталина — не знал заранее, что именно произойдет.

Сталин в сером френче из тонкого коверкота прохаживался вдоль стола президиума и неспешно говорил:

— Итак, мы провели съезд партии. Он прошел хорошо, и многим может показаться, что у нас существует полное единство. Однако у нас нет такого единства. Некоторые выражают несогласие с нашими решениями. Спрашивают: для чего мы значительно расширили состав Центрального комитета? Мы, старики, все перемрем, но нужно подумать, кому, в чьи руки передадим эстафету нашего великого дела. Для этого нужны более молодые, преданные люди, политические деятели. Потребуется десять, нет, все пятнадцать лет, чтобы воспитать государственного деятеля. Вот почему мы расширили состав ЦК... Спрашивают: почему видных партийных и государственных деятелей мы освободили от важных постов министров? Мы освободили от обязанностей министров Молотова, Кагановича, Ворошилова и других и заменили новыми работниками. Почему? На каком основании? Работа министра — это мужицкая работа. Она требует больших сил, конкретных знаний и здоровья. Вот почему мы освободили некоторых заслуженных товарищей от занимаемых постов и назначили на

их место новых, более квалифицированных работников. Они молодые люди, полны сил и энергии. Что касается самых видных политических и государственных деятелей, то они так и остаются видными деятелями. Мы их перевели на работу заместителями председателя Совета министров. Так что я не знаю, сколько у меня теперь заместителей, — раздраженно пошутил Сталин.

И тут вождь неожиданно обрушился на Молотова и Микояна. Они пытались оправдаться. Но Сталин не захотел их слушать. Заявил, что нужно решить организационные вопросы, избрать руководящие органы партии. Достал из кармана френча собственноручно написанную бумагу и сказал:

— В президиум ЦК можно было бы избрать, например, таких товарищей...

Он зачитал длинный список. К удивлению членов ЦК прозвучали фамилии сравнительно молодых партрутников, например, Леонида Ильича Брежнева, которые сами не ожидали выдвижения. Никто с ними перед пленумом не беседовал. Прозвучала и фамилия руководителя комсомола Николая Михайлова. Он тоже получил повышение, стал членом президиума и секретарем ЦК. При распределении обязанностей среди секретарей ему поручили «руководство работой в области пропаганды и агитации» и включили в состав постоянной комиссии по внешним делам при президиуме ЦК. Через неделю его утвердили еще и заведующим отделом пропаганды и агитации и возложили на него общее руководство отделом школ.

Николай Михайлов вошел в когорту сравнительно молодых руководителей, которыми Сталин, судя по всему, собирался заменить старую гвардию. Но, как уже говорилось, Михайлов после смерти вождя лишился высокой партийной должности...

После избрания Михайлова возник вопрос: кто сменит его в ЦК ВЛКСМ?

Сталин предполагал поручить комсомол своему зятю Юрию Жданову, сыну покойного члена политбюро Андрея Александровича Жданова. Юрий Андреевич был на год младше Шелепина. В 1941 году он закончил Московский государственный университет, получил диплом химика-органика. Но по специальности поработать не удалось. Проницательные кадровики сразу разглядели в сыне влиятельного отца политические таланты.

Во время войны Жданова-младшего зачислили инструктором в политуправление Красной армии, которым руководил Александр Сергеевич

Щербаков, выдвиженец Жданова-отца. Летом 1943-го перевели в только что образованный отдел ЦК ВКП(б) по связям с зарубежными компартиями.

В 1945-м Юрий Жданов вернулся ассистентом на химический факультет университета, где защитил кандидатскую диссертацию. Осенью 1947-го Жданова дважды приглашал к себе на беседу Сталин, отдыхавший на Холодной речке, это недалеко от Гагры. После этой беседы двадцативосьмилетний Юрий Андреевич стал заведовать сектором естественных наук в управлении пропаганды и агитации ЦК партии.

Его отец был тогда фактически вторым человеком в партии. По распределению обязанностей между секретарями ЦК Жданов-старший курировал управление пропаганды и агитации, то есть сын работал под руководством отца.

Такая династия вполне устраивала вождя. Он благоволил к младшему Жданову. Юрию Андреевичу сошла с рук даже скандальная история с «народным академиком» Трофимом Денисовичем Лысенко. 10 апреля 1948 года на семинаре лекторов обкомов и горкомов партии в Политехническом музее молодой Жданов выступил с лекцией «Спорные вопросы современного дарвинизма» и покритиковал гениального мистификатора Трофима Денисовича Лысенко.

Выступление младшего Жданова не было самодеятельностью. В идеологическом подразделении ЦК давно выражали недовольство Лысенко. На него жаловались видные ученые-биологи, которые доказывали, что деятельность Лысенко вредит сельскому хозяйству. Ни один из обещанных им чудо-сортов пшеницы так и не появился. Зато он успешно мешал другим биологам внедрять свои сорта, выведенные в результате долгой селекционной работы.

Однако же Сталин разозлился, узнав, что академика критикуют. Юрия Жданова вызвали на политбюро, когда рассматривался вопрос о присуждении Сталинских премий. Вождь встал и глухим голосом сказал:

— Здесь один товарищ выступил с лекцией против Лысенко. ЦК не может согласиться с такой позицией. Это ошибочное выступление носит правый, примиренческий характер в пользу формальных генетиков.

В своем кабинете вождь разносил руководителей идеологического ведомства:

— Вы что, не знаете, что на Лысенко держится все наше сельское хозяйство? Так этого оставлять нельзя. Надо примерно наказать виновных. Надо поддержать Лысенко и развенчать наших доморощенных морганистов.

15 июля политбюро приняло решение:

«В связи с неправильным, не отражающим позицию ЦК ВКП(б) докладом т. Ю. Жданова по вопросам биологической науки принять предложение Министерства сельского хозяйства СССР, Министерства совхозов СССР и Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина об обсуждении на июльской сессии Академии сельскохозяйственных наук доклада акад. Т. Д. Лысенко на тему «О положении в советской биологической науке», имея в виду опубликование этого доклада в печати».

Юрию Жданову пришлось написать покаянное письмо Сталину. Оно появилось в «Правде» 7 августа 1948 года, в последний день сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук, которая стала триумфом Лысенко.

Юрий Жданов писал:

«С первого же дня моей работы в отделе науки ко мне стали являться представители формальной генетики с жалобами на то, что полученные ими новые сорта полезных растений (гречиха, коксагыз, герань, конопля, цитрусы), обладающие повышенными качествами, не внедряются в производство и наталкиваются на сопротивление сторонников академика Т. Д. Лысенко...

Ошибка моя состоит в том, что, решив взять под защиту эти практические результаты, которые являлись «дарами данайцев», я не подверг беспощадной критике коренные методологические пороки менделеевско-моргановской генетики...

Сознаю, что это деляческий подход к практике, погоня за копеечкой...»

Сталин не случайно заставил молодого Жданова каяться публично. Это был удар по репутации Жданова-старшего, от которого вождь хотел избавиться. Будущее Юрия Жданова тоже рисовалось в мрачных тонах. Но 30 августа Андрей Александрович, тяжелый сердечник, умер, и отношение Сталина к младшему Жданову сразу изменилось к лучшему.

Более того, в апреле 1949 года Светлана Сталина с благословения отца вышла замуж за Юрия Жданова, он усыновил ее ребенка от первого брака. Впрочем, династический союз оказался недолговечным. Но молодой Жданов не утратил расположения тестя, поэтому ему прочили большую карьеру. В 1952 году его назначили заведующим отделом естественных и технических наук и высших учебных заведений ЦК, на XIX съезде, как и Шелепина, избрали членом ЦК КПСС.

После разговора с вождем Юрий Жданов приехал в ЦК комсомола знакомиться.

Семичастный вспоминал:

— Нас собрали. Жданов говорит: «Товарищ Сталин просит меня стать первым секретарем. Расскажите, что вы делаете». Мы один за другим рассказали, чем занимаемся. Жданов взмолился: «Ребята, милые, я в этом ничего не понимаю и не могу вами руководить. Я сейчас же пойду к Иосифу Виссарионовичу и откажусь».

Юрий Андреевич, кабинетный человек, предпочел остаться в аппарате ЦК партии. После этого Сталин, видимо, поинтересовался у Михайлова, кого бы тот рекомендовал на свое место. Николай Александрович, надо понимать, назвал кандидатуру Александра Шелепина. Наверное, имело значение и мнение Маленкова, который его знал.

— Всем управлял Маленков, — рассказывал Шелепин. — ЦК комсомола выходил на него. А в аппарате ЦК был такой Шамберг — правая рука Маленкова. Шамбергу он безоговорочно доверял.

Георгий Максимилианович Маленков своего старого товарища и сослуживца Михаила Шамберга в годы войны сделал заведующим оргинструкторским отделом ЦК. Он даже дочь Волю выдал замуж за сына Шамберга Владимира. Когда начались гонения на евреев, Маленков позаботился о том, чтобы брак дочери с молодым Шамбергом был расторгнут...

Шелепина, нового комсомольского вожака, как положено, представили Сталину. Это была их первая и единственная встреча. Сталин усадил Шелепина на стул, а сам шагал по кабинету. Время от времени подходил к Шелепину, нагибался и заглядывал ему в глаза. Смотрел внимательно. Он же верил, что никто не смеет лгать ему...

Александр Николаевич потом признался своему лучшему другу Валерию Харазову, что ему было страшно...

В перестроечные годы помощник М. С. Горбачева Валерий Болдин пригласил Шелепина и стал его расспрашивать. Запись беседы Болдин потом опубликовал.

Шелепин рассказывал, что к встрече со Сталиным его основательно готовили: сначала заведующий сектором отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК, потом председатель внешнеполитической комиссии ЦК Ваган Григорьевич Григорьян, который предупредил комсомольского секретаря:

— Докладывать надо очень кратко — пять — семь минут. Сказать главным образом о международном молодежном движении.

Шелепина напутствовал и Маленков:

— Имей в виду, он почти ничего не слышит, поэтому надо говорить громко, даже кричать. Когда придешь к нему в кабинет, ничего в руках не

держат: ни папок, ни бумаг.

Через неделю позвонили: иди.

Шелепин:

«Открыл дверь, зашел, кричу:

— Здравствуйте, товарищ Сталин!

А он наклонился, молчит. Я тогда вплотную вот так подошел и кричу:

— Здравствуйте, товарищ Сталин!

Он посмотрел, повернулся и пальцем показывает, что надо сесть. Я сел. Начал докладывать — встал. Он махнул рукой — сиди. Я доложил обстановку в международном молодежном движении. Он выслушал. Ничего не спрашивал, не задавал вопросов. Сказал:

— Вам надо войти членом в общесоюзный славянский комитет. Это очень важная организация.

Я говорю:

— Хорошо, товарищ Сталин.

И тогда он заключил:

— Ну, все, спасибо.

Я встал и пошел:

— До свидания, товарищ Сталин.

Он не ответил».

31 октября 1952 года на пленуме ЦК ВЛКСМ Шелепин стал первым секретарем. Учитывая то, что его предшественник сразу оказался на партийном олимпе, должность эта была более чем высокой. На Шелепина смотрели как на восходящую политическую звезду.

Секретарем ЦК ВЛКСМ по кадрам утвердили Василия Никифоровича Зайчикова. Но в самом начале 1953 года его внезапно перевели на работу в Министерство государственной безопасности — помощником начальника следственной части по особо важным делам.

Сталин подбирал в органы новых людей, чтобы заменить ими старых чекистов. Маленков сказал новичкам:

— Мы пригласили вас по поручению товарища Сталина. Он посмотрел ваши личные дела. Вы ему понравились.

Одновременно с Зайчиковым в МГБ на той же должности оказался и недавний заместитель заведующего отделом комсомольских органов ЦК ВЛКСМ Николай Николаевич Месяцев. Но он в отличие от Зайчикова был военным юристом, во время войны служил в управлении военной контрразведки СМЕРШ. Старшим следователем по особо важным делам назначили первого секретаря Челябинского обкома комсомола Петра Ивановича Колобанова.

Василий Зайчиков допрашивал бывшего министра госбезопасности, бывшего начальника Смерша генерал-полковника Виктора Семеновича Абакумова. Зайчиков рассказывал Месяцеву, что, когда Абакумова в первый раз привели к нему на допрос, тот сразу раскусил следователя:

— А, мне следователя-новичка дали.

— Как вы это определили? — поинтересовался Зайчиков.

— Вы были депутатом Верховного Совета, у вас еще на лацкане след от значка, ботинки из-за границы...

Зайчиков действительно был депутатом Верховного Совета РСФСР.

Василия Зайчикова министр госбезопасности Семен Денисович Игнатьев возил к Сталину на Ближнюю дачу. Вождя интересовал Абакумов. Он распорядился:

— Заковать в кандалы.

Николая Месяцева Шелепин в 1955 году опять взял в ЦК заведующим отделом пропаганды и агитации, а на следующий год сделал секретарем ЦК ВЛКСМ по идеологии.

«В последний раз я видел Сталина вблизи 21 января 1953 года, — вспоминал Михаил Халдеев, — на торжественном заседании, посвященном 29-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина в Большом театре...

Затылок Сталина был уже явно склеротический, весь в красных прожилках, волос мало, они отдавали рыжеватым цветом. Когда он оборачивался, то просматривались и оспины на лице. Помню, меня удивил его низкий лоб — совсем не такой, как изображали на портретах. В правой руке он держал карманные часы и каждые семь-восемь минут подзывал к себе Маленкова, чтобы спросить, как долго будет продолжаться доклад. И всякий раз Маленкова заверял Сталина, что ровно полчаса, не больше. Видно было, что Сталин плохо себя чувствует, ему тяжело дается пребывание на людях».

В сталинские времена комсомол был суровой школой.

«Мое поколение долго, вплоть до XX съезда КПСС, не располагало достоверной информацией о положении в партии, стране и жило во лжи», — писал на склоне лет Александр Шелепин.

Владимир Семичастный, шедший за Шелепиным, можно сказать, след в след (он возглавил после него комсомол, а потом сменил его и в ЦК КПСС, и на Лубянке), сформулировал это так:

— Чем отличались советские кадры? Чтобы продвинуться и занять пост, надо семь сит пройти, шишки и синяки набить. Через семь сит прошел, а на восьмом застрял...

Многие комсомольские функционеры копировали худшие черты своих

партийных опекунов: чинопочитание, послушание и умение внимательно слушать вышестоящих, писал Михаил Федорович Ненашев, секретарь Челябинского обкома партии, а затем заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС. Аппарат комсомола, особенно в его верхнем эшелоне, в фарисействе мало чем уступал иезуитам.

Наиль Биккенин, который много лет проработал в ЦК партии, писал:

«Я безошибочно мог определить в аппарате ЦК бывших комсомольских работников по тому, как они садились и выходили из машины. Такую непринужденность и автоматизм навыков можно было приобрести только в молодости».

«Комсомольские деятели — это никакая не молодежь, а специфическая категория — чиновничий подрост, смена аппаратного руководства, — записал в дневнике Алексей Кондратович, заместитель Твардовского в «Новом мире». — Это люди, заранее планирующие свою жизнь в руководителях. Молодые люди, еще ничего не сделавшие в жизни и не накопившие никакого запаса впечатлений, опыта, кроме начальноруководящего, уже призваны руководить, учить, воспитывать. Не случайно именно комсомольские деятели — самые консервативные из всех возможных у нас деятелей. Усвоив самую главную заповедь — держи и не пущай! — не пускают. Их легко натравить, напустить на кого угодно, они по-молодому энергичны и услужливы. Но и они легко поддаются растлению, ибо в сущности уже растлены».

По словам Николая Месяцева, даже в сравнении с 1930-ми годами в последние сталинские годы ситуация в комсомоле ухудшилась — меньше самостоятельности, больше бюрократизма и власти.

В комсомольском аппарате многие делали карьеру, сочиняя доносы на своих начальников, зная, что это лучший способ продвинуться.

Вячеслав Иванович Кочемасов был секретарем ЦК ВЛКСМ с весны 1949-го до осени 1955 года. Он вспоминал, как и на него написали донос: сам, дескать, сын кулака, а жена его — дочь врага народа. А ее отец между тем был секретарем обкома. Его в годы террора расстреляли, мать посадили в тюрьму, а дочь отправили в Горький, где она и познакомилась с Кочемасовым.

Донос передали на рассмотрение Шелепина. Тот пригласил к себе Кочемасова.

— Поговорили, но чувствую, не за тем меня позвал, — рассказывал Кочемасов. — Жду. Он перешел к делу: «Я тебе одну бумагу покажу». Открыл сейф, достал этот донос. Я прочитал. Шелепин говорит: «Ты не обращай внимания и не переживай». И при мне разорвал его и в корзину.

Так два раза было...

Не много было в советской истории руководителей, способных на такой поступок. Разорвать анонимку означало взять на себя всю ответственность. Вышестоящие товарищи всегда могли заподозрить его в соучастии: почему не реагировал на сигнал масс? Покрываешь врагов народа?

Один первый секретарь обкома на Украине рассказывал, как на него написали анонимку, что он ходит на гулянки, играет на гармошке, а репертуар у него не очень. Порядок был такой: анонимки разбирались, но того, о ком писали, не вызывали и письмо ему не показывали. Если анонимка не подтверждалась, то человек мог ничего и не узнать. Руководителю области повезло. Анонимку разбирал второй секретарь ЦК Украины Иван Кондратьевич Лутак, доложил хозяину республики. Тот, прочитав анонимку, сказал:

— Слава богу, хотя бы один первый секретарь обкома и играет, и танцует, и поет, и областью хорошо руководит...

По словам Кочемасова, Александр Николаевич Шелепин был простым и достойным человеком, не терпел бюрократических тягомотных заседаний и не читал нотаций.

С Вячеславом Ивановичем Кочемасовым я беседовал, когда он уже вышел на пенсию. Из ЦК комсомола его перевели на работу в посольство СССР в ГДР, потом он был заместителем председателя Госкомитета по культурным связям с зарубежными странами. В 1962 году его назначили заместителем председателя Совета министров РСФСР; он курировал республиканское Министерство культуры, Госкомитет по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Он оказался последним советским послом в ГДР. Очень спокойный, выдержанный и любезный, Вячеслав Иванович вполне подходил для дипломатической работы...

5 марта 1953 года, со смертью Сталина, началась новая эпоха, но мало кто это понимал. Поначалу аппарат, чиновники всех рангов соревновались в выражении скорби, считая, что именно этого от них ждут.

Писательница Валерия Герасимова, первая жена руководителя Союза писателей Александра Александровича Фадеева и двоюродная сестра известного кинорежиссера Сергея Аполлинариевича Герасимова, так описала траурный митинг, состоявшийся в Союзе писателей 10 марта:

«Что-то завывал Сурков, Симонов рыдал — сначала и глазам не поверила, — его спина была передо мной, и она довольно ритмично тряслась... Затем, выступив, он сказал, что отныне самой главной великой задачей советской литературы будет воссоздание образа величайшего

человека («всех времен и народов» — была утвержденная формулировка тех лет).

Николай Грибачев выступил в своем образе: предостерегающе посверкивая холодными белыми глазами, он сказал (примерно), что после исчезновения великого вождя бдительность не только не должна быть ослаблена, а, напротив, должна возрасти. Если кто-то из вражеских элементов, возможно, попытается использовать сложившиеся обстоятельства для своей работы, пусть не надеется на то, что стальная рука правосудия хоть сколько-нибудь ослабла...

Ужасное собрание. Великого «гуманиста» уже не было. Но страх, казалось, достиг своего апогея. Я помню зеленые, точно больные, у всех лица, искаженные, с какими-то невидящими глазами; приглушенный шелест, а не человеческую речь в кулуарах; порой, правда, демонстрируемые (а кое у кого и истинные!) всхлипы и так называемые «заглушенные рыдания». Вселюдный пароксизм страха».

Валерия Герасимова давно поняла, что происходит в стране, и возненавидела Сталина, а Александр Фадеев, по ее словам, искренне его любил, до последнего оставался, как было принято говорить, солдатом партии. Но и его отношение к Сталину со временем изменилось. Увидев после долгой разлуки Валерию Герасимову, он признался ей:

— Дышать стало легче.

А вскоре, осознав то, чему он был свидетелем и деятельным участником, Фадеев застрелился. Его старый друг писатель Юрий Либединский с горечью сказал:

— Бедный Саша, всю жизнь простоял на часах, а выяснилось, что стоял на часах перед сортиром.

Но тогда, в марте 1953-го, еще действовала инерция прошлой жизни. 12 марта «Правда» поместила статью Фадеева «Гуманизм Сталина». В ней говорилось:

«Сталин, как никто другой, определил великое гуманистическое значение художественной литературы как силы воспитания и перевоспитания человека в духе коммунизма, назвав писателей инженерами человеческих душ».

Через неделю, 19 марта, в «Литературной газете» появилась передовица «Священный долг писателя», написанная Константином Симоновым на пару с одним его сотрудником.

Они писали: «Самая важная, самая высокая задача, со всей настоятельностью поставленная перед советской литературой, заключается в том, чтобы во всем величии и во всей полноте запечатлеть для своих

современников и для грядущих поколений образ величайшего гения всех времен и народов — бессмертного Сталина».

Фадеев и Симонов доложили в ЦК, что проводят очищение Союза писателей от евреев, хотя ставшие у руля страны люди спешили откреститься от наиболее одиозных сталинских акций и уже решили реабилитировать и выпустить из тюрьмы «врачей-убийц».

Руководители Союза писателей не угадали. После смерти вождя на Старой площади начались другие времена. Никита Сергеевич Хрущев был раздражен инициативой писателей. Новые руководители страны, освободившиеся от Сталина, вовсе не собирались играть роль его наследников и вообще хотели, чтобы панихида по нему побыстрее прекратилась.

Хрущев позвонил в редакцию «Литературной газеты». Симонова на месте не оказалось, он был на даче. Тогда Никита Сергеевич попросил соединить его с Союзом писателей и распорядился отстранить Симонова от руководства газетой. В исправление симоновской ошибки «Литературная газета» опубликовала новую передовицу, в которой говорилось, что главная задача литературы — показать «великие дела нашего народа, его борьбу за коммунизм».

После чего Константину Михайловичу позволили вновь руководить газетой, но недолго. Из «Литературной газеты» его переместили в журнал «Новый мир». Видимо, Хрущев воспринимал его как сталиниста, и Симонов чувствовал отношение первого секретаря, посему решил отказаться от всех административных должностей и даже уехать из Москвы на два-три года, что, впрочем, только пошло на пользу его творчеству. В начале 1958 года Константин Симонов попросился на прием к Хрущеву и через несколько дней оказался в его кабинете.

«После моих объяснений, почему я хочу уехать, — рассказывал Симонов, — Хрущев, прищурясь, спросил меня:

— А кто будет редактором в «Новом мире»?

Я ничего не ответил, только молча пожал плечами. Этот вопрос было не мне решать. Да и как-то не с руки на него отвечать. Но Хрущев, видимо, понял мое молчание по-своему: не то как упорство, не то как выражение обиды, и во второй раз спросил, уже напористо, с нажимом:

— Почему уходите от ответа? Сегодня работаете в журнале, а завтра хотите уехать. Вместо вас послезавтра надо на ваше место другого. Кого? Что вы сами-то об этом думаете? Не поверю, чтоб сами об этом не думали.

— Конечно думал, — ответил я и назвал того, о ком действительно думал все последние месяцы, собираясь расстаться с журналом:

Твардовского...»

Александр Трифонович Твардовский во второй раз стал главным редактором «Нового мира». Симонов уехал из Москвы и написал трилогию, принесшую ему читательское внимание и Ленинскую премию: «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются», «Последнее лето».

Сразу после смерти вождя Шелепин с Семичастным предложили было переименовать ленинский комсомол в ленинско-сталинский. Эту инициативу одобрили на бюро ЦК ВЛКСМ и доложили в президиум ЦК партии. Опытные люди, но тоже не угадали новых веяний. Хрущев поздно вечером позвонил Шелепину домой и сказал:

— Мы тут посоветовались и решили, что делать этого не надо.

Лучшие комсомольские годы Шелепина пришлись на хрущевские времена. Хрущев не доверял своим давним соратникам, делал ставку на молодежь и многое позволял своим комсомольцам, если, разумеется, они следовали его курсом.

В соответствии с хрущевскими идеями Шелепин сократил номенклатурный комсомольский аппарат — оставил в райкомах двух освобожденных работников, все остальные трудились на общественных началах.

Все ошиблись в Никите Сергеевиче, принимая его за простачка, с которым легко будет сговориться! Привыкли, что Сталин ернически именовал его «Микитой». А Никита Сергеевич оказался талантливым политиком. Живой и энергичный, он легко обошел своих неповоротливых соратников. Прежде всего он избавился от Берии, которого жутко боялся. Оттеснить от власти Маленкова, который после смерти Сталина играл роль руководителя страны, оказалось значительно легче.

В марте 1953 года Хрущев был избран секретарем ЦК — всего лишь одним из четырех. После мастерски проведенного им ареста Берии Никита Сергеевич захотел повышения. Он завел речь о том, что на заседаниях президиума ЦК должен председательствовать секретарь ЦК, а не глава правительства Маленков:

— У нас коллективное руководство, значит, каждый должен делать свое дело, Маленков — руководить правительством, а не партией.

Товарищи по партийному руководству, видя очевидное первенство Хрущева, поспешили удовлетворить его амбиции. Через два месяца после ареста Берии, во время сентябрьского пленума, в перерыве, в комнате отдыха, где собирались члены президиума, Маленков сказал:

— Я предлагаю избрать на этом пленуме Хрущева первым секретарем Центрального комитета.

И на пленуме Маленков объяснил, что «в настоящее время у нас нет первого секретаря ЦК», и предложил кандидатуру Никиты Сергеевича как «верного ученика Ленина и ближайшего соратника Сталина, обладающего огромным опытом в области партийного строительства и глубокими знаниями нашего народа».

Лазарь Каганович, по его словам, очень удивился: обычно такие серьезные вопросы заранее обговаривались. Он спросил Маленкова, почему тот никому ничего не сказал. Маленков объяснил, что перед самым пленумом к нему подошел министр обороны Николай Александрович Булганин и предложил избрать Хрущева:

— Иначе я сам внесу это предложение.

И действительно — Булганин первым поддержал Маленкова:

— Давайте решать!

Булганин и Маленков наперебой старались расположить к себе Хрущева, чувствуя за ним силу.

Пленум послушно принял решение «об избрании т. Хрущева первым секретарем ЦК КПСС». В печати об этом не сообщалось, но аппарату новый расклад сил был ясен.

При Сталине Хрущев набивался Маленкову в друзья, по вечерам приглашал семьями гулять по Москве. И в первые месяцы после смерти вождя тоже старался быть поближе к Маленкову, они вместе обедали, ездили на одной машине. Хрущев не только демонстрировал дружбу с Маленковым, но и по ходу дела внушал ему свои идеи, добиваясь поддержки.

Почувствовав силу, Никита Сергеевич потерял интерес к Маленкову. Георгий Максимилианович, поняв, что теряет власть, пытался угодить Хрущеву. Главный редактор «Правды» Дмитрий Трофимович Шепилов рассказывал, как в апреле 1954 года ему позвонил Маленков:

— Вы не могли бы сейчас приехать ко мне на несколько минут?

Сталинский кабинет отремонтировали, все было новенькое и блестело. Глава правительства, напротив, выглядел неуверенным, говорил сбивчиво и смущенно:

— Я просил вас приехать, товарищ Шепилов, вот по какому вопросу. Семнадцатого апреля Никите Сергеевичу исполняется шестьдесят лет. Он очень старается. Он хорошо работает. Мы посоветовались между собой и решили присвоить ему звание Героя Социалистического Труда. Мне поручено переговорить с вами, чтобы хорошо, по-настоящему подать это в газете.

Маленкову его старания не помогли. Уже через полтора года Хрущев

настолько окреп, что атаковал Георгия Максимилиановича — обвинил главу правительства в отказе от основных принципов советской политики. Никита Сергеевич добился того, что Маленкова убрали с поста главы правительства, перевели в заместители, дали незначительный пост министра электростанций, но оставили членом президиума ЦК.

Хрущев спешил убрать с политической арены и других руководителей страны, которые ему мешали. И продвигал своих людей. Никита Сергеевич постепенно втягивал Александра Шелепина в большую политику, наблюдая, на что способен комсомольский секретарь.

Решением президиума ЦК Шелепина включили в состав комиссии, которая должна была представить предложения о трудовом и бытовом устройстве так называемых спецпоселенцев — в основном речь шла о народах, которые Сталин выселил в Сибирь и Казахстан. В спецпоселениях держали более двух миллионов человек, из них полтора миллиона — депортированные в годы войны чеченцы, ингуши, балкарцы, калмыки, крымские татары, немцы.

В комиссию помимо Шелепина вошли: секретари ЦК Михаил Андреевич Суслов и Петр Николаевич Пospelов, министр юстиции Константин Петрович Горшенин и заместитель секретаря президиума Верховного Совета (была тогда такая должность) Александр Федорович Горкин.

Комиссия сделала первый шаг в реабилитации народов, изгнанных из родных мест:

«Многие партийные и советские органы допускают пренебрежительное отношение к работе среди спецпоселенцев, проходят мимо многочисленных фактов произвола в отношении этой части населения, ущемления незаконных прав спецпоселенцев, огульного политического недоверия к ним...

Считали бы необходимым поручить группе работников изучить вопрос и доложить ЦК предложения о целесообразности дальнейшего сохранения во всей полноте тех правовых ограничений в отношении спецпоселенцев — немцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, калмыков и крымских татар, которые были установлены в свое время постановлением Совета Народных Комиссаров от 8 января 1945 года и постановлением Совета Министров от 24 ноября 1948 года.

С момента переселения немцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, калмыков и крымских татар прошло около десяти лет. За это время подавляющее большинство их осело на новом месте жительства, трудоустроено, добросовестно трудится на предприятиях, в совхозах и

колхозах.

Между тем остается неизменным первоначально установленный строгий режим в отношении передвижения спецпоселенцев в местах поселения. Например, отлучка спецпоселенца без соответствующего разрешения за пределы района, обслуживаемого спецкомендатурой (иногда ограничиваемая территорией нескольких улиц в городе и сельсовета в сельских районах), рассматривается как побег и влечет за собой ответственность в уголовном порядке.

Полагаем, что в настоящее время уже нет необходимости сохранять эти серьезные ограничения».

В апреле 1953 года эту секретную записку комиссия передала Маленкову, но прошел не один год, прежде чем репрессированным народам разрешили вернуться в родные места.

В 1954 году Шелепина избрали депутатом Верховного Совета СССР (депутатский значок был положен ему по должности). На следующий год включили в состав комиссии, которая готовила предложения по борьбе с уголовной преступностью. В комиссию вошли министр внутренних дел Сергей Никифорович Круглов, первый заместитель заведующего отделом административных органов ЦК КПСС Валентин Васильевич Золотухин, министр юстиции Константин Петрович Горшенин, первый секретарь Московского обкома Иван Васильевич Капитонов, первый заместитель председателя КГБ генерал-майор Константин Федорович Лунев, генеральный прокурор Роман Андреевич Руденко, начальник московской милиции генерал-лейтенант Василий Степанович Рясной, первый секретарь Московского горкома Екатерина Алексеевна Фурцева...

24 августа комиссия передала в ЦК проект письма всем партийным организациям — «О серьезных недостатках в воспитании детей». Для тревоги были основания: более половины привлеченных к уголовной ответственности в стране составляла молодежь в возрасте до двадцати пяти лет.

В документе, под которым поставил подпись Шелепин, говорилось:

«ЦК КПСС считает недопустимым, когда в семьях некоторых руководящих работников партийного, советского и хозяйственного аппарата, видных представителей науки, литературы, искусства дети плохо учатся и плохо ведут себя. Отдельные из таких родителей чрезмерно балуют дома детей, покупают им дорогие подарки: шелковые платья, часы, ценные вещи, подвозят в школу на служебных машинах, дают школьникам большие карманные деньги. Это наносит вред воспитанию подростков. Многие из них начинают пить, курить и безобразничать.

Воспитание ребенка в семье — не частное, не личное дело родителей. ЦК КПСС требует, чтобы вопросы воспитания подрастающего поколения, ответственности родителей за поведение своих детей постоянно были в центре внимания каждой партийной организации».

На президиуме ЦК зачитали проект письма и решили подготовить более объемный документ «Об усилении воспитательной работы среди молодежи и всех трудящихся».

Через год, в августе 1956-го, на президиуме ЦК рассматривали вопрос «об усилении борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами и приобщении к труду кочующих цыган». Заведующий общим отделом ЦК Владимир Никифорович Малин, как обычно, коротко записал принятые на заседании решения:

«Шире поставить вопрос.

Опубликовать от президиума Верховного Совета обращение, вынести на обсуждение народа.

Разобраться (т. Руденко), почему не используем закон в борьбе с бродяжничеством цыган. Указать прокурору, МВД — не следят, поощряют бродяжничество.

Принять предложение т. Хрущева об обсуждении проекта закона о борьбе с антиобщественными элементами. Срок — месяц.

О цыганах решить отдельно. Срок три дня.

Поручить комиссии в составе: Руденко, Дудоров, Серов, Золотухин, Гришин, Шелепин».

Виктора Васильевича Гришина только что утвердили председателем ВЦСПС, Николай Павлович Дудоров был министром внутренних дел, Иван Александрович Серов — председателем КГБ. Шелепина включили в комиссию, зная его активность и напористость. Комиссия подготовила проекты постановления правительства и указа президиума Верховного Совета СССР «О приобщении к труду цыган, занимающихся бродяжничеством». 2 октября оба документа были приняты.

Шелепин продолжал интересоваться положением в профессиональном спорте. В июле 1955 года он обратился с запиской в ЦК партии, недовольный проигрышем советских сборных по волейболу и баскетболу на первенстве Европы:

«До сих пор советские волейболисты и волейболистки считались сильнейшими в Европе и мире; баскетболисты — сильнейшими в Европе.

В чем же причины такого поражения советских спортсменов? Основная причина заключается в неудовлетворительном руководстве этими видами спорта Комитетом по физкультуре и спорту и его Управлением

спортивных игр.

ЦК ВЛКСМ неоднократно высказывал Комитету по физкультуре и спорту о неблагоприятном положении в этих видах спорта, о недостатках в подборе состава команд и тренеров. Комитет не прислушался к мнению ЦК ВЛКСМ.»

Шелепину как руководителю комсомола поручили заняться воспитательной работой среди грузинской молодежи. Каждый год 5 марта в Грузии устраивались митинги, к памятникам Сталину возлагались цветы, дети читали стихи об ушедшем вожде. Такие же мероприятия намечалось провести и в 1956-м. Но в феврале состоялся XX съезд. 25 февраля, в последний день, когда съезд уже фактически закончил работу и уже был избран новый состав ЦК, на закрытом заседании Хрущев произнес свою знаменитую речь о сталинских преступлениях.

Это означало, что официальное отношение к усопшему вождю должно быть пересмотрено. О выступлении Хрущева знали только делегаты съезда. Прежде чем доклад начали читать в партийных организациях, Грузия, до которой дошли разговоры о том, что Хрущев на съезде осудил Сталина, взбунтовалась.

7 марта 1956 года, в третью годовщину смерти вождя, грузинская молодежь в Тбилиси, Гори, Кутаиси, Сухуми и Батуми вышла на улицы, чтобы защитить имя национального героя. В столице Грузии возлагали венки к монументу Сталину, читали стихи в его честь.

«Сталинские времена, — записал в дневнике Александр Твардовский, — были огромной компенсацией для национального самолюбия грузинских патриотов (или националистов?) за целые века исторической печали о минувшем давным-давно величии. Сразу после Сталина — настроения внезапной потери некоего первенства среди народов, а дальше и чувство вины, и опасений, и затаенной боли. И молчанка.»

В тот день школьники и студенты не пошли на занятия, а несколькими колоннами — с венками, портретами усопшего вождя, флагами — прошли по улицам города. В Тбилиси в манифестациях приняли участие более шестидесяти тысяч человек, в основном студенты и школьники. Они требовали вывесить в городе флаги и портреты Сталина, опубликовать в республиканских газетах статьи о его жизни и деятельности.

8 в гостинице «Интурист» находился приехавший из Пекина член политбюро и секретарь ЦК компартии Китая Чжу Дэ. Молодежь требовала встречи с ним, и китайского гостя срочно эвакуировали на государственную дачу. Но вышедшая из повиновения молодежь, захватив в городе машины, добралась до дачи, которую охраняли два взвода солдат из полка МВД. Они

не смогли остановить толпу, которая требовала встречи с Чжу Дэ. Ему пришлось выступить перед молодежью и отрядить китайских чиновников, чтобы те вместе со вторым секретарем ЦК компартии Грузии Михаилом Порфирьевичем Георгадзе возложили венки к монументу Сталина.

9 марта в республиканских газетах появилась статья «Третья годовщина со дня смерти И. В. Сталина», вывесили государственные флаги с траурными лентами. Но уже было поздно.

Манифестанты пытались захватить Дом связи — искали радиостудию, чтобы рассказать о происходящем в Тбилиси. Составили телеграмму в Москву с требованием не трогать Сталина. Тогда в город ввели войска и разрешили им применять оружие. При разгоне демонстраций погиб двадцать один человек и больше шестидесяти получили ранения. Органы КГБ задержали почти четыреста манифестантов. Тридцать девять из них — тех, кто выступал на митингах и составлял обращения к правительству, осудили.

Это было первое антиправительственное выступление в стране после 1920-х годов. Первоначально в Москве намеревались квалифицировать эти демонстрации как контрреволюционный заговор со всеми вытекающими последствиями. Но потом сообразили, что это произведет самое неблагоприятное впечатление: какая может быть контрреволюция в стране, где давно победил социализм? Да и в Грузии громкий процесс вызвал бы возмущение и еще большее отчуждение от центральной власти.

Президиум ЦК удовлетворился тем, что принял сравнительно мягкое постановление «Об ошибках и недостатках в работе Центрального Комитета Коммунистической партии Грузии». Партийным органам республики предлагалось считать главной задачей «глубокое разъяснение решений XX съезда КПСС, антимарксистской сущности культа личности Сталина». Аппарату предлагалось «принять решительные меры по ликвидации последствий бериевщины, усилить борьбу со всякого рода проявлениями буржуазного национализма».

Комсомолу поручили усилить идейно-воспитательную работу среди молодежи. Отдел пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ подготовил Шелепину свои предложения:

«Предоставить право директорам вузов по согласованию с партийными и общественными организациями исключать из вузов без права последующего поступления — студентов, нарушающих правила общественного поведения и распорядка...

Комсомольским организациям, райкомам, горкомам, обкомам, ЦК ЛКСМ необходимо покончить с позицией невмешательства по отношению

к неработающей и празднующейся молодежи... ЦК ЛКСМ подготовить предложения о сокращении количества принимаемых в вузы... Принять меры к укреплению комсомольских кадров в первичных комсомольских организациях и прежде всего в вузах и школах...»

Похожая ситуация сложилась в Прибалтике. Шелепин докладывал ЦК, что в Литве было раскрыто шестнадцать подпольных молодежных организаций. Молодые грузины вступились за Сталина, молодые литовцы клялись бороться за «свободную Литву».

4 ноября 1956 года на заседании президиума ЦК поручили «Фурцевой, Пospelову, Шелепину и Елютину внести предложение об очищении вузов от нездоровых элементов». Вячеслав Петрович Елютин был министром высшего образования.

Ужесточение идеологической атмосферы в высших учебных заведениях явилось результатом возмущения студенчества событиями в Венгрии. Некоторые молодые люди протестовали против введения советских войск и подавления народного восстания в Будапеште. Чисткой в студенческой среде занялся КГБ. Шелепину было поручено усилить идеологическую работу комсомола среди учащейся молодежи. В ЦК ВЛКСМ считали, что молодежью должен заниматься именно комсомол, а не госбезопасность. Однако на местах райкомы и горкомы, столкнувшись с самыми невинными попытками свободолюбивой молодежи выйти за тесные рамки официальной линии, растерялись и обращались к чекистам.

12 ноября Шелепин подготовил предложения для президиума ЦК партии: изменить порядок приема в вузы, чтобы «пресечь проникновение в вузы случайных людей», в частности — отменить прием медалистов вне конкурса, принимать только тех, кто не менее двух лет отработал на производстве, требовать рекомендации трудовых коллективов.

Комиссия под председательством секретаря ЦК Брежнева, учтя предложения Шелепина, подготовила закрытое письмо партийным организациям — «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». Текст письма, которое стало сигналом к гонениям на свободомыслящую интеллигенцию и студенческую молодежь, утвердили на президиуме ЦК 19 декабря 1956 года.

Письмо зачитали на пленуме ЦК комсомола.

Секретарь ЦК комсомола Зоя Туманова, которая курировала отдел по работе со студенческой молодежью, грозно вещала с трибуны:

— Что касается всякого рода антисоветских и враждебных вылазок, то, видимо, здесь у пленума будет единое мнение, что их надо решительно

пресекать. ЦК ВЛКСМ считает правильными действия тех комсомольских организаций, которые учащихся, не оправдывающих звания советских студентов, исключают из членов ВЛКСМ и из институтов.

Зоя Петровна Туманова, как и Шелепин, училась в ИФЛИ, карьеру начинала редактором «Пионерской правды», это было еще в мрачные сталинские годы. Она первым делом очистила редакцию от тех, у кого были проблемы с анкетой — то есть репрессированные родственники. Литературный редактор «Пионерской правды» Лидия Корнеевна Чуковская, дочь известного писателя, в знак протеста ушла из редакции сама.

Впоследствии Туманова много лет работала первым заместителем заведующего отделом культуры ЦК КПСС.

Зою Туманову поддержал Шелепин:

— Нам надо вузы очистить от антисоветских людей. надо очистить комсомол. Но я прошу не понимать это как чистку. Ни в коем случае нельзя, чтобы это получилось как чистка комсомольских организаций... Нельзя не считаться с тем, что, осуществляя директивы XX съезда о социалистической законности, мы многих выпустили из тюрем, даже таких, которых, может быть, не надо было выпускать... Мы располагаем фактами, что некоторые из них ведут вражескую работу. Надо быть бдительными, и людей, которые будут вести антисоветскую агитацию, щадить не будем, снова в тюрьмы сажать надо.

Слова первого секретаря ЦК комсомола, сказанные уже после XX съезда и знаменитого хрущевского доклада, достаточно точно характеризуют отношение к процессу освобождения репрессированных при Сталине людей. Это воспринималось как вынужденный, но нежелательный шаг. Но кровожадным Александр Николаевич не был.

— С другой стороны, — продолжал Шелепин свою речь на пленуме ЦК, — есть в вузах такие люди: ему семнадцать лет, школу закончил, пошел на первый курс, у него каша в голове, ничего не соображает... Или он послушал Би-би-си или «Голос Америки», или он прочитал газету югославскую «Борба» или какую-то польскую газету, и он начинает соображать. Я хочу привести ленинское указание: «Таким людям надо всячески помогать, относясь как можно терпимее к их ошибкам, стараясь исправлять их постепенно и преимущественно путем убеждения, а не борьбы».

Шелепину пришлось заниматься трагической и запутанной историей «Молодой гвардии». После освобождения Донбасса «Комсомольская правда» написала о подпольной комсомольской организации в шахтерском

поселке Краснодон. В сентябре 1943 года пятерым погибшим подпольщикам присвоили звания героев Советского Союза, еще сорок пять наградили орденами.

Руководитель Союза советских писателей Александр Александрович Фадеев испросил у Сталина творческий отпуск, поехал в Краснодон и меньше чем за два года написал роман «Молодая гвардия», который пользовался огромным успехом.

Информации о реальных событиях было немного. Руководители комсомола в основном полагались на рассказы матери Олега Кошевого. Расследованием обстоятельств смерти юных подпольщиков занялись органы главного управления военной контрразведки «Смерш», искавшие предателей. В провале «Молодой гвардии» обвинили людей, которые на самом деле заслуживали благодарной памяти.

Фадеев, следуя первым сведениям, поспешно назвал их предателями, опозорив семьи достойных людей. В Краснодоне этим возмущались. Фадееву пришлось объясняться. Но менять что-либо в романе по этой причине он не захотел — был упрям.

Фадеев ответил родителям погибших: «Я писал не подлинную историю молодогвардейцев, а роман, который не только допускает, а даже предполагает художественный вымысел. Поэтому ни вы, ни родители других молодогвардейцев не должны требовать от меня абсолютной точности».

Но речь шла о добром имени погибших и об их родственниках. Чтобы избежать незаслуженного позора, людям приходилось менять фамилии, уезжать из родного города. Уже после смерти Сталина несколько оставшихся в живых подпольщиков добились приема у Шелепина, рассказали ему о несправедливости в отношении человека, который в реальности был комиссаром «Молодой гвардии», и убедили Александра Николаевича в своей правоте.

Виктор Третьякевич, выведенный в романе под фамилией Стахович, был в реальности первым руководителем подпольной группы. Его сбросили в шахту живым... Из-за фадеевского романа двум его братьям пришлось жить с клеймом «брат предателя».

Первому секретарю ЦК комсомола трудно было идти против устоявшегося мнения. Но Шелепин все-таки добился создания комиссии, и та полностью реабилитировала Виктора Третьякевича. Только в 1960 году его наградили посмертно орденом Отечественной войны первой степени и в «Правде» написали о нем — «Отважный сын Краснодона».

После этого режиссер фильма «Молодая гвардия» Сергей Герасимов

выбросил из фильма сцены с мнимым предателем.

Но роман не перепишешь...

Бюро ЦК ВЛКСМ заседало два раза в месяц, секретариат — каждую неделю. Первый секретарь присутствовал на заседаниях президиума ЦК, второй секретарь — на секретариатах ЦК КПСС. Один из секретарей ЦК комсомола обязательно присутствовал на заседаниях правительства. Секретари ЦК ВЛКСМ были заметными людьми в столице, их приглашали в иностранные посольства, на торжественные собрания и приемы в Кремль.

Зарплата первого секретаря ЦК комсомола приравнивалась к зарплате заведующего отделом ЦК партии — Шелепин получал пять с половиной тысяч рублей. Остальные секретари получали четыре с половиной тысячи, при тогдашнем уровне цен этих денег было более чем достаточно. Секретари ЦК имели право пользоваться так называемой столовой лечебного питания на улице Грановского, где получали любые продукты по символическим ценам.

Аппарат ЦК комсомола состоял из нескольких отделов.

Самым крупным был отдел комсомольских органов. Когда Хрущев создал в партии бюро ЦК по РСФСР, отдел поделили на два — отдел комсомольских органов по союзным республикам и по РСФСР, в каждом работали человек тридцать.

Вторым по значению был отдел пропаганды и агитации — тоже человек тридцать. В отделах рабочей молодежи и по работе среди сельской молодежи сотрудников было вдвое меньше. Кроме того, существовали отдел школ (потом его разделили — на отдел школьной молодежи и пионерский), военно-физкультурный отдел (его преобразовали в отдел спортивной и оборонно-массовой работы). Со временем появился отдел культуры. И конечно же существовало управление делами, занимавшееся финансами и хозяйством.

Комсомольский аппарат по всей стране находился на дотации. Копеечные членские взносы (большую часть членов ВЛКСМ составляли школьники, студенты, которые ничего не зарабатывали) не покрывали расходов. Поэтому по традиции ЦК ВЛКСМ получал деньги из партийной казны.

«Комсомольская правда» и «Пионерская правда», имевшая самый большой тираж в стране, издательство «Молодая гвардия» и республиканские комсомольские газеты и издательства давали немалый доход, но все поступало в партийную кассу. При удобном случае Шелепин поднял вопрос о том, что эти деньги должны идти комсомолу.

Прижми́мистый Хрущев его остановил:

— Вот еще! Мы вам даем деньги, а это компенсация партийному бюджету.

Но Шелепин подготовился к разговору:

— Никита Сергеевич, вас неправильно информируют. Вы спросите управляющего делами ЦК КПСС, сколько он получает от комсомольских газет и издательств и сколько нам дают.

Подсчитали. Оказалось, что доходы комсомольских изданий в четыре раза превышают получаемые дотации.

— Это безобразие, — возмутился Хрущев, — раз у вас все забирают, вы же не заинтересованы зарабатывать больше!

Шелепин развел руками.

Хрущев тут же распорядился отдать комсомолу все, что он зарабатывает. Деньги за участие в воскресниках, особенно по озеленению, тоже стали передавать местным комсомольским органам — обкомам и крайкомам. Раньше на приезжающих в край или область гостей из ЦК перечисляли деньги. Теперь сказали: сами оплачивайте их пребывание. Обкомы и крайкомы стали сами зарабатывать и увлеклись этим занятием. Первые российские олигархи, как известно, вышли из комсомола...

Шелепин сам подбирал комсомольские кадры по всей стране, многие из них остались его товарищами на всю жизнь. Другие следовали за ним, пока он оставался у власти...

Иван Алексеевич Мозговой стал после смерти Сталина вторым секретарем Херсонского комитета комсомола. На пленуме ЦК комсомола Украины в 1955 году к нему подошел заведующий отделом республиканского ЦК:

— Тебе из дома звонят, иди поговори.

Иван Мозговой зашел за сцену и понял, что никто ему не звонил. Он понадобился для важного разговора. Появились первый секретарь ЦК компартии Украины Николай Подгорный, первый секретарь ЦК комсомола Александр Шелепин и первый секретарь ЦК комсомола Украины Василий Дрозденко. Все вместе стали расспрашивать Мозгового о работе, семье, родителях. Потом Шелепин сказал:

— Думаем вас завтра рекомендовать на пост первого секретаря ЦК комсомола Украины.

— Да вы что?! — вырвалось у Мозгового.

— У вас есть опыт комсомольской работы. Товарищи дают вам хорошую характеристику. Вам двадцать семь лет. Так что подходите по всем параметрам.

ЦЕЛИННАЯ ЭПОПЕЯ

По-настоящему Никита Сергеевич расположился к Шелепину, когда поручил комсомолу мобилизацию молодежи на целину и его поручение было исполнено.

Освоение целинных земель началось потому, что руководители страны во главе с Хрущевым не нашли иного способа быстро накормить страну. Народ просто голодал. В год смерти Сталина, в 1953-м, собрали только тридцать миллионов тонн зерна.

Никита Сергеевич достаточно хорошо знал положение дел на селе. Некоторые сведения при нем стали открыто публиковаться. Другие данные Центральное статистическое управление присылало ему лично — в секретных пакетах. Скажем, народу не полагалось знать, что по численности поголовья скота и по потреблению продуктов на душу населения страна не преодолела дореволюционный уровень. Естественно, скрывались и цифры эффективности животноводства в сравнении со странами Запада.

Из-за войны сократились посевные площади. Земли выпали из севооборота в Московской, Курской, Ленинградской областях, в Белоруссии. Сталин запрещал распахивать новые земли. Хрущев, напротив, решил, что это самый быстрый способ дать стране хлеб.

22 января 1954 года он подписал записку «Пути решения зерновой проблемы», которая стала программой освоения целины:

«Дальнейшее изучение состояния сельского хозяйства и хлебозаготовок показывает, что объявленное нами решение зерновой проблемы не соответствует фактическому положению дел в стране с обеспечением зерном».

Зерна заготавливалось меньше, чем потреблялось. Недостаток возмещался из государственного резерва. Необходимо, писал Хрущев, «расширение в ближайшие годы посевов зерновых культур на залежных и целинных землях в Казахстане и Западной Сибири... Мы должны выиграть время. Нам надо не только получить как можно больше хлеба, но и затратить на получение этого хлеба как можно меньше времени».

Хрущев пригласил к себе первого секретаря ЦК компартии Казахстана Жумабая Шаяхметова, долго беседовал с ним, спрашивал, какие земли пригодны под распашку, сколько зерна можно будет собрать. Шаяхметов, как показалось Хрущеву, отвечал неискренне, занижал возможности

Казахстана, доказывал, что земель, пригодных к распашке, в республике очень мало.

Жумабай Шаяхметов проучился три года в аульской школе и закончил двухклассное русско-казахское училище в селе Полтавское (Омская область), батрачил, а потом работал в различных советских учреждениях — секретарем волостного ревкома, агентом уездного уголовного розыска, секретарем губернской комиссии по коренизации советского аппарата. Десять лет прослужил в госбезопасности.

В июле 1938 года Шаяхметов с должности заместителя начальника Алма-атинского областного управления НКВД был кооптирован в состав Центрального комитета компартии Казахстана и назначен третьим секретарем ЦК. Через год его утвердили вторым секретарем, а в апреле 1946 года — первым секретарем республиканского ЦК.

Он стал первым за четверть века казахом, которому поручили руководить своей республикой, хотя полномочия его были весьма ограничены — все важнейшие решения принимались в Москве. Мнение руководителей республики иногда и не спрашивали. Например, когда создавали в районе Семипалатинска ядерный испытательный полигон.

Шаяхметов остался на своем посту и после смерти Сталина, хотя с Хрущевым ему пришлось нелегко. Никита Сергеевич был недоволен тем, что поставки зерна, мяса, хлопка, шерсти из Казахстана сокращаются. Вернувшись из Москвы, Шаяхметов говорил партийным товарищам:

— Должен сообщить, что мое выступление на пленуме ЦК КПСС не оказалось на высоте тех задач, которые были поставлены Центральным комитетом нашей партии, и было неудачным. После пленума ЦК КПСС первый секретарь Хрущев на специальном совещании секретарей обкомов нашей республики предъявил нам высокие требования, вытекающие из удельного веса Казахстана в сельском хозяйстве страны и конкретных недостатков нашего руководства им.

Никита Сергеевич пришел к выводу, что Шаяхметов сознательно вводит его в заблуждение. Глава Казахстана, видимо, рассудил так: распашка новых земель потребует рабочих рук, в республике их нет, привезут из России, а уже и так много русских и украинцев, значит, доля коренного населения снизится. Руководители Казахстана, надеясь уберечь республику от этой кампании, доложили в ЦК, что «распашка целинных и залежных земель приведет к нарушению интересов коренного казахского населения, так как лишает его выпасов скота».

В Москве эти соображения отвергли. Поняв, что Жумабай Шаяхметов ему не помощник, Хрущев решил заменить руководство республики.

Шаяхметов рассказывал, что Никита Сергеевич спросил его:

— Подъем целины — огромная кампания. Вы, нынешние руководители Казахстана, сможете управлять таким большим делом?

Члены бюро компартии республики молчали. Шаяхметов догадался, какого ответа от него ждут:

— Прошу освободить меня от поста. Я постарел, да и здоровье у меня не очень.

Шаяхметову было всего пятьдесят два года.

Довольный Хрущев похлопал его по плечу:

— Вот настоящий большевик!

Он поручил Шаяхметову провести внеочередной пленум ЦК компартии Казахстана по кадровому вопросу. Пленум собрали 5 февраля 1954 года. Руководителю республики пришлось публично каяться:

— У меня не хватило размаха и уровня, необходимого первому руководителю ЦК партии Казахстана. Я вполне понимаю свою ответственность и тем более свой провал, провал руководства бюро ЦК в такой ответственный момент, когда партия ставит по-новому большие, грандиозные задачи в области подъема сельского хозяйства.

Жумабая Шаяхметова освободили от должности, назначили первым секретарем Южно-Казахстанского обкома партии, а через несколько месяцев отправили на пенсию, потому что он тяжело заболел. Он присутствовал на Семипалатинском полигоне, когда 29 августа 1949 года проводилось испытание первого ядерного взрывного устройства. Может быть, радиация стала причиной болезни... Шаяхметову дали небольшую квартиру в Москве. Теперь в Казахстане убеждены, что с руководителем республики обошлись несправедливо.

Первым секретарем Казахстана Хрущев сделал бывшего руководителя Белоруссии, бывшего секретаря ЦК, бывшего министра культуры Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко, вторым секретарем — Леонида Ильича Брежнева.

С 23 февраля по 2 марта 1954 года в Москве проходил знаменитый пленум ЦК КПСС, который принял постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель», где имеются «огромные массивы неосвоенных земель с плодородными черноземами и каштановыми почвами, на которых можно получать высокий урожай без больших капитальных вложений».

В стране по-разному отнеслись к освоению целины.

«Целинная эпопея, — пишет в своих воспоминаниях бывший первый секретарь Хабаровского крайкома партии Алексей Клементьевич Чёрный,

— вобрала в себя огромные средства, технику, людей. И все же зерна в стране по-прежнему не хватало. Целинная эйфория охватила и дальневосточников. В засушливый 1954 год в спешке распахивались заболоченные массивы, на которых во влажный период невозможно ни посеять, ни убрать урожай. Впопыхах вспаханные земли, не имевшие практически плодородного пахотного слоя, заметной прибавки к урожаю не дали. Наоборот, легли тяжелым бременем на экономику колхозов».

Для освоения целины требовалось много рабочих рук. Хрущев знал, как решить эту проблему.

«Мы поговорили с руководителями ВЛКСМ, — вспоминал Никита Сергеевич, — рассказали им о цели освоения целинных земель и посоветовались о методе привлечения туда молодежи. Комсомол, как всегда, горячо отозвался на призыв...»

Уже 22 февраля 1954 года в Большом Кремлевском дворце проводжали первую группу комсомольцев-целинников.

— Я попросил Хрущева встретиться с комсомольцами, уезжающими на целину, — рассказывал Владимир Семичастный. — Он согласился. Собрались в Большом театре. Хрущев привел с собой весь президиум ЦК. Мы занимались тогда самой настоящей хозяйственной работой...

«Перед молодыми добровольцами, собравшимися в Кремле, в зале заседаний Верховного Совета, я выступил с коротким призывом и объяснил предстоящие задачи, — вспоминал Никита Сергеевич. — Сказал, что партия возлагает на них большие надежды. Затем собрание призвало молодежь всей страны откликнуться на новое дело.

Протекало оно интересно, ребята выступали с энтузиазмом. До сих пор в моей зрительной и слуховой памяти сохранились некоторые лица и речи. Молодые люди буквально светились, их глаза горели. Я глубоко верил в молодежь, она более подвижна и способна на подвиг. Так оно и оказалось».

В сталинские годы деревню ограбили, записал в дневнике в марте 1961 года А. Т. Твардовский, — не только в смысле изъятия материальных средств, но и человеческих кадров. Но деревня держалась «многими коренными зубами за землю».

«Не самый ли трудный зуб — «оседлость», усадьба-дом и приусадебный участок, до сих пор оказывающий столь серьезное сопротивление в неравном бою с социализмом? — задавался вопросом крестьянский сын Александр Твардовский. — Для многих и многих дом и участок — уже единственный стимул выполнения нормы (в трудоднях) на колхозном поле. И за хорошую работу там им социализм давал послабление

в смысле пользования этим маленьким, но живучим капитализмом».

Александр Трифонович увидел в освоении целины то, о чем мало кто задумывался. Замысел кампании объяснялся «не только прямым расчетом «займа» на стороне от старопахенных земель, но и соблазном развернуться на чистом свободном месте, где техника, организация труда и все преимущество крупного хозяйства могло сказаться в «чистом» виде, — все заново и без помех «маленького капитализма», без стариков, садилов, колодцев и прочего.

И они сказались, но не могли не сказаться и другие стороны, не столь выгодные моменты (запустение еще большее старопахенных земель), фронтовой характер освоения новых земель, характер «операции», при которой огромные потери неизбежны. То, что испокон веков делалось на земле людьми, родившимися и обученными на ней, то есть производство хлеба под своими «старыми грушами», делалось теперь сборным, как на новостройке, народом, по преимуществу молодым, то есть наименее приверженным земле, часто вовсе не деревенским.

Но все же «операция» эта гениальна, даже если бы пришлось вновь отступить, дать отдохнуть этим землям и сосредоточиться больше на старопахенных».

Много людей поехали на целину. Для одних это была романтика, другие подчинились комсомольской дисциплине, третьи надеялись улучшить свою жизнь — вырваться из общежитий и огромных коммунальных квартир. Сельская молодежь бежала от нищеты. Деревенские парни таким образом получали паспорта, что давало возможность со временем пойти учиться и обосноваться в городе. Многие крестьяне приехали на целину даже без путевок, чтобы просто заработать. Туда же отправляли и тех, кого освобождали из исправительно-трудовых лагерей условно-досрочно.

«По расписанию приезжала автолавка, — вспоминал секретарь Уральского обкома компартии Казахстана Юрий Александрович Булюбаш. — Разговор с продавцом начинался примерно так: «Арак» бар? «Чернила» бар? Что означало «водка и вино есть?» Продавец мог ответить «бар», а мог и «джок», то есть «нет». Водка «Арак» очень противный напиток, чтобы ее пить, надо было очень сильно устать. Все покупали папиросы «Казбек» и «Беломорканал». Самые отчаянные курили махорку или по-казахски «темек». До сих пор у меня остался заветный мешочек «темека». Бывало, насыплешь его в «козью ножку». Сделаешь две затяжки — и, кажется, дым идет из пяток...»

Хрущев сам съездил в Казахстан. Он увидел, что целинники живут в

палатках в спартанских условиях. Молодежь жаловалась, что невест нет.

«Когда я вернулся в Москву, — вспоминал Никита Сергеевич, — я рассказал о своих впечатлениях и посоветовал комсомолу призвать на целину девушек, для них найдутся и работа, и женихи. Это очень хорошо, что на новых местах сложатся семьи, появятся дома и дети, заведется местное оседлое население и затем окажется старожилами. ВЛКСМ обратился с призывом к девчатам, и немало их уехало на целину... Другого выхода у нас не было».

19 марта 1954 года открылся XII съезд ВЛКСМ, первый съезд, который проводил Шелепин как руководитель комсомола.

«Погожее мартовское утро, — говорилось в репортаже, опубликованном в «Правде». — Стены и башни древнего Кремля залиты лучами по-весеннему яркого солнца. Через Спасские и Боровицкие ворота устремился к Большому Кремлевскому дворцу поток юношей и девушек. Это делегаты и гости XII съезда ВЛКСМ...»

Работа съезда началась с того, что съезд «почтил вставанием память великого продолжателя дела бессмертного Ленина — И. В. Сталина». В докладе Шелепина много говорилось об освоении целины:

— Посылая на освоение новых земель своих воспитанников, комсомол принимает на себя перед лицом партии, всего советского народа высокое обязательство. Разрешите от имени съезда заверить ЦК КПСС в том, что комсомольцы, молодые патриоты дружно и пламенно возьмутся за новое великое дело и с честью его выполнят!

Николай Николаевич Месяцев — в войну офицер управления военной контрразведки «Смерш», а после войны — работник Министерства госбезопасности — был избран секретарем ЦК комсомола и работал вместе с Шелепиным. Месяцев, воспоминания которого будут не раз приводиться в этой книге, рассказывал мне:

— Приходили союзные министры к нам на бюро ЦК комсомола, мы их так прижимали за равнодушие к быту молодежи, что кости трещали...

В январе 1956 года на Всесоюзном совещании молодежи и комсомольцев в Большом Кремлевском дворце Александр Шелепин разносил министра совхозов Ивана Бенедиктова, сталинского наркома, за потребительское отношение к молодежи, приехавшей на целину, за нежелание строить для нее жилье и наладить быт. Но все равно горожане не очень прижились на селе. На целине остались в основном сельчане, те, кто выросли в деревне.

«Вчера — фильм Григория Бакланова и Хейфеца «Горизонт», из всех сил пытающийся быть правдивым и беспощадным, — записал в дневнике

Твардовский. — Но что-то в нем не свершается, нет «узла», и в конце — обычный киноповорот, полный фальши: едут новые мальчики и девочки на целину, поют, ликуют, а мы-то уже знаем, что там их ждет и что их предшественники с натугой называют своим счастьем («Университет? Подумаешь!»).

Все дело в том, что авторы и не попытались затронуть то, что дано как условие игры: целина — радость, счастье. Отрыв от родных и привычной среды, перерыв в образовании — все это пустяки. Их, этих мальчиков и девочек, нужно здесь переженить, поселить в этом, возводимом ими самими корпусе, а там коммунизм все доделает. Но ведь, по совести говоря, так не хочется разделить их судьбу...

Если только подумать, какое множество людей, родившихся на земле, привязанных к ней и не видевших в «делании хлеба» никакого особого долга, насильно и всячески оторвано от нее, а вместо этого мальчиков и девочек (вовсе не сплошь министерских деток) с попреком, что они только умеют хлеб есть, а не делать его, посылают в добровольном (это хуже всего) порядке в эту степь для выполнения их «долга». И художники при этом пытаются представить их смешными, с их неумением запрячь коня и так далее.

Если к этому добавить, что о зарботке ни слова, ни намека — он их не интересуется (один «долг»), что пребывание здесь в течение ряда лет не сулит возвращения со славой, как с войны, или с зарботком, как с золотых приисков, а уже сказано, написано на стенах вагонов «навсегда», то в целом это фальшиво и неприятно, несмотря на все усилия мелочной, обманчивой правдивости деталек, реплик...

По указанию Хрущева решили два-три года отправлять только на целину всю сельскохозяйственную технику. Другим регионам она не доставалась. Расчеты Хрущева оказались правильными. В 1956 году получили большой урожай — шестнадцать миллионов тонн зерна в Казахстане. Но цена целинного хлеба была очень высокой.

Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, первый секретарь в Казахстане, на пленуме ЦК обвинил в национализме казахских почвоведов, утверждавших, что не все целинные земли можно пахать.

Многие видные ученые предостерегали тогда Хрущева, говорили, что при освоении целины нужно внедрять паровые севообороты, многолетние травы, применять мелкую пахоту, сохранять чистые пары. Хрущев все это отверг, ему нравились советы академика Трофима Лысенко:

— Пахать глубже, хорошо переворачивая пласт.

Александр Павлович Филатов, который в те годы заведовал отделом

науки Новосибирского обкома партии, вспоминал, как в Академгородок приехал Хрущев:

«Едем с Егором Кузьмичом Лигачевым. В десять часов утра приезжаем в Институт геологии и геофизики. Кабинет директора академика Трофимука набит до отказа. Все возбуждены, ожидают прибытия Хрущева. Академик Михаил Алексеевич Лаврентьев нервно ходит по кабинету, размахивая руками, обдумывая организацию ответственной встречи.

Первой репликой Никиты Сергеевича была шутка. Доброжелательно оглядев собравшийся народ, он обратился к Лаврентьеву:

— Михаил Алексеевич, куда ты дел «вейсманистов-морганистов»?

На что Лаврентьев ответил тоже шуткой: я, мол, плохо разбираюсь в этой науке. Хрущев рассказал анекдот про цыгана и горца, а потом более актуальный — про очень гибкого ученого-экономиста, который защитил кандидатскую диссертацию на тему «Отсутствие закона стоимости при социализме». А когда была опубликована работа Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», он защитил и докторскую «О действии закона стоимости при социализме».

Никита Сергеевич неожиданно «раздолбал» Институт организации промышленного производства, где директором был член-корреспондент Герман Александрович Пруденский.

Полянский увидел на выставке книжечку «Чистые пары», пролистал ее и подошел к Хрущеву:

— Никита Сергеевич, мы с вами пропагандируем занятые пары (беспаровую культуру земледелия). А здесь культивируют чистые.

Хрущев тут же грубо обрушился на Пруденского. Бросил ему в лицо что-то вроде: «Не делом занимаетесь!» И оказался глубоко не прав. Впоследствии мы вернулись к чистым парам. Когда я уже был первым секретарем обкома партии, мы вынуждены были увеличить площади под парами с пяти процентов до четырнадцати. И даже этого недостаточно.

Закончил Никита Сергеевич свой блицразнос Пруденского напутствием:

— Вам надо быть поближе к жизни».

Но ученые оказались правы. В Казахстане бывают сильные пыльные бури. Они уносили посевы вместе с землей. На огромных площадях был уничтожен пахотный слой... Пришлось создавать специальную систему земледелия. Этим занимался академик ВАСХНИЛ, Герой Социалистического Труда, автор трудов по почвозащитным системам земледелия в зонах ветровой эрозии почв Александр Иванович Бараев. Он возглавил научно-исследовательский институт зернового хозяйства

неподалеку от Акмолинска.

Хрущев считал подъем целины одним из главных дел своей жизни. Когда Никита Сергеевич приехал в Акмолинск на слет передовиков сельского хозяйства, его встречали восторженно, вспоминала сотрудница «Акмолинской правды» Роза Голубева:

«Конечно, доклад у него был написан. Но, по сути, он его не читал. Начал с написанного текста, а потом уже говорил «от себя». Не совсем логично, несколько сумбурно, но зато эмоционально, горячо, искренне. Влияние его на зал было огромным. Такую атмосферу живой заинтересованности, приподнятости я не видела.

Так же живо он воспринимал выступления участников слета. На трибуне некоторые держались скованно, глотали слова. Запомнился один молодой парень-казах, который что-то мямлил по бумажке. Хрущев встал со своего места, слегка шаркающей походкой подошел к трибуне. Подоброму взглянул на смущенного механизатора:

— Это тебе написали? А ты брось бумажку, расскажи своими словами.

И начал задавать вопросы. Парень преобразился. Успокоился, стал отвечать логично и внятно. Даже покритиковал кого следует. Зал, живо переживший эту сцену, грохнул такими аплодисментами, что вздрогнули стены.

Я смогла рассмотреть его: невысокий, кругленький, с пушком на голове, глаза смотрят весело, хитро. Так и хотелось погладить его по пушистой голове. Вот такое, может быть, странное ощущение тогда было.»

За шесть лет распахали больше сорока миллионов гектаров целинных и залежных земель. Они давали стране свыше сорока процентов зерна. В декабре 1958 года Хрущев с гордостью говорил на пленуме ЦК:

— Такого количества хлеба наша страна никогда за свою историю не имела.

11 января 1957 года «за освоение целинных земель и успешную уборку урожая» Шелепин получил первый орден Ленина.

На целину отправили и старого друга Шелепина — Валерия Харазова, который к тому времени перешел с комсомольской работы на партийную, стал секретарем Сталинского райкома в Москве.

— Несколько московских секретарей под разными предлогами отказались ехать на целину, — рассказывал Харазов. — Их сняли с работы, Хрущев устроил выволочку первому секретарю горкома. Взяли список секретарей райкомов и отобрали тех, кто не откажется. Мне по здоровью противопоказан жаркий климат, но пришлось ехать. В Алма-Ате первые два месяца мы вникали в дела республики. Каждый вечер к нам приезжал

Пономаренко и рассказывал о делах в Казахстане. Через два месяца он вызвал нас и объявил о назначениях. Меня определили секретарем Алма-Атинского горкома.

После этого Харазова вызвал к себе второй секретарь ЦК компартии Казахстана Леонид Ильич Брежнев:

— Зайди, надо на тебя посмотреть. А то как же это? Новый секретарь горкома, а я его не знаю.

О работе, о делах не сказал ни слова. Встреча заняла три минуты.

— Мы Брежнева называли «Коломбино на проволоке», — вспоминал Харазов, — потому что он всем хотел нравиться. И это у него получалось, он располагал к себе людей.

Когда Пономаренко назначили послом в Польше и хозяином республики стал Леонид Ильич, закончилась и работа Валерия Харазова в столице Казахстана.

К нему с ультиматумом явились секретари всех трех городских районов Алма-Аты. Они жаловались на постоянную нехватку товаров и потребовали снять с должности начальника городского управления торговли Турсуна Байбусынова.

Харазов его пригласил к себе:

— Я вижу, у вас на этой должности не получается. Давайте, мы подберем вам другую работу.

Байбусынов удивился:

— А я думал, вы меня позвали, чтобы отметить мои успехи и предложить более высокий пост.

— О каком повышении может идти речь? Давайте, мы найдем вам другое место. Может, там вам будет легче.

Байбусынов как-то снисходительно посмотрел на секретаря горкома и ответил:

— Вы, русские, вода, а мы, казахи, камни. Вы, как вода, исчезнете, а мы останемся. Вы, например, точно скоро исчезнете. А обо мне вы еще услышите.

Встал и ушел.

Минут через двадцать по местной спецсвязи Харазову позвонил недовольный Брежнев:

— Ты там что, собрался Байбусынова убирать?

Харазов был поражен тем, как скоро начальник городского управления торговли связался с первым секретарем ЦК республики.

— Леонид Ильич, он не справляется с работой, — ответил Харазов. — У меня была делегация секретарей райкомов. Они требуют убрать его.

— Ты его не трогай, — отрезал Брежнев.

Харазов стоял на своем:

— Его нельзя оставлять на этой должности.

— Хорошо, — сказал Брежнев, — я сейчас уезжаю по северным областям. Вернусь, договорим.

Через две недели Брежнев вернулся в Алма-Ату, но Харазова не пригласил. Прошло три дня, Харазов позвонил сам, потому что считал вопрос принципиальным:

— Леонид Ильич, мы не решили вопрос о Байбусынове.

— Как это не решили? — удивился Брежнев. — Я же тебе сказал — не трогать.

— Леонид Ильич, но интересы дела требуют смены руководства городского управления торговли.

— Ты меня не понял, — с сожалением произнес Леонид Ильич. — Я сказал: не трогать! Все, вопрос закрыт.

Предсказания Байбусынова продолжали сбываться. Вскоре Брежнев пригласил к себе Валерия Харазова. Говорил с ним доброжелательно:

— Ты хорошо поработал в горкоме. Спасибо. Есть предложение направить тебя секретарем обкома в Гурьев.

Харазов пожал плечами:

— Ну что же, я человек дисциплинированный.

— Вот и ладно.

Харазов приехал домой, открыл том энциклопедии и прочитал, что среднегодовая температура в Гурьеве — плюс одиннадцать градусов. То есть там жарко. Он позвонил Брежневу:

— Леонид Ильич, в Гурьеве тяжелый, жаркий климат. Если необходимо перевести меня из Алма-Аты, нельзя ли выбрать одну из северных областей Казахстана?

Брежнев был недоволен:

— Нет, я уже согласовал твое назначение с Москвой. Что же, нам опять входить в ЦК с этим вопросом? Ничего, ты выдержишь.

Когда Брежнева забрали в Москву, Харазова сделали секретарем Павлодарского обкома. В те годы Павлодар тоже трудно было назвать завидным местом для работы, но по крайней мере там не было так невыносимо жарко.

Только через много лет Харазов узнал, почему Леонид Ильич вступился за начальника Алма-Атинского городского управления торговли. В «Целине», то есть написанных за генерального секретаря партии Брежнева воспоминаниях о казахстанской эпопее, Харазов прочитал, что

семья Брежнева в 1941 году была эвакуирована в Алма-Ату, поселили ее на улице Карла Маркса, дом 95. Приютили эвакуированных Байбу-сыновы Турсун Тарабаевич и его жена Рукья Яруловна.

Когда Брежнева послали поднимать целину, он подумал, что «надо сказать спасибо доброй казахской семье, поклониться стенам, в которых вместо четырех человек дружно прожили в те трудные годы семеро». Отблагодарил хороших людей Леонид Ильич щедро, как умел, но за казенный счет. Турсун Байбусынов был назначен на хлебную должность. И попытки убрать его Леонид Ильич воспринимал как выпад лично против себя. С этой особенностью характера Брежнева Шелепин и его товарищи еще столкнутся.

СЕКРЕТНЫЙ ДОКЛАД

Первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев сделал свой знаменитый доклад о сталинских преступлениях на закрытом заседании XX съезда партии 25 февраля 1956 года. Но еще три с лишним десятилетия доклад Хрущева оставался секретным. Его запрещалось цитировать, на него нельзя было ссылаться. Он словно не существовал. Опубликован он был только за границей.

О том, как секретный доклад Хрущева попал на Запад, ходят легенды.

Историки уверены, что это дело рук иностранных разведок. Руководитель западногерманской разведки Рейнхард Гелен, который занимался шпионажем против Советского Союза еще в нацистские времена, уверял, что это его люди вывезли из Москвы секретный доклад.

Другие считают, что копию доклада раздобыл руководитель израильской политической разведки МОССАД знаменитый Иссер Харел. У него в Москве будто бы был законспирированный агент, которого берегли на крайний случай.

«Как агенту МОССАДа, — пишут историки, — удалось выполнить это задание, опередив своих коллег из других разведок, до сих пор остается тайной. Причем строго хранимой. После того как была установлена подлинность доклада Хрущева, директор МОССАДа вылетел в Вашингтон. Цену за документ он запросил немалую: официальное соглашение об обмене информацией с американской разведкой. Директор ЦРУ Аллен Даллес согласился без возражений. И с этого дня все агенты ЦРУ на Ближнем Востоке стали работать еще и на МОССАД».

Все это байки. Западногерманская и израильская разведки вообще не имели в Москве никакой агентуры и уж тем более не могли получить доступ к секретным документам. Теперь известно, что полный текст секретного доклада ушел на Запад через Польшу.

Сразу после XX съезда, 27 февраля 1956 года, в ЦК КПСС составили список находившихся в Москве руководителей братских компартий, которых ознакомили с докладом Хрущева. Узнав о его секретном выступлении, руководители других компартий тоже попросили поставить их в известность, и через советские посольства они все получили копии доклада.

Бывший сотрудник польского агентства печати Виктор Граевский уверял, что это он передал на Запад хрущевский доклад. Его подруга

работала в аппарате первого секретаря ЦК Польской объединенной рабочей партии Эдварда Охаба. У нее на столе он увидел текст доклада и попросил почитать. Он был потрясен прочитанным и отнес доклад в израильское посольство в Варшаве — знакомому дипломату. Виктор Граевский считал, что мир должен узнать содержание доклада Хрущева, потому что он может полностью изменить представление о том, что происходит в Советском Союзе.

Сотрудник посольства, к которому обратился Граевский, был представителем не разведки, а службы безопасности Шин-Бет. Он снял копию с доклада и переслал его своему начальству. Премьер-министр Давид Бен-Гурион распорядился передать текст американцам. Так доклад Хрущева попал в руки директора ЦРУ Аллена Даллеса. Ему и достались лавры суперразведчика, раздобывшего такой важный документ.

Текст перевели на английский язык. С ним познакомился брат Аллена Даллеса — государственный секретарь Соединенных Штатов Джон Фостер Даллес. Он принял решение предать гласности секретный доклад Хрущева. 4 июня 1956 года доклад был опубликован. Возникла нелепая ситуация. Соединенные Штаты обнародовали выступление руководителя Советского Союза, а тот всячески от него отрекся.

«Официально мы существование доклада не подтверждали, — говорил Никита Хрущев. — Помню, как меня спросили тогда журналисты, что, мол, вы можете сказать по этому поводу. Я ответил им, что такого документа не знаю и пусть на этот вопрос отвечает разведка Соединенных Штатов, господин Аллен Даллес».

На самом деле иностранные дипломаты, работавшие в Москве, узнали о содержании секретного доклада раньше, чем директор ЦРУ Аллен Даллес. Первыми, разумеется, все узнали корреспонденты коммунистических газет. Они поделились новостью с дипломатами. Но информацию получили и другие иностранные корреспонденты в Москве. Причем они не приложили для этого никаких усилий. О докладе Хрущева им по собственной инициативе рассказывали люди, очевидно связанные с советской госбезопасностью, — домашняя прислуга и водители.

Корреспонденту агентства «Рейтер» очень близко к тексту пересказал доклад человек, который называл себя «Костей Орловым». Британский журналист не сомневался, что мнимый «Костя» — агент КГБ. Кто еще в те времена мог беспрепятственно встречаться с иностранным журналистом и свободно рассуждать на опасные политические темы?

Первой о докладе рассказала «Нью-Йорк таймс». Статью написал известный журналист Гарисон Солсбери. Он, правда, сообщил лишь о

самом факте антисталинской речи Хрущева. А на следующий день агентство «Рейтер» распространило достаточно точный пересказ доклада первого секретаря ЦК КПСС. Для отвода глаз агентство сослалось на неких западногерманских коммунистов. В Лондоне не понимали, что меры предосторожности излишни. Утечка информации была сознательной.

Советское руководство хотело, чтобы Запад имел представление о том, что именно обсуждалось на закрытом заседании XX съезда. Даже во время холодной войны определенное партнерство было необходимо. Тем более что в Москве взяли курс на улучшение отношений с внешним миром.

Сотрудники госбезопасности вели игру с корреспондентом агентства «Рейтер» с дальним прицелом. После публикации секретного доклада к нему зачастили люди, которых он считал агентами КГБ. Надо понимать: с ним хотели работать на постоянной основе. Превратить корреспондента агентства «Рейтер» в канал влияния, передавать через него ту информацию, с которой Москва желала знакомить Запад. Но через несколько месяцев британский журналист попросил свое начальство от греха подальше забрать его из Советского Союза.

Секретным хрущевский доклад оставался только в том смысле, что его текст не публиковался в открытой печати. А его содержание в стране знали миллионы людей. Через неделю после съезда, 5 марта 1956 года, было принято постановление президиума ЦК КПСС:

«1. Предложить обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик ознакомить с докладом тов. Хрущева Н. С. «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС всех коммунистов и комсомольцев, а также беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников.

2. Доклад тов. Хрущева разослать партийным организациям с грифом «не для печати», сняв с брошюры гриф «строго секретно»».

Доклад был отпечатан в десятках тысяч экземпляров. Его зачитывали в партийных организациях и на собраниях трудовых коллективов по всей стране.

31 марта 1956 года председатель КГБ Иван Александрович Серов отправил в ЦК записку:

«Докладываю, что, по сообщению Управления КГБ Пензенской области, 23 марта сего года в Пачелмском райкоме КПСС утерян экземпляр № 34322 доклада товарища Хрущева Н. С. «О культе личности и его последствиях».

Принятые меры розыска положительных результатов пока не дали».

Расследование по указанию Москвы проводили работник Пензенского обкома партии и два сотрудника госбезопасности. Выяснилось, что

заместитель председателя райисполкома Фролов поехал информировать коммунистов Шеинского сельсовета и там потерял свой экземпляр. Как это произошло, он вспомнить так и не смог. Видимо, большого районного начальника встречали как положено, он расслабился и потерял драгоценную книжицу. Фролова исключили из партии и сняли с работы.

Этот эпизод свидетельствует: не только узнать, что именно говорил Хрущев на закрытом заседании съезда, но и подержать в руках сам доклад было не так уж сложно. Но зачем было сохранять таинственность вокруг доклада на съезде? Она породила множество мифов, нанесла вред и стране, и самому Хрущеву. Стали говорить, что Хрущев выступил против Сталина неожиданно для других руководителей страны и только потому, что хотел отомстить мертвому вождю.

Но Никите Сергеевичу как раз не за что было мстить вождю. Сталин посадил жену Молотова и говорил, что сам «Вячеслав Михайлович ведет себя недостойно», довел до самоубийства старшего брата Кагановича, называл Ворошилова английским шпионом, прилюдно унижал Микояна и требовал, чтобы тот «перестал путать партию». А Хрущев-то как раз ходил у Сталина в любимчиках.

Существует версия, будто сын Хрущева, Леонид, военный летчик, не то попал в плен к немцам, не то убил человека, и Никита Сергеевич чуть ли не ползал на коленях, вымаливая у вождя прощение. Ничего этого не было. Историки и сослуживцы подтверждают: военный летчик Леонид Хрущев был сбит и погиб в бою, тело его найти не удалось, как и останки многих солдат и офицеров Красной армии, которые числились без вести пропавшими.

Теперь, когда рассекречены многие документы, становится понятной драматическая история подготовки секретного антисталинского доклада на XX съезде. Он не был ни импровизацией, ни случайностью.

Первые документы о механизме репрессий в стране были представлены сразу после смерти Сталина — правда, весьма узкому кругу людей.

«Членов и кандидатов в члены ЦК знакомили в Кремле с документами, свидетельствующими о непосредственном участии Сталина во всей истории с «врачами-убийцами», с показаниями арестованного начальника следственной части бывшего Министерства государственной безопасности о его разговорах со Сталиным, о требованиях Сталина ужесточить допросы — и так далее и тому подобное, — вспоминал Константин Симонов. — Чтение было тяжкое, записи были похожи на правду и свидетельствовали о болезненном психическом состоянии Сталина, о его подозрительности и

жестокости, граничащих с психозом. Поэтому к тому нравственному удару, который я пережил во время речи Хрущева на XX съезде, я был, наверное, больше готов, чем многие другие люди».

В конце 1953 года был устроен суд над Берией и его подельниками. Процесс был закрытым. И обвиняли Лаврентия Павловича главным образом в антипартийной деятельности и работе на британскую разведку. Но всплыли и чудовищные преступления госбезопасности. Текст обвинительного заключения по делу Берии отпечатали в виде брошюры и разослали по всей стране, с ними знакомили районные партийные активы, то есть достаточно широкий круг людей.

После смерти Сталина начался негласный процесс реабилитации невинно осужденных. Начали с тех, кого руководители страны хорошо знали, с родственников, друзей, знакомых, бывших сослуживцев. С убитых снимали нелепые обвинения. Но оправдание одного невинного влекло за собой оправдание и его мнимых «подельников». Выяснялось, что все дела были фальсифицированными. Генеральный прокурор Роман Руденко чуть ли не каждую неделю отправлял в ЦК записку с просьбой разрешить реабилитацию того или иного крупного советского руководителя. Из информации КГБ, МВД, Комитета партийного контроля, прокуратуры складывалась чудовищная картина уничтожения невинных людей.

Какими бы циничными ни были руководители партии, они не могли совсем уж отмахнуться от этого потока разоблачений. На заседании президиума ЦК 5 ноября 1955 года встал вопрос, как отмечать день рождения Сталина. Документов о сталинских преступлениях накопилось так много, что члены президиума ЦК впервые решили не проводить торжественных собраний и не славить вождя.

А через два месяца, 31 декабря, на заседании президиума ЦК глава правительства Николай Александрович Булганин зачитал письмо отсидевшей в лагере старой коммунистки Ольги Владимировны Шатуновской.

«Самым тяжелым и мучительным для меня вопросом, — писала Ольга Шатуновская, — все эти годы было: как получилось в 1937–1938 годах, что многие преданные партии ее члены оказались в советской тюрьме с клеймом врагов народа? И как получилось, что большинство нашего Центрального Комитета, избранного XVII партсъездом, и большинство нашего руководящего партийного актива были объявлены врагами народа и уничтожены?»

Со слов одного из заключенных Шатуновская поведала рассказ бывшего начальника ленинградского управления НКВД Филиппа

Демьяновича Медведя, которого посадили после убийства Кирова.

«По его словам, убийцу Кирова Леонида Николаева допрашивал сам Сталин, приехавший из Москвы. Сталин спросил:

— Почему вы убили Кирова?

Николаев ответил, указывая на сотрудников НКВД:

— Товарищ Сталин, это они заставили меня убить Кирова, они четыре месяца преследовали меня этим, каналы, насиловали мою волю, и вот я это сделал. Это они вложили оружие в мои руки.

Когда Николаев это сказал, его ударили наганам по голове. Он свалился, его унесли.»

Ворошилов, не дослушав, закричал: «Это ложь!» Молотов тоже сказал, что никаких тайн в убийстве Кирова нет, он сам присутствовал при допросе Николаева. Но другие члены президиума ЦК говорили, что пора разобраться в истории убийства Кирова и что «чекисты приложили руку к этому делу». Тогда создали комиссию, которую обязали выяснить судьбу членов ЦК, избранных на XVII съезде партии и расстрелянных Сталиным. Эта комиссия и вскрыла основной массив документов, свидетельствующих о масштабе репрессий в стране.

Возглавили комиссию два секретаря ЦК — бывший главный редактор «Правды» Петр Николаевич Пospelов и Аверкий Борисович Аристов, которому еще Сталин поручил заниматься партийными кадрами и который теперь курировал органы госбезопасности.

«Пospelов считался близким человеком к Сталину, — вспоминал Никита Сергеевич Хрущев. — Он был преданнейшим Сталину человеком. Я бы сказал, более чем рабски преданный человек. Когда мы сообщили, что Сталин умер, Пospelов буквально рыдал. Одним словом, у нас не было сомнений в его хорошем отношении к Сталину, и мы считали, что это внушит доверие к материалам, которые подготовит его комиссия».

Пospelов и Аристов подняли документы госбезопасности, допросили бывших узников лагерей и бывших следователей. На следующее заседание президиума ЦК, 1 февраля, они привели бывшего заместителя начальника следственной части МГБ по особо важным делам Бориса Вениаминовича Родоса, уже арестованного по обвинению в нарушении социалистической законности.

Даже членам президиума ЦК стало не по себе от его рассказов о том, как в госбезопасности выбивались показания. Ужаснулись и эти предельно циничные люди. Все-таки кухня пыток и издевательств была им неизвестна. Они давали согласие на арест или вынесение смертного приговора, но не видели своими глазами, что делают с людьми, попавшими

в руки чекистов.

Секретарь ЦК Аверкий Аристов спросил:

— Товарищ Хрущев, хватит ли у нас мужества сказать правду?

Вот тогда у Хрущева, видимо, и зародилась мысль доложить об этом на съезде партии. Возразил Каганович:

— Многое пересмотреть можно, но тридцать лет Сталин стоял во главе партии и народа.

И Ворошилов был против:

— Доля Сталина во всем этом была? Была. Мерзости много, правильно говорите, товарищ Хрущев. Но надо подумать, чтобы с водой не выплеснуть ребенка. Дело серьезное, исподволь надо.

Молотов не мог представить себе, что Сталина назовут виновным в массовых убийствах и пытках:

— Нельзя в докладе не сказать, что Сталин — великий продолжатель дела Ленина. Стою на этом. Правду, конечно, надо восстановить. Но правда состоит и в том, что под руководством Сталина победил социализм.

— Возьмите реальную историю — это с ума можно сойти, — сказал Анастас Иванович Микоян.

Член президиума ЦК и первый заместитель главы правительства Максим Захарович Сабуров зло ответил:

— Если верны приведенные здесь факты, разве это коммунизм? Это простить нельзя.

Секретарь ЦК Михаил Андреевич Суслов его поддержал:

— За несколько последних месяцев мы узнали ужасные вещи. Оправдать это ничем нельзя.

Хрущев подвел итог:

— Сталин — преданный делу социализма человек. Но все делал варварскими способами. Он партию уничтожил. Не марксист он. Все святое стер, что есть в человеке. Все своим капризам подчинил. Надо наметить линию и отвести Сталину его место.

Что повлияло на решение Хрущева? Конечно же желание освободить людей! Что бы о нем потом ни говорили, он был живым человеком, с чувствами и эмоциями. Даже его единомышленникам страшно было говорить о Сталине, а он решился.

Никита Сергеевич оказался талантливым политиком. Живой и энергичный, он легко обошел своих неповоротливых соратников. Помимо его очевидного желания сбросить груз прошлого, разоблачение сталинских преступлений играло и сугубо прагматическую роль — оно подрывало позиции старой гвардии: Маленкова, Молотова, Кагановича, Ворошилова,

которые вместе с вождем подписывали смертные приговоры.

Почему Хрущев был так уверен, что его подписи на расстрельных списках не найдут? Считается, что председатель КГБ Серов, человек Хрущева, всем ему обязанный, провел чистку архивов госбезопасности. Он избавлялся от наиболее одиозных материалов, компрометирующих партию и правительство. Те, кто осенью 1954 года сидел во внутренней тюрьме КГБ на Лубянке, рассказали потом, что нельзя было открыть окно — такой шел дым. Во дворе жгли секретные бумаги. Несколько дней машинами вывозили документы и из архива Московского горкома партии, которым прежде руководил Хрущев.

Никита Сергеевич первоначально планировал рассказать о репрессиях в отчетном докладе съезду и предоставить слово старым коммунистам, которые прошли лагеря и могли поведать делегатам, что они пережили.

К выступлению готовился Алексей Владимирович Снегов, который в 1930-е годы работал в аппарате ЦК компартии Украины, заведовал орготделом Закавказского крайкома, был секретарем Иркутского горкома. Снегова арестовали в июле 1937 года, следствие затянулось, и худшее его миновало. Его дело передали в суд в момент ослабления репрессий. В январе 1939 года — невиданное дело! — его признали невиновным и освободили из-под стражи. Но по личному указанию Берии он был вновь арестован и сидел до 1954 года.

Никита Сергеевич беседовал со Снеговым и был потрясен его рассказом о том, как действовала машина репрессий. Снегов прислал Хрущеву текст своего выступления. Но от этой идеи отказались. Решили, что о сталинских преступлениях можно говорить только на закрытом заседании. Дескать, страна еще не готова все это услышать.

Принято считать, что доклад Хрущева был полной неожиданностью. Это ошибка. Он был запланирован заранее.

Накануне открытия XX съезда, 13 февраля, в три часа в Свердловском зале Кремля собрался пленум ЦК. Обсуждался регламент съезда.

— Есть еще один вопрос, о котором нужно сказать, — объявил Хрущев. — Президиум Центрального комитета после неоднократного обмена мнениями и изучения обстановки и материалов после смерти товарища Сталина считает необходимым поставить на закрытом заседании съезда доклад о культе личности. Видимо, этот доклад надо будет сделать на закрытом заседании, когда гостей никого не будет. Почему, товарищи, мы решили поставить этот вопрос? Сейчас все видят, чувствуют и понимают, что мы не так ставим вопрос о культе личности, как он ставился в свое время, и это вызывает потребность получить объяснение, чем это

вызывается. Нужно, чтобы делегаты съезда все-таки больше узнали и почувствовали, поняли бы больше, чем мы сейчас делаем через печать. Иначе делегаты съезда будут чувствовать себя не совсем хозяевами в партии...

Остается еще один вопрос. Почему секретный доклад был прочитан после избрания руководящих партийных органов, что считается завершением работы съезда? Обычно говорят, что Хрущев решился выступить против Сталина в последний момент, чтобы его никто не остановил. Это не так. Причина другая.

Климент Ворошилов удрученно сказал, что после такого доклада никого из них не выберут в ЦК, делегаты не проголосуют за людей, которые участвовали в преступлениях против собственного народа. Члены президиума ЦК решили не рисковать: пусть сначала нас выберут, потом узнают правду. Так что доклад вовсе не был неожиданностью. Шоком стало то, что люди узнали.

На четвертый день работы съезда Пospelов и Аристов представили Хрущеву проект выступления. Хрущеву текст не понравился — слишком сухой, неинтересный. Он обратился за помощью к секретарю ЦК по идеологии Дмитрию Трофимовичу Шепилову, самому грамотному и образованному в партийном руководстве. Увидев своими глазами секретные материалы из архивов госбезопасности, Шепилов столь же искренне стал осуждать Сталина, как прежде восхищался им.

— Начались прения, — вспоминал Шепилов, — подходит Хрущев: «Дмитрий Трофимович, выйдем на минутку». Пошли в кулуары, где всегда закусывали, и он говорит: я вот пытался с этими бурбонами (я понял, о ком это он) переговорить, чтобы дать критику Сталина, но они никак... В общем, я хочу выступить о Сталине. Поможете? Я говорю — помогу. Мы уехали со съезда.

Шепилов поработал над текстом и принес новый вариант Хрущеву. Никита Сергеевич использовал и то, что сделал Шепилов, и кое-что взял из письма Снегова. Он в чем-то обострил текст, в чем-то смягчил. В докладе комиссии говорилось о том, что никакой оппозиции вообще не было — все эти мнимые троцкистские и зиновьевские блоки и центры придумала госбезопасность. Хрущев это вычеркнул. Не решился сказать, что внутреннего врага вообще не было, что все это ложь.

Пытаясь объяснить, почему стали возможны массовые репрессии, Хрущев сделал акцент на личных качествах вождя:

— Сталин стал капризным, раздражительным, физически слабым, тогда в большей степени проявились подозрительность, болезненная мания

преследования. Он чуть не в каждом видел врага. Ему следствие не нужно было, потому что человек с таким характером, с таким болезненным состоянием сам себя считал гением, сам себе навязал мысль, что он всеведающий, всезнающий и ему никакие следователи не нужны. Он сказал — и их арестовали. Он сказал надеть кандалы — так и будет. Он сам вызывал следователя, сам его инструктировал, сам ему указывал методы следствия, — а методы единственные — бить.

Хрущев разослал проект доклада всей партийной верхушке. Члены президиума, секретари ЦК проект одобрили. Поправки Хрущев учел.

23 февраля окончательный текст был готов.

24 февраля делегаты съезда выбирали членов ЦК.

25 февраля утром, на двадцатом по счету заседании съезда, председатель правительства Николай Булганин предоставил слово Хрущеву.

«Съезд выслушал меня молча, — вспоминал Никита Сергеевич. — Как говорится, слышен был полет мухи. Всё оказалось настолько неожиданным. Нужно было, конечно, понимать, как делегаты были поражены рассказом о зверствах, которые были совершены по отношению к заслуженным людям, старым большевикам и молодежи. Сколько погибло честных людей!..

Считаю, что вопрос был поставлен абсолютно правильно и своевременно. Не только не раскаиваюсь, как кое-кто может думать, но доволен, что правильно уловил момент и настоял, чтобы такой доклад был сделан. Ведь людей держали по-прежнему в тюрьмах и лагерях».

Надо заметить, что недовольство секретным докладом, разоблачением сталинских преступлений возникнет в среде партийно-государственной бюрократии позже. Тогда, на съезде, большая часть аппарата поддержала Хрущева.

Разумеется, первые секретари обкомов не хотели никакого либерализма в духовной жизни и боялись послаблений в идеологической сфере, но еще больше они боялись возвращения к сталинским временам, когда никто не был гарантирован от ареста. Никита Сергеевич, во-первых, создавал стабильность для аппарата и, во-вторых, открывал молодому поколению дорогу наверх, освобождая руководящие кабинеты от прежних хозяев.

Съезд поддержал Хрущева. Его речь, вызвавшая шок, завершилась под аплодисменты зала. Но люди были ошеломлены. Даже те, кто уже знакомился с документами госбезопасности, были потрясены словами о Сталине. Потрясен был и Александр Шелепин. Он станет верным

помощником Хрущева в реабилитации жертв террора и очищении органов госбезопасности от людей, запятнавших себя участием в преступлениях.

«Мы тогда никак еще не могли освободиться от идеи, что Сталин — отец народа, гений и прочее, — вспоминал Хрущев. — Невозможно было сразу представить себе, что Сталин — убийца и изверг. Мы создали в пятьдесят третьем году, грубо говоря, версию о роли Берии: дескать, Берия полностью отвечает за злоупотребления, которые совершались при Сталине. Мы находились в плену этой версии, нами же созданной: не бог виноват, а угодники, которые плохо докладывали богу, а потому бог насылал град, гром и другие бедствия.

Здесь не было логики, потому что Берия пришел уже после того, как главная мясорубка сделала свое дело, то есть Сталин все сделал руками Ягоды и Ежова. Не Берия создал Сталина, а Сталин создал Берию».

Председательствовавший на закрытом заседании Булганин предложил прений не открывать. Он зачитал короткий, всего в одну фразу, проект постановления XX съезда и добавил:

— Имеется в виду, что доклад товарища Хрущева и принятое съездом постановление «О культе личности и его последствиях» не публикуется в настоящее время, но эти материалы будут разосланы партийным организациям.

1 марта был готов текст доклада, который предполагали разослать. В него включили пассажи, которые произнес Хрущев, отвлекаясь от текста. Хотя кое-что и вычеркнули. Через месяц после XX съезда, 28 марта 1956 года, в «Правде» появилась передовая статья «Почему культ личности чужд духу марксизма-ленинизма?». И только через четыре месяца после съезда, 30 июня 1956 года, появилось постановление ЦК «О преодолении культа личности и его последствий».

Сам Хрущев так и не смог разобраться в своих отношениях со Сталиным. На приеме по случаю нового, 1957 года Хрущев поднял тост за Сталина. 6 ноября 1957 года он выступал на сессии Верховного Совета, посвященной 40-летию Октябрьской революции:

— Критикуя неправильные стороны деятельности Сталина, партия боролась и будет бороться со всеми, кто будет клеветать на Сталина, кто под видом критики культа личности неправильно, извращенно изображает весь исторический период деятельности нашей партии, когда во главе Центрального комитета был Сталин. Как преданный марксист-ленинист и стойкий революционер, Сталин займет должное место в истории. Наша партия и советский народ будут помнить Сталина и воздавать ему должное.

Но процесс реабилитации продолжался. И Хрущеву докладывали о

том, что происходило при Сталине. Он не мог оставаться равнодушным.

— Товарищи! — скажет через несколько лет Никита Сергеевич. — Время пройдет, мы умрем... Но пока мы работаем, мы можем и должны прояснить некоторые вещи, сказать правду партии и народу... Сегодня, естественно, нельзя вернуть к жизни погибших... Но необходимо, чтобы все это было правдиво изложено в истории партии. Это необходимо сделать для того, чтобы подобные факты в будущем не повторялись.

Мнения в руководстве страны разделились. Хрущева поддержал министр обороны маршал Жуков. Он добивался в первую очередь восстановления справедливости в отношении расстрелянных и посаженных военных, поставил вопрос о восстановлении в правах красноармейцев, попавших в плен, а потом из немецких лагерей угодивших в советские. Георгий Константинович, пожалуй, первым рассказал о том, как Сталин и Молотов утверждали расстрельные списки.

— Мы верили этим людям, — говорил Жуков, — носили их портреты, а с их рук капает кровь... Они, засучив рукава, с топором в руках рубили головы... Как скот, по списку гнали на бойню: быков столько-то, коров столько-то, овец столько-то... Если бы только народ знал правду, то встречал бы их не аплодисментами, а камнями.

Например, 12 ноября 1938 года — в один день — Сталин и Молотов санкционировали расстрел трех тысяч ста шестидесяти семи человек. Жуков требовал ответа от Молотова:

— Скажи, почему все обвинения делались только на основе личных признаний тех, кто арестовывался? А эти признания добывались в результате истязаний. На каком основании было принято решение о том, чтобы арестованных бить и вымогать у них показания? Кто подписал этот документ о допросах и избиениях?

Никто не хотел отвечать на этот вопрос. Довольно быстро партийные секретари сообразили, что, разрешив критиковать Сталина и преступления его эпохи, они дадут возможность обсуждать и критиковать и нынешнюю власть, и саму систему. Теперь уже в разоблачении сталинских преступлений видели одни неприятности, и ЦК занимался ликвидацией идеологического ущерба.

27 февраля 1964 года поэт Твардовский записал в дневнике:

«Мне ясна позиция этих кадров. Они дисциплинированы, они не критикуют решений съездов, указаний Никиты Сергеевича, они молчат, но в душе верят, что «смутное время», «вольности», — все эти минется, а тот дух и та буква останется...

Их можно понять, они не торопятся в ту темную яму, куда им рано или

поздно предстоит быть низринутыми — в яму, в лучшем случае, забвения. А сколько их! Они верны культу — все остальное им кажется зыбким, неверным, начиненным всяческими последствиями, утратой их привилегий, и страшит их больше всего».

Твардовский точно почувствовал настроения огромного партийно-государственного аппарата. Через полгода Хрущева отправили на пенсию. На первом же заседании нового партийного руководства, посвященном идеологическим вопросам, секретарь ЦК Сулов высказался необычно зло:

— Когда стоял у руководства Хрущев, нанесен нам огромный вред, буквально во всех направлениях, в том числе и в идеологической работе. А о Солженицыне сколько мы спорили, сколько говорили. Но Хрущев же поддерживал всю эту лагерную литературу. Нужно время для того, чтобы исправить все эти ошибки, которые были допущены за последние десять лет.

Сулов сформулировал позицию: ошибочно то, что делал Хрущев, а не Сталин. Вся кампания десталинизации — одна большая ошибка. При Сталине хорошего было больше, чем плохого, и говорить следует о хорошем в истории страны, о победах и достижениях. О сталинских преступлениях — забыть. Те, кто отступает от линии партии, должны быть наказаны. Большая часть брежневских чиновников начинала свою карьеру при Сталине. Признать его преступником — означало взять часть вины и на себя, они же соучаствовали во многом, что тогда делалось.

Но были и соображения иного порядка, важные и для чиновников молодого поколения, начавших карьеру после Сталина. Они не несут никакой ответственности за прошлое. Но тоже защищают беспорочность вождя — по принципиальным соображениям. Если согласиться с тем, что прежняя власть совершала преступления, значит, придется признать, что и нынешняя может как минимум ошибаться. А вот этого они никак не могли допустить. Народ должен пребывать в уверенности, что власть, люди у власти, хозяин страны всегда правы. Никаких сомнений и никакой критики допустить нельзя!

Брежнев сокрушался:

— XX съезд перевернул весь идеологический фронт. Мы до сих пор не можем поставить его на ноги. Там говорилось не столько о Сталине, сколько была опорочена партия, вся система... И вот уже столько лет мы никак не можем это поправить.

Брежнев, как и многие другие руководители нашей страны, в душе сохранил восхищение Сталиным и считал катастрофой не сталинские преступления, а их разоблачение. Они хотели оставить в памяти народа

достижения и победы, порядок и дисциплину, связанные с именем Сталина, и забыть массовые репрессии, концлагеря, нужду и попрание демократии.

Вот почему власть была бескомпромиссна в борьбе за историю и в первую очередь обрушилась на тех, кто пытался восстановить реальное прошлое страны. На идеологических совещаниях звучали требования «вступить за годы культа личности, перестать чернить прошлое, а печатать литературу, которая воспитывает героизм и патриотизм».

Сам Хрущев, уже на пенсии, оставшись один на один с самим собой, вновь и вновь возвращался к тому, что он сделал на XX съезде:

«Мы осудили культ Сталина, а есть ли в КПСС люди, которые подают голос за него? К сожалению, есть. Живут еще на свете рабы, живут и его прислужники, и трусы, и иные. «Ну и что же, — говорят они, — что столько-то миллионов он расстрелял и посадил в лагеря, зато твердо руководил страной». Да, есть люди, которые считают, что управлять — это значит хлестать и хлестать, а может быть, даже захлестывать».

Споры о XX съезде, о роли Сталина не прекращаются и по сей день. Это споры не только о его личности, но и о том, каким путем идти и какая система власти нам нужна. Восхваляют Сталина и презируют Хрущева те, кто считает исторический опыт вождя образцовым. Они уверены, что лучшие годы страны пришлись на сталинское правление, когда Советский Союз стал великой державой, которую все боялись. Сталин — настоящий государственный, который противостоял всему иностранному и давил внутренних врагов. Поэтому нужно возвращаться к его политике и к его методам — никакого либерализма внутри страны и жесткая линия в международных отношениях.

Приверженцы Сталина увидели, что реабилитация жертв массового террора, честный разговор о трагическом прошлом неминуемо ведут к полному развалу системы, которая держится только на вертикали власти, на страхе. Стоит вытащить из этой вертикали хотя бы один элемент — безоговорочное подчинение власти, дать людям свободу слова, и система начинает рушиться.

Вот этого не могут простить Хрущеву, вот почему бранят, называют троцкистом и врагом государства. Никита Сергеевич выдернул слепое поклонение вождю из фундамента, на котором стояло советское государство, и система зашаталась. Вот почему власти всегда так важно, чтобы ее боялись, чтобы не звучала критика, чтобы не было сомнений и дискуссий, а от подданных власть желает слышать только долгие и бурные аплодисменты, переходящие в овацию...

БОЛЬШАЯ СХВАТКА ВОКРУГ ХРУЩЕВА

Хрущев видел, что во всем может положиться на Шелепина и руководство комсомола. Наступил момент, когда голос Шелепина оказался жизненно важным для Никиты Сергеевича.

В начале января 1957 года высшее руководство страны обсуждало одну из важнейших идей Хрущева — заменить отраслевой принцип управления промышленностью территориальным. Хрущев предлагал упразднить большинство министерств и передать рычаги управления предприятиями на места.

4 февраля 1957 года на заседание президиума ЦК, обсуждавшего вопрос о реорганизации управления промышленностью и строительством (децентрализация, упразднение министерств), пригласили и Шелепина.

Руководитель комсомола поддержал предложения Хрущева и добавил от себя:

— Министерства культуры и высшего образования тоже можно упразднить.

Но затеянная Хрущевым реорганизация вызвала противодействие старой гвардии — членов президиума ЦК, которым не нравились новации первого секретаря. Хрущев с ними не считался, новые идеи обсуждал с молодежью, которую продвигал, а ветеранов ставил перед свершившимся фактом. 6 апреля 1957 года на президиуме ЦК в отсутствие Хрущева рассматривался вопрос о его награждении за целину. Обычно в таких случаях все высказываются «за». Но тут произошло непредвиденное. Вячеслав Михайлович Молотов высказался против:

— Хрущев заслуживает, чтобы его наградить, но, полагаю, надо подумать. Он недавно награждался. Вопрос требует того, чтобы обсудить его политически.

«Политически» — значит по существу. В словах Молотова был резон: неприлично награждать одного человека слишком часто. Но дело было не в награде. Молотов выступил против Хрущева.

Ему возразил первый заместитель главы правительства Михаил Георгиевич Первухин:

— Нет сомнения, что Никита Сергеевич проявил инициативу в освоении целинных земель. До него этот вопрос не ставился. Целина —

важное дело, и нас не должно смущать, что через два года мы его награждаем вновь.

Каганович тоже высказал сомнение в целесообразности награждения:

— Товарищ Хрущев имеет заслуги в этом деле. Награда заслуженная. Но тут есть вопрос. Правильно ли, что мы награждаем первого секретаря только за одну отрасль? У нас нет культа личности, и не надо давать повода... Надо спросить самого товарища Хрущева и политически обсудить вопрос.

Маленков занял уклончивую позицию:

— Личные заслуги товарища Хрущева большие. Но предлагаю ограничиться сейчас обменом мнениями и поговорить еще, может быть, вне заседания.

Секретарь ЦК Пospelов не согласился с Маленковым:

— Целинные земли — не частный вопрос. Товарищ Хрущев заслуживает награды.

По существу, это была проба сил. Влиятельные члены президиума фактически выступили против Хрущева. В тот раз они не решились идти до конца и уступили. Президиум все-таки принял постановление «О награждении первого секретаря ЦК КПСС Героя Социалистического Труда т. Хрущева орденом Ленина и второй Золотой медалью «Серп и Молот»», отмечая «выдающиеся заслуги Н. С. Хрущева в разработке и осуществлении мероприятий по освоению целинных и залежных земель».

После голосования Георгий Маленков даже позвонил Хрущеву и подобострастно сказал:

— Вот, Никита, сейчас поеду домой и от чистого сердца, со всей душой трахну за тебя бокал коньяку.

Никите Сергеевичу, разумеется, доложили, кто и как высказывался за его спиной. Хрущев и сам не заметил, как в высшем партийном органе собралась критическая масса обиженных на него людей — Маленков и Молотов, которых он оттер от власти и лишил должностей, Булганин, Каганович и Ворошилов, которых он ругал при всяком удобном случае.

Ничего у них общего не было, кроме главной цели — убрать Хрущева. Они объединились против Хрущева, как в 1953-м против Бериин. Все они себя переоценивали и не замечали, как быстро окреп Никита Сергеевич, как стремительно он освоился в роли руководителя страны. Они думали, что им легко удастся скинуть Хрущева. Молотов видел себя на его месте, Булганина предполагали сделать председателем КГБ, Маленкова и Кагановича — руководителями правительства.

18 июня 1957 года на заседании президиума ЦК намечалось обсудить

вопрос об уборке урожая и хлебозаготовках. Хрущев предложил всему составу президиума отправиться в Ленинград на празднование двухсотпятидесятилетия города. Первым возразил Климент Ефремович Ворошилов:

— Почему все должны ехать? Что, у членов президиума нет других дел?

Каганович поддержал маршала, сказал, что лично он занят уборкой урожая:

— Мы глубоко уважаем Ленинград, но ленинградцы не обидятся, если туда поедут не все, а несколько членов президиума.

Не сразу разобравшись, что происходит, Никита Сергеевич в привычной для него резкой манере обрушился на членов президиума. Микоян пытался его успокоить. Но члены президиума сказали, что так работать нельзя — давайте обсуждать поведение Хрущева, а председательствует пусть Булганин. Вот тут Никита Сергеевич понял, что против него затеян заговор.

Первым речь произнес Георгий Маленков, который больше всех пострадал от Хрущева:

— Вы знаете, товарищи, что мы поддерживали Хрущева. И я, и товарищ Булганин вносили предложение об избрании Хрущева первым секретарем. Но вот теперь я вижу, что мы ошиблись. Он обнаружил неспособность возглавлять ЦК. Он делает ошибку за ошибкой, он зазнался. Отношение к членам президиума стало нетерпимым, особенно после XX съезда. Он подменяет государственный аппарат партийным, командует непосредственно через голову Совета министров. Мы должны принять решение об освобождении Хрущева от обязанностей первого секретаря ЦК.

Маленкова поддержал Каганович, у которого Никита Сергеевич когда-то был в подчинении:

— Хрущев систематически занимался дискредитацией президиума ЦК, критиковал членов президиума за нашей спиной. Такие его действия вредят единству, во имя которого президиум ЦК терпел до сих пор причуды Хрущева.

Поднаторевший в борьбе с партийными уклонами Каганович напомнил, что Хрущев в свое время допустил ошибку и поддержал троцкистскую платформу:

— Хрущев был в двадцать третьем — двадцать четвертом годах троцкистом. И только в двадцать пятом он пересмотрел свои взгляды и покался в своем грехе.

Обвинение в троцкизме было крайне опасным, и потом Хрущев

попросит Микояна прийти ему на помощь. Анастас Иванович растолкует недавним членам ЦК, плохо осведомленным о реальной истории партии:

— В двадцать третьем году Троцкий выдвинул лозунг внутрипартийной демократии и обратился с ним к молодежи. Он собрал много голосов студенческой молодежи, и была опасность, что он может взять в свои руки руководство партией. Во время этой дискуссии на одном из первых собраний Хрущев выступал в пользу этой позиции Троцкого, но затем, раскусив, в чем дело, в той же организации активно выступал против Троцкого. Не надо забывать, что Троцкий был тогда членом политбюро, ратовал за внутрипартийную демократию. Надо знать психологию того времени и подходить к фактам исторически...

Забавно, что всякий раз, когда Хрущев, подчиняясь человеческим чувствам, выступал за демократию в партии или в защиту невинно расстрелянных, его обвиняли либо в троцкизме, либо в ревизионизме. Партийные работники и после его отставки говорили: «Хрущев троцкист, хотя о Троцком высказывается уклончиво. Ему пары лет не хватило, чтобы всех реабилитировать, начиная с Зиновьева и Каменева. И колхозы он считал делом сомнительным, отсюда его установки на агрогорода и совхозы».

А тогда на президиуме ЦК Молотов, фактически отстраненный от большой политики, тоже с удовольствием поквитался с Хрущевым:

— Как ни старался Хрущев провоцировать меня, я не поддавался на обострение отношений. Но оказалось, что дальше терпеть невозможно. Хрущев обострил не только личные отношения, но и отношения в президиуме в целом.

Молотова и Маленкова поддержали глава правительства маршал Николай Александрович Булганин и два его первых заместителя — Михаил Георгиевич Первухин и Максим Захарович Сабуров. Ворошилов, которым Хрущев в последнее время просто помыкал, внес оргпредложение:

— Я пришел к заключению, что необходимо освободить Хрущева от обязанностей первого секретаря. Работать с ним, товарищи, стало неважно. Не можем мы больше терпеть подобное. Давайте решать.

Едва зазвучала критика в адрес Никиты Сергеевича, секретари ЦК Фурцева и Брежнев бросились собирать его союзников и единомышленников. Екатерина Алексеевна сразу сказала:

— Надо звать Жукова, он на стороне Хрущева.

Секретарь ЦК Аверкий Борисович Аристов, ведавший партийными организациями Российской Федерации, заболел и находился дома. Фурцева предложила и его привезти на заседание, хотя он не был членом

президиума и не имел права решающего голоса.

Леонид Ильич побежал к себе в кабинет звонить Аристову:

— Немедленно приезжайте, нас мало.

Потом стал искать министра обороны Жукова. Выяснилось, что маршал на учениях за городом. За ним послали. После этого Леонид Ильич связался с председателем КГБ Серовым, предупредил, что заседание президиума направлено против Никиты Сергеевича.

Когда Брежнев вернулся, его подозрительно спросили:

— Куда это вы мотались?

Брежнев огрызнулся:

— У меня желудок расстроился.

Фурцевой он дал знать, что мобилизовал всех, кого мог.

Маленков в нервном состоянии даже стучал кулаком по столу. Маршал Жуков потом вспоминал:

— Я сидел рядом с Маленковым, и у меня графин подпрыгнул на столе.

Хрущева предполагалось назначить министром сельского хозяйства: пусть еще поработает, но на более скромной должности. Расклад был не в его пользу. Семью голосами против четырех президиум проголосовал за освобождение Хрущева с поста первого секретаря.

Но произошло неожиданное: Хрущев нарушил партийную дисциплину и не подчинился решению высшего партийного органа. Ночь после заседания он провел без сна со своими сторонниками. Вместе они разработали план контрнаступления.

Никита Сергеевич был уверен, что многие члены ЦК, особенно молодые, поддержат его в борьбе против старой гвардии и простят ему такое нарушение дисциплины. Динамичная политика Хрущева открывала молодому поколению новые возможности. Страна это почувствовала.

«Когда стал известен секретный доклад Хрущева о культе Сталина, — писал литературный критик Владимир Лакшин, в ту пору не чуждый карьерных амбиций, — возникло ощущение, что мы становимся свидетелями небывалых событий. Привычно поскрипывавшее в медлительном качании колесо истории вдруг сделало первый видимый нам оборот и закрутилось, сверкая спицами, обещая и нас, молодых, втянуть в свой обод, суля движение, перемены — жизнь».

Помощники и соратники Хрущева обзванивали партийных секретарей по всей стране, мобилизуя их на поддержку Никиты Сергеевича.

Первый секретарь Хабаровского обкома Алексей Павлович Шитиков вызвал своего второго секретаря Алексея Клементьевича Чёрного:

— Только что звонил заведующий сельхозотделом ЦК Мыларщиков. Просил созвониться с соседями-дальневосточниками, всем вместе первым самолетом вылететь в Москву и сразу же ехать к нему в ЦК. При этом он доверительно намекнул, что в Кремле идет очень важное заседание президиума ЦК, касающееся Хрущева. Но о причинах выезда просил не распространяться.

Верные Хрущеву люди объясняли провинциальным парт-секретарям:

— В Кремле бывшие сталинцы бьют нашего Никиту.

Ключевую роль в спасении Хрущева сыграли председатель КГБ Иван Александрович Серов и министр обороны Георгий Константинович Жуков. Маршал Жуков самолетами военно-транспортной авиации со всей страны доставлял в Москву членов ЦК, а Серов их правильно ориентировал. Некоторые члены ЦК в этом и не нуждались. Они сразу встали на сторону Хрущева. Шелепин не колебался ни секунды.

Появилось письмо, адресованное президиуму ЦК:

«Нам, членам ЦК КПСС, стало известно, что Президиум ЦК непрерывно заседает. Нам также известно, что вами обсуждается вопрос о руководстве Центральным Комитетом и руководстве Секретариатом. Нельзя скрывать от членов Пленума ЦК такие важные для всей нашей партии вопросы.

В связи с этим мы, члены ЦК КПСС, просим срочно созвать Пленум ЦК и вынести этот вопрос на обсуждение Пленума.

Мы, члены ЦК, не можем стоять в стороне от вопросов руководства нашей партией».

Письмо подписали люди, связавшие с Хрущевым свою политическую судьбу: первый заместитель министра иностранных дел Патоличев, первый секретарь Горьковского обкома Игнатов, первый секретарь Московского обкома Капитонов, первый секретарь Краснодарского крайкома Полянский, министр оборонной промышленности Устинов, министр иностранных дел Громыко, маршал Малиновский, министр внутренних дел Дудоров, первый заместитель министра обороны Конев и руководитель комсомола Шелепин.

Они собрались в Свердловском зале Кремля, заявили, что поддерживают первого секретаря и пришли требовать от членов президиума отчета: что происходит?

Члены президиума ЦК были потрясены тем, что кто-то посмел пойти против их воли. Поначалу даже не хотели разговаривать с пришедшими.

— Они отказались принять группу членов ЦК! — говорил потом Шелепин, выступая на пленуме. — Это возмутительно. Это была беседа как в буржуазном парламенте, а не в коммунистической партии Советского

Союза.

Все-таки несколько членов президиума ЦК вынуждены были выйти из зала заседаний, чтобы поговорить с недовольными. Разгневанный маршал Ворошилов напустился на Шелепина:

— Это тебе, мальчишке, мы должны давать объяснения? Научись сначала носить длинные штаны!

Президиум ЦК понял, что партийный аппарат вышел из подчинения. Молотову и Маленкову пришлось согласиться на проведение пленума ЦК, на котором люди Хрущева составляли очевидное большинство. Остальные, увидев, чья берет, тотчас присоединились к победителю.

Роли переменились. Пленум ЦК превратился в суд над антипартийной группой Молотова, Маленкова и Кагановича. Молотова на первое место поставил сам Хрущев — он считал Вячеслава Михайловича идейным вождем группы.

Антипартийной в советской истории объявлялась та группа, которая терпела поражение во внутрипартийной борьбе. Победил Хрущев, поэтому его противники оказались антипартийной группой. Через семь лет, осенью 1964-го, Хрущев потерпел поражение, и люди, которые говорили о нем почти то же самое, что Маленков и другие, оказались победителями и взяли власть...

Молотов, Маленков, Булганин, Каганович думали, что партия автоматически примет их точку зрения, и ошиблись. И ведь, казалось бы, разумные вещи говорили они в 1957-м: что формируется культ личности Хрущева, что нужна демократия и коллегиальность в партии, что лозунг «догнать и перегнать Америку по мясу и молоку» просто глупый... Но никто не стал их слушать, как они прежде не слушали других, пытавшихся критиковать партийный аппарат и вождей.

22 июня, на первом же заседании пленума, хотя сообщение делал Сулов, Никита Хрущев не выдержал и гневно обрушился на своих противников. К нему из зала и обратился Шелепин:

— Никита Сергеевич, какова позиция товарища Булганина?

— Позиция грешная, — припечатал Хрущев руководителя правительства.

Хрущев ловко выделил из семи членов президиума, выступивших против него, троих — Молотова, Маленкова и Кагановича — и представил их антипартийной группой. Остальным дал возможность признать свои ошибки и отойти в сторону. Ворошилова и Булганина Хрущев вообще помиловал. От Булганина он, правда, потом все равно избавился, а Ворошилову позволил остаться на декоративном посту председателя

президиума Верховного Совета СССР.

На утреннем заседании 24 июня Шелепин обратился к растерянному и оправдывавшемуся Булганину:

— Почему вы хотели отстранить товарища Хрущева? Почему вы возглавили эту антипартийную группу?

Судя по всему, это были заранее подготовленные вопросы. Заранее и обговорили, кому что говорить.

Глава правительства сбивчиво отвечал:

— Я заявляю, что имел лишь одно намерение — устранить недостатки в работе президиума. В последние дни я разговаривал с товарищем Хрущевым и указывал на его недостатки. Я говорил с ним и о его личных недостатках.

Шелепина включили в группу из сорока девяти членов ЦК, которым под руководством Хрущева предстояло подготовить резолюцию пленума. Руководителю комсомола дали слово на пленуме — честь, которой удостоили не всех, кто желал поддержать Хрущева.

Для начала Александр Николаевич заговорил о коллегиальности:

— Так, как сейчас загружен президиум Центрального комитета партии — это дело тоже не совсем правильное. Мы ведь читаем протоколы президиума ЦК партии. Президиум, например, решает такие вопросы, как о награждении медалью пожарников за тушение пожаров. Товарищи, если президиум будет решать такие вопросы, тогда некогда президиуму будет заниматься принципиальными, крупными вопросами внутренней и внешней политики нашей страны.

В зале послышались одобрительные голоса.

— От таких вопросов можно освободить президиум ЦК, чтобы такие вопросы решал не весь президиум ЦК...

— Или секретариат ЦК, — предложил Пospelов.

— Или секретариат Центрального комитета, — согласился Шелепин.

Речь шла о перераспределении власти. В президиуме ЦК у Хрущева не было большинства, а секретариат — за исключением Дмитрия Трофимовича Шепилова — полностью был на его стороне.

Шелепин обрушился на Маленкова:

— Маленков до сих пор не успокоился и делает все для того, чтобы прийти к власти, и ведет борьбу за это. Он на протяжении ряда лет мешал занять комсомолу достойное место в стране. Маленкову неоднократно ЦК ВЛКСМ предлагал, чтобы комсомол взялся за решение конкретных дел. В ответ на это мы слышали от него, что это старомодный метод, что этого не требуется. И получилось так, что комсомол на деле не менее десяти лет

занимался болтовней, разговорами о необходимости лекционной пропаганды и ничего конкретного в этом отношении не делал.

Досталось от Шелепина и Кагановичу, которого первый секретарь ЦК ВЛКСМ именовал двурушником и хамелеоном:

— Взять его речь на шестидесятилетии Никиты Сергеевича Хрущева. Я был там. Вы знаете, он говорил о Никите Сергеевиче — вы извините меня, Никита Сергеевич, — как о боге, о верности ему, преданности и так далее. И после всего этого облил его грязью. Каганович полностью давно уже выработался. Я прямо это говорю и не хочу, товарищи, извиняться... Я считаю, что у Кагановича остались только голосовые связки. Но, товарищи, хорошие голосовые связки — это еще не признак хорошего ума. Я считаю, что таким людям нет и не может быть места в президиуме...

Шелепин рассказал то, о чем узнал от Семичастного:

— В сорок седьмом году он, по сути дела, учинил расправу над руководством комсомола Украины. А ведь там трехмиллионная армия комсомольцев. В чем обвинял он украинских товарищей? Тогда там Семичастный был. Он сейчас секретарем ЦК ВЛКСМ работает. Он присутствует здесь, на пленуме, и может, если нужно, выступить и рассказать о том, как Каганович учинил эту расправу. Да он и над Семичастным издевался. В то время Семичастный, я извиняюсь перед ним, был мальчишкой, ему было двадцать три года. И вместо того, чтобы воспитывать его, Каганович занимался администрированием, держал его до семи часов утра на казарменном положении... Надо разобраться с вопросом, кем себя окружил Каганович. Хочу сказать о его помощнике Черняке. Это садист, стервец. Я отвечаю за эти слова. Если надо, могу во время обеденного перерыва принести заявление родного сына Черняка, написанное им в Центральный комитет комсомола на отца. Он описывает отца как садиста, стервеца, антисоветчика, который издевается над женой и сыном. А он двадцать лет на Кагановича работает...

Шелепин заговорил о репрессиях, об ответственности Маленкова, Молотова, Кагановича за расстрелы невинных людей:

— Из семидесяти трех членов Центрального комитета ВЛКСМ, избранных X съездом, были исключены из состава ЦК и арестованы сорок восемь членов ЦК, девятнадцать кандидатов, пять членов ревизионной комиссии. Они с ними расправились. Пусть бы сейчас они приняли, например, Пикину, бывшего секретаря ЦК ВЛКСМ, которая работает сейчас в Центральном комитете партии. Я ее принимал, она долго рассказывала о том, как издевались и измывались над ней. Они бы приняли Уткина, бывшего секретаря Ленинградского обкома, который отсидел

шестнадцать лет, пришел инвалидом, у него рука и нога отнялись. Они бы рассказали им о чудовищных зверствах. Вы должны за это отвечать перед народом и партией! Вот был секретарь Центрального комитета ВЛКСМ Иванов. Это был способный, умный работник. Его арестовали по так называемому «ленинградскому делу», когда он работал инспектором ЦК КПСС. Маленков был в то время секретарем Центрального комитета. Разве это помимо Маленкова шло? Я помню, у нас одного инструктора забрали, так за десять дней предупредили, ознакомили с делом. Я не думаю, что Иванова арестовали без ведома Маленкова... Всеволода Иванова, который в блокадном Ленинграде был секретарем обкома и горкома комсомола, после войны перевели в Москву вторым секретарем ЦК ВЛКСМ. Его арестовали в ноябре сорок девятого года. Обвинили в том, что он «был связан по вражеской деятельности» с бывшими руководителями Ленинграда, «являлся проводником их антипартийного влияния... пропагандировал лживую теорию «ленинградской исключительности»». Через год, 28 октября 1950 года, приговорили к расстрелу.

Затем Шелепин перешел к Молотову и его жене:

— О жене Молотова на пленуме был разговор, его предупреждали: «Возьми ее в руки, наведи порядок». Но он, видимо, не сделал из этого выводов.

Хрущев и его окружение вели огонь на уничтожение членов «антипартийной группы», поэтому и Александр Шелепин не стеснялся в выражениях. На самом деле жена Молотова Полина Семеновна Жемчужина (Карповская) уже не имела никакого отношения к политике.

А когда-то она была политически активным человеком, чем и понравилась будущему мужу. В 1918 году ее приняли в партию, на следующий год взяли инструктором ЦК компартии Украины по работе среди женщин. С Молотовым она познакомилась на совещании в Петрограде. Энергичная и целеустремленная женщина, верящая в торжество коммунистической партии, Полина Жемчужина быстро пошла в гору. В сентябре 1930-го ее назначили директором парфюмерной фабрики «Новая заря».

В те годы Сталины и Молотовы дружили семьями. Сталин очень прислушивался к мнению Полины Семеновны. Она внушала вождю, что необходимо развивать парфюмерию, потому что женщинам нужно не только мыло, но и духи, и косметика. Жемчужина сначала возглавила трест мыловаренно-парфюмерной промышленности, а летом 1936-го — главное управление мыловаренной и парфюмерно-косметической промышленности наркомата пищевой промышленности. Через год она стала заместителем

наркома пищевой промышленности.

«Она вышла из работниц, была способной и энергичной, быстро соображала, обладала организаторскими способностями и вполне справлялась со своими обязанностями, — писал Анастас Микоян. — Кроме положительного, ничего о ней сказать не могу. Под ее руководством эта отрасль развивалась настолько успешно, что я мог поставить перед ней задачу, чтобы советские духи не уступали по качеству парижским. Тогда эту задачу в целом она почти что выполнила: производство духов стало на современном уровне, лучшие наши духи получили признание».

В январе 1939 года Сталин сделал Жемчужину наркомом рыбной промышленности. Так что супруги Молотовы теперь оба входили в состав правительства. Сталина эта семейственность не смущала. Он распорядился избрать Жемчужину депутатом Верховного Совета СССР и на ХУШ съезде партии — кандидатом в члены ЦК. Полину Семеновну наградили орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, Знак Почета.

Но именно в это время отношение Сталина к Молотову стало постепенно меняться. Молотову отныне отводилась роль не соратника, а, как и всем, подручного вождя. Сталин продолжал обсуждать с ним важнейшие вопросы, но решил поставить его на место и покончить с прежними приятельскими отношениями.

Жемчужину сняли с должности, вывели из состава кандидатов в члены ЦК. Вождь стал винить Полину Семеновну в том, что она «плохо влияла» на его жену Надежду Аллилуеву, следовательно, косвенно виновна в ее самоубийстве...

В конце 1948 года Жемчужину исключили из партии, через месяц арестовали и отправили в ссылку. Освободили ее после смерти Сталина и отправили на пенсию. Но товарищи по партийному руководству помнили, что у Молотова есть одно слабое место — это его жена, которую он обожал и потому очень болезненно реагировал на разговоры о Полине Семеновне.

На пленуме ЦК в июле 1955 года, когда на Молотова набросились за его позицию по Югославии, опять заговорили и о «недопустимости» вмешательства его жены в политические дела. Имелось в виду, что она приняла жену американского посла в Советском Союзе Чарлза Болену. Сегодня это кажется нормальным и даже необходимым элементом дипломатической жизни — жена министра иностранных дел встречается с женой аккредитованного в Москве посла. Но тогда это сочли недопустимым.

— В свое время, — продолжал Шелепин, — меня послали вместе с товарищем Пеговым сопровождать товарища Хо Ши Мина в пионерский

лагерь. Приезжаем туда и вдруг видим одну женщину, которая говорит нам, что она из детского дома, над которым шефствует жена Молотова, и что она прибыла сюда затем, чтобы отвезти товарища Хо Ши Мина в детский дом. Мы ей сказали, что товарищ Хо Ши Мин не поедет туда. В ответ она заявила: нет, поедет, так как Полина Семеновна сказала, что он поедет. Если бы товарищ Молотов сделал выводы из критики на пленуме, то разве бы она смогла так поступать?

— Надо факты говорить, — прервал Шелепина Молотов, — а не то, что кто-то сказал.

— Я сам там был, — обиделся Шелепин, — даю партийное слово, за что купил, за то и продаю. И ни одного слова не прибавляю.

Перебранка приобрела базарный характер. Как только члены ЦК отрывались от написанного помощниками текста, ничего не оставалось от завидно гладкой речи с цитатами и примерами...

Очень резко Шелепин выступил против секретаря ЦК партии по идеологии Дмитрия Трофимовича Шепилова, одного из самых интересных политиков советского времени. У Шепилова была яркая, хотя и очень недолгая карьера. Обаятельный и красивый человек, вернувшийся с фронта в генеральских погонах, он располагал к себе с первого взгляда.

Он понравился Хрущеву. Никита Сергеевич оценил его — умница, работяга, образованный человек и не интриган, хороший оратор. Такие люди Хрущеву были нужны. Он собирал надежную команду, Шепилова привлек к подготовке своих выступлений.

17 апреля 1954 года Хрущев пышно отметил свое шестидесятилетие. Через несколько дней встретил Шепилова, спросил:

— Вы были у меня на именинах?

— Нет, не был.

— Почему?

— А меня никто не приглашал.

— Ну, это значит, мои хлопцы маху дали.

Отношения быстро приобрели личный характер. Хрущев приезжал на дачу к Шепилову с женой, обедали вместе. Но чаще забирал его с семьей к себе на все воскресенье. Хрущев и Шепилов гуляли вдвоем и откровенно говорили и о сталинских преступлениях, и о том, что нужно делать со страной. Хрущев отличал Шепилова, доверял ему. Когда Дмитрий Трофимович обращался за указаниями, отвечал:

— Решайте сами.

Но со временем между ними началось охлаждение. Шепилов, не понимая, как быстро меняется характер Никиты Сергеевича, стал спорить с

ним.

Когда Хрущев задумал коренным образом поменять систему управления экономикой и вместо министерств ввел систему региональных совнархозов, Шепилов к нему пришел со схемой, на которой были показаны сложные связи Горьковского автомобильного завода с другими предприятиями — откуда завод получает запасные части и материалы. Экономист Шепилов объяснял первому секретарю, что при новой схеме предприятия не смогут работать.

— Ну, знаете, — насмешливо говорил потом Хрущев, — такая паутина получилась, и Шепилов, как муха, попал в эту паутину и дальше двигаться не может. Я говорил ему: вы рассуждаете неправильно. Когда реорганизуем управление промышленностью, будет расти разумная кооперация, а все глупые, ненужные связи отпадут.

Испортились и личные отношения. Они больше не встречались семьями. Хрущев даже не пригласил Шепилова на свадьбу сына, хотя позвал всех остальных партийных руководителей высшего ранга.

Ворошилов, встретив Шепилова, спросил:

— Идешь на свадьбу?

Дмитрий Трофимович ответил:

— Нет, меня не позвали.

— Да? — Ворошилов как бы обрадовался и гордо добавил: — А я иду.

Когда на президиуме ЦК Хрущеву предъявили целый список обвинений, Шепилов тоже критиковал первого секретаря. Не потому, что он поддерживал Молотова и других — ничего общего между ними не было, а по принципиальным соображениям. Ему не хватило аппаратной осторожности, умения промолчать, посмотреть, как дело повернется, и потом уже присоединяться к победителю.

Выступление Шепилова Хрущев воспринял как личную обиду. Он считал, что Шепилов ответил ему черной неблагодарностью.

На пленуме обвинять Шепилова было не в чем. Дмитрий Трофимович сам готовил доклады о развенчании культа личности; с Молотовым, Кагановичем и Булганиным у него были плохие отношения. Поэтому на него просто лились потоки брани.

Когда Шепилов выступал и оправдывался, Александр Шелепин прервал его и предъявил обвинения в идеологической ереси:

— Вы ведаете вопросами литературы и искусства. Скажите, почему, когда некоторые писатели начали молоть всякую чепуху, выступать с антипартийными произведениями, например Дудинцев и другие, вы не выступили против этого до тех пор, пока вас не поправил товарищ Хрущев?

Вы сидели и отмалчивались. Значит, эта группа литераторов вас устраивала? По вашему указанию мне звонил заместитель заведующего отделом культуры ЦК КПСС Рюриков и передавал ваше указание выпустить в издательстве «Молодая гвардия» эту паршивую антисоветскую книгу Дудинцева. К счастью, мы это указание не выполнили...

Роман Владимира Дмитриевича Дудинцева «Не хлебом единым», опубликованный в середине 1950-х в журнале «Новый мир», история изобретателя, вновь и вновь отвергаемого бюрократической системой, стал явлением, взбудоражившим всю советскую интеллигенцию. Владимир Дудинцев, фронтовик, командовал на войне пехотной ротой, был четырежды ранен. Это не помешало обвинить его в «антисоветизме». Роман, о котором говорила вся страна, был осужден. И следующий роман Дудинцева «Белые одежды» появился только через тридцать лет, в перестроечные годы.

Шепилов сравнительно либерально относился к людям искусства и разговаривал с ними не командным, а нормальным языком. Он считал, что партия должна работать с интеллигенцией, но не имеет права никого давить. В архивах сохранились его выступления перед творческой интеллигенцией. Он предупреждал:

— Имейте в виду, то, что я говорю, это не директива ЦК.

Товарищи по партийному аппарату не понимали Шепилова.

Проводя в ЦК совещание по вопросам литературы, он заявил:

— Я буду выступать не как секретарь ЦК и не как кандидат в члены президиума, а как рядовой читатель.

Его подчиненные, сотрудники аппарата переглянулись: мы же руководители, а не читатели.

— Спрашивается, как это понимать? — возмущался на пленуме Александр Шелепин. — Не случайно он всячески пытался оберегать всех тех писателей, которые допускали антисоциалистические выступления, поклев на нашу действительность...

Для первого секретаря ЦК ВЛКСМ Дмитрий Шепилов был недопустимым либералом:

— Высокомерный, зазнавшийся человек. Всегда пытался перечеркнуть то, что достигнуто народом под руководством нашей партии. Он чернил наши достижения и всегда говорил об этом со вкусом. Вот от подобного рода заявлений и появляются у некоторой части нашей молодежи нигилистические настроения. На последнем секретариате ЦК Шепилов произнес замаскированную, но гнусную речь. Он говорил, что неправильно утверждать, будто сельское хозяйство в СССР высокомеханизированное.

Причем об этом он говорил с издевкой. Или возьмите его выступление на заводе «Серп и молот». Он говорил, что наши военные за границей ведут себя бестактно, недопустимо, что они там рыбу удят в неположенных местах. Разве это характеризует нашу славную армию? Зачем потребовалось Шепилову так выступать перед рабочими? Я считаю, что Шепилов выступает и против линии партии. На совещании в ЦК он заявил, что наша школа должна готовить учащихся в первую очередь к учебе в вузах. Разве это линия нашей партии? Нет. Наша школа должна в первую очередь готовить ребят к жизни, к работе на заводе, в колхозе... Меня подмывает сказать о Московском литературном институте, в котором собралось немало стервецов.

Голоса в зале поддержали Шелепина:

— Правильно!

— Там допускаются в открытую антисоциалистические выступления, — продолжил он. — Об этом знал Шепилов и заместитель заведующего отделом ЦК КПСС товарищ Рюриков. Но Рюриков палец о палец не ударил для исправления положения в институте, потому что там сидит его дружок — директор института Озеров. А товарища Шепилова, видимо, такая позиция устраивала.

Свое выступление Александр Шелепин закончил, еще раз присягнув на верность Хрущеву:

— Я хочу заверить пленум, что комсомол полностью поддерживает генеральную линию коммунистической партии, поддерживает деятельность первого секретаря товарища Хрущева. Если потребуется, мы готовы немедленно созвать пленум ЦК комсомола и уверены в том, что пленум единодушно поддержит линию партии и товарища Хрущева. За последние годы товарищ Хрущев очень много сделал для молодежи, для комсомола, для поднятия его авторитета. И мы за это благодарны товарищу Хрущеву.

Молодой литературный критик Игорь Дедков, который жил в Костроме, записал в дневнике, который вел всю жизнь:

«Что же, последние события в верхах можно только приветствовать. Но сколько горечи и сомнений поднимается в душе даже сегодня.

Борьба за власть — десятилетия жестокой эгоистической борьбы, тысячи расстрелянных и замученных, тысячи опустошенных и отравленных душ — и все это под прикрытием самых святых, самых человеколюбивых идей.

И это социализм! Без гласности, без доверия к народу. Произвол, держащийся на насилии в разных формах. Где же выход, где же эта

проклятая истина?»

СЕМЕЙНЫЕ ДЕЛА

Никита Сергеевич оценил бойцовский характер молодого соратника по достоинству. После этого пленума карьера Шелепина резко пошла в гору.

С 28 июля по 11 августа 1957 года в Москве под лозунгом «За мир и дружбу» проходил Всемирный фестиваль молодежи и студентов, ставший огромным событием для советских людей. Никогда еще не было такого широко и практически неконтролируемого общения с иностранцами. Организатором фестиваля был ЦК комсомола.хлопот было предостаточно. Добиться исполнения задуманного помог возросший аппаратный вес Шелепина. Московские партийные и строительные работники знали, что Шелепин пользуется доверием Хрущева, и спешили исполнить все его просьбы и пожелания.

«Еще бы, никто не хотел быть вызванным «на ковер», — вспоминали разработчики парка Дружбы. — Он внимательно следил за исполнением всего, что было намечено проектом парка и сценарием праздника, и плохо приходилось тем, кто не выполнял свои обещания в установленные сроки.

Вызов «на ковер» происходил в прямом смысле: в кабинете Александра Николаевича на четвертом этаже здания ЦК ВЛКСМ на улице Богдана Хмельницкого лежал большой ковер, на котором, как правило, стоял «нарушитель» собственных обязательств. И надо было видеть, как отчитывались лица довольно высокого ранга, часто это были заместители союзных министров, которые что-то лепетали в свое оправдание».

Всемирный фестиваль прошел успешно. «За большую и плодотворную работу по подготовке и проведению» фестиваля товарищи наградили Шелепина почетной грамотой ЦК ВЛКСМ.

Хрущев слышал только положительные отзывы о главном комсомольском секретаре, в том числе и у себя дома, от своего зятя, Алексея Ивановича Аджубея. Он был женат на средней дочери Никиты Сергеевича — Раде. Когда начался их роман, мать Аджубея, Нина Матвеевна Гупало, модная портниха, которая работала в закрытом ателье и обшивала тогдашнее московское высшее общество, была встревожена: не сломает ли эта любовь карьеру ее сына? Времена были еще сталинские, сегодня Хрущев — член политбюро и в фаворе, а завтра... Но любовь закончилась свадьбой.

Ходила тогда такая шутка: «Не имей сто друзей, а женись, как Аджубей». Но шутка не имела отношения к реальности. Алексей Иванович

всегда ласково и нежно относился к жене. Рада Никитична стала ему надежной опорой в годы испытаний. Они родили троих детей и хранили прекрасные отношения, пока были вместе на этой земле.

Это была очень необычная пара. Рада Хрущева всегда держалась очень скромно и достойно. Никто бы и не подумал, что она дочь хозяина страны. Всю жизнь проработала в журнале «Наука и жизнь», сначала заведовала отделом биологии и медицины, потом стала заместителем главного редактора.

Она с трудом переносила бурный образ жизни мужа, который после работы привозил коллег домой, и они до утра веселились и выпивали. Аджубей был человеком богемы, любил компании, ни в чем себе не отказывал. При такой разности характеров Рада Никитична и Алексей Иванович счастливо жили и в те трудные годы, когда и Хрущев, и Аджубей потеряли работу.

Надо заметить, что у Никиты Сергеевича Хрущева была счастливая семья, и этим он отличался от многих других советских руководителей. Совсем молодым человеком в Юзовке Хрущев женился на Ефросинье Ивановне Писаревой, дочери его старшего товарища. Она умерла в 1919 году от тифа, оставив Никиту Сергеевича с двумя детьми — Юлией и Леонидом.

Закончив рабфак и вернувшись в Юзовку в 1922 году, Хрущев женился во второй раз на юной девушке. Брак оказался недолгим, Никита Сергеевич о второй жене вспоминать не любил, поэтому известно только ее имя — Маруся. Подругой жизни стала Нина Петровна Кухарчук. Она родила ему троих детей — Раду, Сергея и Елену. Таким образом, Хрущев — редкость среди членов политбюро — был многодетным отцом, растил пятерых детей. Леонид Хрущев, военный летчик, погиб на фронте, его вдову арестовали, а их дочь растили Хрущевы.

Студент филологического факультета МГУ Алексей Аджубей пришел стажером в отдел спорта «Комсомольской правды» и надолго остался в газете. Он стал заведовать отделом студенческой молодежи, потом отделом искусств и, наконец, стал заместителем главного редактора. Этому быстрому возвышению он был в равной степени обязан и высокому положению тестя, и собственным талантам. Алексей Аджубей был прирожденным газетчиком и все свои должности занимал по праву. Как выразилась одна его сотрудница, «он любил газету, как женщину».

Руководители комсомола, с которыми он был на «ты», вскоре поставили Аджубея во главе газеты. С Шелепиным они были друзьями-приятели, ездили друг к другу домой. Главного редактора «Комсомольской

правды» Дмитрия Петровича Горюнова перевели на более высокую должность, чтобы освободить кресло хрущевскому зятю. Надо сказать, что Горюнов был сильным журналистом и «Комсомолка» при нем расцвела.

Илья Шатуновский, известный фельетонист, вспоминал, как в газету приехал первый секретарь ЦК комсомола Александр Николаевич Шелепин. Сотрудники «Комсомолки» собрали в редакционном Голубом зале.

— Состоялось решение ЦК партии, Дмитрий Петрович Горюнов переходит в «Правду», — многозначительно сказал Шелепин. — Кто, по вашему мнению, может стать новым главным редактором газеты?

Журналисты были удивлены таким небывалым демократизмом, главного редактора всегда назначал ЦК.

— Ну что вы, товарищи, переглядываетесь? Называйте свои кандидатуры, — подбодрил журналистов Шелепин. — Какое у вас мнение?

— А какое мнение у ЦК комсомола? — поинтересовался кто-то из газетчиков.

— Конечно, у ЦК свое мнение есть, — ответил Шелепин. — Мы склоняемся к кандидатуре Алексея Ивановича Аджубея. Но пока это ничего не значит. Вам работать с главным редактором, вам и решать.

Все молчали. Раньше таких вопросов никто не задавал.

— Я вижу, иных предложений нет, — констатировал Шелепин. — Что же, воля коллектива — закон...

Об этом назначении никто не жалел.

Прочный тыл позволял Аджубею делать то, что непозволительно было другим. Он мог позвонить тестю и по-домашнему представиться:

— Никита Сергеевич, это Алеша.

Присутствовавшие при разговоре испытывали непреодолимое желание встать и вытянуться в струнку. Конечно, такой звонок решал вопрос, который остальным был не по зубам. Но очень многое Аджубей делал на свой страх и риск. Хрущев одобрял отнюдь не все новации своего зятя.

Родственные отношения с Хрущевым не спасали Аджубея от неприятностей. Некоторые члены президиума ЦК, возмущившись очередным номером «Комсомолки», снимали трубку «вертушки» и звонили главному редактору:

— Товарищ Аджубей, в чьих интересах вы напечатали статью в сегодняшнем номере?

И Алексей Иванович не знал, что последует за этим выговором: не позвонит ли разгневанный член президиума ЦК самому Хрущеву? И не разозлится ли Никита Сергеевич на своевольного зятя, который создает ему лишние проблемы, и не скажет ли: подберите-ка ему другую должность,

менее заметную?

Поэтому Аджубею приходилось ладить и с большим начальством, и с аппаратом ЦК, который тоже мог навредить главному редактору газеты. Но у него было еще одно преимущество: он знал, как Хрущев относится к тому или иному чиновнику, поэтому мог уверенно и даже с вызовом ответить:

— Эта статья опубликована в интересах советской власти.

И собеседнику оставалось только в сердцах бросить трубку «вертушки».

Когда Шелепин был первым секретарем ЦК ВЛКСМ, он заботился о «Комсомольской правде», подбирал туда талантливых людей. В одном из колхозов Владимирской области местный комсомольский секретарь признался Шелепину, что мечтает стать писателем. Александр Николаевич, недолго думая, на своей машине привез его к редактору «Комсомольской правды» Дмитрию Горюнову.

Шелепин привел в редакцию Юрия Петровича Воронова, ленинградского поэта, прошедшего блокаду. Совсем мальчиком Воронов помогал умиравшим в блокадном городе людям, хоронил тех, кого спасти оказалось невозможно. Ему принадлежат знаменитые стихотворные строки:

Нам в сорок третьем выдали медали, И только в сорок пятом паспорта.

Воронова действительно наградили медалью «За оборону Ленинграда». Он работал в ленинградской молодежной газете «Смена». В город на Неве приехал Шелепин, обратил на него внимание, когда тот выступал на областном совещании, и сразу перевел в «Комсомолку» заместителем главного редактора. Воронову было всего двадцать пять лет. Шелепина юный возраст Воронова нисколько не смутил. Когда в мае 1959 года Аджубей перешел в «Известия», именно Юрий Воронов сменил его на посту главного редактора «Комсомольской правды».

В «Известиях» Аджубея ветераны встретили скептически — что за мальчишка к ним пришел? Ему было тридцать пять лет. Он переходил в «Известия» не без опаски. Советовался с женой:

— Может, лучше поехать собкором в Англию?

Но желание показать, что он способен любую газету сделать первой в стране, взяло верх.

Представил его известинцам секретарь ЦК по идеологии и одновременно заведующий отделом пропаганды и агитации Леонид Федорович Ильичев, который в 1940-е годы сам был редактором «Известий». Собравшимся журналистам Ильичев сказал, что ЦК принял

решение укрепить руководство газеты, потому что не удовлетворен работой «Известий».

Аджубей сразу предупредил, что намерен делать совершенно другую газету. Он напомнил, что, вручая его предшественнику орден, председатель президиума Верховного Совета СССР Климент Ефремович Ворошилов, желая сделать комплимент, сказал редактору, что награждает редактора «самой правдоподобной газеты».

— Но «Известия» не должны быть похожи на «Правду»! — сказал Аджубей. — Что можно сделать, чтобы выделить «Известия», чтобы ее отличали от других газет? Журналистика отстаёт от того, что от нее ждет народ. Это суконная журналистика. В ней отсутствует человек. Жизнь много сложнее, так пусть в газете она будет такой, какая есть. Розовая газета нам не нужна. Нужны критические выступления, конфликтные, постановочные, и мы их будем требовать от вас. Надо драться за новое в промышленности, сельском хозяйстве, науке. Именно — драться! Газета сама должна делать политику, и она же — ее отражать.

Один из известинцев скептически заметил:

— Надо иметь на это право — делать политику!

— Надо показать раз, два, и право будет дано, — ответил Аджубей. — Не было запрещения делать политику! Его выдумали ленивые.

Алексей Иванович сделал то, чего никто от него не ожидал. На первой же планерке он распорядился отправить в разбор все материалы, подготовленные для очередного номера, и добавил:

— Соберемся через час. Принесите все самое интересное, что у вас есть.

И выпустил номер из статей, которые до него напечатать не решались.

Хрущев и Аджубей были в чем-то похожи: тот же взрывной темперамент, та же склонность к новым, революционным идеям и готовность немедленно, ни с чем не считаясь, воплощать их в жизнь. Алексей Иванович менял не только газету, но образ и темп жизни газетчиков. В «Известиях» поставили телетайпы, которые были новинкой, завели электронную рекламу — вечером бегущая строка на здании газеты на Пушкинской площади сообщала о содержании свежего номера.

Он требовал от подчиненных сенсаций, материалов, которые бы обсуждала вся страна. Когда был недоволен номером, выговаривал сотрудникам:

— Что это за номер? Я в обществе показаться не могу!

Он принадлежал к редкой породе газетных редакторов, которые работают азартно, фонтанируют идеями и умеют воодушевлять своих

коллег. Тираж газеты достиг фантастической цифры — восемь миллионов экземпляров, притом что подписка была лимитирована, то есть не все желающие могли подписаться на любимую газету.

Аджубей чувствовал себя уверенно в аппаратном мире. У него в руках было большое хозяйство, и он им единолично распоряжался. Росчерком пера лишил машин главных редакторов литературно-художественных журналов, которых обслуживал гараж издательства «Известий».

Руководитель Союза писателей Константин Федин в июле 1962 года обратился в ЦК:

«Полтора года назад соответствующим решением об упорядочении пользования служебным автотранспортом газетам «Правда» и «Известия» были сохранены гаражи. Одновременно был утвержден так называемый «список № 1», включающий товарищей, которым разрешен вызов машины для поездки на работу и с работы домой.

В издательствах «Правда» и «Известия» печатаются пять наших крупнейших литературных журналов — «Знамя», «Октябрь», «Новый мир», «Дружба народов» и «Иностранная литература». Главные редакторы упомянутых журналов тт. Твардовский, Кочетов, Кожевников, Смирнов и Чаковский были лишены права пользования автотранспортом.

Наши неоднократные обращения к руководителям «Правды» и «Известий» не привели ни к каким результатам. Поэтому мы вынуждены обратиться к вам. Поверьте, я не стал бы беспокоить ЦК по такому элементарному вопросу, если бы знал, что он может быть решен иным путем, и если бы не был убежден, что в интересах справедливости и уважения к нелегкому редакторскому труду моих товарищей этот, казалось бы, столь простой вопрос необходимо решить положительно».

Прочитав обращение Федина, Суслов, следовавший сталинскому принципу — Союзу писателей материальных благ не жалеть, наложил резолюцию:

«Тт. Сатюкову П. А., Аджубею А. И.

Прошу подготовить предложения. Следовало бы удовлетворить просьбу тов. Федина».

Вскоре «Известия» рапортовали, что главным редакторам литературно-художественных журналов возвращено право вызова машины из гаража.

Алексей Иванович не был всемогущ, он тоже нуждался в поддержке. Часто искал ее у Шелепина.

Помощник главного редактора «Известий» Александр Сильченко вспоминал, как Аджубей придумал издавать приложение к «Известиям» —

еженедельник «Неделю». Алексей Иванович увидел во Франции воскресное приложение к коммунистической газете «Юманите» и загорелся идеей. Сотрудники «Известий» разработали макет новой газеты.

Аджубею нужно было заручиться согласием влиятельных людей. Он прежде всего обратился к Шелепину, который тогда уже был председателем КГБ. Вызвал Сильченко:

— Поезжайте к Александру Николаевичу и передайте этот пакет. Я договорился с ним. Пропуск вам заказан.

Помощник главного редактора «Известий» прежде был сотрудником аппарата ЦК ВЛКСМ. Опытный Аджубей и это учел:

— Вы с ним работали, он должен вас помнить, это облегчает вашу задачу.

У подъезда старого здания КГБ на площади Дзержинского посланца Аджубея встретили и проводили на третий этаж.

В большом кабинете навстречу вышел Шелепин.

— Давайте посмотрим, что прислал ваш главный, — сказал Александр Николаевич.

Он достал из папки макет будущего еженедельника и полистал. Макет — вещь, понятная только профессиональным журналистам. Поэтому на лице Шелепина появилось недоуменное выражение. По вертушке он соединился с Аджубеем:

— Алексей Иванович, я не очень разбираюсь в этом макете. И не думаю, что его стоит показывать Никите Сергеевичу. Да сделайте вы настоящий номер, это поможет добиться желаемого результата.

Аджубей последовал совету председателя КГБ. «Неделя» вышла в свет и стала очень популярной. Это не спасало ни газету, ни главного редактора от недовольства идеологического начальства. Аппарат управления духовной жизнью страны невероятно вырос. Управляющий делами ЦК КПСС Валентин Пивоваров информировал Хрущева:

«На январь 1960 года штаты идеологических отделов утверждены в количестве 254 человек, отделов партийных органов — 227 человек...

В 1940 году штаты идеологических отделов составляли 6,7 процента по отношению к общему штату работников аппарата ЦК.»

29 ноября 1962 года на президиуме ЦК Хрущев — с участием Аджубея, заведующего отделом культуры ЦК Дмитрия Алексеевича Поликарпова, главного редактора «Правды» Павла Алексеевича Сатюкова — разбирал письмо группы художников в ЦК.

Влиятельные руководители Союза художников жаловались на засилье «формалистов», которые пытаются протащить «буржуазную идеологию в

советское изобразительное искусство, растленно влияя на молодежь». Авторы письма недоумевали: почему «формалисты» нашли трибуну и в «Неделе», и в «Известиях»?

Это письмо руководители идеологического отдела ЦК положили на стол Хрущеву с соответствующим комментарием: «формалисты» зажимают реалистов!

В своей способности оценивать живопись Никита Сергеевич не сомневался. Заведующий общим отделом ЦК Владимир Никифорович Малин записал слова Хрущева на заседании президиума:

«Остро высказывается по поводу недопустимости проникновения формализма в живописи и крупных ошибок в освещении вопросов живописи в «Неделе» и газете «Известия».

Резко говорит по адресу т. Аджубея.

«Похвала» (т. Суслову).

Проверить приложение, «Неделю», разобраться с выставками. Кассировать выборы, отобрать помещение, вызвать, арестовать, если надо. Может быть, кое-кого выслать».

Вот в таком раздражении, заведомо настроенный против московского отделения Союза художников, буквально через день, 1 декабря 1962 года, Хрущев отправился смотреть в Манеже выставку работ столичных живописцев, посвященную тридцатилетию Московской организации Союза художников.

Это было совершенно необычное явление — глава государства решил посетить городскую выставку, хотя ни разу не побывал ни на одной всесоюзной. Никита Сергеевич был на взводе, вошел в Манеж со словами:

— Где тут у вас праведники, где грешники?

Сопровождали его члены президиума ЦК Михаил Андреевич Суслов и Дмитрий Степанович Полянский, а также секретарь ЦК Александр Николаевич Шелепин, первый секретарь Московского горкома Николай Егорович Егорычев, министр культуры Екатерина Фурцева и новый секретарь ЦК комсомола Сергей Павлов. Кивнув в их сторону, Хрущев сказал:

— Вот они говорят, что у вас мазня. Я еще не видел, но думаю, что они правы.

На первом этаже висели работы знаменитых художников 1920-х годов, но человеку, не подготовленному к восприятию современной живописи, с эстетической глухотой, эти картины казались странными и нелепыми. Никита Сергеевич был скор на приговор:

— Нашему народу такое не нужно!

«Серов, — рассказывал художник Павел Никонов, — сначала подводит к Дейнеке, к «Материнству», говорит: «Вот советская мать». Потом еще: «Вот советский воин». А к моим «Геологам» подвел и говорит: «А за эту картину государство заплатило три тысячи рублей». Тогда это были большие деньги, Хрущев потому и взвился».

Раздраженный Никита Сергеевич поднялся на второй этаж, где выставлялись молодые живописцы, которые вскоре станут известны всему миру.

«Хрущев три раза обежал довольно большой зал, — рассказывал художник Элий Белютин. — Его движения были очень резки. Он то стремительно двигался от одной картины к другой, то возвращался назад, и все окружавшие его люди тут же услужливо пятились, наступая друг другу на ноги. Со стороны это выглядело, как в комедийном фильме времен Чаплина.»

— Что это за безобразие, что за уроды?! Где автор?! — ругался Хрущев. — Что это за лица?! Вы что, рисовать не умеете?! Мой внук и то лучше нарисует.

Хрущев настойчиво интересовался социальным происхождением художников. Может быть, это дети помещиков и купцов? Но молодые художники, чьи работы он не понимал, были из простых семей и к тому же прошли войну — кто рядовым, кто младшим офицером.

«Когда Хрущев подошел к моей последней работе, к автопортрету, — вспоминал Борис Жутовский, — он уже куражился:

— Посмотри лучше, какой автопортрет Лактионов нарисовал. Если взять картон, вырезать в нем дырку и приложить к портрету Лактионова, что видно? Видать лицо. А эту же дырку приложить к твоему портрету, что будет? Женщины должны меня простить — жопа.

И вся его свита мило улыбнулась».

Элий Белютин пытался кое-что втолковать Хрущеву:

— Эти художники, работы которых вы видите, много ездят по стране, любят ее и стремятся ее передать не только по зрительным впечатлениям, но и сердцем. Поэтому их картины передают не копию природы, а ее преображенный их чувствами и отношением образ. Вот взять, например, эту картину «Спасские ворота». Их легко узнать. А цветное решение усиливает к тому же ощущение величия и мощи.

«Я говорил обычными словами, которыми принято объяснять живопись, — рассказывал потом Белютин. — Хрущев слушал молча, наклонив голову. Он, похоже, успокаивался. Никто нас не прерывал, и чувствовалось, пройдет еще пять—десять минут, и вся история кончится.

Но посредине моего объяснения сухая шея склонилась к Хрущеву, и тот, посмотрев на мое спокойное лицо, неожиданно взорвался:

— Да что вы говорите, какой это Кремль? Это издевательство! Где тут зубцы на стенах — почему их не видно?

И тут же ему стало не по себе, и он добавил вежливо:

— Очень общо и непонятно. Вот что, Белютин, я вам говорю как председатель Совета министров: все это не нужно советскому народу. Понимаете, это я вам говорю!»

Через пару недель, 17 декабря, в Доме приемов на Ленинских горах устроили встречу руководителей страны с деятелями литературы и искусства. Разгромный доклад прочитал секретарь ЦК по идеологии Леонид Ильичев.

Хрущева несло, туалетная тематика захватила его воображение. Скульптору Эрнсту Неизвестному (который впоследствии поставит памятник на могиле Хрущева) первый секретарь ЦК сказал:

— Ваше искусство похоже вот на что: вот если бы человек забрался в уборную, залез бы внутрь стульчака и оттуда, из стульчака, взирал бы на то, что над ним, ежели на стульчак кто-то сядет... Вот что такое ваше искусство. И вот ваша позиция, товарищ Неизвестный, вы в стульчаке сидите.

Так же по-хамски Хрущев говорил о других талантливых писателях и художниках. Далеко не всем руководителям страны нравился такой стиль разговора. Кирилл Трофимович Мазуров, в ту пору первый секретарь ЦК компартии Белоруссии, рассказывал через много лет:

— Я присутствовал, когда он всех этих мальчишек — Рождественского, Вознесенского, Евтушенко — всенародно обзывал всякими грубыми словами. Как можно: оскорбляя этих, по сути, детей, он показывает всех нас, руководителей, какими-то держимордами, пещерными людьми, которые не только не разбираются в литературе, но и говорят о ней нецивилизованными словами. Стало ясно всем, что Хрущев зарвался.

В марте 1963 года в Свердловском зале Кремля вновь собрали деятелей литературы и искусства. Хрущев опять вспомнил о Неизвестном:

— Прошлый раз мы видели тошнотворную стряпню Эрнста Неизвестного и возмущались тем, что этот человек, не лишенный, очевидно, задатков, окончивший советское высшее учебное заведение, платит народу такой черной неблагодарностью. Хорошо, что таких художников у нас немного, но, к сожалению, он все-таки не одинок среди работников искусства. Вы видели и некоторые другие изделия художников-абстракционистов. Мы осуждали и будем осуждать подобные уродства

открыто, со всей непримиримостью...

Победу торжествовал Владимир Александрович Серов, лауреат двух Сталинских премий, автор картины «Ходоки у В. И. Ленина», поборник социалистического реализма и пламенный борец с современной и талантливой жипописью. Ему поручили возглавить Академию художеств. Заместитель иностранных дел Владимир Семенов, коллекционер, разбиравшийся в изобразительном искусстве, называл Серова «крайне серым и дурацким Аракчеевым». Семенов сказал секретарю ЦК Андрею Павловичу Кириленко, что не терпит Серова. Кириленко «махнул рукой, де, Серов это не фигура, но его надо поддерживать в борьбе с абстракционизмом».

Для разгромленных Хрущевым деятелей культуры настали трудные времена, их преследовали, писателей не издавали, художникам не позволяли выставляться, скульпторам — получать заказы. От провинившихся требовали покаяния.

3 марта 1964 года секретарь ЦК Леонид Ильичев представил в ЦК обширную записку о творческой интеллигенции:

«Молодые московские художники, подвергшиеся критике за эстетские, формалистические тенденции в своем творчестве, признали ее справедливость и работают над новыми произведениями (А. Васнецов, Э. Неизвестный). Занялись делом и некоторые, наиболее способные из «московских абстракционистов», уродливые опусы которых были подвергнуты резкой партийной критике. Бывший «руководитель» этой группы Белютин выпустил заслуживающую внимания книгу о русском реалистическом искусстве прошлого века».

А Аджубей, можно сказать, отделался легким испугом. Тесть всего лишь отчитал его на президиуме ЦК, в своем кругу, непублично...

Позволю себе короткое отступление. Я тоже работал в «Известиях» — в середине 1990-х, через тридцать лет после Аджубея, когда воцарилась полная свобода слова. Но старые известинцы, похоже, именно аджубеевские годы считали временем расцвета газеты и вспоминали Алексея Ивановича с почтением и восхищением.

На утренних заседаниях редколлегии в овальном конференц-зале я сидел рядом с Анатолием Ивановичем Друзенко, который пришел в «Известия» при Аджубее стажером и вырос до первого заместителя главного редактора. Он часто с горечью повторял:

— Такого редактора, как Аджубей, в «Известиях» не было и больше не будет.

Алексею Ивановичу Аджубею, его насыщенной жизни, откровенно

завидовали. Преуспевающий во всем человек, он распространял вокруг себя атмосферу процветания. Он был то высокомерным, то покровительственно-добрым.

Таким увидел его собственный корреспондент ТАСС в Сталинграде Владимир Николаевич Еременко. Через много лет он описал поразившую его сцену. Уже после XX съезда Хрущев привез в Сталинград югославскую делегацию. Вместе с первым секретарем была неизменная пресс-группа — главный редактор «Правды» Павел Алексеевич Сатюков, председатель Госкомитета СССР по радиовещанию и телевидению Михаил Аверкиевич Харламов и конечно же Аджубей.

Во время торжественного приема, когда выступал Хрущев и все жадно внимали первому секретарю ЦК КПСС, Аджубей, как ни в чем не бывало, пошел по залу.

«Немногочисленные в застолье парт— и совдамы провожали его умиленными взглядами, — вспоминал Владимир Еременко. — Молодой, высокий, пышущий здоровьем атлет излучал не только физическую силу, но и завораживающую силу власти. Он зять могущественного человека, развенчавшего Сталина, вздыбившего страну. Когда говорит этот всесильный муж, немногие из его окружения могут позволить себе так вальяжно и независимо следовать через зал.

Аджубей же спокойно, не убыстрив шага, дошел до своего места и, опустившись на стул, тут же что-то стал шептать на ухо Сатюкову. Тот сидел, словно аршин проглотив, весь внимание, повернувшись к Хрущеву.

Я чуть не прыснул от смеха, наблюдая, в каком тяжелом положении главный редактор «Правды». Демонстрируя верноподданническое внимание первому секретарю, он не может отмахнуться и от нашептывающего Аджубея».

Вокруг Аджубея крутилось множество лизоблюдов и собутыльников, переиначивших знаменитую песню на новый лад:

*Любо, братцы, любо,
Любо, братцы, жить —
С нашим Аджубеем
Не приходится тужить.*

Аджубею Никита Сергеевич разрешил произнести речь на XXII съезде партии в октябре 1961 года. Это было большим поощрением, но выступление оказалось неудачным, хотя зал исправно хлопал в нужный

момент. Аджубей рассказывал о своих поездках за границу — во Францию и Соединенные Штаты, что было недоступно большинству делегатов партийного съезда. Едва ли сидящие в Большом Кремлевском дворце испытывали теплые чувства, глядя на благополучного молодого человека, взлетевшего так высоко и объездившего полмира благодаря тестю.

Аджубей говорил о том, как встречали Хрущева за рубежом, в восторженных тонах поведал о печально знаменитом эпизоде в зале заседаний Организации Объединенных Наций. В сентябре 1960 года Хрущев отправился в Нью-Йорк — на сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Никита Сергеевич присутствовал на всех заседаниях Генассамблеи, хотя руководители государств обычно не тратят на это время. Но Хрущев полностью отдался новому для него делу. Он словно вернулся в годы своей юности, когда сражался на митингах с противниками генеральной линии партии.

Обсуждался вопрос о ликвидации колониальной системы, тринадцать новых африканских государств приняли в ООН.

В первый раз Хрущев стал скандалить, когда выступал Генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршельд. Никита Сергеевич стал стучать кулаками, призывая к себе на помощь соседей:

— Громыко, дипломаты, поддерживайте.

Министр и его подчиненные постукивали осторожно. Хрущев повернулся к соседям — украинской делегации во главе с Николаем Викторовичем Подгорным. Тот с удовольствием поддержал Хрущева. Но необычный демарш советского руководителя тогда особого впечатления не произвел.

Никита Сергеевич же вошел во вкус. Когда представитель Филиппин заговорил о том, что Советский Союз аннексировал Прибалтику и подавил народное восстание в Венгрии, Хрущев, как положено, поднял руку, чтобы попросить у председательствующего слова. Но председательствующий, видимо, его не видел. Хрущев, вспоминал его переводчик Виктор Суходрев, пытался топтать ногами, но на полу лежал ковер. Тогда он стал стучать кулаками. Отчаянно барабанил и сидевший рядом с ним министр иностранных дел Громыко.

Потом Андрей Андреевич станет рассказывать, что он этого не делал и, напротив, пытался успокоить Хрущева. На самом деле министр старался не отставать от своего лидера.

Хрущев, сняв с ноги полуботинок, стал им стучать по столу. Потом Хрущев объяснял это по-разному. Но сразу после этой истории откровенно признался: он так стучал кулаками, что у него часы остановились. И это его

совсем разозлило:

— Вот, думаю, черт возьми, еще и часы свои сломал из-за этого капиталистического холуя. И так мне обидно стало, что я снял ботинок и стал им стучать.

Он все-таки получил слово, вышел на трибуну и стал кричать:

— Франко установил режим кровавой диктатуры и уничтожает лучших сынов Испании! Настанет время, народ Испании поднимется и свергнет кровавый режим!

Председествовавший на заседании Генеральной Ассамблеи ирландец Фредерик Боланд пытался его остановить:

— Выступающий оскорбляет главу государства Испании, а это у нас не принято.

Хрущеву никто не перевел эти слова. А он решил, что председательствующий вступился за испанца, и накинулся на Боланда:

— Ах, вот как?! И вы, председатель, тоже поддерживаете этого мерзкого холуя империализма и фашизма? Так вот я вам скажу: придет время, и народ Ирландии поднимется против своих угнетателей! Народ Ирландии свергнет таких, как вы, прислужников империализма!

Обычно сдержанный и невозмутимый Боланд крикнул, что лишает Хрущева слова. А тот продолжал говорить, хотя микрофон у него отключили. Он покинул трибуну только тогда, когда Боланд просто вышел из зала и заседание прервалось. К Хрущеву бросился генерал Николай Степанович Захаров, начальник девятого управления (охрана высшего руководства страны) КГБ, он не на шутку боялся мести пылких испанцев. Захаров проводил Хрущева на его место.

— Там годами царила тошнотворная атмосфера парадности и так называемого классического парламентаризма, — рассказывал Аджубей с трибуны партийного съезда. — Советская делегация развеяла эту мертвящую скуку... Когда уставали кулаки, которыми делегаты социалистического лагеря барабанили по столам в знак протеста, находились и другие способы для обуздания фарисеев и лжецов. Может быть, это и шокировало дипломатических дам западного мира, но просто здорово было, когда товарищ Хрущев однажды, во время одной из провокационных речей, которую произносил западный дипломат, снял ботинок и начал им стучать по столу.

Зал партийного съезда взорвался аплодисментами.

— Причем, — продолжал Аджубей, — Никита Сергеевич Хрущев ботинок положил таким образом — впереди нашей делегации сидела делегация фашистской Испании, что носок ботинка почти упирался в шею

франкистского министра иностранных дел, но не полностью. В данном случае была проявлена дипломатическая гибкость!

В зале засмеялись и зааплодировали. Когда ровно через три года Хрущева снимут, этот эпизод в ООН те же самые люди поставят ему в упрек и назовут невиданным позором...

Через полгода после победного пленума, решившего судьбу Хрущева, в апреле 1958 года, Никита Сергеевич перевел Шелепина в партийный аппарат и поставил заведовать отделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам.

О том, что Шелепин уходит, было известно заранее.

Виктор Михайлович Мироненко, который был тогда первым секретарем Ставропольского крайкома комсомола, рассказывал мне, как в апреле 1958-го, накануне XIII съезда комсомола, приехал в Москву. Вдруг его позвали в ЦК ВЛКСМ.

На заседании бюро ЦК комсомола обсуждался отчетный доклад. Потом Шелепин предложил:

— Теперь давайте решим остальные дела. Есть предложение назначить товарища Мироненко заведующим отделом комсомольских органов по союзным республикам.

Мироненко опешил:

— Так со мной никто не беседовал.

— Ну и что? — отмахнулся Александр Николаевич, дескать, повышение предлагаем, сюрприз приятный.

— Мне надо подумать.

— Вот и думай, — предложил Шелепин, — пока мы тут другие дела решаем.

— Мне надо позвонить первому секретарю крайкома партии, — объяснил Мироненко, — поставить его в известность. Он хотел меня на партработу перевести.

— Позвони из приемной, — разрешил Шелепин.

Мироненко заказал разговор по правительственной междугородной ВЧ-связи. Первый секретарь Ставропольского крайкома Иван Кононович Лебедев даже не удивился:

— Я все знаю. Ты, кстати, поздравь Шелепина — его заотделом партийных органов ЦК КПСС утвердили. Он теперь большой начальник. Я не могу с ним спорить.

Так Виктор Мироненко узнал, что Шелепин уходит в партийный аппарат. Александр Николаевич был доволен — он проработал в комсомоле почти восемнадцать лет, из них почти шесть — первым секретарем. Ему

было почти сорок, хотелось попробовать себя на новом поприще.

Прямо на съезде Шелепину и его предшественнику на посту первого секретаря ЦК комсомола Николаю Михайлову по предложению Семичастного присвоили только что учрежденное звание «Почетный член ВЛКСМ» и занесли в книгу почета ЦК ВЛКСМ.

Семичастный рассказывал, как перед заключительным заседанием съезда он зашел в комнату президиума, где находилось все партийное руководство, и обратился к Хрущеву:

— Никита Сергеевич, я сейчас буду о Шелепине объявлять. Мне не нравится формулировка «в связи с переходом на большую партийную работу». Почему не сказать, что мы нашего первого секретаря провожаем на работу заведующим отделом парторганов ЦК партии?

— Нельзя, — ответил Хрущев, — нет еще решения президиума ЦК.

— Так тут президиум в полном составе...

— Это надо организованно решать! — возмутился Хрущев. — Ну и нахальный ты парень.

Но Никита Сергеевич, видимо, все-таки почувствовал, писал Семичастный, что предложение правильное, посоветался с другими членами президиума и согласно кивнул.

Впрочем, в стенограмме XIII съезда комсомола слова Семичастного изложены так:

— Мы хотели бы особенно сердечно и тепло напутствовать нашего друга и товарища Александра Николаевича Шелепина, который уходит на большую партийную работу.

При упоминании имени Шелепина зал встал и бурно зааплодировал.

— На протяжении многих лет, — продолжал Семичастный, — товарища Шелепина знают в комсомоле как талантливого руководителя, хорошего организатора комсомола и молодежи, принципиального коммуниста, как душевного и чуткого товарища. Позвольте от имени XIII съезда ВЛКСМ сказать ему комсомольское спасибо и пожелать от души такой же плодотворной деятельности и на новом ответственном посту.

Шелепин попросил слова:

— Дорогие товарищи! Трудно выступать в такую минуту... Я на всю жизнь сохраняю в памяти те годы, которые провел в комсомоле. Позвольте мне, товарищи, от всего сердца выразить вам, делегатам съезда, и товарищу Семичастному, который здесь так хорошо говорил обо мне и моей деятельности, большую благодарность за ту высокую оценку, которую вы дали моему скромному труду... Все, что было сказано хорошего в мой адрес, все это я отношу в адрес коммунистической партии Советского

Союза... Разрешите мне на этом съезде заверить вас, товарищи, заверить Центральный комитет КПСС, что я и впредь не пожалею своих сил, а если придется, я готов отдать жизнь за дело нашей партии, за генеральную линию нашей партии, за дело коммунизма!

Решение о переходе Шелепина на Старую площадь товарищи по комсомолу встретили аплодисментами. Все понимали, какой важный пост он занял. Он отвечал за подбор и расстановку руководящих кадров во всех республиках, кроме Российской Федерации. Шелепинский отдел состоял из региональных секторов плюс секторы профсоюзных и комсомольских кадров, переподготовки руководящих кадров, организационно-уставных вопросов. Торжественные мероприятия по поводу сорокалетия комсомола в октябре 1958 года проводил уже Семичастный.

После пленума ЦК ВЛКСМ Хрущев пригласил руководство комсомола поужинать. Николаю Месяцеву запомнился спор между Климентом Ефремовичем Ворошиловым и Анастасом Ивановичем Микояном о том, что полезнее для молодежи: водка с перцем или армянский коньяк. Пришлось секретарям ЦК комсомола выпить и того и другого, чтобы не обижать уважаемых спорщиков.

На Старой площади Шелепин проработал всего несколько месяцев. 25 декабря того же 1958 года, когда Александру Николаевичу было всего сорок лет, он совершенно неожиданно для себя перебрался со Старой площади на площадь Дзержинского, чтобы возглавить Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР. А его место в аппарате ЦК занял Владимир Семичастный.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

Первым председателем созданного в начале 1954 года Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР стал генерал-полковник Иван Александрович Серов. Этот вопрос решался на заседании президиума ЦК 8 февраля 1954 года.

Кандидатуру Серова отстаивал Хрущев. Другие члены президиума серьезно критиковали Серова. Каганович образно сказал, что «Серов жидковат, но может уплотниться». Микоян добавил: «Способный, но легковат».

Министр внутренних дел Круглов отметил, что Серов «не всегда доводит дело до конца, должен быть более вдумчивым».

Заместитель главы правительства Первухин сказал, что Серов груб, любит изображать большого начальника и при этом немножко подхалим. Но развел руками:

— Лучше Серова сейчас не найти.

Секретарь ЦК Михаил Андреевич Суслов напомнил, что Серов ретиво выполнял указания Берии и вызывал к себе секретарей обкомов, то есть свысока относился к партийным органам.

Против кандидатуры Серова резко возражал секретарь ЦК Николай Николаевич Шаталин, отвечавший за кадры, человек Маленкова:

— Я не голосовал бы за Серова. В аппарате отзыв плохой. Малопартийный, карьерист, держит нос по ветру. И натаскал трофейного имущества из Германии.

Шаталину недолго осталось работать в ЦК, на следующий год Хрущев отправил его подальше от Москвы — первым секретарем Приморского крайкома, а в 1960 году спровадил на пенсию.

Выступление Шаталина не изменило настроений членов президиума ЦК. Каким-то образом Хрущев убедил председательствовавшего на президиуме Маленкова поддержать кандидатуру Серова. Георгий Максимилианович внушительно сказал:

— Серову можно доверять.

Вопрос был решен.

Почему Хрущев настоял на кандидатуре Серова? Никита Сергеевич имел все основания считать Ивана Александровича своим человеком. 2

сентября 1939 года, на следующий день после начала Второй мировой войны, Серова назначили наркомом внутренних дел Украинской ССР. В Киеве жизнь связала Серова с первым секретарем ЦК компартии Украины, первым секретарем Киевского обкома и горкома партии Никитой Сергеевичем Хрущевым.

После ареста Берии и его подручных Хрущеву нужно было на кого-то опереться в госбезопасности. Он выбрал Серова, которого хорошо знал. Поддержка со стороны госбезопасности была очень важной для Никиты Сергеевича, поэтому он и держал на Лубянке лично преданного ему человека. Через год после назначения председателем КГБ Хрущев присвоил Серову звание генерала армии, в честь пятидесятилетия наградил еще одним орденом Ленина.

Анастас Иванович Микоян вспоминал, что, когда речь заходила об участии Серова в репрессиях, Хрущев защищал его, говоря, что тот «не усердствовал, действовал умеренно». У Микояна иное объяснение: «Скорее всего, поскольку Хрущеву самому приходилось санкционировать аресты многих людей, он склонен был не поднимать шума о прошлом Серова. Это возможно, хотя точно сказать не могу».

Председатель Комитета партийного контроля Николай Михайлович Шверник представил Хрущеву документы о том, что Серов после войны вывез из оккупированной Германии много имущества. Но Хрущев склонен был ему все прощать:

— Нельзя устраивать шум. Ведь многие генералы были в этом грешны во время войны.

Почему же Хрущев изменил отношение к Серову?

Первого председателя КГБ не любил его бывший подчиненный Николай Романович Миронов, который заведовал отделом административных органов. Миронов представил Хрущеву записку с предложением упростить структуру и сократить штаты центрального аппарата и периферийных органов КГБ, что не встретило понимания у Серова. Миронов не раз жаловался Хрущеву на руководителя госбезопасности.

Но были и другие причины, предопределившие падение Серова. Должность у него была такая, что не предполагала друзей. Напротив, товарищи по партийному руководству его недолюбливали и побаивались, потому что он знал все и обо всех. Пренебрежительно относился к некоторым секретарям ЦК, они обижались. Судя по всему, Иван Александрович стал еще и жертвой ловкой аппаратной интриги.

События развивались так.

20 ноября 1958 года на заседании президиума ЦК постановили лишить Булганина звания маршала.

После пленума, на котором Хрущев разделался с «антипартийной группой», Булганин несколько месяцев еще оставался главой правительства. Но вальяжный, с манерами барина Николай Александрович раздражал Хрущева и мешал ему. В марте 1958 года Никита Сергеевич сам себя сделал главой правительства.

Булганина назначили председателем правления Государственного банка СССР. На этом посту Николай Александрович не задержался. Уже в августе его отправили подальше от Москвы — в Ставрополь председателем совнархоза. Это были трудные годы для Булганина. В сентябре на пленуме ЦК его вывели из состава президиума ЦК. Еще через два месяца Хрущев распорядился лишить его маршальских звезд — нечего «участнику антипартийной группы» красоваться в золоте погон. Булганина понизили в звании до генерал-полковника и отправили в запас.

Разобравшись с Булганиным, Хрущев внес предложение перевести председателя КГБ Серова в военную разведку, заметив осторожно:

— Отношение к этому у членов президиума разное. Я бы пошел на то, чтобы передвинуть. Но без надрыва и с сохранением содержания.

И сразу задался вопросом: кто сменит Серова?

— Может быть, Лунев? Или Ивашутин? Наверное, Ивашутин был бы лучше.

Константина Федоровича Лунева, профессионального партийного работника, перевели в органы госбезопасности на следующий день после ареста Берии. Лунев работал у Хрущева в Московском обкоме партии, вот Никита Сергеевич и отправил его на Лубянку комиссаром. У Серова Лунев был первым заместителем.

В отличие от Лунева генерал-полковник Петр Иванович Ивашутин был профессиональным особистом, служил в Смерше под началом Абакумова, потом руководил военной контрразведкой.

Приглашенный на заседание президиума заведующий отделом административных органов ЦК Николай Миронов высказался в пользу Ивашутина. Но Хрущев заметил, что сам Серов рекомендовал выдвинуть партийного работника. И неожиданно для всех присутствующих предложил в председатели КГБ Шелепина.

В тот день вопрос остался нерешенным.

Через несколько дней, 24 ноября, вновь вернулись к вопросу о Серове. Но на сей раз Ивана Александровича больше хвалили, говорили о его преданности делу, стойкости. Секретарь ЦК по идеологии Петр Пospelов

многозначительно напомнил:

— Серова враги ругают.

Решили Серова оставить пока на месте. Но удержаться на этом посту ему не удалось.

3 декабря опять вернулись к Серову.

Председатель КГБ совершил непростительную ошибку. Он сблизился с секретарем ЦК Николаем Григорьевичем Игнатовым. Ныне совершенно забытая фигура, он в свое время играл очень заметную роль, а претендовал на большее.

Игнатов с 1921 года служил в ВЧК, с 1923-го был особистом в 11-й кавалерийской дивизии, которая сражалась с басмачами в Средней Азии. В 1930-м его сделали секретарем партийной организации полномочного представительства ОГПУ в Средней Азии. Потом отозвали на двухгодичные курсы марксизма-ленинизма при ЦК. Это его единственное образование. Больше он ничему и никогда не учился. В анкетах писал: образование среднее.

После курсов его отправили на партийную работу в Ленинград. Там после убийства Кирова и массовых арестов появилось множество вакансий. Игнатова сделали секретарем райкома. С тех пор он упрямо карабкался по карьерной лестнице. В начале 1938 года, будучи секретарем Куйбышевского обкома, он отличился, обличая своего руководителя — первого секретаря. Им был недавний хозяин Украины Павел Петрович Постышев, переведенный в Куйбышев.

Игнатов помог добить Постышева, которого вскоре арестовали, и занял его кресло. Он побывал первым секретарем еще в Орле и Краснодаре. Сталин его приметил и на последнем при своей жизни съезде, в октябре 1952 года, сделал секретарем ЦК КПСС и одновременно министром заготовок СССР.

В марте 1953 года для Николая Игнатова в новом руководстве места не оказалось, и пришлось все начинать заново. Его сделали вторым секретарем Ленинградского обкома и одновременно первым секретарем горкома. Затем он побывал первым секретарем Воронежского и Горьковского обкомов. Когда Хрущева попытались свергнуть, Игнатов, вовремя сориентировавшись, бросился на его защиту. В благодарность за это в декабре 1957-го Хрущев вновь сделал его секретарем ЦК.

Но Никита Сергеевич довольно быстро в нем разочаровался: амбиции не по аммуниции. Груб и резок, берет горлом, интриган и демагог, но мало что умеет. Выяснилось, что Николай Игнатов пытался вступить за председателя КГБ Серова.

Хрущев рассказал на президиуме ЦК:

— Пришел ко мне товарищ Игнатов и поставил вопрос: правильно ли мы поступили? Не торопимся ли решать вопрос о Серове?

Особые отношения Игнатова и Серова оказались неприятным сюрпризом для первого секретаря ЦК.

Игнатов жаждал дружбы с председателем КГБ, потому что рассчитывал на большую карьеру и обзаводился сторонниками. Но тем самым он настроил против себя второго секретаря ЦК Алексея Илларионовича Кириченко, который бдительно оберегал свои владения и ходу Игнатову не давал.

Кириченко, вспоминал Микоян, и обратил внимание на то, что Серов постоянно приезжает к Игнатову на Старую площадь, хотя по работе ему это не нужно, потому что председатель КГБ выходит непосредственно на главу партии, то есть заходить к кому бы то ни было, кроме Хрущева, ему просто было незачем.

— Конечно, это не криминал, — заметил Алексей Кириченко. — Просто как-то непонятно. Несколько раз искал Серова и находил его у Игнатова.

Игнатов стал оправдываться, утверждал, что ничего подобного не было, он с Серовым не общается.

В другой раз опытный Кириченко завел разговор об этом в присутствии Хрущева. Это был безошибочный ход.

— Как же ты говоришь, что не общаешься с Серовым? — спросил Кириченко Игнатова. — Я его сегодня искал, ответили, что он в ЦК. Стали искать в отделе административных органов — не нашли. В конечном итоге оказалось, что он опять сидит у тебя в кабинете.

Игнатов стал возражать:

— Нет, он у меня не был!

Короткое расследование показало, что Николай Григорьевич врал.

— Игнатов, когда ему позвонил Кириченко, ответил, что Серова у него нет, а он был! — возмущался Хрущев. — Это интриганский шаг, который заслуживает осуждения.

— Я ничего не скрывал, — оправдывался Игнатов. — Когда позвонил Кириченко, у меня Серова не был. А когда Серов вошел, я ему сразу сказал, что его зовет Кириченко.

Кириченко снисходительно пояснил:

— Малиновский был свидетелем этого.

Министр обороны находился в кабинете второго секретаря ЦК и все слышал.

После этого члены президиума обрушились и на Серова, и на Игнатова.

— Серов мало считался с партийными органами, — заметил Суслов. — Он вообще малопартийный человек.

— Удивляет товарищ Игнатов, — сказал новый любимец Хрущева Фрол Романович Козлов. — Если ошибся — скажи. А он ведет себя нечестно. Меня это взволновало. Нам всем надо сделать вывод. А что касается Серова — его надо заменить.

— Самое плохое, что Игнатов не сказал товарищу Хрущеву, что на самом деле Серов у него был, — подвел черту Микоян. — Теперь надо решать вопрос о Серове.

Игнатов покался:

— Я все понял. Считаю, что вопрос исчерпан.

Хрущев думал иначе.

Никите Сергеевичу не понравилось, что председатель КГБ за его спиной ищет поддержки у кого-то из секретарей ЦК. Расплата последовала очень быстро. Пострадали оба — и Серов, которого переместили в Главное разведывательное управление Генштаба, и Игнатов, которого Хрущев вскоре убрал из ЦК партии.

24 марта 1959 года Хрущев поставил вопрос о том, что надо «поднять престиж Российской Федерации», и предложил назначить на пост председателя президиума Верховного Совета РСФСР Игнатова, добавив:

— Ум есть, характер есть, возраст подходящий, член президиума ЦК.

Все понимали, что Хрущев его убирает из большой политики. Пост был совершенно безвластный, декоративный. Ясно было, что вскоре Николая Игнатова выведут и из президиума ЦК, поскольку по должности не положено.

16 апреля первая сессия Верховного Совета РСФСР пятого созыва утвердила Игнатова. Думали, что он скоро перестанет быть секретарем ЦК. Но Хрущев передумал. 22 июня на заседании президиума решили «не вносить на пленум ЦК вопрос об освобождении от должности секретаря».

Более того, Хрущев неожиданно для всех вновь расположился к Игнатову, вторая сессия Верховного Совета России, проходившая в ноябре того же года, освободила Игнатова от должности, поскольку «ЦК КПСС признал необходимым, чтобы Н. Г. Игнатов сосредоточился на основной работе секретарем ЦК КПСС».

В мае 1960 года Игнатов перестал быть секретарем ЦК, но Хрущев сделал его заместителем председателя Совета министров СССР, к юбилею порадовал «Золотой Звездой» Героя Социалистического Труда, через год

сделал еще и председателем Государственного комитета заготовок Совета министров СССР.

В октябре 1961-го Хрущев позволил Игнатову выступить на XXII съезде партии, что было особой честью.

Со съездовской трибуны Игнатов обещал решить вопрос о семенах:

— Может быть, следует подумать и организовать семеноводство кормовых бобов в масштабе государства.

— Это надо сделать не только по бобам, — прервал его из президиума Хрущев, — но и по гороху.

— Правильно, Никита Сергеевич, — дисциплинированно ответил Игнатов.

— Надо по всей стране создать семеноводческие хозяйства, — добавил Хрущев.

— Правильно, — повторил Игнатов.

Игнатов использовал выступление на съезде, чтобы напомнить о своей роли в событиях 1957 года, когда Маленков, Молотов и другие едва не свергли Хрущева. Никите Сергеевичу эти воспоминания были приятны. Но расположение первого секретаря оказалось недолгим. Хрущев решил окончательно избавиться от Игнатова. В декабре 1962 года Хрущев все-таки выставил его из ЦК и пересадил в президиум Верховного Совета РСФСР.

Игнатов не простил Никите Сергеевичу второй опалы и стал его непримиримым врагом. Вот поэтому в 1964 году он принял активное участие в заговоре против Хрущева, но возжеленного повышения не получил. Товарищи по партийному руководству его не любили...

Итак, Серова перевели в военную разведку.

8 декабря 1958 года появился указ президиума Верховного Совета об освобождении Серова. Через день, 10 декабря, его назначили начальником Главного разведывательного управления — заместителем начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР по разведке.

Пилюлю подсластили. В решении президиума ЦК говорилось о необходимости «укрепить руководство ГРУ». Генералу армии Серову на новом месте сохранили «материальное содержание, получаемое по прежней работе». Это касалось не столько зарплаты, сколько известных благ, предоставлявшихся номенклатуре: снабжения продуктами, медицинского обслуживания...

В военной разведке Иван Александрович Серов прослужил чуть более четырех лет. 22 октября 1962 года карьеру Серова сломал арест одного из его подчиненных — полковника военной разведки Олега Владимировича

Пеньковского, оказавшегося одновременно американским и английским агентом. Причем арест Пеньковского был случайностью. Или, точнее, он провалился из-за непрофессионализма сотрудников британской разведки, которые были с ним на связи.

30 декабря 1961 года молодой офицер второго отдела Второго главного управления КГБ Михаил Федоров позвонил своему начальнику капитану Виктору Черкашину по внутренней связи и радостно доложил:

— Мы его нашли.

Виктор Иванович Черкашин, который дослужился в КГБ до полковника, сам рассказал об этом в мемуарной книге.

Второй отдел занимался противодействием британской разведке. Его сотрудники следили за англичанами, работающими в Москве, пытались их завербовать. Им помогала служба наружного наблюдения из Седьмого управления КГБ — примерно пятьдесят офицеров.

Оперативники на трех машинах следили за вторым секретарем британского посольства, работавшим в консульском отделе. Присматривали и за его женой, которая гуляла с двумя маленькими детьми. Однажды она зашла в подъезд жилого дома и почти сразу вышла. Один из сотрудников наружки обратил внимание на то, что вслед за ней в тот же подъезд зашел какой-то мужчина. Если бы его личность сразу установили, ничего бы не было. Но за ним не проследили.

Начальником Второго отдела контрразведки был Иван Алексеевич Маркелов, который сделает большую карьеру — в 1983 году генерал-лейтенант Маркелов станет начальником Второго главного управления и заместителем председателя КГБ. Маркелов пожаловался на плохую работу наружного наблюдения. Выговоры не забываются. Поэтому когда тот же офицер наружки совершенно случайно увидел того самого мужчину, на сей раз в форме полковника Советской армии, то уже не потерял его. Это и был Пеньковский, в ту пору заместитель начальника отдела в управлении внешних сношений Государственного комитета по научно-исследовательским работам.

Когда установили, что он офицер ГРУ, делом занялся начальник Второго главка генерал Олег Грибанов. За Пеньковским установили слежку, которая продолжалась очень долго, прежде чем нашлись доказательства его связей с англичанами. Арестовали его только 22 октября 1962 года и сразу повезли к председателю КГБ Семичастному.

— Разговаривать мне с ним было не о чем, — рассказывал мне Владимир Ефимович. — Я просто хотел на него посмотреть.

Для генерала Серова арест был тяжелым ударом и не только потому,

что для любого начальника разведки такой провал равносителен катастрофе. Серов имел несчастье однажды помочь Пеньковскому (по настоятельной просьбе командующего ракетными войсками и артиллерией Главного маршала артиллерии Сергея Сергеевича Варенцова, опекавшего своего бывшего адъютанта Пеньковского) и был за это жестоко наказан.

Правда, сам Серов утверждал, что не он вернул полковника Пеньковского в кадры, а его заместитель. Он писал в президиум ЦК:

«Мой заместитель тов. Рогов после допуска КГБ, несмотря на мое возражение, воспользовавшись моим отсутствием, издал приказ о переводе из ракетных войск бывшего полковника Пеньковского».

Заместителя начальника ГРУ генерал-полковника Александра Семеновича Рогова сняли с должности и понизили в звании. Но Серова это не спасло.

2 февраля 1963 года Иван Серов был освобожден от своих должностей, на его место перевели Петра Ивановича Ивашутина, первого заместителя председателя КГБ.

Увольнением от должности Серов не отделался.

7 марта президиум ЦК принял решение «О работе ГРУ»: секретарю ЦК Виталию Николаевичу Титову, занимавшемуся организационно-партийными вопросами, начальнику Генерального штаба маршалу Сергею Семеновичу Бирюзову и Ивашутину поручалось разобраться в работе Серова и дать оценку.

Комиссии понадобилось всего несколько дней, чтобы вынести вердикт. «За потерю политической бдительности и недостойные поступки» генерала армии Серова разжаловать в генерал-майоры.

12 марта его лишили звания Героя Советского Союза. Хрущев невероятно разозлился на Серова из-за шпиона Пеньковского. Никогда еще начальника разведки не наказывали так сурово за предательство одного из его подчиненных.

Серова в двадцать четыре часа отправили из Москвы в Ташкент помощником командующего Туркестанским военным округом по учебным заведениям, через полгода его перевели на ту же должность в Приволжский военный округ. Как только ему исполнилось шестьдесят лет, он был отправлен по болезни на пенсию.

На этом его неприятности не закончились.

За «утрату политической бдительности и ошибки при подборе кадров ГРУ, а также за грубые нарушения законности во время работы в органах НКВД — КГБ и злоупотребления, допущенные во время службы в Германии», в апреле 1965 года Ивана Александровича исключили из

КПСС. Еще раньше у него отобрали некоторые ордена, полученные во время службы в госбезопасности при Сталине.

Это не помешало Серову после отставки прожить четверть века, наслаждаясь жизнью военного пенсионера, счастливого обладателя генеральской пенсии, дачи в Архангельском и квартиры в Доме на набережной...

После ухода Серова в военную разведку две недели обязанности председателя КГБ исполнял генерал-майор Лунев.

25 декабря 1958 года новым председателем КГБ был назначен Александр Николаевич Шелепин. Он отказывался от назначения. Хрущев наставительно пояснил, что работа в КГБ это такая же партийно-политическая работа, но со спецификой. В Комитете госбезопасности нужен свежий человек, который был бы нетерпим к любым злоупотреблениям со стороны чекистов. И в заключение, вспоминал Шелепин, Никита Сергеевич вдруг сказал:

— У меня к вам еще просьба — сделайте все, чтобы меня не подслушивали.

В день, когда Шелепин перебрался на Лубянку, Верховный Совет СССР принял новые Основы уголовного законодательства, в которых впервые отсутствовало понятие «враг народа». Уголовная ответственность наступала не с четырнадцати, а с шестнадцати лет. Судебные заседания стали открытыми, присутствие обвиняемого — обязательным.

Это совпадение было символическим. Именно Шелепин, «железный Шурик», был, возможно, самым либеральным руководителем органов госбезопасности за всю советскую эпоху.

Для Хрущева он стал партийным оком, присматривающим за органами госбезопасности. Никита Сергеевич требовал не только от центрального аппарата, но и от местных органов КГБ докладывать о своей работе партийным комитетам. Обкомы и крайкомы получили право заслушивать своих чекистов, они могли попросить ЦК убрать не понравившегося им руководителя управления КГБ.

Хрущев запретил проводить оперативные мероприятия в отношении партийных работников, то есть вести за ними наружное наблюдение, прослушивать их телефонные разговоры. Членов партии к негласному сотрудничеству можно было привлекать только в особых случаях.

В отличие от своих предшественников и наследников Хрущев спецслужбы не любил и чекистов не обхаживал. Никиту Сергеевича раздражало обилие генералов в КГБ, он требовал «распогонить» и «разлампасить» госбезопасность, поэтому Шелепин отказался от воинского

звания, о чем на склоне лет пожалел.

Еще в 1953 году на июльском пленуме ЦК, посвященном делу Берии, Хрущев откровенно выразил свое отношение к органам госбезопасности:

— Товарищи, я в первый раз увидел жандарма, когда мне было уже, наверное, двадцать четыре года. На рудниках не было жандарма. У нас был один казак-полицейский, который ходил и пьянствовал. В волости никого, кроме одного урядника, не было. Теперь у нас в каждом районе начальник МВД, у него большой аппарат, оперуполномоченные. Начальник МВД получает самую высокую ставку, больше, чем секретарь райкома партии.

Кто-то из зала подтвердил:

— В два раза больше, чем секретарь райкома!

— Но если у него такая сеть, — продолжал Хрущев, — то нужно же показывать, что он что-то делает. Некоторые работники начинают фабриковать дела, идут на подлость...

В стремлении поставить госбезопасность под контроль партии Хрущева поддерживал Суслов. У него был собственный малоприятный опыт общения с чекистами, когда ему в 1944 году поручили руководить бюро ЦК по Литве. Суслов действовал жестоко, подавляя литовское антисоветское подполье, и был недоволен тем, что органы госбезопасности ему мало помогают, жаловался в Москву. Чекисты в долгу не оставались.

19 июля 1945 года Берия переслал Сталину составленное уполномоченным НКВД и НКГБ в Вильнюсе генерал-лейтенантом Иваном Максимовичем Ткаченко спецсообщение о нарушениях в работе партийно-советского аппарата в Литовской ССР, где речь шла о самом Суслове:

«Выступления тов. Суслова на пленумах ЦК и различных совещаниях носят больше наставительный характер. К этим наставлениям и речам местные руководители так уже привыкли, что не обращают внимания и выводов для себя не делают. Никто из них никогда не возражает против предлагаемых тов. Сусловым решений, однако никто их и не выполняет, так как должного контроля за их выполнением с его стороны нет.

Лично тов. Суслов работает мало. Со времени организации бюро ЦК около половины времени он провел в Москве, в несколько уездов выезжал два раза по 1–2 дня, днем в рабочее время можно часто застать его за чтением художественной литературы, вечером (за исключением редких случаев, когда нет съездов или совещаний) на службе бывает редко».

В годы правления Хрущева положение госбезопасности изменилось, полномочия их сократились и влияние уменьшилось. Но чистка органов не удалась.

В Донецкой области комиссию по пересмотру дел возглавлял

секретарь обкома Александр Павлович Ляшко. В 1956 году он предложил первому секретарю обкома Ивану Павловичу Казанцу провести открытые судебные процессы над виновниками массовых репрессий.

«Ко мне пришел один посетитель, — рассказывал Ляшко. — Он от звонка до звонка отсидел восемнадцать лет. Его, обвиняемого в участии в правотроцкистской организации, на допросе жестоко избивали. Он сказал: «Я встретил своего палача, избивавшего меня резиновой дубинкой». И назвал фамилию.

Явившийся по моему вызову сотрудник госбезопасности рассказывал, что их группа, позже откомандированная на Северный Кавказ, получила задание уничтожить две тысячи врагов народа. «Двое держали жертву за руки, а третий набрасывал на шею петлю». — «Уходите немедленно!» — Мне показалось, что в глазах рассказчика мелькнуло безумие. «Я не душил. Я только держал...»»

Александр Ляшко ночь не спал, а утром пошел к первому секретарю с предложением исключить этого мерзавца из партии и вообще проверить кадры областного управления госбезопасности.

Иван Казанец посоветовался с руководителем Украины Подгорным. Тот согласился, что безнаказанность недопустима, но когда Казанец пересказал предложение своего секретаря Александра Ляшко о сплошной проверке кадров и открытых процессах, Николай Викторович вскипел:

— Пусть ваш Ляшко в кадры КГБ не лезет! Это не его дело! Если это сделать, мы за две недели разгоним органы. А без них жить нельзя! Секретарю обкома надо это понимать. В Москве ведь не спешат? Пощипали кое-кого после съезда, да и то негромко. Там у Никиты Сергеевича положение непростое.

Пересказав разговор с Киевом, Казанец приказал Ляшко:

— Будем, значит, спешить медленно. Пока передавайте на рассмотрение в партийные организации дела только тех, на кого поступили заявления. А там видно будет.

Через месяц после назначения Шелепина собрался XX1 внеочередной съезд партии, чтобы утвердить программу построения коммунизма в Советском Союзе, а заодно и производственные задания на семилетку.

Слово было предоставлено и новому председателю КГБ.

Шелепин начал с ритуальных восхвалений Хрущева, начертавшего «обоснованную и реально осуществимую программу строительства коммунизма». Потом рассказал о подрывной, шпионской деятельности империалистических стран, но успокоил делегатов съезда:

— Можно, товарищи, не сомневаться в том, что работники органов

государственной безопасности под руководством коммунистической партии, ее ленинского ЦК обеспечат все от них зависящее, чтобы никто не смог помешать мирной и великой работе трудящихся нашей страны по осуществлению гигантских задач, намечаемых семилетним планом!

Зал зааплодировал.

Напомнив о ликвидации Берии и его подручных, Шелепин сказал, что больше не надо бояться сотрудников государственной безопасности:

— Под непосредственным руководством Центрального комитета КПСС, его президиума и лично товарища Хрущева за последние годы в стране полностью восстановлена революционная законность, а виновники нарушения ее наказаны. И каждый советский человек может быть уверен, что больше это позорное дело — нарушение революционной законности — у нас не повторится.

И зал вновь зааплодировал. Затем Шелепин сообщил об «основательном сокращении органов Комитета государственной безопасности» — меняется жизнь, и сужается сфера действия чекистов.

— Карательные функции внутри страны, — продолжал Шелепин, — резко сократились, они будут сокращаться и впредь. Но, товарищи, сужение сферы, сокращение карательных функций, а также сокращение штатов службы государственной безопасности нельзя понимать так, что у нас стало меньше дел, что ослабили действия врага. Нет, это было бы ошибкой. Мы и впредь должны проявлять политическую бдительность, бережно охранять исторические завоевания советских людей. Мы и впредь будем беспощадно карать всех врагов советского народа.

После аплодисментов Шелепин перешел к новой теме. Недавний руководитель комсомола в духе времени призвал быть более снисходительными к правонарушениям молодежи:

— Мы часто встречаемся с такими людьми, которые за любой проступок, а порой даже за незначительное нарушение добиваются привлечения подростков и молодежи к уголовной ответственности. По моему мнению, следует продумать вопрос о предоставлении права общественным организациям — комсомолу, профсоюзам, а также коллективам фабрик, заводов и колхозов — брать на поруки свихнувшихся людей, совершивших незначительные преступления, с тем чтобы дать им возможность исправиться в коллективе, вместо того чтобы они отбывали наказание по суду.

И эта идея тоже встретила полную поддержку дисциплинированных делегатов, которые точно знали, когда аплодировать.

Вскоре после партийного съезда Хрущев вновь публично высказался в

пользу «разумного сокращения» КГБ. 24 февраля, выступая накануне выборов в Верховный Совет СССР перед избирателями Калининского избирательного округа Москвы, Хрущев заявил:

— Мы и внутренние силы — наши органы государственной безопасности — значительно сократили, да и еще нацеливаемся их сократить...

Первый секретарь ЦК КПСС объяснил это намерение уверенностью советского руководства в своем народе. 7 апреля Александр Шелепин откликнулся на пожелание первого секретаря служебной запиской в ЦК:

«Вы, Никита Сергеевич, совершенно правильно говорили в своем выступлении перед избирателями Калининского избирательного округа о необходимости дальнейшего сокращения органов госбезопасности».

Шелепин предложил сократить аппарат на 3 200 оперативных работников и объединить некоторые структуры внутри Комитета госбезопасности. Предложение было принято президиумом ЦК 17 июня 1959 года.

Даже после сокращений штаты госбезопасности были втрое больше, чем до войны (см.: Отечественная история. 1999. № 4). Заняться оперативным работникам было нечем. Дела выдумывались. Летом 1957 года в Барнауле посадили по пятьдесят восьмой статье Уголовного кодекса человека, который бросил пустую бутылку в бюст Ленина. Алтайский краевой суд дал ему пять лет.

5 февраля 1960 года вышло совместное постановление ЦК и Совета министров о совершенствовании структуры КГБ. Реорганизация привела к значительному сокращению штатов. Это не прибавило Шелепину симпатий внутри аппарата.

— Я заканчивал железнодорожный институт в Новосибирске, — рассказывал мне генерал Виктор Георгиевич Буданов. — И мне предложили поехать в школу КГБ, чтобы получить специальное образование. Не знаю, что меня подвигло — либо осознание необходимости, важности этого дела, либо элемент романтизма. Я закончил контрразведывательную школу, и тут нас уволили. Было сильное разочарование, потому что учились мы все с большим удовольствием. Каждый увлекся важностью предстоящих задач, но, увы... Я был тогда молодой, не женат, без квартиры. Но тогда нам обещали — и в отличие от сегодняшнего дня — дали жилплощадь, пусть маленькую, как офицерам, увольняемым из армии.

Виктору Буданову повезло — ему предложили вернуться в КГБ, и он охотно согласился, что со временем привело его к генеральским погонам:

— Я начинал в КГБ Казахстана. Занимался контрразведывательным обеспечением ряда объектов строительства и энергетики в Алма-Ате. Главные задачи — безопасность на объектах, особенно в энергетике. Алма-Ата, шестьсот тысяч населения, обеспечивалась тогда одной ТЭЦ и каскадом маленьких ГЭС в горах. Приходилось заниматься и кадровыми вопросами, надо было кого-то проверить, посмотреть, что за человек. Каждодневная работа по обеспечению строительных работ — довольно скучное занятие, пока не появились проблемы с выплатой зарплаты. Когда забастовала одна строительная бригада, мне пришлось в других строительных организациях, пользуясь тем, что я знаком и с управляющими, и с главными инженерами, и с финансистами, занять деньги, чтобы рассчитаться с бригадой, и они вернулись к работе...

При Шелепине аппараты союзного и республиканских комитетов были реорганизованы в два оперативных направления — разведка и контрразведка. Разумеется, сохранялись оперативно-технические подразделения. Прекращалось за ненужностью «оперативное обслуживание» ряда отраслей промышленности.

В исполнение постановления ЦК и Совмина Шелепин издал приказ по комитету, в котором говорилось:

«Не изжито стремление обеспечить чекистским наблюдением многие объекты, где по существу нет серьезных интересов с точки зрения обеспечения государственной безопасности».

Иначе говоря, чекистам просто не хватало работы. Они ее придумывали. Шпионов мало, чекистов много. Его соратник Николай Месяцев, бывший офицер госбезопасности, со знанием дела говорил:

— Шелепин во всех областях, краях и республиках сократил осведомительную сеть, стукачей, которые поставляли ложную информацию, а из-за нее люди страдали. Он прежде всего усиливал превентивную работу. Сболтнул человек антисоветчину — не арестовывать, а поговорить и объяснить, что этого делать не надо.

15 июля 1959 года Шелепин подписал приказ, в котором говорилось:

«Учитывая политическую обстановку в стране, великое единение народа вокруг Коммунистической партии и Советского правительства, органы госбезопасности, наряду с карательными мероприятиями, должны применять больше профилактических, предупредительных мер. Не только наказание и принуждение, но и убеждение должно стать в нынешних условиях одним из главных методов работы органов госбезопасности, и особенно по отношению к молодежи».

Для того времени шелепинский подход был большим прогрессом.

Выяснилось, что за «сомнительные» разговоры можно и не сажать. Или как минимум сажать не сразу...

Шелепин предложил ликвидировать в КГБ тюремный отдел и сократить число тюрем, которые принадлежали госбезопасности.

Владимир Семичастный рассказывал:

— Как раз в бытность Шелепина и мою было самое низкое количество заключенных по политическим мотивам. Внутренняя тюрьма на Лубянке пустовала.

Хрущев заявил тогда, что «в Советском Союзе нет сейчас заключенных в тюрьмах по политическим мотивам». Никита Сергеевич, мягко говоря, лукавил. Когда Шелепин был председателем, в тюрьмах КГБ сидело 1 388 арестованных. В 1961 году за антисоветскую агитацию осудили 207 человек, в 1962-м — 323 человека. Профессиональные чекисты считали, что Шелепин мало сажал. Ведь в те годы, вспоминал бывший первый заместитель председателя КГБ Филипп Денисович Бобков, в стране несколько раз вспыхивали массовые беспорядки — во Владимирской области, в Муроме и Александрове, где люди были возмущены местными властями, в Грузии, в городе Зугдиди.

Разумное желание Никиты Сергеевича освободить людей от давящего контроля со стороны госбезопасности компрометировалось наивной верой в то, что общественность заменит органы госбезопасности и правопорядка. На совещании работников промышленности и строительства Российской Федерации Хрущев призвал всех трудящихся сражаться с антиобщественными элементами, а не ждать, пока до них доберется милиция:

— Долг каждого гражданина, образно говоря, чувствовать себя милиционером, то есть человеком, который стоит на страже обеспечения общественного порядка (в зале раздались аплодисменты)... Все должны помогать органам партийного и государственного контроля и охраны общественного порядка, быть их агентами, так сказать.

В правдинском отчете о выступлении Никиты Сергеевича помечено: «Оживление в зале. Аплодисменты».

Председатель КГБ Шелепин, учтя пожелание первого секретаря, докладывал в ЦК:

«С разрешения ЦК КПСС органами госбезопасности в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Тбилиси, Сталинграде и Туле летом 1960 года были скомплектованы группы нештатных сотрудников, которые на общественных началах участвуют в наблюдении за иностранцами.

За истекшее время нештатные сотрудники, подобранные с помощью

партийных организаций из числа коммунистов и комсомольцев — рабочих, служащих, студентов, а также неработающих пенсионеров органов госбезопасности и внутренних дел, во многих случаях положительно себя зарекомендовали в наблюдении за иностранцами.

Особенно полезным было использование штатных сотрудников в наблюдении за иностранцами в часто посещаемых ими местах, где они имеют условия для проведения встреч с интересующими их лицами. Например, в Москве во время функционирования японской промышленной выставки штатными сотрудниками выявлено более тридцати человек, имевших подозрительные контакты с японцами.

Успешно проводилось наблюдение за иностранцами в музеях, читальных залах библиотек, плавательных бассейнах и других местах.

Опыт первых месяцев работы штатных сотрудников подтвердил целесообразность этой активной формы привлечения общественности к работе органов госбезопасности.

Учитывая это, полагаем целесообразным, чтобы штатные сотрудники привлекались к работе не только в летнее время, но также и в другие периоды года».

Это была доведенная до абсурда хрущевская идея. Наружное наблюдение — сложнейшее дело, которое под силу только профессионалам. Дилетант не способен ни выявить разведчика, ни засечь его контакты. Привлечение общественности лишь разжигало шпиономанию и подкрепляло уверенность иностранцев в том, что в Советском Союзе следят за каждым, кто приехал из-за границы. Что в общем было недалеко от истины...

Впрочем, иногда Хрущев забывал собственные идеи о том, что осужденных надо брать на поруки, что сажать надо меньше, и становился довольно жесток. В 1961 году на заседании президиума ЦК возник вопрос об уголовной преступности. Поводом стало знаменитое в те годы дело Рокотова, которое возмутило Хрущева.

Ян Тимофеевич Рокотов по кличке «Косой» начал скупать валюту у иностранцев во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве летом 1957 года.

Официальный курс рубля был сильно занижен. Рокотов давал за доллар в два раза больше. Иностранцы были довольны. А среди советских граждан уже появилось много желающих приобрести валюту — появилась возможность ездить за границу, где можно было купить то, чего в нашей стране просто не существовало. Кроме того, гости из арабских государств привозили на продажу золото. Рокотов покупал его и с большой выгодой

для себя перепродавал выходцам из южных республик, где любили драгоценные металлы и могли дать за них хорошую цену.

В 1960 году КГБ было поручено заниматься валютными преступлениями. В 1961 году Ян Рокотов и еще несколько человек, занимавшиеся валютными операциями, были арестованы. Каждого из арестованных допросил лично Шелепин.

17 июня 1961 года Хрущев, рассуждая о программе партии, плавно перешел к преступности:

— Борьба с преступностью ведется совершенно неудовлетворительно. Я считаю, что неправильно понята наша политика, реорганизация органов милиции и чекистских органов, и все перевели на мораль.

Он нашел глазами генерального прокурора:

— Я вчера читал в газете заметку «Из зала суда». Я возмущен, как это можно: дали пятнадцать лет, так он через пять лет будет на свободе. Товарищ прокурор, вы будете свою политику проводить или будете слушать ЦК?

Речь шла о процессе по делу группы Рокотова.

— Мы вносили по вопросу валютчиков специальный проект, — поспешил защититься прокурор Руденко, — но установили максимум пятнадцать лет, без смертной казни. Мы смертную казнь ввели за хищения в особо крупных размерах.

Ссылка на закон не убедила Никиту Сергеевича, который пришел в необыкновенное возбуждение.

— Да пошли вы к чертовой матери, простите за грубость! — взорвался Хрущев. — Народу стыдно в глаза смотреть, народ возмущается! Грабители грабят, а вы законы им пишете. Что такое? Ишь какие либералы стали, чтобы их буржуазия хвалила, что они никого не расстреливают, а эти грабят рабочих и крестьян!.. Хотите, я общественным обвинителем выступлю с требованием расстрела? Я не боюсь, а вы боитесь. Я думал, расстреляют этих мерзавцев, читаю — пятнадцать лет. Так вы же поощряете других. Читали вы записку Ленина?

Хрущев имел в виду письмо Ленина наркому юстиции Дмитрию Ивановичу Курскому, написанное в 1922 году по поводу дополнений к проекту Уголовного кодекса РСФСР. Ленин настаивал на «расширении применения расстрела».

— Читал, — кивнул Руденко.

— Вот читать вы умеете, а выводы делать не умеете. Надо сейчас, товарищи, подумать, может быть, увеличить штат и усилить органы Шелепина. Агентов, уголовный розыск — это надо увеличить.

Никита Сергеевич вспомнил еще одно дело, по которому, он считал, следовало вынести расстрельный приговор:

— По Ростову. Надо расследовать. Выгнать этих либералов. Ну, кто это надоумил?

— Президиум Верховного Совета, — подсказал кто-то.

— Наказать по партийной линии и записать, — распорядился Хрущев. — На партсобрании сказать, за что они получили строгий выговор, за то, что они отменили смертный приговор человеку, который убил трех человек и который издевается: за что меня помиловали, я же не просил помилования, и если меня освободят, я опять убью. Это же псих. Ну а либералы не хотят пальцы в крови иметь. Пальцы не хотят в крови иметь, а горло режут рабочим. Я помню, в Ленинграде лет семь назад студентку убили, так все профессора требовали расстрела. Так что вы не думайте, что люди любят либералов. Нет. Законодательство надо пересмотреть. Руденко мы вот накажем. Если вы не осуществляете надзор, тогда вы просто либералом стали. Верховный суд — товарищ Горкин, мы вас накажем за это дело и новых людей назначим. Нельзя так. Государство мы должны защищать, мы должны создать условия честным людям, чтобы они спокойно жили и работали и не брали верх хулиганы. А вы боитесь, что у нас варварские законы. Я за варварские законы: когда не будет убийств, тогда и не будет варварских законов, а сейчас надо.

Генеральный прокурор не хотел быть наказанным незаслуженно. Руденко резонно напомнил Хрущеву:

— Как бы меня ни ругали, но если закон не установил смертной казни, мы не можем ее применить. Вопрос о валютчиках обсуждался на президиуме ЦК, решали, применять смертную казнь или не применять. За всю историю советской власти никогда не было таких случаев, поэтому решили не вводить.

Кто-то в зале попенял Руденко за недостаточную настойчивость. Но Хрущев недовольно констатировал:

— Давайте не валить на него. То, что прокурору, — давайте прокурору, что нам — так нам. Значит либералы — мы. Я не знал этого. Я считаю, президиум побоялся проявить мужество, слиберальничал. Это не годится, это не повышает, а понижает наш авторитет. Разве это жестокость? Человек разложился, ничем не занимался, с малых лет начал спекулировать. Ему только одно место — в гробу. Вы его оставили жить. Пятнадцать лет его надо кормить, иметь отдельную камеру, держать солдат для охраны.

Хрущев завершил обсуждение так:

— Секретариату поручить подготовить решение и провести совещание

с секретарями ЦК национальных республик и другими партийными работниками, с тем чтобы усилить и воспитательную работу и поднять судейскую, чтобы улучшить работу органов угрозыска. Пусть Шелепин подумает. Может быть, на агентуру увеличить штат...

— Угрозыск относится к Министерству внутренних дел, — уточнил председатель КГБ Шелепин.

Мысль привлечь чекистов к борьбе с уголовной преступности возникала часто. Один из присутствующих на заседании сказал:

— Мы имеем такие крупные хищения, что Министерство внутренних дел с ними не справляется. Там есть сращивание работников ОБХСС с преступниками. Я бы считал, что это нужно передать в органы КГБ хотя бы года на два, это устрало бы преступников.

— Если бы мне это сказал какой-нибудь лейборист, я считал бы это заслуживающим внимания, — ответил Хрущев, — но когда это говорит заведующий отделом, я не могу с ним согласиться, потому что и тот и другой орган — наш. Тогда надо перешерстить к чертовой матери МВД, милицию, выгнать жуликов, послать свежих людей, с тем чтобы независимо от того, кто руководит, чтобы они обслуживали наше государство, а не уголовный мир. Если так, — надо выгнать их. По существу, он прав, но вывод он делает неправильный — давай передавать. Может быть, и правильно, но не по этим мотивам передавать...

Однако идея передать расследование дел о крупных хищениях в КГБ не реализовалась. К величайшему удовольствию чекистов.

По требованию Хрущева в Уголовный кодекс ввели статью, предусматривающую смертную казнь за валютные преступления. 6 июля появился соответствующий указ президиума Верховного Совета СССР.

Причем закону — невиданное дело! — придали обратную силу. Руденко внес в Верховный суд РСФСР протест по делу Рокотова и компании, сочтя приговор слишком мягким. Верховный суд согласился с генеральным прокурором и приговорил Рокотова и его подельника Владислава Файбышенко к смертной казни с конфискацией имущества.

Это был сигнал всей правоохранительной системе. Ни Шелепин, ни Руденко не хотели слышать от Хрущева обвинения в либерализме. Меньше чем за год по хозяйственным и экономическим делам было вынесено полторы сотни расстрельных приговоров. Заодно чекисты выяснили, что сотрудники милиции покрывали валютчиков, получая от них щедрое вознаграждение. Некоторые из арестованных оказались милицейскими осведомителями. Но сладить с преступниками в милицейской форме чекистам оказалось не под силу. Ни тогда, при Шелепине, ни позже.

Протоколом № 200 заседания президиума ЦК КПСС от 9 января 1959 года было утверждено положение о КГБ и его органах. Этот секретный документ оставался в силе до перестройки:

«Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органы на местах являются политическими органами, осуществляющими мероприятия Центрального Комитета партии и Правительства по защите социалистического государства от посягательств со стороны внешних и внутренних врагов, а также по охране государственных границ СССР.

Они призваны бдительно следить за тайными происками врагов Советской страны, разоблачать их замыслы, пресекать преступную деятельность империалистических разведок против Советского государства...

Комитет государственной безопасности работает под непосредственным руководством и контролем Центрального Комитета КПСС. Руководящие работники органов государственной безопасности, входящие в номенклатуру ЦК КПСС, утверждаются в должности Центральным Комитетом КПСС.

Работники, входящие в номенклатуру местных партийных органов, утверждаются в должности соответственно ЦК компартий союзных республик, крайкомами и обкомами КПСС.

Перемещение работника с одной должности на другую, состоящего в номенклатуре ЦК КПСС или местных партийных органов, может быть произведено только после решения ЦК КПСС или местных партийных органов».

Шелепин с санкции Хрущева сменил руководство комитета, подобрал себе новых заместителей, начальников основных управлений.

В июле 1959 года заместитель председателя КГБ генерал-полковник Сергей Саввич Бельченко, служивший в НКВД с довоенных лет, был отправлен на пенсию.

Другой заместитель председателя генерал-майор Петр Иванович Григорьев, бывший заведующий сектором административных органов ЦК, отправился в Восточный Берлин заместителем уполномоченного КГБ по координации и связи с министерствами госбезопасности и внутренних дел ГДР.

В августе еще один заместитель председателя генерал-майор Серафим Николаевич Лялин был назначен — с понижением — начальником нового оперативно-технического управления.

А первый заместитель председателя КГБ генерал Лунев, который едва

не стал хозяином Лубянки, вынужден быть принять назначение председателем республиканского комитета госбезопасности Казахстана. Но его готовность остаться в КГБ на любой должности не помогла. Через полгода его все равно отправили на пенсию.

Новыми замами стали генерал-майор Александр Иванович Перепелицын, переведенный из Белоруссии (он занимался кадрами), и давний знакомый Шелепина по комсомолу — Вадим Тикунов. Кстати говоря, ему, как и Шелепину, звания в КГБ не присваивали. Они оба оставались штатскими людьми.

Вадим Степанович Тикунов был на три года моложе Шелепина. Он родился в Ульяновске, а вырос в Казахстане, где трудился его отец, окончил Алма-Атинский юридический институт и сразу был избран секретарем Актюбинского обкома комсомола. Десять лет он провел на комсомольской работе, так что Шелепин его хорошо знал. С должности первого секретаря Владимирского обкома комсомола Тикунова в 1951 году перевели в горком партии.

Когда Шелепин стал первым секретарем ЦК ВЛКСМ, Вадима Тикунова взяли в аппарат ЦК партии. Четыре года в отделе административных органов он заведовал сектором органов госбезопасности. В ноябре 1958-го получил повышение — стал заместителем заведующего отделом. А меньше чем через год Шелепин забрал его к себе в КГБ.

Шелепин сменил начальника секретариата КГБ, поставив на эту должность своего помощника Владимира Михайловича Беякова, образовал группу при председателе КГБ по изучению и обобщению опыта работы органов госбезопасности и данных о противнике.

Александр Николаевич отправил на пенсию начальника Третьего управления (военная контрразведка) генерал-лейтенанта Дмитрия Сергеевича Леонова, который служил в армии с 1922 года и во время войны был членом военных советов Калининского, 1-го Прибалтийского и 2-го Дальневосточного фронтов. Отсутствие у Леонова высшего образования и специальных знаний, вспоминал его бывший подчиненный Борис Гераскин, ставило контрразведчиков в трудное положение.

Когда генерала Леонова отправили на пенсию, он заплакал. Его заместитель генерал-майор Анатолий Михайлович Гуськов растроганно сказал:

— Дмитрий Сергеевич, сегодня такой необычный и памятный день. Давайте вечером соберемся в ресторане и вас тепло проводим.

Бывший начальник военной контрразведки задумался, его лицо

приобрело обычный суровый, отрешенный вид. Он ответил:

— Что еще придумали! Толкаете меня на организацию коллективной пьянки. Нет, увольте...

Как встретили Шелепина в КГБ?

Генерал армии Филипп Денисович Бобков, бывший первый заместитель председателя КГБ, считает, что серьезной ошибкой Шелепина было то, что он не скрывал недоверия к кадровым сотрудникам госбезопасности, убирал опытных чекистов, заменял их молодыми ребятами из комсомола.

Бобков не уточняет, что убирал Шелепин прежде всего тех, у кого руки были в крови. Так что обновление кадров означало, что вместо тех, кто участвовал в сталинских репрессиях, пришли новые люди. Другое дело, что многие новички слишком быстро осваивались на Лубянке и наследовали худшие традиции этого ведомства.

Что касается набора комсомольцев, то это была, скорее, хрущевская линия: отправлять в комитет молодежь. Тогда шутили, что КГБ при Совете министров переименован в КГБ при ЦК ВЛКСМ.

Начальником управления Комитета госбезопасности по Ленинграду и Ленинградской области стал Василий Тимофеевич Шумилов, бывший первый секретарь Ленинградского обкома комсомола. Когда Брежнев уберет из политики и Шелепина, и Семичастного, Шумилова переведут в ГДР руководителем представительства КГБ.

Александр Никифорович Аксенов, выходец из Белоруссии, при Шелепине стал секретарем ЦК ВЛКСМ по работе среди сельской молодежи. В 1959 году по предложению Шелепина Аксенова вернули в Минск и назначили первым заместителем председателя республиканского КГБ. Через год сделали министром внутренних дел Белоруссии. А через пять лет перевели на партийную работу. Со временем Александр Аксенов стал главой республиканского правительства. Он один из немногих шелепинских соратников, кто избежал опалы. Вероятно, потому, что проработал с ним достаточно недолго.

Секретаря ЦК комсомола Белоруссии Владимира Петровича Демидова в 1960 году тоже перевели на работу в КГБ. Ему был тридцать один год, и он понимал: пора было уходить на «взрослую» работу. Его пригласили к заведующему отделом административных органов компартии Белоруссии Глебу Александровичу Криулину, который сам только-только перешел на партийную работу с должности первого секретаря республиканского комсомола.

В кабинете сидел и председатель КГБ Белоруссии Василий Иванович

Петров. По словам одного из его подчиненных генерала Эдуарда Болеславовича Нордмана, Петров — «кадровый особист, стиль — солдафонский».

Владимир Демидов против перехода в Комитет госбезопасности возражать не стал, после короткой стажировки в Москве получил назначение во Второе управление (контрразведка). Он руководил областным управлением госбезопасности в Могилеве, потом стал первым заместителем председателя КГБ Киргизии. Должность была генеральской, но высокое звание Демидов так и не получил. Журналистам уже в наше время объяснял это так:

— Решение должно было пройти через Ивана Васильевича Капитонова. С ним невозможно было согласовать продвижение по службе или представить к очередному званию кого-нибудь из сотрудников КГБ, кто раньше работал в комсомоле. Сразу же после ухода из комитета Семичастного началось постепенное удаление из центрального аппарата бывших комсомольцев. Я знаю нескольких бывших первых секретарей обкомов комсомола, очень хороших работников, кого таким вот образом послали из Москвы, Ленинграда и Ростова-на-Дону в Среднюю Азию и на Дальний Восток...

Начальником Девятого управления (охрана высшего руководства страны) Шелепин тоже назначил бывшего комсомольского работника — Владимира Яковлевича Чекалова.

До Шелепина в КГБ работали оперативники, которые даже школы не закончили. Кадровые чекисты обижались, что новичкам сразу присваивали высокие звания, назначали на руководящие должности.

Укрепление комитета партийно-комсомольскими кадрами вызывало удивление и раздражение у кадровых чекистов. Один отставной полковник госбезопасности в мемуарной книге «Да, я там работал» с раздражением писал:

«Я наивно думал: зачем ЦК пихает повсюду этих бездарей, абсолютно не разбирающихся в делах, которыми им поручено руководить? Кому нужны начальники управлений внешних связей, не владеющие ни одним языком? Как может руководить оперативной, секретной работой бывший сотрудник общего отдела ЦК ВЛКСМ?»

Шелепину потом поставят в вину, что он сразу начал перекраивать структуру комитета, не посоветовавшись со специалистами. До Шелепина в КГБ каждой отрасли народного хозяйства соответствовало свое подразделение. Одно управление занималось экономикой, другое — идеологией, третье — транспортом и т. д. Он ликвидировал все эти

самостоятельные управления, превратил их в отделы и свел в единое Главное управление контрразведки, а заодно и сократил аппарат.

При Андропове пойдет обратный процесс.

Шелепин военную контрразведку из главного управления сделал просто управлением. Все это больно ударило по амбициям чекистского начальства, которое лишилось больших должностей. Понятно, что многие генералы затаили обиду на Шелепина.

Зато он сделал упор на электронную разведку и работу дешифровщиков, которые читали иностранную шифропереписку. В конце 1950-х удалось завербовать троих сотрудников американского Агентства национальной безопасности, которое занималось электронной разведкой. Это был огромный успех. При Шелепине внутри Первого главного управления создали отдел, который занимался проникновением в иностранные посольства за границей и вербовкой шифровальщиков.

Полковник Станислав Валерьевич Лекарев в те годы работал в оперативно-техническом управлении — в научной лаборатории (НИЛ-12), которая занималась оперативным применением токсических веществ. Он рассказывал, что Шелепин, назначенный председателем КГБ, одним из первых побывал в этой лаборатории.

При Шелепине Комитет госбезопасности сконцентрировал усилия на «активных мероприятиях», то есть дезинформации.

Предшественник Шелепина Иван Серов этим заниматься не хотел. 3 апреля 1956 года он обратился к первому заместителю министра иностранных дел Андрею Андреевичу Громыко, который одновременно руководил Комитетом информации (разведывательно-информационный орган), с предложением забрать себе всю работу по внешнеполитической дезинформации. Генерал Серов писал, что по просьбе Комитета информации, используя свою агентуру, КГБ опубликовал на Западе более семисот статей, брошюр и книг, «инспирировали запросы в парламентах» и выступления различных политических деятелей. Но Серов считал, что эта работа «отвлекает от выполнения разведывательных задач».

Предложение Серова не приняли. В 1958 году Комитет информации при Министерстве иностранных дел вовсе упразднили. В январе 1959 года в Первом главном управлении КГБ создали отдел «Д» — активные мероприятия за рубежом. Его возглавил Иван Иванович Агаянц. Он очень молодым человеком стал работать в ОГПУ, сначала в экономическом управлении. Выучил несколько иностранных языков и в 1936 году был переведен в иностранный отдел. Работал во Франции и в Иране.

В конце апреля 1959 года новый председатель КГБ Шелепин и

Громыко, ставший министром иностранных дел, обратились в ЦК с просьбой увеличить ассигнования на эту работу. В совместном письме они напомнили членам президиума ЦК, что прежде финансирование «активных мероприятий» шло за счет бюджета Комитета информации. На 1959 год выделили триста тысяч рублей в иностранной валюте. Шелепин и Громыко просили прибавить еще полмиллиона.

Отдел «Д» преобразовали в службу «А». Иван Агаянц получил звание генерала. Сформировалась мощная служба дезинформации и влияния на общественное мнение прежде всего в странах третьего мира. Люди Агаянца распространяли, где могли, ловко или не очень ловко сработанные фальшивки. В Европе целью номер один была Западная Германия, которую обвиняли в поощрении неонацизма, хотя западные немцы делали все, чтобы покончить с трагическим прошлым.

В 1960 году Шелепин, узнав, что в Первом главном управлении нет самостоятельного подразделения, занимающегося Африкой, распорядился создать африканский отдел — из восьми человек.

Африканскими делами Шелепину пришлось заниматься не только по линии разведки. Многие будущие проблемы нашего общества проявились уже тогда. Только о них не говорили.

Организация Объединенных Наций провозгласила 1960 год «Годом Африки». 20 января того же года было принято постановление ЦК КПСС «О расширении культурных и общественных связей с негритянскими народами Африки и усилении влияния Советского Союза на эти народы».

В Советский Союз стали приезжать африканские студенты, и сразу возникли проблемы. В марте 1960 года на имя Хрущева пришла большая жалоба от живущих в Москве темнокожих студентов с просьбой прекратить расовую дискриминацию.

В письме говорилось:

«В субботу, 12 марта 1960 года, вечером в Московском университете четверо русских студентов напали на африканского студента Абдула Хамида Мохаммеда и избили его до бессознательного состояния. Его преступление состояло в том, что он танцевал с русской девушкой... Русские студенты неоднократно оскорбляли и продолжают оскорблять африканских студентов. Одного студента обозвали обезьяной...»

Разбираться поручили Комитету госбезопасности. Чекисты провели расследование и уточнили имя пострадавшего студента. Ответ в ЦК подписал сам Шелепин:

«Установлено, что обучающийся в МГУ сомалийский студент Абдулхамид Мохамед Хасан, присутствуя 12 марта с. г. на вечере

геологического факультета МГУ, пригласил студентку третьего курса на танец. Она ответила отказом и стала танцевать со своим знакомым. По окончании танца Адбулхамид подошел к ней и плюнул в лицо, за что получил пощечину...»

После этого произошла драка, в результате которой сомалийского студента госпитализировали с сотрясением мозга.

В письме Шелепина говорилось, что «Абдулхамид неоднократно участвовал в организации пьянок и драк, задерживался органами милиции за нарушение общественного порядка».

Чекисты выяснили, что авторами письма-жалобы стали «студенты-негры, подозреваемые в причастности к иностранным разведорганам. Все они враждебно настроены к Советскому Союзу, неоднократно подстрекали других студентов из африканских стран к провокационным действиям».

Рядовые сотрудники КГБ обижались на Шелепина: он лишил аппарат ведомственных санаториев, домов отдыха, еще каких-то привилегий. Он упразднил несколько учебных заведений, сократил хозяйственные структуры, ликвидировал самостоятельное медицинское управление и управление снабжения и вооружения.

Шелепин, по мнению генерала Бобкова, готов был выполнить любое распоряжение начальства, но желал при этом выглядеть принципиальным. Может быть, это и так, хотя жизненный путь Александра Николаевича свидетельствует о том, что он не был таким уж послушным исполнителем приказов сверху...

Николай Григорьевич Егорычев, первый секретарь Московского горкома партии в 1961–1967 годах, рассказывал:

— Чтобы менять курс, надо было иметь большое мужество. Он начал преобразовывать комитет, пригласил в КГБ молодежь. Шелепин привел в комитет образованных ребят из комсомола. Им не хватало профессионального опыта, зато руки были чистые.

Шелепин вернул культ Дзержинского, чекиста-идеалиста, который надежно защищает советского человека.

Генерал-лейтенант Вадим Кирпиченко рассказывал:

«Иногда Шелепин демонстрировал интерес к мнению рядовых сотрудников. Это был как бы стереотип поведения, элемент показной демократии. Так, однажды, когда после обсуждения у председателя КГБ очередного вопроса по Африке я попросил разрешения покинуть его кабинет и, получив таковое, уже направился к двери, как вдруг Шелепин остановил меня словами:

— Извините, товарищ Кирпиченко, я забыл спросить ваше личное

мнение по данной проблеме!

Помню, мне было очень приятно, что моим мнением поинтересовался «лично» председатель КГБ.

Второй известный мне случай, когда Шелепин поинтересовался личным мнением оперативного сотрудника, носил вообще сенсационный характер. Во время доклада одного из руководителей разведки председателю последний вдруг совершенно неожиданно задал ему вопрос, что он думает о развитии обстановки в Сомали. Докладчик не смог ответить и попросил некоторое время на изучение вопроса, но Шелепин проявил нетерпение и заявил, что ему надо знать мнение разведки немедленно. И тут же велел своему помощнику разыскать номер телефона разведчика, который непосредственно занимается этим государством.

Через несколько минут помощник доложил, что Сомали в Первом главном управлении занимается Виталий Иванович П., и назвал номер его телефона. И здесь Шелепин преподнес руководству разведки еще один урок своей демократичности в сочетании с оперативностью. Он самолично набрал нужный номер и представился сотруднику:

— Вас беспокоит председатель КГБ Шелепин. Не могли бы вы ответить на следующий вопрос?..

Весть об этом телефонном разговоре быстро разнеслась по коридорам разведки, и все не переставали удивляться новым демократическим порядкам».

Борис Гераскин, который в те годы занимал невысокую должность, тоже на всю жизнь запомнил, как ему позвонил сам председатель КГБ. В 1959 году был арестован подполковник Генерального штаба Петр Попов, который служил в группе советских оккупационных войск в Австрии и там стал работать на американцев.

После ареста Попова Шелепин позвонил Гераскину, служившему в военной контрразведке:

— Вы могли бы доложить мне оперативную обстановку в Генеральном штабе?

— Конечно.

— Сколько вам понадобится времени, чтобы собраться с мыслями?

— Достаточно тридцати минут.

— Через тридцать минут жду вас с докладом.

Шелепин принял офицеров без задержки. Своего мнения не навязывал, соображения подчиненных выслушал внимательно.

Руководителю КГБ приходилось заниматься самыми необычными делами. 15 апреля 1961 года он доложил в ЦК:

«В марте с. г. Управлением КГБ Красноярского края были получены данные о том, что в отдаленных местах Енисейского района проживает на нелегальном положении группа старообрядцев.

Взрослые члены этих семей рассказали, что в указанной местности они проживают с 1941—42 гг., куда перешли из Томской области в связи с нежеланием мужчин служить в Советской Армии и платить государственные налоги. Около двадцати лет все они почти не общались с местным населением.

Только мужчины один-два раза в год выходили в отдаленные населенные пункты за солью, спичками и другими товарами крайней необходимости, скрывая от населения место своего пребывания.

В настоящее время члены указанных семей согласились выйти из тайги и поселиться в каком-либо населенном пункте. Принимаются меры к их выводу из тайги и трудоустройству, а также снабжению продуктами и оказанию медицинской помощи больным».

Став председателем Комитета госбезопасности, Шелепин осознал, какой огромной властью он обладает, — властью тайной, страшной для других.

В конце 1950-х дипломат (и сын не менее известного дипломата) Олег Александрович Трояновский был помощником главы правительства Хрущева по международным делам. Однажды Трояновскому позвонил Шелепин, с которым они были знакомы еще по институту.

— Олег Александрович, — дружески сказал председатель КГБ, — брось ты встречаться с этой (он назвал незнакомую Трояновскому женскую фамилию. — Л. М.). Она путается с иностранцами и вообще пользуется дурной репутацией. Разве нельзя найти других баб?

Трояновский ответил, что впервые слышит это имя. Шелепин пояснил, что к самому Олегу Александровичу претензий нет, но он рекомендует порвать с этой женщиной. Олег Трояновский не был чужд радостей жизни, но других. Вечером он пересказал разговор жене. Она не заподозрила мужа в неверности, но сразу почувствовала, что история весьма опасная для его репутации.

На следующий день Трояновский перезвонил Шелепину и повторил, что произошло недоразумение. Председатель КГБ ответил, что у него нет оснований сомневаться в точности имеющейся у него информации, а если Трояновский намерен упорствовать, то можно вместе сходить к Хрущеву и пусть Никита Сергеевич примет решение...

Это уже прозвучало как угроза.

Трояновский пошел советоваться к другим помощникам Хрущева.

Григорий Трофимович Шуйский работал с Хрущевым с 1950 года, Владимир Семенович Лебедев — с 1954-го. Они оба посоветовали младшему товарищу не оставлять этого дела. Иначе в досье, которое хранится в КГБ, останется соответствующая запись, и в какой-то момент она сломает Трояновскому карьеру.

Григорий Шуйский, как старший помощник Хрущева, связался с председателем КГБ и попросил перепроверить информацию. Отказать влиятельному Шуйскому Александр Николаевич не мог.

Через несколько дней Шелепин позвонил Трояновскому и попросил зайти. В кабинете председателя КГБ находились начальник столичного управления госбезопасности и «испуганная девица весьма вульгарного вида». На очной ставке девица призналась, что с Трояновским не знакома, но в разговорах с друзьями называла его имя, как и имена других высокопоставленных персон, набивая себе цену...

На этом история закончилась, но Трояновский на всю жизнь запомнил, каких усилий ему, помощнику главы правительства, стоило добиться истины в отношениях с КГБ. Обычный советский человек был беззащитен перед тайной властью системы госбезопасности. В его досье делалась пометка, и ничего не понимавшего человека лишали работы — это как минимум.

В 1957 году Хрущев убрал маршала Жукова как опасного соперника с поста министра обороны. Никита Сергеевич распорядился возобновить оперативное наблюдение за маршалом и сам знакомился с материалами слежки. Маршала постоянно подслушивали, в его окружении находились осведомители Комитета госбезопасности.

Председатель КГБ докладывал о настроениях и разговорах Жукова лично первому секретарю ЦК КПСС.

В 1959 году умер Герой Советского Союза генерал-лейтенант Владимир Крюков, бывший командир кавалерийского корпуса. Он был очень близок к маршалу Жукову, поэтому осенью 1948-го генерала посадили. Обвиняли Крюкова в том, что он участвовал в мнимом заговоре, во главе которого стоял маршал Жуков, а заодно и в том, что он вывез из Германии много трофейного имущества. Крюкова избивали до потери сознания, требуя, чтобы он дал показания о предательстве Жукова.

Генерала Крюкова приговорили к двадцати пяти годам. Вслед за ним отправили в лагерь и его жену Лидию Андреевну Русланову, замечательную исполнительницу русских народных песен. После смерти Сталина маршал Жуков добился освобождения Крюкова и Руслановой.

Когда Крюков умер, на поминки пришли маршалы Жуков и Буденный.

Присутствовавшие там осведомители КГБ составили очередное донесение. После чего председатель КГБ Шелепин отправил в ЦК КПСС записку о «нездоровых, политически вредных разговорах», которые вел на поминках Жуков:

«В процессе беседы среди присутствующих был поднят вопрос и о принятом Постановлении Совета Министров Союза ССР № 876 от 27 июля 1959 года о пенсиях военнослужащим и их семьям.

Тов. Жуков по этому вопросу заявил, что, если он был бы министром обороны, он не допустил бы принятия Правительством нового Постановления о пенсиях военнослужащим и их семьям. Далее он сказал, что тов. Малиновский предоставил свободу действий генералу армии Голикову, а последний разваливает армию.

«В газете 'Красная звезда', — продолжал Жуков, — изо дня в день помещают статьи с призывами поднимать и укреплять авторитет политработников и критиковать командиров. В результате такой политики армия будет разложена».

Высказывания Жукова по этому вопросу были поддержаны тов. Буденным.

По имеющимся в КГБ при Совете Министров СССР данным, большинство офицерского состава Советской Армии правильно восприняло Постановление Совета Министров Союза ССР № 876 от 27 июля 1959 года о пенсиях военнослужащим и их семьям».

Записку Шелепина разбирали на заседании президиума ЦК. Создали комиссию под руководством Брежнева, которая побеседовала с двумя маршалами — Буденным и Жуковым.

Буденный сказал, что ничего плохого не говорил и не слышал. Он комиссию не интересовал и был быстро отпущен. Комиссии нужен был Жуков. Георгия Константиновича вызывали в ЦК КПСС и «воспитывали», иначе говоря, угрожали, требуя, чтобы он держал язык за зубами. Выдающийся полководец в очередной раз вынужден был оправдываться и каяться.

На даче маршала Жукова была установлена аппаратура прослушивания, записывались даже его разговоры с женой в спальне. Он был лишен всех постов, исключен из политической жизни, а КГБ держал маршала под постоянным контролем. Это продолжалось и при Брежневе. Его все еще боялись в Кремле, да и завидовали славе и всенародной любви...

ПОЭТЫ, БАЛЕРИНЫ, ПРОЗАИКИ И ДРУГИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В 1958 году Нобелевскую премию по литературе присудили Борису Леонидовичу Пастернаку. Вместо радости за выдающегося соотечественника власть испытывала злость и раздражение.

Фактически премии был удостоен роман Пастернака «Доктор Живаго». Годом ранее роман появился на итальянском, потом на других иностранных языках. Опубликовать роман на русском языке Пастернаку не позволили.

Первым проявил бдительность Дмитрий Трофимович Шепилов. За два месяца до присуждения Пастернаку Нобелевской премии его назначили министром иностранных дел, но он все еще оставался и секретарем ЦК.

24 августа 1956 года КГБ доложил в ЦК, что рукопись романа Пастернака передана итальянскому издателю. Отдел культуры ЦК получил указание оценить роман. Познакомиться с текстом не составило труда, поскольку автор предложил его журналам «Знамя» и «Новый мир», альманаху «Литературная Москва» и Гослитиздату.

31 августа Шепилов информировал товарищей по партийному руководству:

«Мне стало известно, что писатель Б. Пастернак переправил в Италию в издательство Фельтринелли рукопись своего романа «Доктор Живаго». Он предоставил указанному издательству право издания романа и право передачи его для переиздания во Франции и в Англии.

Роман Б. Пастернака — злобный пасквиль на СССР.

Отдел ЦК КПСС по связям с зарубежными компартиями принимает через друзей меры к тому, чтобы предотвратить издание этой антисоветской книги за рубежом...»

Отдел культуры и международный отдел ЦК развернули бурную деятельность, чтобы помешать изданию романа. Не получилось. Затем столь же тщетно пытались сорвать присуждение Борису Пастернаку Нобелевской премии в области литературы. И это не вышло.

23 октября 1958 года Борис Леонидович был удостоен Нобелевской премии по литературе «за выдающиеся достижения в современной лирической поэзии, а также за продолжение традиций великого русского

эпического романа».

В тот же день по записке Суслова президиум ЦК принял решение организовать кампанию осуждения Пастернака, поскольку присуждение ему премии «является враждебным по отношению к нашей стране актом и орудием международной реакции, направленным на разжигание холодной войны».

Старшим идеологическим секретарем была Екатерина Алексеевна Фурцева. Ей поступали все бумаги по «делу Пастернака». Она требовала от отделов ЦК принятия мер, она же одобряла или отвергала предложения отделов. Суслов и Пospelов были у нее на подхвате. Фурцева и Суслов оба были членами президиума, но Екатерина Алексеевна тогда еще нравилась Хрущеву, а Михаил Андреевич не очень... Что касается академика Петра Николаевича Пospelова, то он был кандидатом в члены президиума, то есть чином ниже.

16 февраля 1959 года председатель КГБ Шелепин отправил в ЦК записку о проделанной его подчиненными работе, то есть о «выявлении связей Б. Л. Пастернака с советскими и зарубежными гражданами»:

«Докладываю, что органами госбезопасности выявлены следующие связи Пастернака из числа советских граждан: писатель Чуковский К. И., писатель Иванов В. В., музыкант Нейгауз Г. Г., народный артист СССР Ливанов Б. Н., поэт Вознесенский А., редактор Гослитиздата Банников Н. В., ранее работал в отделе печати МИДа СССР, переводчица Ивинская О. В., работает по договорам, является сожительницей Пастернака...»

За Пастернаком, его домом следили. Активизировали осведомителей в писательской среде, недостатка в которых КГБ никогда не ощущал.

18 февраля Шелепин отправил в ЦК подробную справку о взглядах Пастернака и истории публикации романа. В записке есть несколько грубых фактических ошибок, что свидетельствует о недостаточной осведомленности чекистов, надзиравших за идеологической сферой.

Зато в этом доносе поэту давалась оценка, способная его погубить:

«Для всего его творчества характерно воспевание индивидуализма и уход от советской действительности. По философским взглядам он убежденный идеалист.

Как видно из агентурных материалов, Пастернак среди своих знакомых неоднократно высказывал антисоветские настроения, особенно по вопросам политики партии и Советского правительства в области литературы и искусства, так как считает, что свобода искусства в нашей стране невозможна...

В результате наблюдения за Пастернаком установлено, что ряд лиц из

числа его близкого окружения также не разделяет точки зрения советской общественности и своим сочувствием в известной мере подогревает озлобленность Пастернака...»

Прокуратура тоже не осталась в стороне. Генеральный прокурор СССР Роман Руденко предложил не привлекать Пастернака к уголовной ответственности, а в соответствии с пунктом «б» статьи седьмой закона о гражданстве СССР от 19 августа 1938 года лишить его советского гражданства и выслать из страны.

Предусмотрительный Руденко приложил к записке проект указа президиума Верховного Совета СССР «О лишении советского гражданства и удалении из пределов СССР Пастернака Б. Л.».

27 февраля вопрос о Пастернаке обсуждался на президиуме ЦК с участием Шелепина. Позвали и генерального прокурора Руденко. Идею выслать поэта из страны Хрущев отверг. Предложил другое:

— Предупреждение от прокурора ему сделать и сказать, что, если будет продолжать враждебную работу, будет привлечен к ответственности.

Выдающегося поэта, как какого-то преступника, вызвали в Генеральную прокуратуру. Допрос проводил сам Роман Руденко. Пастернаку пригрозили привлечением к уголовной ответственности по статье 64-1 УК — измена родине, если он будет продолжать встречаться с иностранцами. Поэту, которым страна должна была гордиться, устроили настоящую травлю.

29 октября первый секретарь ЦК ВЛКСМ Владимир Семичастный, выступая на комсомольском пленуме, сказал:

— Если сравнить Пастернака со свиньей, то свинья не сделает того, что он сделал. Он нагадил там, где ел, нагадил тем, чьими трудами он живет и дышит. А почему бы этому внутреннему эмигранту не изведать воздуха капиталистического? Пусть он стал бы действительным эмигрантом и пусть бы отправился в свой капиталистический рай. Я уверен, что и общественность, и правительство никаких препятствий ему бы не чинили, а, наоборот, считали бы, что этот его уход из нашей среды освежил бы воздух.

Речь Семичастному, конечно, написали, что именно сказать — продиктовали сверху, но страсть и темперамент были подлинными. На следующий день доклад Семичастного был опубликован в «Комсомольской правде». Это была игра на публику, поскольку Хрущев уже решил, что высылать поэта не будет.

Через два дня после выступления первого секретаря ЦК комсомола над Пастернаком начали творить суд братья-писатели, которым речи никто не

писал. Они по собственной инициативе тоже призвали родное правительство изгнать нобелевского лауреата из страны.

«Я прочитал стенограмму общемосковского собрания писателей, — писал замечательный прозаик Виктор Платонович Некрасов, фронтовик, автор хрестоматийного романа «В окопах Сталинграда». — Пока читал, было ощущение, что меня окунули в бочку с дерьмом. До сих пор отмыться не могу».

Драматург Александр Константинович Гладков, автор «Гусарской баллады», писал об одном поэте, который, понимая ценность стихов Пастернака, присоединился к грубым нападкам на него:

«Понять это можно только, если представить психологию времени, насыщенного страхом и вошедшей в моду человеческого обихода подлость. Откройте любой лист газеты того времени, и вы увидите, как часто вчерашние жертвы, чтобы спастись, обливали грязью жертвы сегодняшнего дня».

Сталин, похоже, ценил Бориса Пастернака, и в худшие времена поэта не трогали. Может быть, ему нравилось, что письма вождю великий поэт заканчивал словами «любящий Вас и преданный Вам Б. Пастернак».

Хрущеву, который мало что читал и мало интересовался литературой и искусством, Пастернак был совершенно чужд. Хрущев хотел, чтобы литература и писатели приносили практическую пользу. Если уж он был недоволен академиками, считал, что ученые уделяют недостаточно внимания практике, то несложно представить себе, как его раздражали писатели, творящие недоступное ему высокое искусство.

Поэт не вынес травли и ушел из жизни. В ночь с 30 на 31 мая 1960 года Борис Пастернак скончался. Главный редактор «Известий» Алексей Аджубей предупредил своих знакомых:

— Мой совет — на похороны не ездить. Там будут люди, которые будут снимать на киноплёнку всех участников похорон.

Интерес органов госбезопасности к поэту не исчез. Теперь он приобрел меркантильный характер. Возник вопрос о наследстве Пастернака. Сам поэт под давлением властей не смог получить ни копейки из гонораров, выплаченных ему за рубежом. После его смерти родные оказались в бедственном положении и рассчитывали на эти гонорары, а государство само не прочь было прибрать его денежки. От его поэзии оно легко отказалось, а на деньги претендовало.

Внешней разведке было дано указание выяснить, сколько Пастернаку причитается.

22 сентября 1961 года Шелепин сообщил в ЦК:

«По имеющимся в Комитете госбезопасности неофициальным данным, в банках ФРГ сосредоточено около 8 миллионов марок, в банках Англии — 100 тысяч фунтов стерлингов, в банках ряда скандинавских стран — 108 тысяч шведских крон...

Комитет госбезопасности полагает целесообразным поручить Инюрколлегии принять меры по введению жены Пастернака — Пастернак З. Н. в права наследования, что даст возможность получить указанную валюту в фонд Государственного банка СССР».

Советская интеллигенция вообще доставляла массу неприятностей чекистам.

В мае 1961 года труппа академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова выехала на гастроли в Париж. В составе труппы был солист театра Рудольф Нуриев. Ему было всего двадцать четыре года, но он уже был известным всему миру танцовщиком.

Председатель КГБ Шелепин докладывал в ЦК:

«23 июня сего года из Парижа поступили данные о том, что Нуриев нарушает правила поведения советских граждан за границей, один уходит в город и возвращается в отель поздно ночью. Кроме того, он установил близкие отношения с французскими артистами, среди которых имелись гомосексуалисты. Несмотря на проведенные с ним беседы профилактического характера, Нуриев не изменил своего поведения...»

Сотрудник КГБ, включенный в состав труппы, предложил досрочно откомандировать Нуриева домой. 16 июня труппа Кировского театра отправилась в аэропорт, чтобы лететь дальше — в Лондон. Нуриеву сказали, что его дома ждет больная мама. Нуриев решил, что больше его за границу не отпустят, и прямо в аэропорту попросил у французских властей политического убежища.

Убежище было предоставлено.

Пятнадцать лет Нуриев танцевал в Лондонском королевском балете, и его называли величайшим танцовщиком XX века. В КГБ его побег сочли провалом. Переправивший на Запад множество архивных документов бывший сотрудник Первого главного управления КГБ майор Василий Митрохин утверждал, что разведывательно-диверсионный отдел получил указание провести против Нуриева «специальную операцию» — сломать ему ногу или лучше обе. Но приказ выполнен не был.

Впрочем, иногда чекисты делали и добрые дела. Вернее, исправляли глупости и гнусности, совершенные их предшественниками.

Балерина Майя Плисецкая вспоминает, как КГБ сделал ее невыездной: не выпускали на гастроли, за ней следили. Не помогло и обращение к главе

правительства Николаю Александровичу Булганину, поклоннику балета и балерин.

«Делом» Плисецкой занимались сразу два бывших комсомольских вожака — Николай Михайлов, назначенный после смерти Сталина министром культуры, а потом и Александр Шелепин, ставший председателем КГБ.

Помощи от Михайлова Плисецкая не дождалась.

«С кудрявым чубом, пролетарской внешностью, сухой, холодный человек — таким запомнила его Майя Михайловна. — Судьба сводила меня с ним несколько раз на молодежных фестивалях. От этого ни да ни нет не добьешься. Будет ходить вокруг да около. Служака, верный солдат партии, чтоб ее...»

Жена Михайлова Раиса Тимофеевна, принимавшая активное участие в мужниных делах, посоветовала Плисецкой: надо поговорить с самим председателем КГБ Иваном Серовым.

Зять Хрущева (точнее муж Юли, дочери Леонида, старшего сына Хрущева, погибшего на войне) Виктор Петрович Гонтарь, директор Киевской оперы, привел Майю Михайловну в Министерство культуры, проводил в кабинет, где стояла вертушка — аппарат городской правительственной связи.

Плисецкая набрала номер председателя КГБ.

Серов сам взял трубку и неприятно удивился:

— Откуда вы звоните? Кто дал мой номер?

— Звоню из Министерства культуры...

— Что вам от меня надо?

— Я хотела с вами поговорить...

— О чем?

— Меня не выпускают за границу.

— А я тут при чем?

— Все говорят, что это вы меня не пускаете.

— Кто все?

— Все...

— А все-таки?

Плисецкая сослалась на жену Михайлова:

— Раиса Тимофеевна Михайлова...

— А ей больше всех надо!.. Все решает Михайлов, я здесь ни при чем...

Председатель КГБ бросил трубку. История фантастическая. Никто — ни до, ни после — не решался в лицо обвинить самого председателя

Комитета госбезопасности в том, что он делает людей невыездными. Через полчаса в Министерство культуры приехали сотрудники отдела «С» (правительственная связь) КГБ и сняли аппарат, которым воспользовалась Плисецкая. Секретаршу, позволившую Плисецкой воспользоваться вертушкой, уволили. Даже хрущевскому зятю досталось — его самого перестали выпускать за границу.

Выездной Плисецкая стала уже тогда, когда Серова в КГБ сменил Александр Николаевич Шелепин. Муж балерины знаменитый композитор Родион Константинович Щедрин узнал номер телефона приемной Шелепина и позвонил. Через пару дней его принял на Лубянке начальник Четвертого управления КГБ генерал-лейтенант Евгений Петрович Питовранов. Четвертое управление занималось борьбой с антисоветскими элементами и ведало интеллигенцией.

Генерал Питовранов внимательно и с пониманием выслушал Щедрина и посоветовал написать письмо Хрущеву. Плисецкая последовала совету. Поскольку руководство КГБ сменилось, то просьбу Плисецкой доложили первому секретарю. Обращение возымело действие.

Ее письмо обсуждалось на президиуме ЦК. Хрущев, как он сам вспоминал, предложил:

— Давайте разрешим ей поехать за границу.

— Она не вернется. Она останется за границей, — слышались возражения.

«Могла она остаться за границей? — вспоминал Хрущев. — Могла. Любая страна почла бы за честь. Где угодно она могла заниматься своей театральной деятельностью».

— Так нельзя относиться к людям, — говорил Хрущев. — Мы сослужим хорошую службу нашему государству, если покажем миру, что больше не придерживаемся сталинских взглядов, доверяем людям. Возьмем крайний случай — она останется. Советская власть от этого не перестанет существовать, хотя нашему искусству будет нанесен чувствительный ущерб, и я бы очень, очень жалел, если Майя Плисецкая осталась бы за границей.

Точка зрения первого секретаря возобладала.

Шелепин пригласил Майю Михайловну в свой кабинет на площади Дзержинского. Плисецкой он не понравился: «Чуть кривит рот, очерченный тонкими недобрыми губами».

Но новости у председателя КГБ были хорошие:

— Прочел Никита Сергеевич ваше письмо. Просил нас тут разобраться. Мы посоветовались и думаем — надо вам с товарищами

вместе за океан отправиться.

Плисецкая замерла: неужели снят запрет на ее зарубежные гастроли?

— Никита Сергеевич вам поверил, — продолжал Шелепин. — У нас тоже оснований не доверять вам нет. Много из того, что нагородили вокруг вас, — ерундистика. Недоброжелательность коллег. Если хотите, профессиональная зависть. Но и вы много ошибок совершили. Речь и поступки следует контролировать...

Великодушию председателя КГБ не было предела:

— Дядя ваш, господин Плезент, умер в Нью-Йорке... Два его сына с семьями... Можете повидаться... Чинить препятствий не будем... Ваше дело...

«У порога, — вспоминала Майя Плисецкая, — Шелепин просит передать привет Щедрина. Растягивает тонкие губы в подобие улыбки.

— Пускай спокойно свои концерты играет. Мы ему рук в заклад рубить не будем. Вот если не вернетесь...»

Майя Михайловна любила свою страну не меньше, чем те люди, которые учили ее патриотизму и решали, что ей можно делать, а что нельзя. А уж сделала она для России много больше.

«Поехала Плисецкая, — вспоминал Хрущев. — Она потом ездила во многие страны. Все поездки проходили очень бурно. Она принесла большую славу советскому балетному искусству. Вот оплата доверия со стороны Майи Плисецкой».

Шелепин в феврале 1960 года упразднил Четвертое управление, которым руководил Питовранов, как самостоятельную структуру. Шелепин считал, что следить за писателями, художниками, актерами — не главная задача КГБ и незачем держать для этого целое управление. Он передал сокращенный аппарат и функции идеологического контроля Второму главному управлению.

Генерал-лейтенант Питовранов отправился в Пекин представителем при китайской разведке. Когда председателем КГБ станет Юрий Владимирович Андропов, он первым делом воссоздаст управление, которое займется интеллигенцией.

Но работа среди интеллигенции продолжалась и при Шелепине. Заметные и духовно самостоятельные люди в художественной среде, писатели, актеры были окружены большим числом осведомителей, которые доносили о каждом неодобрительном высказывании. Диссидентское движение еще не зародилось, но КГБ считал врагами даже тех, что в своем кругу, на кухне, в дружеской компании критиковал реалии советской жизни.

6 июля 1960 года Шелепин подписал предназначенную для ЦК записку под грифом «Сов. секретно», которая начиналась так:

«Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР располагает материалами о том, что в Москве и Ленинграде существуют группы лиц, увлекающихся абстрактной живописью и так называемым левым направлением в поэзии, в кругу которых высказываются пессимистические и антисоветские настроения.

Некоторые из них установили связь с представителями капиталистических стран и пытаются использовать ее во враждебных Советскому Союзу целях...»

Героями записки были двое: Александр Ильич Гинзбург, «автор идеологически вредных упаднических стихотворений. стремится часть имеющихся у него стихотворений, а также картин так называемых левых художников передать за границу», и член Союза писателей из Ленинграда Кирилл Владимирович Успенский (литературный псевдоним — Косцинский), который «систематически ведет злобные антисоветские разговоры, клеветает на политический строй в СССР».

В записке процитированы записанные осведомителями КГБ слова писателя:

«Советская власть поедает сама себя. Она обречена на гибель. Вы живете в полицейском государстве. Социализм построен руками заключенных.»

Председатель комитета информировал руководителей партии:

«В целях пресечения враждебной деятельности Успенского и Гинзбурга имеется в виду провести следствие и привлечь их к уголовной ответственности».

В другой записке Александр Шелепин уточнил:

«Комитетом госбезопасности разоблачена группа, возглавлявшаяся политическим проходимцем и уголовным преступником Гинзбургом, нигде не работавшим, занимавшимся подделкой документов».

Председатель КГБ не сообщил руководителям партии, в чем состояло «уголовное преступление» Гинзбурга, какие именно документы он подделывал, потому что это вызвало бы скорее всего смех.

Александр Гинзбург выручил приятеля — сдал за него экзамен в вечерней школе. Проступок? Бесспорно, но вряд ли за такие проступки, продиктованные чувством товарищества, стоит сажать в тюрьму. Гинзбурга же приговорили тогда к двум годам тюремного заключения.

С информацией Шелепина, судя по сопроводительной записке, ознакомились ведавшие идеологическими делами секретари ЦК Отто

Куусинен и Михаил Суслов.

15 июля Шелепин отправил адресованную лично Хрущеву обширную, на семи страницах, записку:

«В связи с предстоящим 17 июля с. г. приемом интеллигенции на госдаче «Семеновское» докладываю Вам некоторые материалы о настроениях советской интеллигенции и ее реагировании на проводимые партией и правительством мероприятия».

Для начала Шелепин отметил, что «подавляющее большинство интеллигенции одобряет политику, проводимую Коммунистической партией и Советским правительством.

Значительное влияние на изменение настроений творческой интеллигенции оказали проведенные в последнее время мероприятия партии по усилению воспитательной работы среди писателей, артистов, композиторов, художников, работников кино. Решения ЦК по идеологическим вопросам, съезды различных творческих союзов, встречи с руководителями партии и Советского правительства и Ваши выступления на этих встречах нашли одобрительный отклик среди советской интеллигенции».

Затем Шелепин перешел к тому, ради чего Комитет госбезопасности и составлял такие записки:

«Вместе с тем в некоторых кругах творческой интеллигенции не изжиты еще элементы групповщины, в основе которых, помимо личных симпатий, лежат подчас неправильные взгляды на развитие советской литературы и искусства.

Наблюдается групповщина среди драматургов.

В частности, вокруг драматургов Арбузова и в меньшей степени Розова сложилась группа драматургов: Штейн, Зорин, Шток, Шатров, Аграненко, Володин и другие, которые сплочены на нездоровой основе «борьбы» с драматургией «сталинского режима», с так называемыми «правоверными лакировщиками», к числу которых эта группа относит таких советских драматургов, как Корнейчук, Погодин, Софронов, Вирта, Мдивани и других.

Приверженец названной группы драматургов главный режиссер театра «Современник» Ефремов, поставивший недавно идейно порочную пьесу «Голый король», так определяет роль театра в нынешних условиях: «Нам говорят: 'Дела у нас в стране идут хорошо'. А мы со сцены должны нести подтекст: 'Ой ли? ...»

Обращают на себя внимание и такие факты, когда отдельные известные представители творческой интеллигенции покровительствуют

дельцам и тем самым поднимают их вес в глазах окружающих.

Так, в поселке Лианозово, под Москвой, проживает художник-абстракционист Рабин, жилая комната которого превратилась по существу в своеобразный музей абстракционистского искусства. На квартире Рабина собираются его единомышленники, иногда ее посещают иностранцы, которым охотно демонстрируются и продаются образцы «подлинного советского искусства, находящегося в подполье».

Квартиру Рабина посещали такие известные советские литераторы, как Эренбург, Слуцкий, Мартынов, что подогревало участников сборищ, способствовало распространению авторитета среди их поклонников.»

К защите безопасности государства все это не имело никакого отношения. КГБ продолжал исполнять функции политической полиции и идеологического контроля. Записку Шелепина внимательно прочитал секретарь ЦК Суслов. Он аккуратно подчеркнул абзацы с доносами на писателей и художников.

По логике партийных работников и чекистов, антисоветские высказывания в советской страны могли исходить только от наймитов западных стран, уголовных преступников или умственно больных.

На совещании руководящего состава органов госбезопасности в мае 1959 года Шелепин говорил об «антисоветских проявлениях со стороны психически больных, которых необходимо изолировать». Чекисты пришли к выводу, что «арест лиц, которые заведомо имеют умственные отклонения», не нужен, потому что это не государственные преступники, а душевнобольные.

Шелепин предложил в отношении душевнобольных «возбуждать уголовные дела и проводить следствие, предварительно поместив подследственного в психиатрическую больницу». А после решения суда отправлять душевнобольных на принудительное лечение без ареста.

Особняком стоит история с конфискацией Комитетом госбезопасности знаменитого романа Василия Семеновича Гроссмана «Жизнь и судьба».

Он передал рукопись в редакцию журнала «Знамя», там было устроено обсуждение романа с участием руководителей Союза писателей СССР. Роман осудили как политически вредный, после чего последовал донос в КГБ. К Гроссману пришли сотрудники комитета с ордером на обыск и забрали все экземпляры романа. Пожалуй, это единственный в послесталинские времена случай, когда Комитет госбезопасности пытался уничтожить литературное произведение. Причем дело это было незаконное — не было в Уголовном кодексе статьи, позволяющей конфисковывать литературные произведения.

Автор, знаменитый писатель, в Великую Отечественную — военный корреспондент, оказался под контролем чекистов.

22 сентября 1961 года Шелепин отправил в ЦК короткую записку:

«Докладываю, что 19 августа с. г. член КПСС писатель Некрасов В. П. посетил на квартире Гроссмана В. С., автора антисоветского романа «Жизнь и судьба», и интересовался его жизнью.

Гроссман подробно рассказал Некрасову об изъятии романа сотрудниками КГБ и в ходе беседы допустил целый ряд антисоветских выпадов. Некрасов в свою очередь сочувствовал Гроссману, называл его смелым и великим человеком, который «решил написать правду, а мы все время пишем какую-то жалкую полуправду..».

Следует отметить, что Некрасов, находясь в пьяном состоянии, вел себя развязно, допускал недостойные коммуниста выпады против партии и Советского государства, брал под сомнение политику ЦК КПСС...»

Киевлянин Виктор Платонович Некрасов романом «В окопах Сталинграда» положил начало военной литературе. Книга была настолько талантливо написана, что начинающий автор сразу стал знаменитым. Некрасов был человеком очень честным и самостоятельным, поэтому популярность среди читателей и полученная им Сталинская премия недолго спасала его от идеологических надзирателей.

Председатель КГБ цитировал разговор писателей-фронтовиков. Сейчас уже невозможно установить, присутствовал ли при беседе Гроссмана и Некрасова кто-то третий. Если да, то он, вероятно, и был доносчиком. Если нет, то это означает, что в квартире Гроссмана была установлена аппаратура прослушивания. Неужели замечательный прозаик Гроссман был включен в список самых опасных для государства людей, которых постоянно прослушивали?

«Полагаем целесообразным, — писал Шелепин в ЦК, — поручить Отделу культуры ЦК КПСС вызвать Некрасова и провести с ним предупредительную беседу по фактам недостойного коммуниста поведения. Желательно также временно воздержаться от посылки Некрасова в капиталистические страны.»

Записку прочитал Суслов и адресовал заведующему отделом культуры ЦК Дмитрию Алексеевичу Поликарпову, который давно ведал в партаппарате литературными делами.

В конце концов Виктора Некрасова заставили уехать из страны. Василий Гроссман умер рано, так и не увидев свой роман напечатанным. Когда он был опубликован, то стало ясно, что «Жизнь и судьба» — выдающееся произведение русской литературы двадцатого столетия.

СЫН ВОЖДЯ

Шелепину в КГБ пришлось заняться весьма деликатным делом младшего сына Сталина Василия.

Через три недели после смерти вождя, 26 марта 1953 года, приказом министра обороны маршала Булганина генерал-лейтенанта авиации Василия Иосифовича Сталина уволили в запас без права ношения военной формы. А через месяц, 28 апреля, его, с которого раньше пылинки сдували, арестовали.

Постановление об аресте подписал начальник следственной части по особо важным делам Министерства внутренних дел генерал-лейтенант Лев Емельянович Влодзимирский.

Почему с сыном Сталина поступили так сурово?

Происки Лаврентия Павловича, который мстил сыну за отца? Но Берию через два месяца самого арестовали, за ним последовал и генерал Влодзимирский, а Василий Сталин продолжал сидеть. Его обвиняли в том, что он пьянствовал, «на работу не являлся. Доклады своих подчиненных принимал у себя на квартире или на даче. Насаждал в подчиненном ему аппарате угодничество». Но за это не сажают. Обвинили в разбазаривании государственных средств. Но и это не самое тяжелое преступление. Настоящее обвинение ему предъявили по печально знаменитой пятьдесят восьмой статье — за антисоветские высказывания.

Дело Василия Сталина рассматривала военная коллегия Верховного суда. 2 сентября 1955 года она приговорила его к восьми годам лишения свободы. Василия Сталина должны были отправить в лагерь, но держали во Владимирской тюрьме, подальше от людей.

За что же такое суровое наказание? За то, что в пьяном виде обещал пойти к иностранным корреспондентам и сказать все, что он думает о нынешних руководителях страны?

В приговоре записали: за незаконное расходование и присвоение государственного имущества (злоупотребление служебным положением при особо отягчающих обстоятельствах — статья 193-17 Уголовного кодекса РСФСР) и за «враждебные выпады и антисоветские клеветнические измышления в отношении руководителей КПСС и Советского государства» (а это уже смертельно опасная статья 58–10).

Его сестра, Светлана Аллилуева, вспоминала, что Василия арестовали после попойки с какими-то иностранцами. Потом уже, в ходе следствия,

выплыли аферы, растраты, использование служебного положения. Следствие продолжалось два с лишним года. Чекисты арестовали адъютантов Василия, его сослуживцев, и те быстро подписали нужные следствию показания.

Но главное в другом — вернулись из мест не столь отдаленных люди, попавшие в тюрьму с легкой руки Василия Сталина. А это были не простые люди, а маршалы и генералы.

Не только у военных, но и у партийных руководителей были основания ненавидеть младшего Сталина. Прежде всего у всесильного Георгия Максимилиановича Маленкова, которому Василий Сталин едва не сломал карьеру.

В 1946 году Сталин разослал членам политбюро письмо, в котором говорилось, что в авиапромышленности вскрыты серьезные преступления — промышленность давала авиации негодные самолеты, а командование военно-воздушных сил закрывало на это глаза. Считается, что это генерал авиации Василий Иосифович Сталин пожаловался отцу на плохие самолеты.

Куратором авиационной промышленности был член политбюро и секретарь ЦК Георгий Максимилианович Маленков. 4 мая 1946 года Сталин специальным постановлением политбюро лишил его должности секретаря ЦК:

«Установить, что т. Маленков, как шеф над авиационной промышленностью и по приемке самолетов — над военно-воздушными силами, морально отвечает за те безобразия, которые вскрыты в работе этих ведомств (выпуск и приемка недоброкачественных самолетов), что он, зная об этих безобразиях, не сигнализировал о них в ЦК ВКП(б)».

В Министерстве государственной безопасности уже стали собирать показания на Маленкова, готовясь к его аресту. Следователи, занимавшиеся авиационным делом, не без удовольствия говорили: «Маленков погорел». Маленков тоже ждал ареста. Но Сталин передумал и вернул Маленкову свое расположение.

Так что же, выходит, Василия Сталина наказали за то, что он в свое время капал отцу на генералов и партийных чиновников? Отомстили? Это одна причина. Есть другая — он перестал быть небожителем, и ему уже не позволялись те вольности, которые прощались сыну вождя.

Василия не любил военный министр маршал Булганин, с которым младший Сталин вел себя запанибрата, если не сказать, по-хамски. После смерти вождя все изменилось, но Василий Иосифович продолжал разговаривать с Булганиным, да и с другими членами президиума ЦК, так

же, как и прежде.

Прилюдно сказал о Булганине:

— Убить его мало!

А все слова Василия записывали и доносили руководству партии.

Василия Иосифовича вызвал начальник главного управления кадров Министерства обороны генерал-полковник Александр Сергеевич Желтов, дал копию приказа об увольнении. Василий стал просить, чтобы ему дали какую-нибудь работу.

Булганин принял его. Предложил:

— Поедешь начальником аэроклуба в Моршанск?

Василий взорвался:

— Это должность для старшего лейтенанта. Я на нее не пойду.

Булганин сказал:

— Тогда у меня для тебя в армии места нет...

Видимо, был еще один мотив. Сажая младшего Сталина, члены президиума ЦК подсознательно освобождались от мистического страха перед этим именем. Сталинского зятя — Юрия Андреевича Жданова, который заведовал в ЦК КПСС отделом, тоже выслали из Москвы. После смерти вождя беседу с ним провели сразу три секретаря ЦК — Суслов, Пospelов и Шаталин. Суслов спросил:

— Где вы работали до аппарата ЦК?

— Был ассистентом Московского университета.

— Видимо, вам целесообразно туда вернуться, — констатировал Суслов.

Но оставлять его в столице не хотели. Через неделю Жданова вызвали вновь, и Петр Пospelов сделал ему иное предложение:

— ЦК считает, что вам следует получить опыт местной партийной работы. Было бы полезно поработать в отделе науки Челябинского или Ростовского обкома.

Юрий Жданов выбрал Ростов, где и остался. Больше его не трогали.

Сегодня Василий Сталин с его несчастной судьбой вызывает, пожалуй, сочувствие. Он в одиннадцать лет остался без матери и, по существу, вырос без отца, у которого не было ни времени, ни желания заниматься детьми.

Василий Сталин не вынес этой тяжелой ноши — быть сыном великого вождя. Слишком большие надежды возлагались на него. И слишком быстро отец в нем разочаровался. Увидел, что наследника из него не получится.

С одной стороны, избалованный, с другой — лишенный нормальной семьи, тепла и ласки, Василий воспитывался сталинской охраной. В нем рано проявились наглость и заносчивость, нежелание чему бы то ни было

учиться и привычка наслаждаться жизнью. Благо он был одним из немногих в стране, кому это позволялось. И до смерти отца его окружали подхалимы и собутыльники.

Летом 1948 года Василий стал командующим военно-воздушными силами Московского военного округа. Ему было всего двадцать семь лет. В мае 1949 года отец произвел его в генерал-лейтенанты.

Присвоение высокого звания стало поводом для бесконечных пьянок.

9 декабря 1950 года начальник Лечебно-санаторного управления Кремля Петр Егоров доложил Сталину:

«Считаю своим долгом доложить Вам о состоянии здоровья Василия Иосифовича.

Василий Иосифович страдает истощением нервной системы, хроническим катаром желудка и малокровием. Причиной указанных заболеваний является чрезмерное злоупотребление алкоголем.

16 ноября с. г. у Василия Иосифовича внезапно (дома, около часу ночи, во время просмотра кинокартины) развился эпилептический припадок — полная потеря сознания, общие судороги мышц тела, прикус языка и выделение из полости рта пенистой жидкости...

К сожалению, за последние семь — десять дней Василий Иосифович вновь стал много пить, и в связи с этим снова появились симптомы резкой интоксикации (отвращение к пище, похудение, повышенная раздражительность, плохой сон).

Убеждения и требования врачей прекратить употребление спиртных напитков ни к чему не привели.

Прошу Вашего содействия...»

27 июля 1952 года проходил парад в Тушине по случаю праздника воздушного флота, им по должности командовал Василий Сталин. Вечером был устроен прием. Василий явился уже пьяным. В присутствии отца вел себя по-хамски, на людях обругал главнокомандующего военно-воздушными силами страны.

Сталин-старший разгневался. Василия 13 августа 1952 года откомандировали в распоряжение главнокомандующего ВВС, а 5 сентября зачислили слушателем в Военную академию Генерального штаба. Но на занятия он не ходил, сидел на даче и пил. Так продолжалось, пока его не арестовали...

Во Владимирской тюрьме сына вождя держали под фамилией «Васильев». Он, совсем еще молодой человек, уже сильно болел — видимо, из-за неумеренного употребления горячительных напитков. Да и советская тюрьма быстро разрушает здоровье.

Хрущев как-то поинтересовался у Шелепина:

— А как ведет себя Василий Сталин? Поговорите с ним, посоветуйтесь со Светланой.

Шелепину Сталин-младший поклялся, что будет вести себя достойно.

Хрущев сказал:

— Я за то, чтобы его освободить.

Исполняя волю первого секретаря, 5 января 1960 года председатель КГБ Шелепин и генеральный прокурор Руденко доложили в ЦК:

«Сталин В. И. содержится в заключении шесть лет восемь месяцев. За этот период времени администрацией мест лишения свободы характеризуется положительно.

В настоящее время он имеет ряд серьезных заболеваний (заболевание сердца, желудка, сосудов ног и другие недуги).

Учитывая вышеизложенное, просим ЦК КПСС рассмотреть следующие предложения:

применить к Сталину В. И. частную амнистию, освободить его от дальнейшего отбывания наказания и снять судимость;

поручить Моссовету предоставить Сталину В. И. в г. Москве трехкомнатную квартиру;

поручить Министерству обороны СССР назначить Сталину пенсию в соответствии с законом, предоставить ему путевку в санаторий сроком на три месяца и возратить изъятое при аресте лично принадлежавшее ему имущество;

выдать Сталину В. И. тридцать тысяч рублей в качестве единовременного пособия...»

8 января предложения Шелепина и Руденко были приняты.

11 января Василия Сталина досрочно освободили. Но ничем из того, что ему обещали, Василий Сталин воспользоваться не успел. Он вновь стал крепко пить, и через три месяца, 16 апреля, его вновь арестовали «за продолжение антисоветской деятельности». Речь шла о том, что он побывал в китайском посольстве, где сделал «клеветническое заявление антисоветского характера», как говорилось в документах КГБ.

С Василием Сталиным по-отечески беседовал председатель президиума Верховного Совета Климент Ефремович Ворошилов. Престарелый маршал корил его за выпивки:

— Я тебя знаю со дня, когда ты появился на свет, приходилось нянчить тебя. И я желаю тебе только добра. Но сейчас буду говорить тебе неприятные, плохие вещи. Ты должен стать другим человеком. Ты еще молодой, а вот какая у тебя лысина. У отца твоего не было, хотя он дожил

до семидесяти четырех лет. Все это потому, что ты ведешь слишком бурную жизнь, живешь не так, как нужно. Ты носишь фамилию великого человека, ты его сын и не должен это забывать...

Василий Сталин каялся и просил дать ему работу. Хрущеву беседа Ворошилова со Сталиным не понравилась. 15 апреля он устроил обсуждение их разговора. Все члены президиума ЦК, как один, накинулись на Ворошилова, хотя ничего дурного Климент Ефремович не сделал, в отношении же Сталина-младшего и вовсе не стеснялись в выражениях.

— Василий Сталин — это антисоветчик, авантюрист, — говорил Михаил Андреевич Суслов, член президиума и секретарь ЦК. — Надо пресечь его деятельность, отменить указ о досрочном освобождении и водворить его обратно в заключение. Поведение товарища Ворошилова — не надо было связываться. Создается впечатление, что эту мразь вы поддерживаете.

— Водворить в тюрьму, — поддержал Суслова Николай Игнатов. — Перерождение привело его к измене родине.

— Василий Сталин оказался подлой, грязной личностью, — говорил Нуритдин Акрамович Мухитдинов, член президиума и секретарь ЦК, недавно переведенный в Москву из Узбекистана. — Зачем товарищу Ворошилову надо было его принимать?

— Василий Сталин — предатель родины, его место в тюрьме, а вы его приласкали, — отчитал маршала Фрол Козлов. — После беседы с товарищем Хрущевым он никуда не побежал, а после разговора с вами побежал в китайское посольство.

Василий Иосифович просил китайское посольство разрешить ему поехать в Китай для лечения и работы. Отпускать сына вождя в Китай, отношения с которым портились на глазах, партийное руководство не собиралось.

— Василий Сталин — государственный преступник, — высказался Алексей Николаевич Косыгин, член президиума ЦК и заместитель Хрущева в правительстве. — Его надо изолировать. А товарищ Ворошилов неправильно себя ведет.

Шелепин присутствовал на заседании, но не выступал.

8 решении президиума ЦК записали:

«В связи с преступным антиобщественным поведением В. Сталина отменить постановление Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1960 года о досрочном освобождении В. Сталина от дальнейшего отбытия наказания и снятии судимости; водворить В. Сталина в места лишения свободы для отбытия наказания согласно приговору Военной

коллегии Верховного Суда СССР от 2 сентября 1953 года».

Василия Сталина вернули в тюрьму отбывать наказание полностью. Через год срок заключения закончился. Пускать его в Москву не хотели.

Шелепин и Руденко предложили «в порядке исключения из действующего законодательства направить В. И. Сталина после отбытия наказания в ссылку сроком на пять лет в г. Казань (в этот город запрещен въезд иностранцам). В случае самовольного выезда из указанного места, согласно закону, он может быть привлечен к уголовной ответственности».

28 апреля 1961 года Василия Иосифовича этапировали в Казань. Доставили к председателю КГБ Татарии, который объяснил сыну вождя, что в течение ближайших пяти лет покидать город ему нельзя.

На свободе Василий Сталин, уже тяжело больной человек, прожил меньше года. Ему дали однокомнатную квартиру, положили пенсию в сто пятьдесят рублей. Он постоянно выпивал. Событьникам, соседям и просто случайным людям охотно рассказывал о себе, многозначительно объяснял:

— Посадили меня, потому что я слишком много знаю.

Он долго не получал паспорта, потому что от него требовали изменить фамилию на Джугашвили, а он наотрез отказывался. Наконец местный КГБ с ним сторговался. Василий требовал дать квартиру побольше, увеличить пенсию и выделить ему машину. Москва согласилась с его требованиями.

9 января 1962 года ему выдали паспорт на фамилию Джугашвили. Он сразу же женился на медицинской сестре Марии Игнатьевне Шеваргиной. Она ухаживала за ним в Институте хирургии имени А. В. Вишневского, где он лежал после тюрьмы, и последовала за ним в Казань.

В квартире стояла аппаратура прослушивания, так что чекисты знали, что Василий продолжал поносить Хрущева. Считал, что его не пускают в Москву, потому что боятся. Он пил практически каждый день. Очень постарел, плохо выглядел. Врачи с трудом выводили его из запоя. 14 марта 1962 года к нему домой пришел преподаватель Ульяновского танкового училища. Выходец из Грузии, он принес с собой большое количество красного вина.

Трехдневный запой привел к алкогольной интоксикации, и сердце Василия Сталина не выдержало.

19 марта новый председатель КГБ Владимир Семичастный доложил Хрущеву, что в Казани скончался Василий Иосифович Джугашвили (Сталин): «По предварительным данным, причиной смерти явилось злоупотребление алкоголем. Джугашвили, несмотря на неоднократные предупреждения врачей, систематически пьянствовал».

Председатель КГБ предложил похоронить бывшего генерала Василия Иосифовича Джугашвили в Казани без военных почестей. Предложение было принято.

Ранняя смерть Василия Сталина породила слухи о том, что его убили. Кто это мог сделать и зачем?

В 1962 году Георгий Маленков, исключенный из партии, уже был отправлен на пенсию. У Хрущева неприязни к Василию Сталину не было. И вообще у власти уже находились другие люди, которые Василия Иосифовича практически не знали.

Может быть, КГБ действительно приложил руку к ранней смерти сына вождя? Ходили слухи, которые многим кажутся очень похожими на правду.

В Казани за ним ухаживала медсестра, которая заставила его на себе жениться и удочерить ее детей. Уверяют, что она была осведомителем КГБ и умертвила его — делала специальные уколы. Правда, непонятно, зачем ей было своими руками убивать человека, которого она на себе женила?

И зачем КГБ было устранять Василия Сталина? Если бы он опять начал откровенничать с собутыльниками, его бы просто посадили. К тому же организовать «мокрое дело» было уже не так просто. Председатель КГБ должен был составить бумагу, первый секретарь ЦК, то есть в данном случае Хрущев, подписать ее. Нужно было найти исполнителей, которые не думали бы о том, что следующее начальство может с ними за это расправиться. Таких случаев в послесталинское время не было; по крайней мере об этом ничего не известно, хотя после 1991 года документы госбезопасности о наиболее одиозных преступлениях были рассекречены.

Ходили еще слухи, что медсестра, которая ухаживала за Василием, сумела с помощью знакомых в милиции получить для него паспорт на вымышленную фамилию и увезла его в Геленджик. И будто бы есть люди, которые его там видели: он выпивал с мужиками в сквере на лавочке. И мужики не подозревали, что пьют с сыном Сталина, и он ни словом не выдал себя.

В реальности Управление КГБ по Татарской АССР провело тщательную проверку обстоятельств смерти Василия Иосифовича, включая судебно-медицинскую экспертизу. Нет оснований сомневаться в том, что Василий Сталин умер своей смертью, умер сравнительно молодым, потому что неразумно распорядился своей жизнью. Правда, виноват он в этом только частично: угораздило же его родиться в семье, где никто не был счастлив и не мог дать счастья другим.

ДВА ВЫСТРЕЛА В СТЕПАНА БАНДЕРУ

При Шелепине продолжались операции по устранению убежавших на Запад врагов советской власти.

Его предшественник генерал Серов приказал похитить члена совета Народно-трудового союза, председателя Комитета помощи русским беженцам Александра Рудольфовича Трушновича. 13 апреля 1954 года его выкрали из Западного Берлина: завернули в ковер и вынесли из дома, но когда привезли на конспиративную квартиру, выяснилось, что он мертв — задохнулся.

Серов же санкционировал уничтожение главного идеолога украинских националистов, редактора газеты «Украинский самостийник» Льва Ребета. Он был убит офицером КГБ Богданом Николаевичем Сташинским 12 октября 1957 года.

Богдан Сташинский родился в 1931 году на Западной Украине, принадлежавшей тогда Польше. Осенью 1939 года, после раздела Польского государства, Западная Украина стала частью Советского Союза. В 1941-м на ее территорию вошли немецкие войска. Разгромив немцев, вернулась Красная армия. За годы войны на Западной Украине несколько раз менялась власть.

Семья Сташинского была униатской и симпатизировала украинским националистам. Но Богдан, который учился в педагогическом институте и намеревался стать преподавателем математики, после освобождения Украины порвал с родными. Он стал осведомителем местного управления Министерства госбезопасности Украины, подписал стандартное обязательство и получил псевдоним «Олег».

В январе 1951 года он помог чекистам найти убийц писателя Ярослава Галана. Родная сестра познакомила Сташинского со своим женихом, близким к националистам. С его помощью Богдан ушел в лес и был принят в одну из боевых групп Организации украинских националистов. Он раздобыл нужную информацию, и убийцы Галана были арестованы.

Молодой человек проявил большие способности к нелегальной работе. Его отправили в Киев, где в закрытом учебном заведении Министерства госбезопасности он изучал немецкий и польский языки. Немецкий он освоил в совершенстве. Сташинскому предстояло продолжить работу против украинских националистов, нашедших убежище в Западной Германии. Ему придумали надежную легенду и под именем Йозефа

Лемана, родившегося на территории Польши, перебросили в ГДР для акклиматизации в немецкой среде. Настоящий Леман был к тому времени мертв и родственников не имел. В ГДР Сташинский получил новые документы и в 1956 году совершил первое путешествие в ФРГ, в Мюнхен, где обосновались вожди украинских националистов. Для начала ему поручили встречаться с давно завербованным советской разведкой агентом. Прошло время, и Сташинский получил приказ убить Льва Ребета. Сташинский вновь отправился в Мюнхен. Он отыскал Ребета, несколько дней следил за ним, изучая его образ жизни, привычки, маршруты. Лев Ребет делил свой день между редакцией украинской газеты, которая находилась на Дахауэрштрассе, и штаб-квартирой Организации украинских националистов на Карлсплац.

Из Москвы Сташинскому доставили оружие — специально сконструированный газовый пистолет одноразового использования. Яд находился в капсуле. При нажатии кнопки яд выстреливался тонкой струйкой. Стрелять следовало в упор. Яд вызывал сужение сосудов головного мозга, смерть наступала мгновенно, а обнаружить следы яда было почти невозможно.

Сташинскому вручили и противоядие.

— Для вашей безопасности, — предупредил Сташинского офицер оперативно-технического управления КГБ, который доставил оружие, — непосредственно перед акцией надо проглотить одну из этих таблеток, а сразу после выстрела раздавить еще и такую ампулу и вдохнуть ее содержимое.

Офицер раздобыл где-то маленькую собачку. Они сели в машину и поехали в лес. Московский гость предложил испытать новое оружие на животном. Собаку он привязал к дереву.

— Итак, — сказал он Сташинскому, — глотай таблетку и стреляй.

Собака сдохла, не издав ни единого звука.

9 октября 1957 года Сташинский вновь появился в Мюнхене и остановился в гостинице. Он путешествовал под именем Зигфрида Дрегера. Газовый пистолет был спрятан в большой колбасе.

Офицер КГБ предупредил его:

— У тебя есть только десять дней. Потом оружие придет в негодность.

Богдан Сташинский подстерег Льва Ребета в подъезде. Пистолет он прикрывал газетой. Ребет поднимался по лестнице, Сташинский спускался. Поравнявшись с жертвой, он выпустил смертоносный яд прямо в лицо Ребету. Сташинский заранее принял нейтрализующую яд таблетку и сразу после выстрела прикрыл лицо платком, в котором находилась ампула с

другим нейтрализующим веществом. Потом быстро вышел из подъезда. Пистолет выбросил.

Московские специалисты не ошиблись в своих расчетах. Патологоанатомы пришли к выводу, что Ребет умер от сердечного приступа. Немецкая полиция даже не стала заниматься расследованием смерти эмигранта-украинца.

Отыскать Степана Бандеру, лидера Организации украинских националистов, оказалось более трудным делом. Этим человеком интересовались и Гитлер, и Сталин. Один приказал посадить его в концлагерь, другой распорядился уничтожить. Но Бандера пережил и того, и другого. Неисполненными остались два смертных приговора, вынесенные ему. И все-таки его убили, когда все его высокопоставленные враги либо уже ушли из жизни, либо покинули политическую сцену.

Степан Андреевич Бандера родился в 1908 году в селе Старый Угрынив Станиславской губернии (Ивано-Франковская область) в семье греко-католического священника, который некоторое время служил в петлюровской армии и был депутатом законодательного собрания недолго существовавшей после революции в России ЗападноУкраинской народной республики. Мать рано умерла — от туберкулеза.

Бандера окончил польскую гимназию, поступил на агрономический факультет Львовского политехнического института. Он собирался стать агрономом, но недоучился, потому что вовлекся в борьбу за национальную независимость украинского народа.

Но самостоятельное украинское государство рухнуло не только потому, что Ленин и Троцкий двинули на Украину Красную армию, а потому что значительная часть населения Украины хотела быть вместе с Россией.

Остатки армии Украинской народной республики отступили на территорию Польши. Получилось, что после Первой мировой войны поляки получили свое государство, а украинцы нет. Именно в Польше между двумя великими войнами и зародился воинственный украинский национализм, сначала в форме терроризма.

Организация украинских националистов (ОУН) появилась после объединения в 1927 году в Берлине трех организаций — «Групи украшськo1 нацoнальнo1 молодo», «ЛегIи украшськм нацoналістичнo1 молодo», «Союзу украшсьян нацoналістичнo1 молодЬ. В 1929 году присоединилась и «Украшська вЙськова оргашзап». Цель — создание украинского государства. Главный враг — поляки, поскольку Западная Украина входила в состав Польши. Но украинские националисты равно

ненавидели и русских, и евреев.

Когда умер избитый польскими полицейскими студент Львовского университета Степан Охримович, Бандера превратил его похороны в демонстрацию против польской власти над украинским народом.

Оуновцам нужны были деньги. По примеру российских большевиков оуновцы создали «летучую бригаду» для проведения экспроприаций. Двоих боевиков, Дмитро Данилишина и Василя Биласа, поймали. Суд над ними Бандера вновь использовал в пропагандистских целях. После этого он возглавил подполье ОУН на Западной Украине. Стал кумиром западноукраинской молодежи. Ради него шли на смерть.

В 1932 году двадцатитрехлетнего Бандеру уже избрали заместителем председателя Организации украинских националистов — это было признание его заслуг, выразившихся в организации нескольких терактов. Особенно соратники оценили убийство комиссара львовской полиции.

В октябре 1933 года Бандера организовал нападение на советское консульство во Львове. Хотели застрелить советского консула, а убили приехавшего в командировку дипломата Александра Майлова.

Летом 1934 года Бандера подготовил в Варшаве теракт против министра внутренних дел Польши генерала Бронислава Перацкого в ответ на «злодеяния против украинского народа».

15 июня министра убили. Убийца — Гриц Мацейко, скрылся. Но в ходе массовой облавы польская полиция арестовала Бандеру, который снабдил убийцу оружием. Суд сделал Бандеру знаменитым на весь мир. Его приговорили к смертной казни, которую заменили пожизненным заключением.

Другие лидеры украинского движения осудили этот громкий теракт, ставший поводом для репрессий против украинцев.

Тем временем нарком внутренних дел, генеральный комиссар госбезопасности Николай Иванович Ежов приказал уничтожить главу украинских националистов полковника Евгена Коновальца, который при правительстве Симона Петлюры командовал сичевыми стрельцами.

В мае 1938 года начинавший свою карьеру в НКВД будущий генерал-лейтенант Павел Анатольевич Судоплатов преподнес Коновальцу в центре Роттердама коробку конфет. Жена полковника очень любила шоколадные конфеты. Коробку московские чекисты начинили взрывчаткой...

В августе 1939 года новым главой ОУН провозгласили полковника Андрея Антанасовича Мельника, который обосновался в Италии под крылышком у Бенито Муссолини.

Это разозлило Бандеру. Украинская молодежь взбунтовалась против

Мельника и его «стариков». Те, кто с риском для жизни действовал в подполье, не захотели подчиняться эмигрантам, укрывшимся в Европе. Молодое поколение украинских националистов объявило своим вождем Степана Бандеру.

Через год оккупировавшие Польшу немцы выпустили Бандеру на свободу. Тот поехал к Мельнику в Рим и пытался уговорить его отказаться от поста руководителя ОУН, но не уговорил. Тогда Бандера сам провозгласил себя наследником Евгена Коновальца.

Бандера тайно пробрался во Львов, занятый советскими войсками. Чекисты его упустили, хотя именно во Львове обосновался со своими подчиненными новый нарком внутренних дел Украины комиссар госбезопасности 3-го ранга Иван Александрович Серов.

Украинцы так сильно ненавидели поляков, что вступление Красной армии на территорию Западной Украины осенью 1939 года восприняли довольно спокойно. Поначалу социальная политика советской власти им даже нравилась. Но когда началась коллективизация, отношение к ней изменилось. Начались массовые высылки — из родных мест органы НКВД под руководством наркома Серова изгнали почти миллион человек.

Известный кинорежиссер и драматург Александр Петрович Довженко с горечью писал в 1940 году:

«Вообще наши ведут себя плохо: на Западной Украине нас встречали в прошлом году изумительно, а теперь мы довели до того, что там ширится повстанческое движение. Мы туда несем нашу грубость, неделикатность, некультурность».

И тогда Организация украинских националистов предстала в роли единственной защитницы интересов украинского народа.

Бандерой заинтересовалась немецкая разведка. Ему предложили сотрудничество, и он согласился. Украинских боевиков стали обучать в Данциге, а радистов для подпольных передатчиков — в Берлине.

Украинские организации на территории Польши и Германии насчитывали пятьдесят тысяч активистов. Абвер видел в украинских националистах подсобную силу в будущей войне против Советского Союза. А Бандера наивно решил, что немцы дадут украинцам то, в чем им отказывали поляки и русские: независимое государство. Гитлер уничтожит Сталина, и Украина достанется украинцам.

До Первой мировой войны Львов был официальным центром Галиции, которая не входила в состав Российской империи, исповедовала униатство. После раздела Польши в 1939 году Львовская область вошла в состав СССР.

Когда Германия напала на Советский Союз, Красная армия покинула город. Передовые части вермахта не сразу заняли Львов. И город оказался во власти вооруженных формирований украинских националистов. Бандера решил, что это благоприятный момент для осуществления чаяний украинского народа.

Для начала украинские националисты устроили еврейский погром. За это немцы могли их только поблагодарить. Но 30 июня 1941 года Степан Бандера, не спросив у немцев разрешения, провозгласил во Львове «Акт возрождения Украинского государства». Правительство Украины возглавил его друг и соратник Ярослав Стецько.

На торжественном собрании присутствовал офицер абвера, присматривавший за оуновцами. Он объяснил, что собрание незаконно, что идет война и заниматься политикой запрещено. Украинцы должны работать и подчиняться новым порядкам, установленным оккупационными властями. И закончил свою речь традиционным:

— Хайль Гитлер!

Тогда Ярослав Стецько крикнул:

— Хай живе Степан Бандера!

Зал восторженно откликнулся. Немецкие офицеры тут же покинули собрание.

Гитлер был взбешен самовольством Бандеры. Создание независимой Украины не входило в его планы. На этих плодородных землях он предполагал разместить немецких колонистов. Бандера, Стецько и несколько сот активистов Организации украинских националистов были арестованы.

Три года Бандера просидел в концлагере Заксенхаузен. Правда, относились к нему прилично. Зато два его брата погибли в немецком концлагере. Его отца, Андрея Михайловича Бандеру, чекисты арестовали за месяц до начала войны и в июле 1941-го расстреляли. Сестер — уже после войны — отправили в ГУЛАГ.

Но немцы не отказались от услуг украинских националистов и сторонников Бандеры. Те работали в оккупационной администрации, служили во вспомогательной полиции, уничтожали партизан, были осведомителями гестапо и участвовали в карательных акциях, вступали в добровольческие формирования войск СС, из них была создана дивизия «Галичина».

Единственное, что запрещалось людям Бандеры и Мельника, это говорить о создании самостоятельного украинского государства. Так продолжалось до 1944 года, когда ситуация на фронтах заставила немцев

изменить свою тактику.

В декабре 1942 года была сформирована Украинская повстанческая армия, УПА, которой командовал преданный Бандере Роман Шухевич. Летом 1943-го она контролировала Волынь и Полесье. Тогда разгорелась настоящая национально-религиозная война между Украинской повстанческой армией и польской Армией крайовой. Немцы были довольны.

Украинская повстанческая армия изгнала поляков с Волыни, которая должна была стать этнически чистой украинской территорией. От голода и истощения, а также от рук украинских националистов погибли, по некоторым данным, не менее ста тысяч поляков.

Поляки старшего поколения помнят, что творили украинские националисты, это были настоящие бандиты. Вот одна из таких историй:

«19 сентября 1944 года украинцы вдруг появились перед нашей дверью. Убежать удалось только брату. Мать босую в одной рубашке выволокли из дома вместе с отцом. Они сняли с отца скальп, вырезали ему язык. Матери ножом вырезали крест на спине».

Тогда поляки стали охотиться за украинцами. Бойцов УПА подстерегали в селах на свадьбах или днях рождения. В их хаты врывались по ночам, стреляли в окна их домов.

В 1941–1945 годах формирования Украинской повстанческой армии отступали вместе с немецкой армией в Польшу и Словакию, уходили в подполье. На территории Польши оказалось порядка двух тысяч бойцов УПА.

В сентябре 1944 года польские коммунисты договорились с Москвой и Киевом: поляки уйдут с Волыни и из Галиции, украинцы оставят Бежуды и Хельмский край. Договор об эвакуации украинского населения с территории Польши и польских граждан с территории УССР подписали 9 сентября 1944 года в Люблине председатель Совнаркома Украины Хрущев и глава Польского комитета национального освобождения Эдвард Осубко-Моравский.

Польским украинцам, которые согласятся добровольно переселиться на историческую родину, обещали простить долги в Польше и выделить земельные наделы на Украине. Но к 1 марта 1945 года только восемьдесят тысяч человек воспользовались этим предложением. Люди с трудом покидали насиженные места. Тогда в ход пустили силу. Польская милиция и армейские части окружали деревни и насильно выселяли украинские семьи.

Таким образом из Польши были изгнаны еще более четырехсот тысяч

украинцев. В 1946 году Москва решила прекратить переселение. Но 28 марта 1947 года боевики Украинской повстанческой армии из засады расстреляли польского генерала Кароля Сверчевского, героя испанской войны.

В Советском Союзе его называли Карл Карлович. Перед войной он служил в Красной армии, в 1927 году окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе, служил в разведывательном отделе штаба Белорусского военного округа, в 4-м управлении Генштаба. Он был единственным командиром РККА, который получил в Испании не должность советника, а строевую — командовал 35-й испанской дивизией. Кароль Сверчевский в знаменитом романе Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол» фигурирует под фамилией Гольц.

После возвращения в Москву он был произведен в генерал-майоры, награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, медалью «XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии». До войны он руководил специальным (разведывательным) факультетом академии имени М. В. Фрунзе. В 1941-м Сверчевский командовал 248-й стрелковой дивизией на Западном фронте. В январе 1942-го его назначили начальником Киевского пехотного училища, эвакуированного в город Ачинск.

Во время Второй мировой войны Сталин перевел его из Красной армии в формируемые на советской территории польские части и назначил командующим 2-й армией Войска польского.

На приеме в честь победы Сталин поднял за него тост:

— За лучшего русского генерала в польской армии!

После войны Сталин оставил его в Польше и сделал заместителем министра обороны.

Газета «Жиче Варшавы» писала после смерти генерала:

«Сверчевский погиб от рук «украинского фашиста». Мы знаем эту руку. Это рука дивизии СС «Галичина» и первой бригады Каминского. Эта рука, которая зверски уничтожила 200 тысяч поляков на Волыни, которая убивала детей и женщин во время Варшавского восстания».

На самом деле дивизия СС «Галичина» не участвовала в антипольских акциях. Ее ввели в действие на Восточном фронте в июне 1944 года, и она быстро была разгромлена наступавшими советскими войсками.

Бригада инженера польского происхождения Бронислава Владиславовича Каминского (ее именовали также Русской освободительной народной армией) состояла не из украинцев, а из русских. Бывший инженер Локотьского спиртзавода, Каминский приветствовал приход немцев и получил от них разрешение сформировать в Орловской

области вспомогательные охранные части.

Из добровольческих полицейских отрядов он создал «народную армию», которую чаще называли «бригадой Каминского». Бригада состояла из пяти стрелковых полков, насчитывавших от десяти до пятнадцати тысяч человек, пяти танков, трех броневиков, артиллерии.

Бригада Каминского воевала с советскими партизанами в районе от Курска до Орла, потом отступала вместе с вермахтом. Добровольцы из этой бригады действительно участвовали в августе 1944 года в подавлении Варшавского восстания, занимались грабежами и мародерством, за что Каминского сами немцы и расстреляли по приговору военно-полевого суда.

Тем не менее в Польше сформировался стереотип примитивного, жестокого и ненавидящего поляков украинца. Убийство генерала Кароля Сверчевского стало предлогом для окончательного решения «украинского вопроса». Акция называлась «Висла». В ней принимали участие семнадцать тысяч солдат польской армии. Украинские деревни окружались, крестьянам давали несколько часов на сборы, затем их гнали к железной дороге, грузили в вагоны и отправляли в Освенцим.

Освенцим пустовал. Первые два года после освобождения его использовали как лагерь для военнопленных и интернированных польских немцев. Потом Освенцим решили превратить в мемориал и всех заключенных вывезли. Теперь в освободившийся лагерь привозили украинцев для фильтрации. Основную массу отправляли из Освенцима в западные края, в район Щецина и Бреслау, который стал Вроцлавом, и поселяли в опустевшие немецкие дома.

Подозрительных польская госбезопасность перемещала в бывший филиал Освенцима «Дахсгрубе» — по-польски Явошно (по соседству с Краковом).

Польский историк Эугениуш Мисило пишет:

«Польская госбезопасность использовала немецкие лагеря, которые остались в неприкосновенности. Система лагерной охраны была подобна немецкой — двенадцать вышек, оснащенных прожекторами и тяжелыми пулеметами. Лагерь был обнесен двойным заграждением из колючей проволоки, подключенной к источнику высокого напряжения. На допросах использовали электрошок, избивали палками, загоняли иголки под ногти. Строптивых узников отправляли в карцер — бетонный бункер, на пол которого лили воду».

Сто шестьдесят человек умерли от пыток и истощения. Две женщины покончили с собой, бросившись на проволоку. Последних украинцев выпустили из Освенцима в конце 1948 года.

В конце войны в судьбу Бандеры вмешался Альфред Розенберг, идеолог нацистской партии и министр по делам оккупированных восточных территорий. В сентябре 1944 года Бандеру, уже очень больного человека, освободили. Тогда же его принял рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Договорились, что украинские националисты получают оружие для борьбы против общего врага — Красной армии. Взамен оуновцы снабжали немцев разведывательной информацией, помогали отслеживать забрасываемые в немецкий тыл советские диверсионные группы.

Бандера оказался в Кракове и не успел покинуть город, когда в него вошли советские войска. Он чудом спасся. Его вызволил любимец Гитлера командир диверсионной группы войск СС штурмбаннфюрер Отто Скорцени.

На Нюрнбергском процессе он рассказывал:

— Это был трудный маршрут. Я вел Бандеру по радиомаякам, оставленным в тылу советских войск, в Чехословакии и Австрии. Гитлер приказал доставить Бандеру для продолжения работы.

На сторону Германии перешло немало украинцев. Часть из них вступила, как уже говорилось, в дивизию СС «Галичина», часть — в парашютную бригаду имени Бульбы-Боровца. Украинские эсэсовцы именовали себя сечевыми стрельцами и считали, что сражаются за независимую Украину.

14-я гренадерская дивизия войск СС, которой командовал генерал Фрайтаг, одновременно являлась 1-й дивизией Украинской освободительной армии (Украшске вызвольне вшско) и в этом качестве формально подчинялась Украинскому национальному комитету, созданному 12 марта 1945 года.

Генерал Власов предложил Степану Бандере официальное сотрудничество в борьбе против советской власти. Бандера ответил, что после долгого заключения в лагере он не имеет права принимать единоличные решения и должен проконсультироваться с руководством Украинской повстанческой армии.

К сотрудничеству с Власовым УПА готова была только при условии, что генерал признает будущую независимость Украины. Власов ответил отказом, сославшись на манифест Комитета освобождения народов России, который провозгласил единую и неделимую Россию.

Но все это в любом случае были пустые хлопоты — наступление Красной армии положило конец надеждам и генерала Власова, и его украинских партнеров.

Но борьба украинских националистов на территории Западной

Украины продолжалась еще долго. Они контролировали примерно четверть территории Украины. Устраивали теракты против красноармейцев. Целые батальоны попадали в засаду и уничтожались. Оуновцам удалось подстеречь командующего 1-м Украинским фронтом генерала армии Николая Федоровича Ватутина. Он умер в госпитале от ран.

Оуновцы убили легендарного советского разведчика Николая Ивановича Кузнецова. Он попал в устроенную ими засаду.

На Западной Украине днем в селах была советская власть, а ночью — бандеровская. Существовала подпольная структура украинских националистов — районные, надрайонные, окружные, областные и краевые проводы (в переводе с украинского — руководство). Они уничтожали чекистов, милиционеров, советский актив, учителей, руководителей клубов, врачей, сельчан, которые сотрудничали с советской властью, не жалели даже детей.

В аппарате госбезопасности на Западной Украине служило двадцать тысяч человек. В основном это были приезжие, которые не знали ни языка, ни местных условий. Чекистско-войсковые операции не всегда оказывались успешными, потому что оуновцы, более мобильные, уходили от удара. Чекисты тоже действовали безжалостно.

«Имели место совершенно недопустимые случаи, — говорилось в постановлении политбюро ЦК компартии Украины от 10 января 1945 года, — когда отдельные бойцы и офицеры органов НКВД и НКГБ, не разобравшись, применяют репрессии — жгут хаты и убивают без суда отдельных граждан, которые совершенно непричастны к бандитам, чем дискредитируют себя и органы советской власти».

Оуновцы иногда переодевались в чекистскую форму и устраивали показательные расправы, чтобы отвратить людей от советской власти. Так же поступали и чекисты, выдавая себя за бандеровцев.

15 февраля 1949 года военный прокурор Украинского округа войск Министерства внутренних дел доложил в ЦК:

«Министерством госбезопасности Украинской ССР и его управлениями в западных областях Украины в целях выявления вражеского, украинско-националистического подполья широко применяются так называемые спецгруппы, действующие под видом бандитов УПА.

Грубо-провокационная и неумная работа ряда спецгрупп и допускаемые их участниками произвол и насилие над местным населением не только не облегчают борьбу с бандитизмом, но, наоборот, усложняют ее, подрывают авторитет советской законности и, бесспорно, наносят вред

делу социалистического строительства в западных областях Украины.

Например:

В марте 1948 г. спецгруппа, возглавляемая агентом МГБ «Крылатым», дважды посещала дом жителя села Грицки Дубровицкого района Ровенской области Паламарчука Гордея Сергеевича, 62 лет, и, выдавая себя за бандитов УПА, жестоко истязала Паламарчука Г. С. и его дочерей, обвиняя их в том, что они «выдавали органам МГБ украинских людей». «Крылатый» и участники его группы подвергли их пыткам, подвешивали, вливали им в нос воду и, тяжело избивая, заставили дочерей дать показания, что они были связаны с участниками украинского националистического подполья.

На основании полученных таким провокационным путем «материалов» Дубровицким РО МГБ Паламарчук З. Г. и Паламарчук А. Г. были арестованы, причем, как заявили арестованные, сотрудники райотдела МГБ во время допросов их так же избивали, заставляли продолжительное время стоять на ногах и требовали, чтобы они дали показания о связи с бандитами.

В ночь на 22 июня 1948 г. спецгруппой МГБ из села Подвысоцкое Козинского района Ровенской области был уведен в лес местный житель Котловской Федор Леонтьевич, которого участники спецгруппы подвергали пыткам, обвиняя его в том, что у него в доме часто останавливаются работники из числа совпартактива, и в том, что якобы он выдавал органам советской власти бандитов.

Эти провокационные действия преследовали цель путем истязаний и угрозы лишения жизни заставить Котловского дать показания, что он является врагом советской власти. В результате истязаний Котловский находился на излечении в больнице с 27 июля по 27 августа 1948 г. По заключению больницы, Котловскому Ф. Л. были нанесены тяжелые телесные повреждения с явлениями сотрясения мозга и омертвением мягких тканей тела.

В ночь на 23 июля 1948 г. спецгруппой была уведена в лес гр-ка Репницкая Нина Яковлевна, рождения 1931 г. В лесу Репницкая была подвергнута пыткам. Допрашивая Репницкую, участники спецгруппы тяжело ее избивали, подвешивали вверх ногами, вводили в половой орган палку, а затем поочередно изнасиловали. В беспомощном состоянии Репницкая была брошена в лесу, где ее нашел муж и доставил в больницу, в которой Репницкая находилась продолжительное время на излечении.

Из приведенных выше примеров видно, что действия так называемых спецгрупп МГБ носят ярко выраженный бандитский, антисоветский

характер и, разумеется, не могут быть оправданы никакими оперативными соображениями.

В сентябре 1947 года Львовским областным управлением МГБ были незаконно арестованы Стоцкий Степан Петрович и Дмитрук Екатерина Григорьевна и, поскольку никаких материалов об их антисоветской деятельности не было, они были пропущены через спецбоевку МГБ, где в результате применения незаконных методов допроса вынуждены были оговорить себя.

Участники спецбоевок МГБ совершают ограбления местных граждан. Эти грабежи, как и другие нарушения советской законности, оправдываются так же оперативными соображениями и не только рядовыми работниками МГБ, но и самим министром тов. Савченко, который в беседе со мной заявил: «Нельзя боевки посылать в бой с консервами. Их сразу же расшифруют».

23 сентября 1948 г. в Каменец-Подольский горотдел МГБ колхозники села Завалье по телефону сообщили, что в селе появилась вооруженная банда в составе двенадцати человек. Фактически это была не ОУНовская банда, а спецбоевка Тернопольского областного управления МГБ. Характерно, что эту спецбоевку приняли за банду не только колхозники, но и работники Каменец-Подольского горотдела МГБ, откуда для ликвидации «банды» на грузовой автомашине была направлена группа сотрудников и офицеров Каменец-Подольского военного училища МВД.

Эта «операция» закончилась тем, что в результате аварии автомашины двое офицеров были убиты, а шестнадцать офицеров и шофер получили телесные повреждения.»

Военный прокурор направил в ЦК еще несколько записок о преступных действиях оперативных групп Министерства госбезопасности. Были созданы комиссии для проверки изложенных им фактов, но какие-либо документы о результатах работы комиссий не выявлены.

Оуновским подпольем руководил соратник Бандеры Роман Шухевич, имевший псевдоним — генерал-хорунжий Тарас Чупринка. Его ликвидацией руководил генерал Судоплатов. Шухевича выследили в 1950 году. Предложили сдаться. Он предпочел быть убитым в бою.

В 1947 году, наконец, сбылась мечта Бандеры — он возглавил ОУН. Но через несколько лет движение украинских националистов было подавлено. Часть людей он вывел в Западную Германию и Австрию. Сам обосновался в Мюнхене с документами на вымышленное имя.

Богдана Сташинского предупредили, что Бандера обязательно приедет в Роттердам почтить память создателя организации украинских

националистов бывшего полковника петлюровской армии Евгена Коновальца. На кладбище Сташинский встал как можно ближе к могиле Коновальца, чтобы выяснить, как теперь выглядит Степан Бандера. Он сумел увидеть Бандеру, но сфотографировать его не позволили.

Сташинский неоднократно приезжал в Мюнхен, прежде чем установил, где проживает господин Стефан Попель, — это был псевдоним Бандеры, — и нашел способ проникнуть в его дом. Богдан Сташинский получил из Москвы специальный газовый пистолет, который распылял содержимое капсулы с сильнодействующим ядом. Он приводил к остановке сердца. Расчет был на то, что патологоанатом, как и в случае с Ребетом, решит, что причина смерти — сердечная недостаточность. Самого Сташинского вновь снабдили нейтрализующими таблетками и ингалятором, чтобы он сам не погиб от ядовитых паров. Таблетку он принимал за завтраком и весь день следил за Бандерой, выбирая удобный момент. 15 октября 1959 года он дежурил возле дома, пока около часа дня не увидел машину Бандеры. Сташинский забежал в подъезд, выждал минуту и не спеша двинулся навстречу Бандере. Действовал он совершенно хладнокровно. В одной руке Бандера держал бумажный пакет с помидорами, а другой пытался вытащить ключ, застрявший в замочной скважине.

Сташинский участливо спросил:

— Что, замок испортился?

Бандера посмотрел на незнакомца и ответил:

— Нет, все в порядке.

Сташинский поднял пистолет, завернутый в газету, и выстрелил Бандере прямо в лицо... Бандера еще сумел подняться на третий этаж, прежде чем яд свалил его. Лицо у него покрылось синими и черными пятнами. Это насторожило полицейских. Вскрытие показало, что его отравили цианистым калием.

На следующий день Сташинский был уже в Берлине.

3 ноября 1959 года постановлением президиума ЦК КПСС был утвержден проект закрытого указа президиума Верховного Совета СССР о награждении Богдана Николаевича Сташинского орденом Красного Знамени. В сопроводительной записке заместитель председателя КГБ и куратор Первого главного управления генерал-полковник Петр Иванович Ивашутин писал, что Сташинский «в течение ряда лет активно использовался в мероприятиях по пресечению антисоветской деятельности украинских националистов за границей и выполнил несколько ответственных заданий, связанных с риском для жизни».

6 ноября председатель президиума Верховного Совета СССР маршал Ворошилов подписал указ. Сташинского привезли в Москву получать награду. Это была высокая честь. Сам Шелепин вручал ему орден. Председатель КГБ говорил о будущем молодого чекиста.

Но большим планам госбезопасности помешала любимая женщина Богдана Сташинского — Инге Польш, с которой он был обручен. Богдан Николаевич попросил у председателя КГБ разрешения вступить с немкой в брак. Шелепин объяснил, что чекисту-нелегалу позволительно жениться только на проверенном человеке, на женщине, способной стать надежной подругой и помощницей. Тем более что Сташинскому предстоит пройти переподготовку и получить новое задание — на сей раз в Англии или в Соединенных Штатах.

— Работа вас ждет нелегкая, но почетная, — сказал ему Шелепин.

Сташинский стоял на своем. Он доказывал, что его невеста будет таким же верным комитету человеком, как и он сам.

Доброжелательно настроенный Шелепин сдался.

Сташинскому позволили вернуться в Восточный Берлин, чтобы забрать Инге Польш. Когда Богдан Сташинский признался невесте, что он на самом деле не немец, а сотрудник советской разведки, она восприняла это совсем не так, как он ожидал, — предложила вместе бежать на Запад. Сташинский не хотел:

— Мне предстоит учеба. После этого они пошлют нас на Запад. Тогда мы и решим, что нам делать.

23 апреля 1960 года они поженились — сначала зарегистрировали отношения, а потом обвенчались в церкви. В представительстве КГБ в ГДР затею с венчанием не одобрили, но Сташинский настоял на своем — он должен вести себя как настоящий немец.

В мае с документами на имя супругов Крыловых они приехали в Москву на инструктаж и переподготовку. Поселили их в служебной квартире, которая прослушивалась, и Сташинский это обнаружил. Он пожаловался своему начальству, чего делать не следовало — чекист обязан понимать необходимость контроля и проверок. Начальство и без того было весьма разочаровано: герой-ликвидатор оказался вовсе не таким надежным и исполнительным чекистом, каким казался.

Когда Инге забеременела, Сташинский, как положено, доложил начальству, что в семействе ожидается пополнение.

— Вам придется сделать аборт или оставить ребенка в детском доме, — категорично заявил его куратор. — Ребенок вам будет мешать.

Богдан и Инге были в отчаянии. Инге сказала, что поедет рожать

домой и тогда их ребенок станет гражданином ГДР.

— Когда ты родишь, то напишешь личное письмо Шелепину, — сказал ей Сташинский. — Он нам не откажет, он разрешит мне поехать к тебе. Тогда мы уйдем на Запад втроем.

КГБ разрешил Инге поехать на родину. 31 марта 1961 года она родила мальчика. Его назвали Петером. Вытащить мужа из Советского Союза Инге не смогла. Она решила вернуться к Богдану. Накануне ее отъезда произошло несчастье: ребенок заболел и умер.

В полном отчаянии она позвонила мужу:

— Петер мертв! Ты должен приехать!

Сташинский попросил, чтобы ему разрешили поехать в ГДР на похороны сына — в такую трагическую минуту он не может оставить жену одну. В ГДР они с женой должны были обязательно ночевать на объекте КГБ в Карлсхорсте. Если он куда-то отлучался, то обязан был предупреждать начальство. За ним следили. Тем не менее Богдан и Инге решили бежать.

12 августа, в субботу, чекисты отвезли Сташинского в дом тестя. Несколько часов семья провела в приготовлениях к похоронам мальчика, назначенным на следующий день. После обеда Богдан и Инге вышли из дома через черный ход и несколько километров до ближайшего города прошли пешком. Там взяли такси и доехали до Восточного Берлина. Сменили машину и добрались до вокзала. Из одного сектора Берлина еще можно было перейти в другой. Восточногерманская полиция даже не проверила у них документов. Вечером они были в Западном Берлине.

Богдан Сташинский обо всем рассказал западногерманской полиции. Он вовремя бежал. На следующий день, 13 августа, появилась стена, надолго отделившая Восточный Берлин от Западного.

Сташинского судил Федеральный суд в Карлсруэ, приговорили его к восьми годам тюремного заключения как исполнителя. А организатором убийства суд назвал председателя КГБ Александра Шелепина. Эта история впоследствии станет поводом для того, чтобы убрать Александра Николаевича из политики.

Владимир Семичастный рассказывал мне:

— Я говорил потом Шелепину: «Зачем ты его отпустил?» Вот вам и «железный Шурик»...

В 1966 году Сташинский вышел из тюрьмы. Ему и его жене дали новые документы, и они исчезли. После скандала с убийством Бандеры Москва решила подобные акции проводить только в самом крайнем случае.

Вопрос о том, занимается ли КГБ террором за пределами страны,

вновь возник 22 ноября 1963 года в четырнадцать часов тридцать две минуты, когда телетайпы информационных агентств отстучали сообщение: президент Соединенных Штатов Америки Джон Фицджеральд Кеннеди скончался в больнице. В президента стреляли в городе Далласе, ранение оказалось смертельным.

Советских руководителей охватила настоящая паника. Они не могли понять: каким образом удалось застрелить президента великой державы? Разве у него нет охраны? Или, может быть, американский президент пал жертвой заговора, в котором участвовала и его личная охрана? И не означает ли это в таком случае, что в Соединенных Штатах произошел государственный переворот и страна будет проводить новую внешнюю политику? Американцы объявили, что по обвинению в убийстве Кеннеди арестован Ли Харви Освальд. Федеральное бюро расследований не может не знать, что Освальд несколько лет жил в Советском Союзе. Значит, американцы решат, что убийца Кеннеди действовал по заданию Москвы...

Помощник Хрущева по международным делам Олег Александрович Трояновский позвонил председателю КГБ Владимиру Ефимовичу Семичастному, сменившему на Лубянке Шелепина, и попросил навести справки. В тот же день Трояновский доложил Хрущеву: в КГБ уверяют, что у них не было контактов с Освальдом. По приказу Семичастного в КГБ срочно подняли из архива дело Освальда.

Ли Харви Освальд родился 18 октября 1939 года в Новом Орлеане, через две недели после смерти его отца, работавшего в страховой компании. Его мать не могла растить троих сыновей. Старшие братья Ли Харви воспитывались в детском доме и пошли на военную службу в семнадцать лет. 18 октября 1956 года Ли исполнилось семнадцать лет, и он сразу подал заявление с просьбой призвать его на военную службу в морскую пехоту. Он захотел стать оператором радиолокационной станции. Вторая военная специальность — снайпер. Он добился неплохих результатов в стрельбе, потому что с детства любил охоту и оружие.

Освальд служил на военной базе Ацуги на территории Японии. Он проучился в школе только девять классов, что ограничивало его карьерные возможности в армии, а Ли Харви считал себя недооцененным.

2 ноября 1958 года он покинул Японию. После месячного отпуска приступил к исполнению служебных обязанностей на военно-воздушной базе в Санта-Ана в Калифорнии. Неожиданно увлекся изучением русского языка и стал отвечать по-русски «да» или «нет» на вопросы сослуживцев. Те придумали ему кличку «Освальдович» и в шутку называли «советским шпионом». Одновременно он изучал и испанский язык.

В 1959 году, когда подходила к концу его военная служба, Освальд подал документы в колледж имени Альберта Швейцера в Швейцарии, где изучают искусства.

23 марта 1959 года Освальд сдал экзамены, получил эквивалент школьного диплома, что позволяло ему поступить в колледж. В Новом Орлеане он купил билет на пароход и прибыл в Гавр. Через Лондон добрался до Хельсинки, где обратился в советское посольство за визой. 14 октября 1959 года он получил туристскую визу на шестидневную поездку. 15 октября сел в поезд и на следующий день был уже в Москве.

В Москве он попросил политического убежища. Его делом занимался начальник контрразведки генерал Олег Михайлович Грибанов. Он доложил о молодом американце председателю КГБ Александру Николаевичу Шелепину.

С одной стороны, желание молодого американца переселиться в страну победившего социализма подтверждало историческую правоту Советского Союза. А с другой — что делать с этим Освальдом? Оперативной ценности для КГБ рядовой солдат не представлял, потому что никаких секретов не знал. Использовать его в публичной пропаганде, устроить ему пресс-конференцию было невозможно — что он за фигура?

Освальд не только отказался покидать Советский Союз, но и пошел в американское посольство в Москве 31 октября 1959 года и демонстративно отказался от американского гражданства. Его хотели выслать, но он пытался покончить с собой — вскрыл себе вены. И ему разрешили остаться. Отправили в Минск — подальше от иностранных корреспондентов, дали квартиру, подыскали работу на радиозаводе. Он женился на русской девушке, Марине Прусаковой, а развлекался тем, что ходил в местный стрелковый клуб.

Белорусский КГБ пытался с ним работать, но минские чекисты пришли к выводу, что у бывшего морского пехотинца слишком вздорный характер. Поэтому когда Освальд пожелал уехать из Советского Союза, КГБ возражать не стал. В июле 1962 года Освальд с семьей вернулся в Соединенные Штаты. На родине он не сумел устроиться и время от времени писал в консульский отдел советского посольства в Вашингтон, жаловался на свою жизнь.

Незадолго до убийства Кеннеди Освальд приехал в Мексику, пришел в советское посольство и попросил вновь его принять. В Мехико американцы присматривали за всеми посетителями советского посольства. Появление там Освальда не могло остаться незамеченным. Таким образом, американцы вполне могли предположить, что убийство президента

Кеннеди — дело рук советских спецслужб. Всего год прошел после Карибского кризиса, когда между Советским Союзом и Соединенными Штатами едва не разгорелась война.

Так, может быть, выстрелы в Далласе — месть КГБ удачливому президенту?

Посол в США Добрынин отправил шифровку в Москву с предложением ничего не скрывать и немедленно передать американцам фотокопии переписки советского посольства с Освальдом и его женой. Советские руководители были готовы на все, лишь бы развеять подозрения Соединенных Штатов.

Сам Хрущев пришел в американское посольство в Москве, чтобы выразить соболезнование. На похороны Кеннеди прилетел член президиума ЦК и первый заместитель главы правительства Анастас Иванович Микоян, чьи дипломатические способности Хрущев высоко ценил. Годом раньше Микоян встречался с Джоном Кеннеди в Вашингтоне, выполняя деликатную миссию после Карибского кризиса.

Федеральное бюро расследований получило подтверждение о непричастности КГБ к убийству президента Кеннеди из неожиданного источника. Второй человек в руководстве американской компартии, Моррис Чайлдс, в день убийства Кеннеди находился в Москве. Он приехал за деньгами, которыми ЦК КПСС регулярно снабжал американских коммунистов.

Чайлдс беседовал с секретарями ЦК Михаилом Андреевичем Суловым и Борисом Николаевичем Пономаревым (он же заведовал международным отделом ЦК) и видел их смятение, когда они стали обсуждать, как выкрутиться из дурацкой истории с Ли Харви Освальдом. Они говорили между собой совершенно откровенно — по-русски, не подозревая, что американец все понимает. Моррис Чайлдс старательно скрывал свои познания в русском языке. Слушая разговоры московских руководителей, Чайлдс уверился в том, что КГБ непричастен к покушению на Кеннеди. Моррис Чайлдс много лет был тайным осведомителем ФБР.

По указанию Хрущева КГБ провел свое расследование, чтобы установить, кто же на самом деле убил Кеннеди. В результате была отвергнута версия убийцы-одиночки и сделан вывод, что Джон Фицджеральд Кеннеди стал жертвой заговора, в котором объединились ультраправые круги, нефтяные магнаты, ЦРУ, кубинцы-эмигранты из антикастровских организаций и мафия...

23 декабря 1963 года, через месяц после убийства Кеннеди, КГБ переслал в ЦК и МИД аналитическую записку. В ней говорилось:

«Имеющиеся в распоряжении Комитета госбезопасности разведывательные данные дают основание считать, что убийство 22 ноября с. г. в г. Далласе (штат Техас) президента США Д. Ф. Кеннеди организовано реакционными монополистическими кругами в союзе с профашистскими группами Соединенных Штатов с целью усиления наиболее реакционных и агрессивных аспектов в политике США.

Указанные круги были недовольны отдельными сторонами внешней политики Кеннеди, в частности некоторыми мероприятиями по нормализации советско-американских отношений, расширению политических прав негритянского населения, а также известным ограничением интересов части буржуазии США, прежде всего нефтяных и металлургических монополий».

Ли Харви Освальд пережил Джона Кеннеди всего на двое суток. Его застрелили в коридоре полицейского управления прямо на глазах у журналистов. Так что движущие мотивы Освальда и его возможные вдохновители и соучастники так и остались загадкой. Теперь уже навсегда.

КАТЫНСКИЙ АРХИВ

Александр Шелепин вслед за своим предшественником Серовым продолжал чистку архивов госбезопасности от опасных документов.

13 апреля 1943 года берлинское радио сообщило, что в деревне Катынь возле Смоленска немецкие оккупационные войска обнаружили тела нескольких тысяч польских офицеров, расстрелянных НКВД.

Глава польского правительства в изгнании Владислав Сикорский обратился к швейцарскому Международному комитету Красного Креста с просьбой провести независимое расследование.

20 апреля 1943 года «Правда» возмущенно ответила Сикорскому, что в 1941-м, во время отступления Красной армии, поляки попали в руки нацистов, которые их расстреляли, а теперь устроили провокацию.

26 апреля Советский Союз разорвал отношения с эмигрантским правительством Польши.

Зная геббельсовские приемы, в катынской истории сомневались решительно все, даже Бенито Муссолини: итальянское фашистское правительство рекомендовало своим журналистам не писать на эту тему. Но немцы делали все, чтобы им поверили. Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер предложил пригласить в Катынь Сикорского с его экспертами, дав им гарантии безопасности. В Катыни собрали международную комиссию из видных европейских судебных медиков и криминалистов. Приехали представители польского Красного Креста.

Исследование трупов, а извлекли четыре тысячи тел, доказало: время смерти — весна сорокового. В могилах нашлись документы расстрелянных и даже дневники, которые польские офицеры вели до последних дней своей жизни.

Когда Смоленск был освобожден, в ответ на немецкую пропагандистскую кампанию вокруг Катыни в Советском Союзе была создана комиссия под председательством академика Николая Ниловича Бурденко, главного хирурга Красной армии и первого президента Академии медицинских наук. Комиссия представила заключение, что это немецкая провокация, на самом деле поляков расстреляли сами немцы. Единственным реальным аргументом комиссии Бурденко было то, что всех поляков убили из оружия немецкого производства.

Комиссии академии Бурденко на Западе не поверили, но Россия оставалась союзником в борьбе с Гитлером, поэтому на преступление в

Катынском лесу просто закрыли глаза. В Нюрнберге, где после войны судили главных нацистских преступников, по требованию советской делегации эта тема не поднималась.

Но поляки не забыли о Катыни. Первым, кто озаботился катынской проблемой, был Хрущев. Он не подписывал решение политбюро о расстреле пленных польских офицеров и представителей интеллигенции, но знал, что с ними произошло.

Осенью 1939 года Сталин и Гитлер поделили Польшу. Красная армия заняла территорию с населением в двенадцать миллионов человек. В советский плен попало около двухсот пятидесяти тысяч польских солдат и офицеров. Красная армия не знала, что делать с таким количеством военнопленных. Не было ни конвойных войск, чтобы их охранять, ни продовольствия, чтобы их кормить. Нарком обороны Ворошилов и начальник Генерального штаба Шапошников высказались за то, чтобы как минимум рядовых солдат бывшей польской армии распустить по домам.

Сталин нашел другое решение: пленных поручили наркомату внутренних дел. 19 сентября 1939 года нарком Берия подписал приказ об образовании Управления по делам военнопленных (во время Великой Отечественной его переименуют в Главное управление по делам военнопленных и интернированных) и создании сети приемных пунктов и лагерей-распределителей.

Польских офицеров, генералов, чиновников, полицейских, видных представителей интеллигенции, священников, судей, промышленников разместили в трех лагерях — в Козельске, Старобельске и Осташкове. Среди офицеров было много учителей и врачей, мобилизованных в армию в начале войны. Среди полицейских основную массу составляли рабочие и крестьяне, которых мобилизовали в полицию, потому что они не могли в силу возраста или здоровья служить в регулярной армии. Лагерное начальство предлагало распустить их по домам. Нарком внутренних дел Берия отверг это предложение.

Поляки не понимали, почему их не выпускают, почему не разрешают связаться с родными и получать письма. Большинство хотело воевать с немцами и просило разрешить им уехать в Англию или Францию. Советский Союз как союзника нацистской Германии они не любили и своих чувств не скрывали.

Нарком внутренних дел Берия доложил Сталину:

«Все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю... Они пытаются продолжать контрреволюционную работу, ведут антисоветскую агитацию.

Каждый из них только и ждет освобождения, чтобы активно включиться в борьбу против советской власти».

Сталин и Берия были единомышленниками — от польских офицеров надо избавиться: враги они и есть враги. Выпускать их нельзя, держать в лагере до бесконечности себе дороже. Тем более что вождь поляков не любил еще с Гражданской войны. Когда наркомом внутренних дел был Николай Иванович Ежов, по всей стране арестовывали поляков.

Хрущев вспоминал, как в разгар борьбы с поляками он приехал в Москву с Украины на заседание политбюро:

«Сталин вошел в зал и сразу же направился к нам. Подошел, ткнул меня пальцем в плечо и спросил:

— Ваша фамилия?

— Товарищ Сталин, я всегда Хрущевым был.

— Нет, вы не Хрущев. — Он всегда так резко говорил. — Вы не Хрущев. — И назвал какую-то польскую фамилию.

— Что вы, товарищ Сталин, мать моя еще жива... Завод стоит, где я провел детство и работал... Моя родина Калиновка в Курской области... Проверить можно, кто я такой...

— Это говорит Ежов, — ответил Сталин.

Ежов стал отрицать. Сталин сейчас же в свидетели позвал Маленкова. Он сослался, что Маленков ему рассказал о подозрениях Ежова, что Хрущев не Хрущев, а поляк. Тот тоже стал отрицать. Вот какой оборот приняло дело, начали повсюду искать поляков. А если поляков не находили, то из русских делали поляков...»

5 марта 1940 года политбюро приняло чудовищное по своей незаконности решение:

«1. Предложить НКВД СССР:

1) Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14.700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков,

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11.000 человек членов различных контрреволюционных и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела.

2. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения...»

Выполняли решение политбюро начальники Калининского, Харьковского и Смоленского областных управлений НКВД.

Во внутренней тюрьме областного управления одну из камер обивали кошмой, чтобы не было слышно. Пленных по одному заводили в камеру, надевали наручники и стреляли в затылок. Пользовались закупленными в Германии пистолетами «вальтер» — их доставляли из Москвы чемоданами.

Трупы на грузовиках вывозили за город и закапывали в районе дач областного НКВД: сюда чужие люди не зайдут. Трупы укладывали, как сардины в банке, голова к ногам, ноги к голове. Когда операция закончилась, могилу засыпали землей и засадили елями. Но часть пленных из Козельского лагеря расстреляли прямо в Катинском лесу. Эти могилы и обнаружили потом немцы, заняв Смоленск.

Каждый день в лагеря поступали списки на несколько сотен человек. После каждого расстрела в Москву лично заместителю наркома внутренних дел Всеволоду Меркулову приходила шифротелеграмма такого, примерно, содержания: «Исполнено 292». Это означало, что за ночь расстреляли двести девяносто два человека.

Все документы о расстрелах хранились в КГБ. Это досье было опечатано с пометкой: «Вскрытию не подлежит».

После смерти Сталина и особенно после XX съезда, когда было рассказано о его преступлениях, поляки опять напомнили о трагедии Катыни. В Польше происходили перемены, был реабилитирован и восстановлен в партии Владислав Гомулка, которого в сталинские времена обвинили в правонационалистическом уклоне и посадили.

История эта сложная и запутанная.

Еще до войны, в 1938-м, исполком Коминтерна распустил польскую компартию. Во время войны создали Польскую рабочую партию. Генеральным секретарем партии стал Владислав Гомулка. Но Сталин сделал ставку на другого польского политика — Болеслава Берута.

Когда Польшу освободили, Гомулка, правда, получил должности вице-премьера и министра по делам присоединенных западных территорий, но был недоволен. Ему не нравилось, что власть в Польше оказалась в руках тех, кто всю войну провел в Москве. Он говорил о необходимости продвигать местные кадры, жаловался на обилие евреев в польском руководстве, писал об этом Сталину. Но тот не реагировал на открыто антисемитские призывы.

Ссора со ставленниками Москвы плохо закончилась. В сентябре 1948 года Гомулка перестал быть генсеком и членом политбюро. В январе 1949-го его вывели из правительства, потом — из ЦК, исключили из партии и

арестовали. После смерти Сталина его выпустили.

А дорога к власти открылась, когда 12 марта 1956 года скончался Болеслав Берут. 15 марта Хрущев приехал в Варшаву на его похороны, пробыл там неделю и даже выступил на VI пленуме ЦК ПОРП. Первым секретарем с благословения Никиты Сергеевича избрали Эдварда Охаба. Но он оказался слабым руководителем.

На первые роли выдвигался восстановленный в партии Владислав Гомулка. В Москве к нему относились настороженно. Хрущев предлагал, чтобы Гомулка сначала приехал в Советский Союз, отдохнул в Крыму, с ним бы поговорили, прощупали его, а потом бы уже решили, можно ли ему доверять. Никита Сергеевич пригласил в Москву весь состав польского политбюро, чтобы вместе решить, кто станет во главе партии.

Поляки ехать не захотели. Такое происходило в первый раз.

Хрущеву сообщили, что на ближайшем пленуме ЦК ПОРП в Варшаве Эдварда Охаба сменит Гомулка. В Москве это было воспринято как открытый мятеж. «Подобное решение, — вспоминал Хрущев, — мы рассматривали как акцию, направленную против нас».

Никита Сергеевич позвонил Охабу и сказал:

— Мы хотели бы приехать в Варшаву и поговорить с вами на месте.

Охаб не дал ответа сразу:

— Нам нужно посоветоваться, дайте нам время.

Потом перезвонил:

— Просим вас не приезжать, пока не закончится заседание Центрального комитета.

А вот этого Никита Сергеевич как раз и не желал допустить — как это поляки сами решат, кто будет ими руководить?

«Мы хотели приехать, чтобы оказать соответствующее давление, — вспоминал Хрущев. — Отказ Охаба еще больше возбудил наши подозрения, что там нарастают антисоветские настроения».

Хрущев потребовал отложить пленум польского ЦК и предупредил Охаба, что на следующий день будет в Варшаве.

18 октября по приказу министра обороны маршала Жукова были приведены в боевую готовность советские войска, находившиеся на польской территории, и Балтийский флот. 19 октября в четыре часа утра в Польшу прилетел первый заместитель министра обороны маршал Иван Степанович Конев с группой высших офицеров. Он получил приказ двинуть советскую танковую дивизию к Варшаве.

Вскоре маршал доложил в Москву, что приказ выполнен, танки идут на польскую столицу (подробнее см. книгу И. С. Яжборовской, А. Ю.

Яблокова, В. С. Парсаданова «Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях»).

Днем из Москвы прилетели еще два самолета. В одном были Молотов, Микоян и Каганович. Во втором — Хрущев. Летели порознь по соображениям безопасности, чтобы в случае авиакатастрофы не потерять всю верхушку партии. В аэропорту советскую делегацию встречали Эдвард Охаб, Владислав Гомулка, глава правительства Юзеф Циранкевич.

Встреча была необычно холодной, вспоминал Хрущев. Советские руководители были на взводе. Темпераментный Никита Сергеевич прямо на аэродроме стал выговаривать полякам за непослушание:

— Почему все идет под антисоветским знаменем? Чем это вызвано?

Секретарь ЦК Эдвард Охаб ответил ему:

— В польской столице мы хозяева, и мы не отменим пленум. Я много лет сидел в тюрьме, и меня ничем не испугаешь. Мы делаем то, что считаем правильным. Но мы не делаем ничего, что бы угрожало интересам Советского Союза.

Посмотрев на Гомулку, уже избранного в политбюро, Хрущев спросил:

— А это кто?

Владислав Гомулка совершенно спокойно ответил:

— Я — Гомулка, которого вы три года держали в тюрьме.

Это был откровенный вызов. Советские руководители не привыкли, что с ними спорят по принципиальным вопросам. Здесь же, в аэропорту, маршал Конев отвел Хрущева в сторону и доложил, что советские войска, расквартированные на территории Польши, начали движение к Варшаве. Потом начались переговоры.

«Беседа проходила очень бурно, — рассказывал Хрущев. — Прямо стоял вопрос: за Советы поляки или нет? Разговор шел грубый, без дипломатии. Мы предъявили свои претензии и требовали объяснения действий, которые были направлены против Советского Союза».

Ни гости, ни хозяева не стеснялись в выражениях. Переводчиком был сын Дзержинского Ян Феликсович, работавший в польском секторе международного отдела ЦК КПСС.

Хрущев упрекал поляков в том, что они в важнейших вопросах не советуются с Москвой. Поляки отстаивали право самим решать, кто будет руководителем страны.

Молотов тоже взял слово. Гомулка его оборвал:

— А вам, товарищ Молотов, лучше помолчать. Польский народ помнит, как вы в тридцать девятом году говорили, что Польское государство — «уродливое детище версальской системы» — перестало

существовать.

Некоторые члены польского ЦК, опасаясь ареста, не ночевали дома. Но польские генералы, особенно во внутренних войсках, где было мало ставленников Москвы, предупредили, что, если маршал Конев не остановит свои танки, они встретят советских солдат огнем. Это не была бравада.

Маршал Константин Константинович Рокоссовский, которого Сталин в 1949 году отправил служить в братскую Польшу министром обороны, сообщил Хрущеву, что войска, подчиненные польскому министерству внутренних дел, приведены в боевую готовность и стягиваются к Варшаве.

— За мной установлена слежка, и я шагу не могу сделать, чтобы это не стало известно министру внутренних дел, — сказал Рокоссовский.

— Как поведут себя ваши войска? — спросил Хрущев.

— Сейчас польские войска не послушаются моего приказа, хотя есть части, которые выполняют мой приказ. Я как гражданин Советского Союза считаю, что нужно принять резкие меры против антисоветских сил, которые пробиваются к руководству.

Гомулка обратился к Хрущеву:

— Товарищ Хрущев, на Варшаву движется русская танковая дивизия. Я очень прошу вас дать приказ не вводить ее в город, иначе, боюсь, произойдет непоправимое.

Гомулка говорил очень резко. У него даже пена на губах появилась. Хрущев пытался все отрицать. Но Гомулка получал информацию от министра внутренних дел, который знал о передвижении советских войск. Командующий военно-воздушными силами польской армии генерал Фрей-Белецкий и командующий флотом контр-адмирал Вишневицкий отдали приказ оказать советским войскам сопротивление.

Председатель Госсовета Польши Александр Завадский сказал советским товарищам, что варшавские рабочие готовы сражаться против советских войск, что некоторые заводы вооружаются, рабочих поднимает варшавский горком и главное правление Союза молодежи, а оружие раздает министерство внутренних дел. Даже промосковские политики встревожились. Если поляки поднимутся против советских войск, власть в Варшаве рухнет.

Гомулка опять взял слово, и его речь произвела впечатление на Никиту Сергеевича:

— Товарищ Хрущев, прошу вас остановить движение советских войск. Вы думаете, что только вы нуждаетесь в дружбе с польским народом? Я как поляк и коммунист клянусь, что Польша больше нуждается в дружбе с

русскими, чем русские в дружбе с поляками. Разве мы не понимаем, что без вас мы не сможем просуществовать как независимое государство? Все у нас будет в порядке. Но если советские войска войдут в Варшаву, контролировать события будет сверхтрудно.

Хрущев предложил объявить перерыв. Советская делегация собралась отдельно, позвали и Рокоссовского. Мнения высказывались разные, но Хрущев был склонен поверить Гомулке. Маршал Конев получил приказ остановить движение войск.

«Потом, — вспоминал Хрущев, — мы объясняли полякам, что наши войска вообще не двигались к Варшаве, а проводили военный маневр, по выполнении которого остановились в пункте, назначенном согласно плану маневров. Конечно, никто не поверил нашим объяснениям, но все были довольны, что войска остановились».

Хрущев понял, что лучше не вмешиваться и дать полякам определенную самостоятельность. Владислава Гомулку избрали первым секретарем Центрального комитета Польской объединенной рабочей партии вопреки воле Москвы. Гомулка оставался у власти четырнадцать лет. В декабре 1970 года его сняли со всех постов после забастовок рабочих. В феврале 1971-го вновь исключили из партии...

События в Варшаве ударили по маршалу Рокоссовскому. Он был выведен из политбюро Польской объединенной рабочей партии и потерял пост министра.

Гомулка объяснил Хрущеву:

— Поймите, при современном положении вещей у нас нет доверия к Рокоссовскому. Лучше ему вернуться в Советский Союз.

Константин Константинович вернулся в Москву.

— В России меня всегда считали поляком, а в Польше я оказался русским, — с горечью говорил он.

В Кремле Хрущев сказал членам президиума ЦК КПСС:

— Учитывая обстановку в Польше, следует отказаться от вооруженного вмешательства. Проявить терпимость.

Все согласились с первым секретарем.

20 октября, по просьбе польского руководства, на президиуме ЦК решили отозвать из Польши всех советников КГБ.

«К моему изумлению, — рассказывал Хрущев, — Гомулка резко возражал против предложения о выводе наших войск, сделанного в 1957 году, и стал доказывать необходимость и полезность их пребывания на территории Польши.

Я был удивлен. Ведь помнил, как поляки поносили нас в 1956 году,

когда всех собак вешали на Советский Союз, называли нас оккупантами, кричали: «Русские, убирайтесь домой!» — и потребовали, чтобы Рокоссовский был отозван...

А теперь тот же Гомулка не хочет и слышать о выводе советских войск из Польши. Пребывание наших войск на территории Польши не вызывалось военной необходимостью, а содержание их обходилось нам очень дорого. Я выяснил, что мы очень много платим в бюджет тех государств, в которых находятся наши войска. Вот почему Гомулка возражал: в интересах польского бюджета. Польше экономически выгодно получать от нас валюту за пребывание там советских войск. А мне он заявил:

— Тут политика, а политические выгоды не измеряются количеством материальных затрат».

Во время одного из визитов Гомулки в Москву они с Хрущевым должны были вместе выступать на митинге советско-польской дружбы. Никита Сергеевич неожиданно предложил рассказать правду о Катыни. И вроде бы Гомулка отказался:

— Это слишком трагическое событие для нас, чтобы говорить о нем на митинге. А документы у вас есть? Вы готовы ответить на вопросы семей, где тела остальных исчезнувших поляков. Нет, не с митинга надо начинать.

Хрущев был человеком настроения, импульсивным и в такие минуты был способен на многое. Но когда Гомулка в следующий раз сам завел разговор о Катыни, уже Никита Сергеевич наотрез отказался возвращаться к этой теме:

— Вы хотели видеть документы. Нет документов. Надо было просто сказать народу правду, как я предлагал...

Документы сохранились, и Хрущев об этом знал. По его поручению ими занялся председатель КГБ Александр Шелепин. 3 марта 1959 года он представил Хрущеву написанное от руки предложение уничтожить учетные дела расстрелянных польских офицеров.

Для советских органов, доложил Шелепин, они «не представляют ни оперативного интереса, ни исторической ценности. Вряд ли они могут представлять действительный интерес для наших польских друзей. Наоборот, какая-либо непредвиденная случайность может привести к расконспирации проведенной операции со всеми нежелательными для нашего государства последствиями. Тем более что в отношении расстрелянных в Катынском лесу существует официальная версия.

Для исполнения могущих быть запросов по линии ЦК КПСС или советского правительства можно оставить протоколы заседаний тройки

НКВД СССР, которая осудила указанных лиц к расстрелу, и акты о приведении в исполнение решения троек.

Эти документы незначительны и хранить их можно в особой папке».

Основные документы были уничтожены, а оставшиеся, включая записку Берии, решение политбюро о расстреле от 5 марта 1940 года и письмо самого Шелепина, хранились в запечатанном пакете в личном сейфе заведующего общим отделом ЦК КПСС Константина Устиновича Черненко. Получив повышение, он передал пакет в VI сектор общего отдела, который ведал архивом политбюро. Эти документы показывали Андропову и Горбачеву, когда они становились генеральными секретарями.

Но Горбачев и в разгар перестройки делал вид, что ничего не знает. Он вручил запечатанный пакет с катынскими документами Борису Ельцину в декабре 1991 года, когда покидал Кремль и происходила официальная передача власти. И только Ельцин распорядился предать документы гласности.

Главная военная прокуратура возбудила тогда уголовное дело № 159 «О расстреле польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского спецлагерей НКВД в апреле — мае 1940 г.».

С 17 марта 1992 по 2 августа 1993 года в соответствии с постановлением старшего военного прокурора Управления Главной военной прокуратуры работала комиссия экспертов во главе с директором Института государства и права Российской академии наук академиком Борисом Николаевичем Топорным.

Заключение экспертов Главной военной прокуратуры гласило:

«1. Материалы следственного дела содержат убедительные доказательства наличия события преступления — массового убийства органами НКВД весной 1940 г. содержащихся в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях НКВД 14.522 польских военнопленных, которые 3 апреля — 19 мая направлялись партиями к месту расстрела и были расстреляны (выстрелами в затылок) в Катынском лесу, в тюрьмах УНКВД Смоленской, Ворошиловградской и Калининской областей и захоронены в коллективных могилах в Козьих горах, с. Медное Калининской области и в лесопарковой зоне г. Харькова.

Это было установлено в ходе проводимых Главной военной прокуратурой летом 1991 г. эксгумаций...

Доказано также, что единым умыслом одновременно в тюрьмах НКВД Западной Белоруссии и Западной Украины были расстреляны 7.305 поляков, в том числе около 1.000 офицеров.

2. Расстрелы совершались на основании постановления Политбюро

ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. по представлению НКВД СССР...»

Эксперты опирались на огромную работу, проведенную в местах захоронений и тщательно задокументированную, как и положено в органах прокуратуры.

Проведены были почерковедческая и криминалистическая экспертизы, которые подтвердили подлинность записки Берии на имя Сталина № 794/Б, подписей на ней Сталина, Молотова, Ворошилова, Микояна и Берии, а также выписки из постановления политбюро ЦК ВКП(б) № 13/144 от 5 марта 1940 года (см. книгу И. С. Яжборовской, А. Ю. Яблокова, В. С. Парсаданова «Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях»).

Старший следователь Главной военной прокуратуры подполковник юстиции Анатолий Юрьевич Яблоков допросил тогда и бывшего председателя КГБ Александра Николаевича Шелепина.

Яблоков оставил подробную запись беседы:

«Чтобы не столкнуться с отказом от дачи показаний, я решил договариваться о допросе не по телефону, а при личной встрече, и 9 декабря 1992 года, в 16 часов прибыл на квартиру Шелепина на улице Алексея Толстого, ныне опять Спиридоновке. Естественно, дом был элитный, оригинальной, нестандартной архитектуры. Шелепин проживал в этом доме в небольшой квартире на третьем этаже вместе с семьей своей дочери.

После выяснения цели моего визита Шелепин заявил, что ничего не знает, не помнит и, кроме того, плохо себя чувствует. Поэтому дать показаний не сможет. Пришлось сделать заявление, что уклонение от дачи показаний может серьезно сказаться на полноте следствия.

На вопрос Шелепина о том, какие конкретно вопросы меня интересуют и в каком порядке будут оформляться следственные действия, я объяснил, что планирую провести его допрос в качестве свидетеля с применением видеозаписи и предъявлением для дачи пояснений его письма Хрущеву.

Шелепин заявил, что он категорически против применения видеозаписи и звукозаписи, что он был всего три месяца в должности, когда ему подсунули эти документы, что он подписал их, практически не вникая в суть этого вопроса, и поэтому ничего не помнит.

По поводу письма он заявил, что подписал его в 1959 году, а на нем почему-то штамп ЦК КПСС 1965 года. Уцепившись за эту тему, я предложил ему дать пояснения хотя бы по поводу этого письма.

Шелепин ответил, что он даст согласие на это только при условии,

если я выясню, кто готовил ему это письмо и почему оно зарегистрировано в 1965 году, если узнаю, не сохранилось ли его копии в Министерстве безопасности России (в то время так назывался КГБ) с указанием исполнителя документа, и предъявлю ему копию или подлинник письма. Он пожелал, чтобы в допросе участвовал сменивший его на посту председателя КГБ СССР В. Е. Семичастный, который проживает в том же доме. Понимая, что в случае непринятия выдвинутых условий Шелепин может уклониться от допроса под предлогом болезни, слабой памяти или любым иным способом, я был вынужден согласиться.

Готовясь к допросу Шелепина и выполняя его предварительные условия, я 10 декабря 1992 года переговорил по телефону с директором Архива Президента РФ Коротковым.

Он сказал, что подлинники документов ни при каких условиях выдаче из архива в Кремле не подлежат. Все документы в архиве, и в том числе письмо Шелепина Хрущеву, хранятся в единственном экземпляре. Копии этого документа, где были бы визы исполнителей, в архиве не имеется, и существует ли вообще такая копия, он не знает. На письме Шелепина Хрущеву действительно стоит штамп ЦК КПСС от 9 марта 1965 года, но в чем причина длительного временного разрыва между датой изготовления документа и его регистрацией в ЦК КПСС, он не знает. Каких-либо других документов, разъясняющих эту ситуацию, в архиве нет.

В тот же день я по предложению Короткова связался по телефону с его заместителем А. С. Степановым, который пояснил, что в практике КГБ 1950—1960-х и последующих годов существовал порядок изготовления особо важных документов в единственном экземпляре, рукописным способом и особо доверенными лицами. О том, что письмо исполнено таким образом, свидетельствует каллиграфический почерк, который явно не соответствует почерку Шелепина. Каждая буква выполнена отдельно и с особым старанием. На документе не проставлен ни номер экземпляра, ни их количество.

Документ длительное время, с 3 марта 1959 года, не регистрировался, очевидно потому, что находился в сейфе у заведующего общего отдела ЦК КПСС Малина. Такое положение имело место с многими другими документами аналогичного значения. В 1965 году Малин уходил с этой должности, и поэтому 9 марта 1965 года под номером 0680 документы были зарегистрированы в текущем делопроизводстве ЦК КПСС, а 20 марта 1965 года под номером 9485 переданы в Архив ЦК КПСС.

11 декабря 1992 года я по телефону переговорил с начальником Центрального архива МБ РФ А. А. Зюбченко, которому также задал

вопросы, поставленные Шелепиным. Зюбченко ответил, что по всем признакам письмо Шелепину было составлено в единственном экземпляре. Это письмо готовил неизвестный ему сотрудник КГБ СССР из группы особо доверенных сотрудников секретариата председателя КГБ, которых знал только строго ограниченный круг высших должностных лиц КГБ.

Он предложил для выяснения, кто именно составил это письмо, обратиться к министру безопасности с письменной просьбой поручить провести опрос среди бывших сотрудников секретариата председателя КГБ. На наш запрос министру В. П. Баранникову поступил ответ, что этот сотрудник уже умер и опросить его не представляется возможным.

11 декабря 1992 г. с 11 часов 50 минут до 14 часов 50 минут на квартире Шелепина проводился его допрос с участием В. Е. Семичастного, который повторял и разъяснял плохо слышавшему Шелепину мои вопросы и помогал сформулировать ответы на них. По сравнению с высоким, крепким, самоуверенным Семичастным, ощущение властности и силы которого усиливалось всей его внешностью — крепким телосложением и крупной головой с резкими, тяжелыми чертами лица, Шелепин очень проигрывал. Ниже среднего роста, с мелкими чертами лица, Шелепин имел вид обычного пожилого русского человека.

Прежде чем давать ответы на мои вопросы, он обстоятельно советовался с Семичастным. После ознакомления с ксерокопиями документов «особой папки», протоколом осмотра этих документов и подготовленными мною справками о беседах с Коротковым, Степановым и Зюбченко, отвечая на подготовленные вопросы, Шелепин дал показания, которые были записаны практически дословно.

В ходе воспроизведения записанного Шелепин и Семичастный заявили, что в таком виде показания в протоколе оставлять нельзя, поскольку «председатель в этом случае выглядит не на высоте». Мне же якобы все было рассказано не для записи, а чтобы я с их слов лучше понял ситуацию того времени.

В частности, Шелепина не устроило, что было записано (как он в действительности и рассказывал), что после доклада кого-то из его подчиненных (скорее всего из архивного подразделения) о том, что целая комната в архиве постоянно занята ненужными для работы совершенно секретными документами, и предложения запросить в ЦК КПСС разрешение на их уничтожение, он дал на это согласие, не зная, о какой проблеме идет речь. Через некоторое время тот же исполнитель принес ему выписку из решения политбюро и письмо от его имени Хрущеву.

К этому времени он был в должности всего три месяца, а до того не

соприкасался с деятельностью КГБ. По его словам, при назначении на этот пост он несколько раз отказывался и подчинился приказу о назначении председателем комитета только в порядке партийной дисциплины.

В первые месяцы, не чувствуя себя профессионалом в этой области, он во всем доверился тому, что готовили подчиненные, и поэтому подписал, не вникая в существо вопроса, письмо Хрущеву и проект постановления президиума (так в то время именовалось политбюро) ЦК КПСС.

О преступлении в Катыни и других местах в отношении польских граждан он знает только то, что сообщалось в газетах.

Был ли принят предложенный им проект совершенно секретного постановления о ликвидации всех дел, кроме протоколов заседаний «тройки» НКВД СССР?

Шелепин и Семичастный пояснили, что отсутствие резолюции Хрущева на письме Шелепина объясняется существованием в то время практики дачи устных санкций на тот или иной запрос исполнителей. Такая санкция могла поступить как от самого Хрущева, так и от руководителей его аппарата. В этом случае на втором экземпляре документа исполнитель делал соответствующую отметку. Это письмо Шелепина Хрущеву исполнилось в единственном экземпляре, и поэтому на нем не оказалось никаких пометок, так как осталось в ЦК КПСС. Поэтому, видимо, и не потребовалось (не было оформлено) решение Президиума ЦК КПСС.

Вместо протоколирования этих пояснений Шелепин и Семичастный предложили записать, что причина отсутствия визы Хрущева на письме Шелепина и проекте постановления Президиума ЦК КПСС им не известна. Я был вынужден переписать протокол заново в соответствии с предложениями Шелепина и Семичастного, и только тогда он был подписан.

После окончания допроса Шелепин и Семичастный поинтересовались у меня, планируется ли допрос бывшего председателя КГБ И. А. Серова. Они рассказали, что Серов и Хрущев очень тесно сотрудничали на Украине, в том числе в 1939–1940 годах. За Серовым прочно укрепилась слава «палача» и правой руки Хрущева (их объединяли и родственные связи: они были свояками). Со слов Семичастного, Серов был замешан в расстрелах во Львове и Харькове.

Проверить эту информацию у него самого не представилось возможным, поскольку Серов часто и тяжело болел и через несколько месяцев скончался. При всем этом было очевидно личное неприязненное отношение Шелепина и Семичастного как к Серову, так и к Хрущеву, которое и развязывало их языки.

У меня сложилось впечатление, что оба старика находились в состоянии какого-то беспокойства по поводу происходящего в стране тревожного ожидания того, что они снова станут объектами пристального общественного внимания. В ходе допроса по их настоянию делались перерывы для просмотра всех информационных новостей по всем телевизионным каналам, которые они жадно впитывали в обстановке полной тишины и напряженного внимания.

В целом допрошенный в качестве свидетеля Шелепин подтвердил подлинность анализируемого письма и фактов, изложенных в нем. Он также пояснил, что лично завизировал проект постановления Президиума ЦК КПСС от 1959 года об уничтожении документов по Катынскому делу и считает, что этот акт был исполнен».

ВЗЛЕТ ВЛАДИМИРА СЕМИЧАСТНОГО

Всего три года Александр Николаевич Шелепин возглавлял КГБ. Эту должность Хрущев не считал достаточно важной, чтобы долго держать на ней перспективного человека. А относительно Шелепина у него были далекоидущие планы.

На XXII съезде партии в октябре 1961 года Никита Сергеевич ввел Шелепина в состав высшего партийного руководства. Прямо во время съезда Хрущев вызвал его к себе:

— Вы достаточно поработали в КГБ. На организационном пленуме ЦК после съезда будем вас избирать секретарем ЦК.

Съезд запомнился стране принятием новой программы партии, в которой ставилась задача построить за двадцать лет коммунизм. Причем глава партии считал задачу вполне достижимой.

Никита Сергеевич Хрущев, непредсказуемый и неуправляемый, хитрец, каких мало, был открытым и эмоциональным человеком. Он видел, в каком положении находится страна. В узком кругу говорил:

— Я был рабочим, социализма не было, а картошка была. Сейчас социализм построили, а картошки нет.

Хрущев приказал, чтобы в столовых хлеб давали бесплатно. Он уповал на какие-то утопические идеи, надеялся решить проблемы одним махом. В этом очень был похож на Бориса Ельцина.

Конечно, Никита Сергеевич, долго пребывавший в высшем эшелоне власти, отдалился от реальной жизни. Он, собственно, и денег давно в руках не держал. Однажды он пригласил югославского лидера Иосипа Броз Тито в Москву, во время переговоров предложил прогуляться по городу. Начальник Девятого управления КГБ генерал Захаров приказал перекрыть движение автотранспорта на улице Горького и расставил своих людей. Во время прогулки высокие гости зашли в кафе-мороженое, угостились, и Хрущев обратился к начальнику охраны:

— Захаров, у тебя есть деньги? Расплатись, пожалуйста, а то у меня денег нет.

Тем не менее Никита Сергеевич представлял себе, как скудно живут простые люди.

— Я был лучше обеспечен в дореволюционное время, работая простым слесарем, — вспоминал Никита Сергеевич, — зарабатывал сорок пять рублей при ценах на черный хлеб в две копейки, на белый — четыре

копейки, фунт сала — двадцать две копейки, яйцо стоило копейку, ботинки, самые лучшие «скороходовские», — до семи рублей. Чего уж тут сравнивать? Когда я вел партработу в Москве, то и половины того не имел, хотя занимал довольно высокое место в общественно-политической сфере. Другие люди были обеспечены еще хуже, чем я. Но мы смотрели в будущее, и наша фантазия в этом отношении не имела границ, она вдохновляла нас, звала вперед, на борьбу за переустройство жизни...

Когда речь шла о практических делах, он не витал в эмпиреях. Говорил с горечью:

— Ведь люди живут в подвалах, а некоторые даже и без подвалов, неизвестно, где они ютятся, а мы уже говорим о том, что надо строить, учитывая будущее коммунистическое общество. Черт его знает, как мы тогда будем строить, я сейчас еще не знаю.

Но веру в возможность переустройства жизни на более справедливых началах он сохранил и в конце жизни, когда рядом с ним остались только прожженные циники.

Невестка Микояна, Нами Микоян, вспоминает, как к Анастасу Ивановичу приезжал его свояк — академик Арзуманян. Экономист Анушаван Агафонович Арзуманян стал первым директором Института мировой экономики и международных отношений, созданного в 1956 году. Нами спросила академика: действительно ли к 1980 году будет построен коммунизм?

Арзуманян честно ответил:

— Конечно нет, это нереально. Но Хрущев не хочет слушать, и мы вынуждены писать так, как он хочет.

Никто тогда не выразил сомнений. Напротив, все наперебой поздравляли Никиту Сергеевича с принятием программы построения коммунизма. На XXII съезде Михаил Александрович Шолохов пропел осанну Хрущеву:

— Когда мы принимаем новую программу нашей ленинской партии, сама жизнь наша, жизнь всего советского народа становится исполненной как бы особого и нового звучания... Как не сказать идущее от всего сердца спасибо главному творцу программы — нашему Никите Сергеевичу Хрущеву!

Зал бурно зааплодировал.

Иностранные делегации, отправляясь в Москву, полагали, что съезд сведется к прославлению хрущевских достижений. Вместо этого Никита Сергеевич устроил новое землетрясение, новое, более основательное наступление на сталинизм. На съезде звучала беспрецедентная критика

Сталина и сталинизма. Выступали репрессированные коммунисты. Хрущев фактически обвинил Сталина в убийстве Кирова.

На заключительном заседании Хрущев выступал очень темпераментно. Он, отступая от написанного текста, вновь говорил о Сталине, об антипартийной группе Молотова, Маленкова, Кагановича, Булганина и Ворошилова, о сталинских методах албанского лидера Энвера Ходжи, оторвавшегося от Советского Союза.

Почему Хрущев вдруг вновь заговорил о сталинских преступлениях? Десталинизация помогала избавиться от целого слоя старых работников, которые перестали быть нужными Хрущеву. Но была и другая причина. Все эти годы ему продолжали докладывать о том, что происходило на Лубянке при Сталине. Он не мог оставаться равнодушным.

— Товарищи! — говорил Никита Сергеевич. — Время пройдет, мы умрем... но пока мы работаем, мы можем и должны прояснить некоторые вещи, сказать правду партии и народу... Сегодня, естественно, нельзя вернуть к жизни погибших... Но необходимо, чтобы все это было правдиво изложено в истории партии. Это необходимо сделать для того, чтобы подобные факты в будущем не повторялись.

Председатель КГБ СССР Александр Шелепин выступил на утреннем заседании 26 октября с резкой антисталинской речью. Начал Александр Николаевич, как положено, с подрывной деятельности империалистов, рассказал, сколько Соединенные Штаты тратят на ЦРУ и сколько в этом ЦРУ работает рыцарей «плаща и шпаги». Но обещал пресечь деятельность иностранных разведок.

— Святая обязанность советских людей, — говорил Шелепин, — надежно хранить партийную, государственную и военную тайну. Само собой разумеется, товарищи, что мы не должны допускать в наших рядах шпионмании, сеющей подозрительность и недоверие среди людей.

Потом Шелепин перешел к антипартийной группе, похвалив за ее разоблачение Хрущева:

— Товарищ Хрущев сделал это мастерски, по-ленински. В сложной обстановке Никита Сергеевич проявил личное мужество и твердость духа, показал себя верным и стойким ленинцем...

С Маленковым, Молотовым, Кагановичем и другими покончили еще четыре года назад. Сидевшие в зале делегаты не очень понимали, почему вновь вспомнили об этой истории. На сей раз речь шла о реальных преступлениях — об их причастности к массовым репрессиям, о чем в 1957 году особо не распространялись. Шелепин впервые процитировал резолюции, которые Сталин и его соратники ставили на просьбах

арестованных разобраться, сказал, что они «несут прямую, персональную ответственность за их физическое уничтожение».

Речь председателя КГБ стала событием, пожалуй, самым заметным и важным на всем съезде. В следующий раз с трибуны партийного съезда о сталинских преступлениях заговорят уже в годы перестройки.

Александр Николаевич спешил заверить делегатов съезда и всю страну, что эпоха репрессий не повторится:

— Органы государственной безопасности реорганизованы, значительно сокращены, освобождены от несвойственных им функций, очищены от карьеристских элементов... Органы государственной безопасности — это уже не пугало, каким их пытались сделать в недалеком прошлом Берия и его подручные, а подлинно народные политические органы нашей партии в прямом смысле этого слова... Теперь чекисты могут с чистой совестью смотреть в глаза партии, в глаза советского народа.

Шелепин вновь рассказал о принципиально новой линии органов госбезопасности:

— Стали широко применять предупредительные и воспитательные меры в отношении тех советских граждан, которые совершают политически неправильные поступки, порой граничащие с преступлением, но без всякого враждебного умысла, а в силу своей политической незрелости или легкомыслия.

Свое выступление Шелепин закончил призывом к юридической науке «предусмотреть меры наказания за проявления бюрократизма». Зал поддержал его аплодисментами. Шелепин напомнил юристам, что пора обновить Гражданский кодекс:

— В нем указывается, что каждый гражданин имеет право организовывать промышленные и торговые предприятия, учреждать акционерные общества и концессии. Некоторые статьи этого кодекса благословляют право частной собственности и право на использование наемной рабочей силы. И это, товарищи, в то время, когда мы вступаем на порог коммунистического общества!

Заключительным аккордом XXII, последнего хрущевского съезда стало решение убрать тело Сталина из мавзолея. 13 октября, когда съезд уже заканчивал работу, первый секретарь Ленинградского обкома Иван Васильевич Спиридонов зачитал предложение переместить прах Сталина из мавзолея в другое место как можно быстрее. Его предложение поддержал первый секретарь Московского горкома Петр Нилович Демичев.

Потом предстояло выступить первому секретарю ЦК компартии

Грузии Василию Павловичу Мжаванадзе. Такое серьезное предложение обязательно должны были поддержать земляки Сталина. Секретарь ЦК Фрол Козлов заранее объяснил Василию Павловичу задачу. Но на утреннее заседание хитрый Мжаванадзе пришел с завязанным горлом и шепотом сказал, что у него начался воспалительный процесс, он потерял голос и говорить не может.

Вместо него на трибуну отправили председателя Совета министров Грузии Гиви Дмитриевича Джавахишвили. Он был верным соратником Мжаванадзе, работал с ним с сентября 1953 года и должен был выручить старшего товарища, не желавшего выступить против Сталина. Джавахишвили довольно невнятно сказал, что Грузия согласна с предложением вынести гроб Сталина из мавзолея.

Съезд проголосовал за это предложение:

«Признать нецелесообразным дальнейшее сохранение в мавзолее саркофага с гробом И. В. Сталина, так как серьезные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей и другие действия в период культа личности делают невозможным оставление гроба с его телом в Мавзолее В. И. Ленина».

«Вчерашний день — решение съезда о Мавзолее, — записал в дневнике Твардовский. — Да, нехорошо, нужно исправить ошибку 1953 года, но как было бы благопристойнее, если бы не было этой ошибки.

Я могу попрекать себя за стишки, которые тогда были искренними — «И лежат они рядом...», но кого попрекать за то, что он положен был рядом. Так велика была инерция принятого, утвержденного всеми средствами воздействия на сознание равенства этих личностей (даже более, чем равенства)».

Начальника Девятого управления КГБ генерал-лейтенанта Николая Степановича Захарова и его заместителя, коменданта Кремля генерал-лейтенанта Андрея Яковлевича Веденина предупредили заранее. Хрущев пригласил их в комнату президиума:

— Место обозначено. Комендант мавзолея знает, как рыть могилу. Инструкции получите от товарища Шверника. Необходимо, чтобы перезахоронение прошло без шума.

Распоряжался всем председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС Николай Михайлович Шверник.

31 октября гроб с прахом Сталина вынесли из мавзолея и захоронили у Кремлевской стены. Это произошло глубокой ночью, через несколько часов после закрытия съезда. Красную площадь оцепили под предлогом

репетиции парада к ноябрьской годовщине. Мавзолей обнесли фанерным забором, чтобы ничего не было видно.

Офицеры кремлевского полка вынесли саркофаг из мавзолея и принесли его в лабораторию, где с мундира генералиссимуса сняли «Золотую Звезду» Героя Советского Союза и заменили золотые пуговицы на латунные. Останки вождя переложили в гроб, изготовленный в столярной мастерской отдельного полка специального назначения Комендатуры Кремля.

Могилу выкопали солдаты кремлевского полка. Гроб заложили бетонной плитой. (Через девять лет, в 1970 году, на могиле Сталина у Кремлевской стены был установлен памятник работы президента Академии художеств скульптора Николая Васильевича Томского.) Большой белой лентой закрыли надпись «Ленин — Сталин» на фронте мавзолея — пока не сделали новую надпись. Саркофаг с телом Ленина вернули на прежнее место.

Через месяц генерал Захаров получил повышение и стал заместителем председателя КГБ. На первом после съезда организационном пленуме ЦК, 31 октября 1961 года, Хрущев предложил избрать новый состав секретариата и включил в него Шелепина. Это стало началом стремительной партийной карьеры.

5 ноября исполнять обязанности руководителя Комитета госбезопасности было поручено его первому заместителю генералу Петру Ивашутину. Когда зашел разговор о новом председателе КГБ, воспользовавшись удобным случаем, Шелепин убедил Хрущева сменить гнев на милость в отношении Семичастного, который попал в неприятную историю — стал жертвой искусной аппаратной интриги.

А начиналось все хорошо.

Когда Шелепина в декабре 1958 года внезапно перевели в КГБ, его место в ЦК партии столь же неожиданно занял Семичастный.

Владимир Ефимович искренне отказывался:

— Рано мне. Я еще и в ЦК комсомола первым секретарем всего ничего пробыл.

Хрущев сказал ему:

— Мне нужно, чтобы вы привели с собой на партийную работу новых людей из комсомола. Мы их не знаем, а вы знаете.

В тридцать пять лет Семичастный возглавил отдел партийных органов ЦК по союзным республикам, то есть стал главным кадровиком и рьяно взялся за дело. Но он просидел в этом кресле всего полгода.

Виктор Михайлович Мироненко, который был при Шелепине и

Семичастном членом бюро ЦК ВЛКСМ и заведующим отделом комсомольских органов, рассказывал мне, при каких обстоятельствах Семичастный оказался в опале.

Под руководством Владимира Ефимовича в отделе ЦК подготовили записку «О подборе и расстановке кадров в партии и государстве».

Речь шла о необходимости обновления и омоложения партийных кадров. Кадры стареют, а резерва нет, потому что если первому секретарю обкома или райкома пятьдесят — пятьдесят пять лет, то второму секретарю, который теоретически должен прийти на смену, шестьдесят.

Записка широко распространилась в аппарате. Старые кадры стали «проводить» на пенсию. Вообще при Хрущеве, в частности усилиями Шелепина и Семичастного, в аппарат пришло много молодежи. А она нередко вела себя неумно — не скрывала своего торжества и далекоидущих планов.

Внутри ЦК возникло недовольство действиями нового завоотделом: записка Семичастного — «это удар по опытным кадрам, растеряем лучших секретарей». Михаил Андреевич Суслов негодовал:

— Вы только пришли и уже разгоняете старые кадры?

Опытные аппаратчики быстро нашли возможность избавиться от Семичастного. Его отдел провел комплексную проверку двух республиканских партийных организаций — Азербайджана и Латвии.

1 июля 1959 года на заседании президиума ЦК рассмотрели записку первого заместителя заведующего отделом партийных органов ЦК по союзным республикам Иосифа Васильевича Шикина «О результатах проверки работы в Азербайджанской парторганизации».

Стенограмма обсуждения, к сожалению, рассекреченная только недавно, свидетельствует о том, что острые национальные проблемы существовали уже тогда. Обсуждали их за закрытыми дверями и фактически ничего для их решения не предпринимали.

Шикин начал с обзора экономического положения Азербайджана, говорил о «запущенности» важнейших отраслей сельского хозяйства республики — хлопководства и животноводства, о том, что поголовье крупного рогатого скота в совхозах и колхозах уменьшается, а в личных хозяйствах растет. В результате, в Баку нет молока.

— В Азербайджане в личном пользовании имеется по две-три коровы, одна-две лошади, сорок-пятьдесят овец, — докладывал Шикин. — Поэтому человек смотрит на политику не так, как он должен смотреть.

Дальше он перешел к самому главному — к национализму среди политической элиты республики. Высшая номенклатура Азербайджана

возражала против строительства газопровода Кара-Даг — Тбилиси, заявляя, что республике самой газа не хватает. Один из бакинских руководителей сказал: «Газ — наш, азербайджанский, и мы не можем давать его грузинам».

— И это коммунисты?! — возмутился Хрущев. — У них в факелах сгорает газ, а дать газ грузинам и армянам — ни за что. Позор!

21 августа 1956 года был принят закон о придании азербайджанскому языку статуса государственного. После этого бакинские власти потребовали, чтобы все учреждения перешли на азербайджанский язык. А в самом Баку в конце 1950-х две трети населения составляли неазербайджанцы. Чиновников, не владеющих азербайджанским, меняли, на все важные должности ставили только азербайджанцев.

Председатель президиума Верховного Совета республики писатель Мирза Ибрагимов заявил:

— Теперь не двадцатый год. Теперь у нас есть кадры, чтобы всех неазербайджанцев заменить.

Ибрагимов предложил всем неазербайджанцам дать полгода на изучение языка. Выучат, могут остаться на своих должностях. На заседании президиума Верховного Совета республики председателю задали резонный вопрос: половина врачей русские, как же им быть?

Ибрагимов ответил:

— Пусть русские побудут в тех же условиях, в которых мы были тридцать пять лет назад, когда нам писали истории болезни на русском языке.

Первый секретарь ЦК компартии республики Имам Дашдамир оглы Мустафаев, выступая в университете, высказался в том же духе, но более осторожно:

— Нельзя одним росчерком пера вычеркнуть людей, не знающих азербайджанского языка. Надо их устроить на работу и постепенно заменять, не допуская перегибов в этом деле.

В Москве на заседании президиума ЦК Мустафаев отрекся от своих слов:

— Я не делал никогда такого заявления.

Но Шикин объяснил, что цитирует первого секретаря ЦК республики по стенограмме. Он рассказал о том, что, беседуя со студентами, тот же председатель Верховного Совета республики Ибрагимов говорил:

— Интеллигент, который не знает азербайджанского языка или знает, но не говорит на родном языке, является отщепенцем, подлецом, предателем.

— И его слова были встречены бурными аплодисментами, — заключил Шикин.

Хрущев повернулся к первому секретарю ЦК республики:

— Это было, товарищ Мустафаев?

— Было, Никита Сергеевич, — виновато подтвердил Мустафаев и поспешил его успокоить: — Ибрагимова осудили, сняли со всех постов.

Руководитель республики лукавил.

В январе 1958 года писателя Ибрагимова освободили от высокой должности «по его просьбе и в целях создания условий для литературной творческой работы».

— Мы не только будем снимать таких коммунистов, — угрожающе сказал Хрущев, — но поставим вопрос перед партийной организацией, чтобы таких людей выгоняли в шею не только из руководства, но и из партии. Это не ленинец, не коммунист, это националист, враг, залезший в руководство.

— Он уже не работает, — заступился за писателя первый секретарь ЦК компартии Азербайджана.

— Товарищ Мустафаев, вы не такой наивный человек, чтобы не понимать разницы, — резко ответил Хрущев. — Вы сами сомнительный человек, вы с партийным билетом, но не коммунист.

(Угрозы первого секретаря ЦК КПСС не подействовали. Более того, Мирза Ибрагимов стал народным писателем Азербайджана и депутатом Верховного Совета СССР.)

Шикин продолжал: на республиканском совещании по вопросам культуры выступил известный композитор Кара Караев на русском языке, и ему за это досталось. Весной 1959 года в Москве проходила декада литературы и искусства Азербайджана. Главный режиссер театра оперы и балета сказал танцору Баташову, народному артисту республики, лауреату Сталинской премии, что танцевать он не будет, потому что это смотр национального искусства и в афишах не должно быть много русских фамилий. Когда Баташов запротестовал, главный дирижер ответил, что он вообще должен быть благодарен, что работает в бакинском театре. В республике все собрания проводятся только на азербайджанском языке. Перевод на русский не делается. В истории Азербайджана выдвигаются на первый план азербайджанцы, армяне и русские отодвигаются, даже такие известные фигуры, как Степан Шаумян, кадры в Баку тоже подбираются по национальному признаку.

2 июля президиум ЦК поручил азербайджанскому руководству «обсудить на бюро и на пленуме ЦК вскрытые проверкой недостатки в

состоянии дел в республике и в работе парторганизации и разработать практические мероприятия по их исправлению».

6 июля в Баку на пленуме ЦК компартии Азербайджана Мустафаева «как не справившегося с работой» освободили от должности и вывели из бюро ЦК. На пленуме присутствовал секретарь ЦК КПСС Нуритдин Акрамович Мухитдинов, бывший руководитель Узбекистана. Хрущев забрал его в Москву, чтобы в составе руководства был представитель национальных республик. Его и посылал в южные республики с неприятными миссиями.

Первым секретарем ЦК компартии Азербайджана избрали Вели Юсуфовича Ахундова, врача по образованию. Второго секретаря ЦК республики Дмитрия Николаевича Яковлева убрал из Баку сам Семичастный, не предполагая, что очищает кресло для себя. Яковлева отправили на пенсию, хотя ему было всего пятьдесят три года. В Баку образовалась важная вакансия.

Когда Семичастный находился во главе партийной делегации в Венгрии, в Москву поступила просьба ЦК компартии Азербайджана назначить вторым секретарем Семичастного. Это было невиданное дело. Вторых секретарей всегда назначала Москва. Ни один первый секретарь национальной республики не смел просить себе кого-то на роль второго секретаря, чтобы в Москве не подумали, что он подбирает удобного человека. И уж тем более не могла республика просить прислать в Баку заведующего ключевым отделом ЦК.

Самое поразительное состояло в том, что просьбу Вели Ахундова поспешно удовлетворили. Причем с Семичастным заранее даже не поговорили, хотя согласие назначаемого требовалось при оформлении решения президиума или секретариата ЦК. Для Семичастного это было неприятное понижение. Владимир Ефимович сильно переживал.

3 августа утром его принял Хрущев, сказал несколько напутственных слов и пожелал успеха.

Почему же Хрущев неожиданно переменялся к своему выдвиженцу и расстался с руководителем важнейшего отдела в ЦК партии? Семичастный оказался вовлеченным в сложную интригу вокруг второго секретаря ЦК Кириченко.

Алексей Илларионович Кириченко начинал ремонтником на железной дороге. В 1936 году окончил Азово-Черноморский институт инженеров-механиков социалистического земледелия. В 1938-м его взяли в аппарат ЦК компартии Украины. Он понравился Хрущеву и за три года сделал фантастическую карьеру: в 1941-м его уже избрали секретарем

республиканского ЦК. После войны он руководил Одесской областью, с 1949-го был вторым секретарем ЦК Украины.

Сразу после смерти Сталина Берия стал поднимать национальные кадры. По записке Берии состоялся пленум ЦК компартии Украины, который признал неудовлетворительной работу республиканского политбюро по руководству западными областями, отменил «порочную практику» выдвижения на руководящие посты в западных областях работников из других районов и перевод преподавания в вузах на русский язык. Первого секретаря республиканского ЦК сняли за грубые ошибки. Вместо Леонида Георгиевича Мельникова назначили украинца Алексея Илларионовича Кириченко.

После разгрома «антипартийной группы» в 1957-м Хрущев перевел Кириченко в Москву себе в помощь, приблизил, доверял ему. Но вскоре убедился, что на роль второго человека Алексей Илларионович, у которого был тяжелый характер, не тянет, и расстался с ним. Тем более что товарищи по партийному руководству наперебой жаловались на хамство и диктаторские замашки Кириченко.

Попутной жертвой оказался Семичастный.

Опытные аппаратчики настроили Хрущева против Владимира Ефимовича, нашептав, что новый заводделом ориентируется на Кириченко. Это насторожило Хрущева. Заведующий ключевым отделом парторганов должен был подчиняться только первому секретарю. А неопытный Семичастный имел неосторожность с энтузиазмом откликаться всякий раз, когда его вызывал Кириченко, и докладывал все, что того интересовало.

Хрущев решил, что Семичастному рано еще руководить ключевым отделом ЦК партии, и отправил его в Баку.

26 ноября 1959 года президиум ЦК принял решение:

«Считать нецелесообразным, чтобы председательствование на заседаниях Секретариата осуществлялось постоянно лишь одним секретарем ЦК. Установить, что на заседаниях Секретариата секретари ЦК председательствуют поочередно (помесячно)».

В документ внесли еще одно важное положение. На секретариат ЦК в целом как орган коллективного руководства возлагалось «наблюдение за работой» отдела партийных органов (тем самым, которым еще недавно руководил Семичастный) и отдела административных органов ЦК (ему были подведомственны КГБ, МВД, прокуратура и вооруженные силы).

Иначе говоря, Хрущев не хотел, чтобы в работу двух важнейших отделов вмешивался кто-то еще из секретарей ЦК. Оба отдела должны подчиняться только ему самому.

В решении президиума устанавливался перечень должностей, кандидаты на которые в обязательном порядке утверждались секретариатом ЦК:

«Первые и вторые секретари обкомов, председатели облисполкомов и крайисполкомов, председатели Советов министров и председатели президиумов Верховных Советов союзных и автономных республик, министры СССР, руководители центральных организаций и ведомств, председатели совнархозов, командующие военными округами, армиями и флотами, начальники политуправлений округов, армий и флотов, председатели республиканских комитетов госбезопасности, начальники областных и краевых управлений КГБ...»

Судьба Кириченко была предрешена. Хрущев попросил Брежнева подыскать Кириченко работу. 7 января 1960 года на президиуме ЦК Брежнев предложил отправить Кириченко или послом в Чехословакию, или первым секретарем Ростовского обкома.

Спросили мнение самого Кириченко.

Тот пожелал было поехать послом, но за ночь передумал и попросился в Ростов. 8 января назначение утвердили, однако уже через полгода, 15 июня пленум Ростовского обкома освободил Кириченко от должности. Его проводили на пенсию.

Хрущев продолжал менять руководящие кадры.

4 мая 1960 года на президиуме ЦК он заявил:

— Секретариат — слишком объемистый, удельный вес секретарей в президиуме ЦК излишне большой.

Как будто бы не он сам их назначал! Никита Сергеевич убрал сразу пятерых секретарей ЦК. Такого еще не было.

Николай Игнатов был переведен в правительство, Алексея Кириченко послали в Ростов, Петра Пospelова поставили заведовать Институтом марксизма-ленинизма, благо тот был академиком. Аристову Хрущев перевел в бюро ЦК по РСФСР. А через полгода совсем избавился от него. 20 января 1961 года Аверкия Борисовича освободили от обязанностей члена президиума ЦК и заместителя председателя бюро ЦК по РСФСР и отправили послом в Польшу.

Екатерина Фурцева тоже утратила высокий партийный пост и стала министром культуры (ее предшественник Николай Михайлов, бывший начальник Шелепина в комсомоле, отправился послом в Индонезию. Его политическая карьера завершилась).

Что же послужило причиной такой массовой чистки высшего эшелона партийного руководства?

Считается, что чекисты записали вольные разговоры секретарей ЦК, которые они вели в своих комнатах отдыха, попивая чай или более крепкие напитки. Ничего крамольного они не говорили, но позволяли себе критически оценивать поведение Никиты Сергеевича. Возможно, опрометчиво считали, что они так много сделали для Хрущева, что никто не посмеет их подслушивать...

Но ведь старые заслуги ничего не значат, когда речь идет о власти. Борьба за власть не заканчивается даже в тот момент, когда политик становится полновластным хозяином в стране. И уже рядом нет ни врагов, ни соперников, ни тайных недоброжелателей. Только соратники и единомышленники.

Тогда начинается борьба за удержание власти. Власть приходится оберегать от тех, кто вместе с тобой. Логика борьбы такова, что и соратники тоже не нужны. Нужны только подчиненные. Да и не хочется держать рядом с собой тех, кому обязан своим креслом.

В 1957 году, одолев «антипартийную группу», Хрущев обрел всю полноту власти. Тем не менее последующие годы он непрерывно убирал тех, кто стоял рядом.

На XXII съезде Игнатов, Аристов, Фурцева, Мухитдинов были избраны членами ЦК, но в президиум уже не вошли.

Николай Игнатов и Аверкий Аристов смолчали.

А Мухитдинов, Фурцева и ее муж Николай Павлович Фирюбин, бывший комсомольский работник, ставший заместителем министра иностранных дел (его избрали кандидатом в члены ЦК), в знак протеста не пришли на вечернее заседание съезда.

Опытный Мухитдинов вызвал врача, который прописал ему постельный режим. А Екатерина Алексеевна Фурцева, переживая случившееся, вскрыла себе вены, но ее спасли. Фурцева, вероятно, до последнего момента на что-то надеялась, думала, что опала будет недолгой, что Хрущев передумает и вернет ее на партийную работу.

Ей и без того досталось на партийном съезде. Шолохов, выступая, открыто издевался над Фурцевой. Это секретаря ЦК нельзя было тронуть, а министра культуры очень даже можно.

— Прежде всего хочу сказать, что мы давно мечтали о министре типа товарища Фурцевой. И такого министра мы наконец-то получили, — говорил Шолохов.

Зал принял его слова за чистую монету и заплодировал.

— Всем взяла наша дорогая Екатерина Алексеевна: и дело свое отлично поставила, потому что знает и любит его, и внешностью

обаятельна, и в обхождении с деятелями культуры то же самое обаятельна... — продолжал он. — А тут еще все новые таланты у нее открываются, ну, мы и диву даемся и руками разводим от удовольствия и изумления.

И писатель напустился на министра культуры — начал критиковать ее за низкое качество пьес, поставленных театрами. Испытав публичное унижение, Фурцева, можно сказать, была раздавлена тем, что ее не включили в состав президиума ЦК, и пыталась покончить с собой...

Хрущев был вне себя и созвал президиум ЦК, чтобы «обсудить поступок, совершенный товарищами Фурцевой, Мухитдиновым и Фирюбиным». Фурцева просила товарищей поверить, что она была тяжело больна. Мухитдинов каялся, говорил, что совершил ошибку. Фирюбин тоже каялся, но просил понять:

— Иначе я не мог поступить.

Фрол Козлов подготовил проект решения о выводе всех троих из состава ЦК КПСС. Отходчивый Никита Сергеевич остыл и проявил снисходительность.

— Поступок сложный, — говорил Хрущев о Фурцевой. — Я понимаю ее огорчение, когда на съезде не избрали в президиум. Но люди оценили ее поступок как протест против партии. По работе — ничего плохого не скажу. Характер, правда, неважный. Я говорил ей: «...то вы с Жуковым, то с Булганиным, то с Молотовым». Но в острых вопросах держалась принципиально... А тут такой нехороший поступок.

Хрущев тем не менее учел раскаяние Фурцевой и предложил в решение записать: отсутствовала вследствие заболевания. Относительно Фирюбина — за неправильное поведение указать. Все остались в составе ЦК. Фурцева продолжала работать министром культуры, Фирюбин — заместителем министра иностранных дел.

Поступок всех троих разбирался на заседании пленума ЦК 9 марта. Заседание не стенографировалось. Вообще не найдены никакие материалы относительно того, что говорилось на пленуме. По воспоминаниям Мухитдинова, Хрущев выступал очень эмоционально.

Досталось и недавнему секретарю ЦК Нуритдину Мухитдинову, который был личным выдвиженцем Никиты Сергеевича. Мухитдинов пострадал больше всех. Его отправили в Центроюз заместителем председателя правления.

— Ошиблись в нем, — с огорчением сказал Хрущев, — он плохо воспитан как член партии. Никчемное руководство оставил в республике. Пережитки байские есть у него. И есть к нему политические претензии —

поддерживал узбекскую групповщину. Были нехорошие поступки бытового характера — бьет жену. Хвастливо докладывал о своих беседах с Неру и с Насером. Но потеря — молодой и способный человек.

Секретарем ЦК был избран новый хрущевский фаворит Фрол Романович Козлов, который до этого был первым заместителем Хрущева в правительстве. Такую же роль он намеревался играть в ЦК. Козлов сразу занял позицию второго секретаря. Президиум, забыв о примере Кириченко, безропотно принял решение:

«Возложить на т. Козлова председательствование на заседаниях Секретариата ЦК КПСС, а также рассмотрение материалов и подготовку вопросов к заседаниям Секретариата ЦК».

Козлова вполне устраивали частые поездки Хрущева по стране и миру. В отсутствие Никиты Сергеевича он был хозяином на Старой площади и, возможно, со временем стал бы претендовать на роль преемника. Фрол Романович, высокий, статный, красивый, хорошо смотрелся на трибуне. Александр Твардовский записал в дневнике: «Есть такой человек в руководстве — Козлов, который, когда разговаривает, слушает только себя и сам пьянеет от своего голоса».

Обновление кадров оказалось в пользу Семичастного. Шелепин сумел правильно поговорить с Хрущевым, напомнить о хорошем работнике, чьи таланты пропадают в далеком Баку.

Никита Сергеевич решил, что Семичастный достаточно наказан за свои промахи и набрался политического опыта.

Через две недели после ухода Шелепина с поста председателя КГБ на освободившееся место был назначен его друг и товарищ Владимир Ефимович Семичастный, который был вторым секретарем ЦК компартии Азербайджана.

Никита Сергеевич напутствовал его на свой лад:

— У нас на этом посту чекистов было предостаточно. Дров столько наломали... Хватит. Нам нужен человек, который понимает, зачем эти органы существуют, и проводит политику партии. Шелепин начал расчищать, а вы продолжайте...

— Как вам Шелепин передавал дела? — спросил я Семичастного.

— Ключи от сейфа и от стола отдал, показал, как что открывается, только код сменил: «Сам себе придумай». А что ему еще передавать? Список личного состава? Шелепин пришел на коллегию комитета, представил меня и ушел.

— Неужели ничего не посоветовал?

— Мы с ним настолько близки были и так тесно общались, что я

всегда у него мог что-то спросить и посоветоваться. Нравоучений он мне не читал. Охарактеризовал немножечко людей — кого поближе держать, кого подальше, кого поскорее убрать, на кого опираться. Ну, как обычно бывает, когда один уходит, другой приходит...

Новому председателю КГБ Семичастному было всего тридцать семь лет. Никита Сергеевич хотел работать с людьми такого возраста, не отягощенными прошлым, энергичными, не потерявшими интереса к работе и жизни.

СРОЧНАЯ КОМАНДИРОВКА В НОВОЧЕРКАССК

Александр Николаевич Шелепин в кадровых расчетах Хрущева занимал особое место. После XXII съезда Никита Сергеевич поручил ему как секретарю ЦК курировать партийные кадры.

— Хрущев опирался на новых людей и начал нас, молодых, выдвигать, — рассказывал Николай Егорычев. — Александр Николаевич, как негласно считалось, среди нас, партийной молодежи, занимал самое высокое положение и в какой-то мере влиял на наше поведение, взгляды.

Хрущев желал обновления кадров. 14 декабря 1959 года на расширенном заседании президиума ЦК Хрущев, говоря о проекте программы КПСС, завел речь о том, что его волновало:

— В программе надо было бы подумать и насчет демократизации нашего общественного строя. Без этого нельзя. Взять, к примеру, наше руководство — президиум. Мы не ограничены ни властью, ни временем. Правильно ли это?.. Пусть нас выбирают, но на следующем съезде одна треть выбывает обязательно.

А то, говорил Хрущев, молодежь растет, но должности для нее не освобождаются. Они должны ждать, когда кто-нибудь из старшего поколения умрет.

— Буржуазные конституции, — произнес Хрущев крамольную мысль, — пожалуй, более демократично построены, чем наша: больше двух созывов президент не может быть. Если буржуа и капиталисты не боятся, что эти их устои будут подорваны, когда после двух сроков выбранный президент меняется, так почему мы должны бояться? Что же, мы не уверены в своей системе или меньше уверены, чем эти буржуа и капиталисты, помещики? Нас выбрали, и мы самые гениальные? А за нами люди совершенно незаслуженные? Поэтому я считаю, что нужно так сделать, чтобы таким образом все время было обновление.

Кому из тех, кто сидел в зале заседаний президиума и слушал первого секретаря, могли понравиться эти слова? Хрущев-то пенсионного возраста, ему все равно вскоре уходить, а каково более молодым? Неужели им придется расставаться с должностями просто потому, что больше двух сроков нельзя занимать высокий пост?

— Если каждый будет знать, что его могут выбрать только на один

срок, максимум на два, — продолжал фантазировать Хрущев, — тогда у нас не будет бюрократического аппарата, у нас не будет кастовости. А это значит, что смелее люди будут выдвигаться, демократизация будет в партии, в народе, в стране.

Наверное, Никита Сергеевич рассчитывал на поддержку молодых кадров, которым омоложение аппарата открыло бы дорогу наверх. Но логика молодых аппаратчиков была иной: они, как и старшие товарищи, больше дорожили стабильностью. Только занял кресло — и уже освобождать?

17 июня 1961 года Хрущев на заседании президиума вновь вернулся к этому вопросу. Он немного смягчил свою позицию относительно того, сколько времени можно занимать высшие руководящие посты, сделал послабление для товарищей:

— Я все-таки считаю, что следует оставить три срока для союзного руководства и два срока для всех остальных. Почему? Все-таки союзный уровень есть союзный. Во-вторых, если мы запишем два срока, это вызовет большое недовольство у руководителей социалистических стран. Надо с этим считаться. Поэтому не надо поддаваться настроению демократизма, надо все-таки реально представлять ответственность за наше дело. ЦК союзный и ЦК республиканские были на одном уровне. Сейчас надо отделить ЦК союзный, а те в другую категорию перенести. Это будет правильно. Там будет восемь лет.

Можно без преувеличения сказать, что именно из-за этой идеи Хрущев нажил себе больше всего врагов в аппарате. Первый секретарь чувствовал нарастающее сопротивление и не знал, что предпринять.

После избрания Шелепина секретарем ЦК Хрущев поручал ему вопросы, связанные с госбезопасностью. Никита Сергеевич не страдал шпиономанией, но иногда ему казалось, что где-то в аппарате засели иностранные разведчики. Читая сводки зарубежной прессы, Хрущев удивлялся: откуда американцам точно известен и состав нашей армии, и ее вооружение?

— Что же это такое?! Может, их агенты сидят в нашем Генеральном штабе? — с возмущением спрашивал он министра обороны маршала Малиновского.

Флегматичный Родион Яковлевич пожал плечами:

— Видимо, это заслуга американской воздушной разведки и других технических средств.

Такая же подозрительность охватила Хрущева, когда выяснилось, что американское посольство в Москве узнало имя нового советского посла в

Вашингтоне раньше, чем оно было официально названо.

8 января 1962 года на президиуме ЦК он обратился к Громыко:

— Через кого узнал Томпсон, что мы выдвигаем послом Добрынина?

Ллуэллин Томпсон, карьерный дипломат, в первый раз приехал в Москву в 1939 году. Во время войны был американским консулом в Москве. Даже в самые тяжелые дни осени 1941-го, когда всех дипломатов эвакуировали в Куйбышев, Томпсон оставался в Москве. Потом работал в Государственном департаменте.

В 1957 году президент Дуайт Эйзенхауэр назначил его послом в СССР. Томпсон был, возможно, самым успешным американским послом в Советском Союзе. Хрущев его ценил, приглашал с семьей к себе на дачу. А советским послом в Вашингтон отправил Добрынина.

Анатолий Федорович Добрынин с апреля 1960 года заведовал американским отделом и был членом коллегии Министерства иностранных дел. Перед этим он два с половиной года поработал в Нью-Йорке заместителем Генерального секретаря ООН. Начиная трудовую деятельность инженером-конструктором на авиационном заводе, Анатолий Добрынин оказался талантливым дипломатом. Он проработал в Вашингтоне почти четверть века.

Злые языки утверждали, что министр Громыко видел в нем соперника и Добрынин именно по этой причине так долго пробыл послом в США.

— Томпсон получил эту информацию доверительно в то время, когда это никому не было объявлено, — продолжал Хрущев. — А это такое дело, что должны единицы знать. Я и вы. Кто же еще знал кроме вас? Малин? Он выпускал решение. Через кого оно прошло? И мы не можем узнать. Разболтали. Томпсон говорит, что это доверительно было сказано, поэтому не может назвать имя, чтобы русские не узнали источник... Это уже измена, это уже предательство. Я считаю, что американцы имеют кого-то в нашей разведке, потому что просачиваются некоторые материалы, довольно близкие к истине. А почему мы можем исключить, что нет таких людей в МИДе?

— Если нужно, я могу сообщить, что мне известно, — сказал Громыко. — Насчет Добрынина. Кроме меня, когда я уходил в отпуск, знал Кузнецов и сам Добрынин, потому что с ним должны были говорить. Оба люди надежные. Я спрашивал Семичастного. Он говорит, что, видимо, кто-то из журналистов на приеме сказал. Я говорил с Добрыниным. Он говорит так: на другой день после заседания секретариата ЦК мне звонят из комитета по культурным связям — товарищ Жуков — и поздравляют. Добрынин отвечает — я ничего не знаю. А потом Романовский узнал. Видимо, он был

на заседании секретариата.

Сергей Каллистратович Романовский был одним из соратников Шелепина по комсомолу. Еще в 1950 году, в двадцать семь лет, Романовский стал заместителем председателя Антифашистского комитета советской молодежи, потом секретарем Всемирной федерации демократической молодежи, в 1956-м возглавил Комитет молодежных организаций СССР, а на следующий год был избран секретарем ЦК ВЛКСМ. Он ушел из комсомола вслед за Шелепиным — в 1959-м стал заместителем министра культуры, затем заместителем председателя Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами. Впоследствии Романовского, как и других соратников Шелепина, отправили на дипломатическую работу.

— Сведения просочились до заседания секретариата, — уточнил Леонид Федорович Ильичев.

— Томпсон сказал, что его информирует надежный источник, — вмешался Козлов, — и просил не разглашать. Если положим, что кто-то из секретариата ЦК? Но здесь не может быть такой человек, который постоянно связан с Томпсоном и его информировал. Это исключается, значит, это предположение неправильно.

— Сведения просочились до заседания секретариата, а не после, — стоял на своем Ильичев.

— Значит, источник, скорее, в МИДе, — продолжал Козлов.

— Мне Добрынин назвал Романовского, — отстаивал непричастность своего ведомства министр иностранных дел Громыко. — Мне, говорит, из комитета позвонили.

— Надо Жукова спросить, откуда он знает, — сказал Хрущев. — Информация может быть и от Жукова.

Известный журналист Георгий Александрович Жуков, работавший в «Правде», при Хрущеве возглавил Государственный комитет по культурным связям с зарубежными странами.

— Там есть американские агенты, — мрачно заметил Ильичев, — которые в Америке работали.

— Там есть представители всех стран, — сказал Хрущев. — Я считаю, что надо придумать какую-нибудь провокацию и испытать ряд людей на этой провокации. Одним словом, надо поработать. Это уже вопрос разведки и контрразведки.

Но, к чести Хрущева, такие вспышки подозрительности были у него редкими. Продовольственное положение в стране беспокоило его больше, чем американская агентура.

Повышение цен на мясо и масло примерно на 30 процентов, принятое постановлением ЦК и Совета министров 31 мая 1962 года, вызвало возмущение в различных городах России. 1 июня постановление появилось в газетах и было прочитано по радио. Рабочие сталелитейного цеха крупнейшего в Новочеркасске Электровозостроительного завода имени С. М. Буденного прекратили работу и потребовали повышения расценок.

Заводу не повезло с директором, предприятие находилось в упадке, коллектив был недоволен низкими доходами и тяжелыми условиями труда. Накануне повышения цен на заводе еще и пересмотрели нормы выработки, из-за чего резко упала зарплата рабочих. К тому же в городе не хватало продовольствия, его нельзя было купить даже на рынке.

К рабочим сталелитейного цеха присоединились другие заводчане. Они вышли из цеха и стали митинговать. Директора завода, который пытался их уговорить вернуться к работе, прогнали. На площади у заводоуправления собрались несколько сот человек. Рядом проходила железная дорога, ее перегородили, и пассажирский поезд Саратов — Ростов остановился. На гудок тепловоза пришли еще люди, собралось несколько тысяч человек. Все требовали снизить цены, на тепловозе написали «Хрущева на мясо».

В четыре часа дня на завод прибыло областное начальство, толпа отхлынула к заводоуправлению, поезд дал задний ход и ушел. Толпа кричала «долой коммунистов!», сорвала портрет Хрущева.

Сначала партийные работники пытались уговорить толпу разойтись. Но разговаривать с людьми они не умели, привыкли руководить областью из кабинетов, и ничего у них не получилось. Первый секретарь Ростовского обкома партии Александр Васильевич Басов стал зачитывать обращение ЦК, толпа разозлилась:

— Сами грамотные! Ты скажи, как жить будем — цены повысили, расценки снизили!

Басов заперся в одном из заводских кабинетов и ждал, пока его не вызовут. Сотрудники областного управления КГБ и милиции в штатском фотографировали наиболее активных рабочих. Одного схватили. Обнаружив у него офицерское удостоверение, обещали его повесить.

Прибыли двести милиционеров, но они тоже были смяты и бежали.

Поздно вечером появились бронетранспортеры и грузовики с солдатами. Военные вывели с завода первого секретаря обкома и других партийных работников. Офицеры не знали, что им делать.

Ночью прибыла усиленная танками воинская часть, которая заняла завод. В применении танков не было никакой необходимости, но их

появление изменило настроение толпы. Советские танки — против советских рабочих! Это казалось немыслимым. В танки бросали булыжники, танкистов оскорбляли.

1 июня 1962 года заместитель председателя КГБ генерал Ивашутин информировал ЦК КПСС:

«Докладываю о реагировании населения на решение ЦК КПСС и Совета Министров СССР о некотором повышении цен на мясо, мясные продукты и масло.

В целом по стране населением это решение воспринято правильно. Основной смысл высказываний лиц, одобряющих данное мероприятие Советского правительства, сводится к тому, что будут снижены цены на рынке и при наличии мясных и молочных продуктов в магазинах повысится обеспеченность ими населения...

Вместе с тем имели место и нежелательные проявления.

Так, рабочие сталелитейного цеха Электровозостроительного завода в гор. Новочеркаске (около 200 человек) в 10 часов утра прекратили работу и потребовали повышения расценок...»

Ночью появились антиправительственные листовки. Утром рабочие собрались на заводе, но к работе не приступали. Атмосфера была накаленной. Митинг возобновился. К митингующим присоединились рабочие Новочеркаского завода нефтяного машиностроения.

С портретом Ленина и красным знаменем над колонной манифестанты двинулись в центр города к зданию горкома партии. Манифестация носила мирный характер, люди скандировали: «Мясо, масло, повышение зарплаты!»

Все главные решения принимали срочно прилетевшие из Москвы высшие руководители партии и правительства: члены президиума ЦК — первый заместитель главы правительства Анастас Иванович Микоян, секретарь ЦК Фрол Романович Козлов, только что утвержденный первым заместителем председателя бюро ЦК по РСФСР Андрей Павлович Кириленко, заместитель председателя правительства Дмитрий Степанович Полянский, а также секретарь ЦК Александр Николаевич Шелепин, заведующий идеологическим отделом ЦК Владимир Ильич Степаков и его заместитель Владимир Иванович Снастин. Количество руководящих лиц свидетельствовало о том, как серьезно в Москве восприняли рабочее восстание в Новочеркаске.

Работники горкома пытались что-то сказать, но толпа хотела видеть москвичей, требовала, чтобы перед ней выступил Микоян. Но когда манифестация приблизилась к зданию горкома партии, московских

руководителей эвакуировали в военный городок, где они были в безопасности. Побеседовать с рабочими, объяснить им политику партии и правительства московские товарищи не пожелали. Толпа возмутилась.

Комитет государственной безопасности представляли заместители председателя Николай Степанович Захаров и Петр Иванович Ивашутин. Народа на площади не убывало, люди пытались захватить здание горкома партии и заодно горотдел милиции с требованием освободить арестованных рабочих.

«Я стоял на балконе этого здания, — вспоминал генерал Захаров, — когда из толпы полетели кирпичи и камни. Руководители города (я захожу в кабинет, а там никого) бежали, вместо того чтобы идти к народу. Я, не найдя никого из руководства, вынужден был с третьего этажа тыльной стороны здания спуститься на землю по водосточной трубе».

Представителей рабочих отвезли в военный городок, где с ними беседовал Флор Романович Козлов.

Ему и другим руководителям партии, возможно, впервые в жизни пришлось выслушать откровенные требования людей, которыми они управляли. Но разговора не получилось. Козлов велел успокоить толпу и прекратить беспорядки. К этому времени уже было принято решение пустить в ход оружие. Партийные руководители заняли жесткую позицию, считали, что с бунтовщиками разговаривать не о чем.

Московское начальство потребовало от военных разогнать демонстрацию. Командующий войсками Северо-Кавказского военного округа генерал Исса Александрович Плиев получил от министра обороны маршала Малиновского приказ действовать.

Когда прозвучали выстрелы, толпа решила, что стреляют холостыми. Но когда упали первые убитые, люди побежали...

В записке КГБ, отправленной в ЦК, говорилось, что «после ликвидации массовых беспорядков подобрано двадцать трупов, из них две женщины, которые захоронены в разных местах области». В городе ввели комендантский час. Тем не менее 3 июня человек пятьсот вновь собрались в центре города. Для них через репродукторы транслировалось выступление Козлова:

— Повышение цен продиктовано заботой об улучшении благосостояния народа. Для того, чтобы завтра иметь в достатке мясо, масло, молоко, для того, чтобы завтра жить лучше, сегодня приходится идти на издержки. Это меры временные, и они в ближайшие год-два принесут хорошие результаты, и мы добьемся в нашей стране изобилия продуктов питания, снижения цен и повышения жизненного уровня.

Партийный актив и дружинники постепенно рассеяли толпу. В городе начались аресты. Семь человек расстреляли. Приговор был шит белыми нитками. Вместо обвинения в массовых беспорядках их судили по статье 77 Уголовного кодекса (бандитизм), предусматривавшей смертную казнь. Больше ста задержанных приговорили к различным срокам тюремного заключения.

10 июня Фрол Романович Козлов рассказывал на президиуме ЦК о событиях в Новочеркасске. Хрущев похвалил его за решительность:

— Хорошо провели акцию.

14 июня председатель Комитета госбезопасности Семичастный доложил Хрущеву:

«Во время массовых беспорядков в Новочеркасске всего убито 23 человека, из них 18 опознано, личности 5 человек не установлены.»

Комитет госбезопасности критиковали за слабую агентурную работу. Хрущев распорядился:

— Усилить работу органов КГБ. Подготовить предложения товарищам Шелепину, Семичастному и Ивашутину.

Вскоре приняли постановление, в котором говорилось:

«Разрешить КГБ СССР увеличить штатную численность контрразведывательных подразделений территориальных органов КГБ на 400 военнослужащих».

Первого секретаря Ростовского обкома Александра Басова отправили в Гавану — главным советником-организатором при правительстве Кубы по вопросам животноводства. Это было наказание.

Весной 1962 года у Хрущева мелькнула мысль отправить Шелепина в Ленинград первым секретарем обкома вместо Ивана Васильевича Спиридонова.

Собственно, Спиридонова, бывшего директор завода «Госмерт», сам Хрущев же и поднимал. На XX11 съезде, как и Шелепина, сделал Спиридонова еще и секретарем ЦК. Но быстро в нем разочаровался. Это с Никитой Сергеевичем случалось часто. Он лишил Ивана Спиридонова всех партийных должностей и пересадил в почетное, но безвластное кресло председателя Совета Союза Верховного Совета СССР.

И предложил Шелепину перебраться в Ленинград. Александр Николаевич отказался. Видимо, ему показалось, что секретарю ЦК ехать в Ленинград секретарем обкома — если не понижение, то во всяком случае шаг в сторону. Похоже, это была ошибка. Политической биографии Шелепина не хватало опыта руководства крупными партийными организациями, для будущей карьеры это был недостаток. Работа

руководителем крупнейшей Ленинградской области придала бы ему авторитета.

По словам сына Хрущева, Никита Сергеевич говорил в семейном кругу о Шелепине:

— Жаль, а посидел бы несколько лет в Ленинграде, набил бы руку, и можно было бы его рекомендовать на место Козлова.

Фрол Романович Козлов был фактически вторым секретарем ЦК, пока его не свалил удар. Хрущев искал человека, которому мог бы поручить весь партийный аппарат страны.

Вместо Шелепина первым секретарем Ленинградского обкома стал Василий Сергеевич Толстиков, строитель по профессии, который десять лет провел на партийной работе.

А Шелепину Никита Сергеевич нашел новую работу — поручил ему создать в стране всеобъемлющую систему контроля.

19 февраля 1962 года Хрущев представил членам президиума ЦК записку «Об улучшении контроля за выполнением директив партии и правительства». Хрущев писал о взяточничестве, приписках, очковтирательстве, местничестве и расточительстве. Он предложил создать новый орган партийного контроля:

«Его можно было бы сформировать в составе 80—100 человек, включив туда представителей ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, Центросоюза, печати, рабочих, колхозников, интеллигенции, председателей комитетов партийного контроля союзных республик и наиболее крупных краев и областей».

Записку разослали всем членам ЦК партии. Но обсуждение затянулось на несколько месяцев. И только 20 сентября Хрущев вернулся к этому вопросу:

— Мы считаем необходимым перестроить работу госконтроля. Госконтроль, который сейчас существует, малодейственный. Надо, чтобы наши контрольные органы были партийно-государственными, потому что сейчас без партии контроль трудно установить. Возглавлять его должен член Центрального комитета, а может быть, и секретарь ЦК, с тем чтобы действительно придать этому значение. Я думаю, что тогда, может быть, не всех воров лишили бы возможности воровать, но, во всяком случае, усложнили бы их воровскую жизнь.

Через два месяца, в ноябре, состоялся пленум ЦК.

Хрущев выступил с докладом «Развитие экономики СССР и партийное руководство народным хозяйством».

Он предложил революционную меру — разделить партийные и

советские органы на промышленные и сельскохозяйственные. Так в каждой области и крае вместо одного обкома и одного облисполкома появлялись два: один занимался промышленностью, другой — сельским хозяйством.

На следующий день доклад Хрущева о новых формах партийного руководства — разделении территориальных партийных и советских органов на промышленные и сельские — напечатали в «Правде». Он занял десять газетных полос.

«Первый день пленума, — записал в дневнике Твардовский, — доклад Никиты Сергеевича. Как всегда, длинновато, необязательно для пленума ЦК по техническим подробностям. Как всегда, главный интерес не в тексте, а в том, когда он отрывается от текста. Как обычно, хорош был огонь по частностям бюрократического идиотизма в промышленности...

Кого я ни спрашивал, так никто и не мог мне сказать, как оно все будет в смысле территориальном, при двойственности «бюро» и исполкомов советов, обкомов и бюро национальных партий.

Но главное было не в этой «перестановке стульев». Слова «бюрократизм», «бюрократ» и синонимы их особенно зачастили и в тексте и, особенно, в отступлениях от него вплоть до:

«То, что у нас произошло в Новочеркаске, — результат бюрократического отношения к насущным нуждам трудящихся».

Это вообще впервые из уст правительства и партии о таких «происшествиях» у нас».

Твардовский не случайно отметил неожиданную откровенность Хрущева. О событиях в Новочеркаске в советской печати не говорилось ни слова. В опубликованном тексте доклада первого секретаря ЦК КПСС упоминание о Новочеркаске тоже отсутствовало.

Пленум ЦК по предложению Хрущева принял решение об образовании Комитета партийно-государственного контроля — на базе комиссии госконтроля Совмина и Комитета партийного контроля при ЦК.

Во главе новой, могущественной организации Никита Сергеевич поставил Шелепина. Когда Хрущев с Шелепиным задумали создать Комитет партийно-государственного контроля, они держали в голове опыт 1920-х годов, когда существовали два влиятельных ведомства — Центральная контрольная комиссия в партии и наркомат рабоче-крестьянской инспекции в правительстве. Формально они были разделены, но руководил ими один и тот же человек, причем очень влиятельный, член политбюро — сначала Куйбышев, потом Орджоникидзе, Андреев.

Никита Хрущев решил повторить этот опыт, но слить партийную и правительственную инспекцию в единый аппарат. Создавался орган с

огромными, почти неограниченными полномочиями, получивший право контролировать и партийные органы, и правительство, и вооруженные силы, и даже КГБ.

Хрущеву нужен был аппарат, который уберег бы его от такого позора, которым обернулась знаменитая некогда рязанская инициатива.

РЯЗАНСКИЕ РЕКОРДЫ И СТРАННАЯ СМЕРТЬ ХОЗЯИНА ОБЛАСТИ

Согласно документам, этот человек покончил с собой. Не хотел, чтобы его с треском снимали с должности, позорили на всю страну. Но все, кто работал с ним, наотрез отрицают версию самоубийства. Они считают, что у него сердце не выдержало, что он пал жертвой интриг и нелепых идей Никиты Сергеевича Хрущева.

Имя этого человека когда-то гремело. Он получил «Золотую Звезду» героя, был близок к главе государства и должен был войти в высшее руководство страны. Но внезапно все рухнуло.

22 мая 1957 года Никита Сергеевич Хрущев, выступая в Ленинграде на совещании работников сельского хозяйства северо-запада Российской Федерации, провозгласил лозунг:

— Догнать и перегнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса, масла и молока на душу населения.

Идея была, конечно, авантюрная. Однако в тот момент Хрущев был абсолютно уверен, что цель достижима. Освоение целинных и залежных земель, казалось, решило зерновую проблему.

Первый секретарь Красносельского райкома Костромской области С. С. Милевский решил, что его район будет соревноваться с американским штатом Огайо. «Известия» прислали корреспондента, чтобы описать подвиг костромского героя.

«В очерке Милевский показывает дояркам, как доить, с косцами идет рядом. — записал в дневнике Игорь Дедков. — Колхозники за глаза потешаются над Милевским, человеком сугубо городским».

Хрущев родился в селе Калиновка, в Курской губернии. Родители увезли его на Украину, и много лет он не был в родных местах. Заехал в Калиновку после войны и увидел обнищавшую деревню. Никита Сергеевич взялся не просто помочь землякам, но и доказать, что деревня может быть богатой. Местный колхоз, названный без затей — «Родина Хрущева», ни в чем не знал отказа, исправно получал фонды и технику, и урожаи на колхозных полях возросли. В Калиновке ускоренными темпами прокладывали дорогу, строили жилье, магазины, появились Дом культуры, детский сад. Соседи завидовали.

В родном селе первого секретаря ЦК КПСС реализовывалась мечта

Хрущева: освободить крестьянина от лишних забот, чтобы строили коммунизм, ни на что не отвлекаясь. Хотя бы в одном селе он хотел сделать жизнь сельского жителя столь же комфортной, что и в городе. В Калиновке перестали держать коров, потому что построили молочные ларьки, где бесперебойно торговали молоком. Раз в месяц давали четыре килограмма масла.

Пока Хрущев был хозяином страны, он часто приезжал сюда, видел, что земляки обеспечены хлебом и молоком. Калиновка стала предметом особой заботы первого секретаря Курского обкома партии Леонида Николаевича Ефремова. Хрущев оценил его старания, перевел Ефремова в Москву и поручил ему руководить сельским хозяйством России.

Если можно за считанные годы завалить страну хлебом, рассуждал Никита Сергеевич, то почему же нельзя обеспечить людей мясом и молоком? Хрущев ждал, что партийные секретари откликнутся на его призыв. И не ошибся. Первым отозвался секретарь Рязанского обкома партии Алексей Николаевич Ларионов, которому Хрущев всегда симпатизировал. Ларионов не подвел Никиту Сергеевича.

На десятой областной партконференции 30 декабря 1958 года Ларионов произнес речь, которая прогремела на всю страну. Первый секретарь Рязанского обкома обещал увеличить производство мяса в два с половиной раза, а может быть, добавил Ларионов, и в три раза!

— Если будет необходимость, — говорил Алексей Ларионов, — надо пойти вплоть до того, чтобы для телят и ягнят занять помещения изб-читален, клубов и все, что мы можем занять для этой цели.

Рязанцы обещали продать государству в следующем году сто пятьдесят тысяч тонн мяса, то есть почти в четыре раза больше, чем в предыдущем. Обращение рязанцев было опубликовано во всех центральных газетах. Инициативу приветствовали и поддержали в ЦК.

Истинным любителем таких инициатив был Владимир Павлович Мыларщиков, который руководил сельскохозяйственным отделом ЦК по России. Мыларщиков был человеком без образования, так что представления о сельском хозяйстве у него были весьма примитивные. Но в двадцать с небольшим лет он стал директором машинно-тракторной станции. Перед войной его взяли на партийную работу. Он был секретарем одного из подмосковных райкомов, энергичного и сравнительно молодого человека приметил руководитель Московской области Хрущев и сделал в 1951 году секретарем столичного горкома.

Когда Никита Сергеевич стал первым руководителем партии, он поставил Владимира Мыларщикова во главе сельхозотдела ЦК и ввел в

состав бюро ЦК по РСФСР.

В июне 1957 года на пленуме ЦК Мыларщиков говорил:

— Мы с товарищем Маленковым в пятьдесят четвертом были в Новгороде. Это было на Троицу, в воскресенье. Зашли в одну деревню, шли пешком, проехать нельзя было. Пришли женщины босиком, плохо одетые, начали передавать через товарища Маленкова ЦК и правительству благодарность, что налог уменьшили. Как они говорили! Слезы из глаз готовы были брызнуть. Женщина сказала, что, бывало, фининспектор приедет, опишет всё — заревела и, больше ничего не сказав, ушла...

Хрущев ездил в Китай, а на обратном пути посетил Владивосток, Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре. Здесь ему люди прямо на улице и пожаловались: с хлебом и молочными продуктами плохо, жиров нет, коров держать невозможно, потому что и кормов нет.

В Советской Гавани ситуацию описал первый секретарь горкома Иван Павлович Николаенко:

— С хлебом проблем нет, мяса не хватает, овощей почти нет. Едим сухую картошку.

Его переспросили:

— Как «сухую»?

— Такую нам ее привозят. Варим и едим.

— Это сельхозотделу ЦК надо выдать, — не выдержал Хрущев. — Они там сидят, ни черта не знают, а люди сушеный картофель едят.

Несмотря на обещание Никиты Сергеевича навести порядок в поставках продовольствия, жителям Советской Гавани пришлось и дальше сидеть на сушеной картошке и яичном порошке. Хотя Мыларщиков, как тогда говорили, и снимал стружку с подчиненных.

«На местах, в областях его боялись больше, на мой взгляд, чем самого Хрущева, — рассказывал заместитель главы правительства Владимир Новиков. — Он крепко пил и «запивался», в пьяном виде требовал, чтобы его провожали с оркестром, выказывал прочие «чуждачества». Но он так умел доложить Хрущеву любой вопрос, что все знали: от его доклада зависит судьба всякого руководителя — усидит он на своем стуле или нет.

Помню приезд Мыларщикова в Ленинград. Тогда первый секретарь обкома, уже будучи кандидатом в члены президиума ЦК партии, делал тем не менее все, чтобы Владимир Павлович уехал «в настроении».

Владимир Мыларщиков был покровителем и организатором всех самых громких — и часто заведомо невыполнимых — идей, предлагавшихся Никите Сергеевичу. Два малообразованных человека, считавших себя большими специалистами в сельском хозяйстве, легко

попадались на удочку шарлатанам. Разница состояла в том, что Хрущев заблуждался. А Мыларщиков сам выдумывал такие грандиозные идеи, чтобы быть нужным хозяину. На местах его боялись и не смели перечить.

Хрущев сделал его депутатом Верховного Совета и кандидатом в члены ЦК. Но рязанская инициатива стала последней в биографии Владимира Мыларщикова. Хрущев в нем разочаровался. Говорят, ему постоянно докладывали о том, что заводилом злоупотребляет горячительными напитками. В июле 1959 года Хрущев снял его с должности и назначил директором специализированного треста картофеле-овощеводческих совхозов Московской области.

Но рязанская инициатива уже гремела по стране.

23 января на пленуме обкома обсуждали, как идет выращивание и откорм крупного рогатого скота, свиней, овец, птицы.

Ларионов заявил на пленуме:

— Есть такие люди, которые говорят, что это авантюризм, но что бы ни говорили, а молоко в области есть. А сейчас дело потруднее, чем молоко, но решить это дело можно... Тем, кто сомневается, надо разъяснять и давать отпор.

Хрущев был счастлив: значит, можно! У Хрущева и Ларионова было нечто общее: оба энергичные, моторные, заводные. Оба хотели многого достичь. Оба были хорошими ораторами, умели увлекать людей и заражать их своей уверенностью.

— Вы знаете, — говорил Ларионов, — в каком состоянии каждый из нас находится? Это музыкальный инструмент, струны до предела напряжены, малейшая неосторожность — струны лопнут. Но если их недотянешь — будут фальшивить.

Алексей Николаевич Ларионов родился в 1907 году в крестьянской семье в деревне Грибанихе Онежского уезда Архангельской губернии. С юных лет пошел по комсомольской линии.

В 1929 году Ларионова призвали в пограничные войска, но и в окружной школе младшего комсостава пограничной охраны сделали комсомольским секретарем. Хотел учиться и поступил на подготовительное отделение Института красной профессуры в Ленинграде, но его сразу назначили заместителем начальника политотдела по партийной работе машинно-тракторной станции в Крыжополь, в Винницкую область.

Потом два с половиной года все-таки дали поучиться, а в апреле 1938-го прямо из института отправили в Ярославль — сделали третьим секретарем обкома. Большая сталинская чистка открыла напористому и инициативному парработнику путь наверх. Через два года он — второй

секретарь, а еще через два — первый секретарь Ярославского обкома. На этом посту и проработал всю войну. Под руководством Ларионова начинал свою карьеру комсомолец Юрий Владимирович Андропов.

Осенью 1946-го Алексея Ларионова забрали в Москву — назначили заместителем начальника управления кадров ЦК партии и заведующим основным отделом — кадров партийных органов. Новая должность могла стать стартовой площадкой для быстрого взлета. Но Ларионов, не подозревая об этом, попал в жернова ожесточенной борьбы за власть.

Всеми кадровыми вопросами руководил Георгий Максимилианович Маленков, один из самых влиятельных людей в стране. Но в том же 1946-м он попал в опалу. Кадровые дела Сталин перепоручил другим людям. Новый секретарь ЦК Николай Семенович Патоличев возглавил управление по проверке кадров. Патоличев давно знал Ларионова и, видимо, рекомендовал его на работу в ЦК.

Ларионов стал заместителем Алексея Александровича Кузнецова, молодого ленинградца, который во время войны стал играть ключевую роль в аппарате ЦК. Кузнецова вождь сделал секретарем ЦК и начальником управления кадров. Но эта расстановка сил оказалась недолгой. Новички не смогли удержаться на своих местах. Уже через год Патоличева отправили на Украину. Алексея Кузнецова ждала худшая участь — его арестовали и расстреляли по «ленинградскому делу».

А Ларионова в ноябре 1948 года сделали первым секретарем в Рязани.

Рязанская область образовалась в 1937 году. Она отставала от соседей. Говорят, что однажды Сталин раздраженно заметил:

— До каких пор будем терпеть эту провальную яму под Москвой? Послать туда кадрового секретаря!

До Ларионова в области сменились три первых секретаря, и ни один ничего не добился, так что настроения скептические были. За год до Ларионова секретарем Рязанского обкома по кадрам сделали заведующего сектором из управления кадров ЦК Александра Ульяновича Петухова. Но его через несколько лет вернули в аппарат ЦК. А Ларионов так и остался в Рязани.

Назначение Алексей Николаевича не обрадовало, это было явным понижением. Он уходил в ЦК с такой же должности, но Ярославская область была больше и важнее Рязанской. Потом он понял, как ему повезло, что его так вовремя убрали из аппарата ЦК. Когда арестовали недавнего секретаря ЦК Алексея Кузнецова, Ларионову пришлось давать показания о совместной работе с врагом народа.

Два года, пока продолжалось «ленинградское дело», Ларионов висел

на волоске, тоже ждал ареста. Обошлось. Но вскоре разразилась новая гроза. Сталину положили на стол письмо, в котором говорилось, что в Рязани нет ни хлеба, ни молока, ни мяса: как же так? Товарищ Маленков на XIX съезде партии заявил, что зерновая проблема решена окончательно и бесповоротно, а в Рязани даже хлеба нет, не говоря уже о колбасе и масле?

Маленков поручил секретарю ЦК Аверкию Борисовичу Аристову проверить это заявление. Тот поехал в Рязань. Когда вернулся, Маленков поинтересовался:

— Как там дела? Перебои со снабжением?

— Нет, — доложил Аверкий Аристов, — какие там перебои! Просто нет хлеба в продаже, фонды им не выделили.

Маленков попросил Аристова составить на имя товарища Сталина докладную по результатам проверки.

Не успел Аристов составить докладную, как его пригласили к Сталину. Аверкий Борисович, излагая эту историю уже после смерти вождя, пояснил:

«Он вызывал нас, молодых секретарей, и только речи нам произносил, ничего конкретного мы тогда не делали. Там присутствовали товарищи Игнатов, Хрущев, Пегов, Михайлов и другие. Я не ошибаюсь, я помню хорошо, потому что мне это дорого обошлось».

Сталин среди прочего поинтересовался:

— Что там, в Рязани?

Секретари ЦК молчали.

— Кто был в Рязани? — спросил вождь.

Аристов поднялся:

— Я был в Рязани.

— Что там? Перебои?

— Нет, товарищ Сталин, не перебои, — ответил Аристов. — Там давно хлеба нет, масла нет, колбасы нет. В очередях сам стоял с Ларионовым с шести-семи утра, проверял. Нет хлеба нигде. Фонды проверял, они крайне малы.

Видимо, Маленков докладывал Сталину о ситуации в области иначе, в розовых красках. Не хотел огорчать вождя. Сталину слова Аристова не понравились. Он считал, что во всем виноват секретарь обкома партии:

— Что у нас за секретарь сидит в Рязани? Шляпа. Почему не сигнализировал нам? Снять его с работы! — рассвирепел Сталин.

Аристов все же успел вставить, что Ларионов не виноват, что такое положение с хлебом существует и в других городах. Аристова поддержал Хрущев, который не упустил случая подпортить репутацию Маленкова.

— Товарищ Сталин, наша Украина пшеничная, а пшеницы, белого хлеба в продаже не бывает, — сказал Хрущев. — Украинцы с болью говорят: прочитали доклад Маленкова, в котором сказано, что зерновая проблема решена, а нас суррогатом кормят. А украинцы привыкли белый хлеб кушать.

Сталин выслушал и распорядился:

— Дайте украинцам белый хлеб.

Он не знал, что в стране хлеба мало и давать нечего.

Потом было создано бюро Совета министров. За плохую организацию торговли в Рязани выговоры получили заместитель председателя правительства Анастас Иванович Микоян, министр торговли Василий Гаврилович Жаворонков.

Ларионов едва удержался в своем кресле. Несколько месяцев в Рязани работала группа чекистов из Министерства государственной безопасности, они искали следы контрреволюционной организации. В первую очередь чекистов интересовал вопрос: кто подговорил автора письма обратиться к Сталину? Эти люди сеют недоверие к партии и правительству, значит, они — враги советской власти.

Спасла Ларионова смерть вождя.

Когда Ларионова назначили в Рязань, многие рязанцы жили тем, что выращивали овощи и возили в столицу на продажу. По улицам еще коров гоняли. Из промышленных предприятий существовали только четыре завода — «Сельмаш», кожевенный, приборный и фабрика «Победа Октября».

Ларионов, осмотревшись в Рязани, сказал:

— Нам нужны специалисты, а кто приедет в город, где нет хорошего транспорта, жилья, институтов, театров? Если мы начнем строить заводы, открывать институты, будет с кого потянуть денежку.

Местный краевед Нина Булгакова, доктор исторических наук, профессор, отмечает, что при Ларионове за десять лет построили больше сорока промышленных предприятий, в том числе станкостроительный завод, завод тяжелого кузнечно-прессового оборудования. Дорога «Большое кольцо» связала районы области. В городе появились троллейбусы, набережная на реке Трубеж, новые жилые кварталы.

Знавшие Ларионова люди вспоминают, что энергичный первый секретарь умел разговаривать с людьми, вселять в них уверенность. Его даже обкомовские буфетчицы приходили послушать. Он был увлечен своими идеями, и это передавалось другим людям. Первых секретарей с таким сильным характером ни до него, ни после в Рязани не было.

Надежда Николаевна Чумакова в 1949 году была секретарем обкома комсомола. Вызвал ее Ларионов:

— Нам нужны новые люди. Мы будем развивать город. На месте речки Лыбедь пруд выроем, по нему лебеди будут плавать.

И предложил ей стать первым секретарем горкома.

Он начал благоустраивать город — скверы, набережную сделал, заложил лесопарк, где была свалка, реставрировал кремль, построил драматический театр, Дом политического просвещения, газифицировал город, реконструировал центральную площадь города, построил автомобильные дороги.

— При нем Рязань из города, еле-еле себя уважающего, превратилась в культурно-промышленный центр, — считает Надежда Чумакова. — Ларионов вдохнул жизнь в старую провинциальную Рязань.

Однажды первый секретарь обкома опоздал на комсомольскую конференцию, где его ждали, причину опоздания объяснил так:

— Я думаю, делегаты простят мне мое опоздание. Причина-то уважительная, особая! Мы отправляли наши станки на экспорт, за границу. Подумайте только, лапотная Рязань отправляет металлообрабатывающие станки за рубеж! На Запад! В Бельгию! Промышленно развитую страну!

Ларионов построил в Рязани радиотехнический институт, нефтеперерабатывающий завод. Многие в городе недоумевали: зачем он Рязани? А первый секретарь оказался прав. Завод дал не только рабочие места, но и тепло городу, большие отчисления в городской бюджет.

Павел Гавриков, в ту пору первый секретарь одного из райкомов, вспоминал, как к нему на актив приехал Ларионов.

На совещании председатель колхоза в Коровках Иван Васильевич Машеров обещал сдать хлеб за десять дней. Встал Ларионов:

— Иван Васильевич, могли бы не за десять, а за семь дней план по хлебозаготовкам выполнить? А мы бы заставили «Сельхозтехнику» продать вам грузовую машину.

Зал зашумел. Тогда в колхозах еще ни у кого не было грузовой машины.

Машеров недоверчиво переспросил:

— А не обманете? Мы не за семь, мы за пять дней сдадим. Только вы нам не одну, а две машины дайте.

В зале захохотали. Ларионов согласился:

— Хорошо. Договариваемся при всем честном народе.

— А нам? А нам можно? — раздались голоса.

Ларионов сказал:

— Я думаю, мы всем, кто сократит сроки поставок, поможем приобрести либо машину, либо другую технику. Хватит району в отстающих ходить.

Совещание закончилось. Первый секретарь райкома поехал провожать главу области. Когда отъехали подальше, Ларионов сказал водителю:

— Останови.

Вышли из машины. Ларионов сказал первому секретарю райкома:

— Здесь нас никто не услышит. Буду тебе вопросы задавать.

Гаврикову не по себе стало.

— Ты веришь, что план по хлебозаготовкам выполнишь?

— Верю, Алексей Николаевич.

— Ты понимаешь, что с тобой будет, если не выполнишь план?

— Снимут с работы?

— Не только. На бюро обкома исключат из партии. Понял?

— Понял.

План был выполнен. Гаврикова вызвали к Ларионову. Первый секретарь обкома пребывал в благодушном настроении:

— Поздравляю. Слово держишь.

Он вытащил из ящика письменного стола письма:

— Это жалобы на тебя. Твой уполномоченный по заготовкам писал. Возьми себе на память. Но с ним не связывайся. На бюро не тащи. Ты его за паникерство из партии исключишь, он начнет на тебя и на меня писать жалобы. Ты так сделай. Будешь подводить итоги — активистов похвали, а потом скажи: «А у нас малoverы были». И эту пачку писем покажи и на него посмотри.

Павел Гавриков так и сделал. Умелый был Ларионов человек по части аппаратных интриг. Но это умение его и подвело.

После смерти вождя Алексей Ларионов твердо ориентировался на Хрущева. В 1957 году Ларионов стал на защиту Никиты Сергеевича, когда старая гвардия — Молотов, Маленков, Каганович — попыталась снять Хрущева.

Никита Сергеевич ценил рязанского секретаря. В феврале 1957-го наградил Ларионова орденом Ленина «за высокие темпы роста производства продуктов животноводства и успешное выполнение принятых обязательств по производству и сдаче государству сельскохозяйственных продуктов».

В августе того же года Ларионов отмечал юбилей. Ждал еще одной награды. Не получив, огорчился. А 23 августа 1957 года в адрес Хрущева пошло письмо:

«Нам, группе первых секретарей райкомов Рязанской области, стало известно о том, что т. Ларионову Алексею Николаевичу 19 августа 1957 года исполнилось пятьдесят лет. Откровенно, по-партийному заявляем Вам, Никита Сергеевич, и думали, как это положено в нашей партии, по заслугам отметят эту дату коммуниста, который проработал более тридцати лет на комсомольской и партийной работе, из них более двадцати лет на партийной.

Известно, что Рязанская область длительное время была одной из отстающих в стране. Теперь же мы гордимся тем, что Рязань стала крупным подмосковным промышленным и культурным центром. В области серьезно двинуто вперед сельское хозяйство. В этом известную роль сыграла областная парторганизация под руководством т. Ларионова при повседневном Вашем внимании, Никита Сергеевич, к Рязанской области.

Мы с удовлетворением восприняли оценку ЦК партии и лично Вами, Никита Сергеевич, нашей работы в связи с награждением большой группы работников сельского хозяйства орденами и медалями. Это еще больше вселило в нас уверенность и подняло всех трудящихся области на борьбу за решение поставленной задачи партией в ближайшие годы догнать США по производству мяса, молока на душу населения.

Никита Сергеевич! Мы знаем, что за последние годы был награжден ряд секретарей обкомов, председателей облисполкомов и других работников за заслуги перед партией и государством в связи с юбилеем. Нам непонятно, почему не наградили руководителей Рязанской области.

В феврале с. г. исполнилось пятьдесят лет со дня рождения председателю облисполкома т. Бобкову И. В. В тот момент нам было сказано, что его юбилей совпал с награждением за достижения в животноводстве. В августе исполнилось пятьдесят лет т. Ларионову, но и он оказался не награжденным. В связи с этим просим Вас, Никита Сергеевич, лично Вашего вмешательства и решения положительно вопроса.

В связи с этим нам хотелось бы выдвинуть и другой вопрос на обсуждение ЦК КПСС: узаконить или ввести в практику, как это сделано с персональными пенсиями, награждение не только секретарей ЦК, обкомов, крайкомов, но и райкомов партии, проживших пятьдесят лет и проработавших длительное время на партийной и советской работе.

Если бы это было решено, нам кажется, послужило бы на пользу дела, на укрепление кадров партийных работников и роста их творческой активности».

Никита Сергеевич прислушался к мнению секретарей райкомов — дал

Ларионову еще один орден Ленина.

Обещав завалить страну мясом, Алексей Ларионов сделал Рязань всесоюзным маяком. В город приехал сам Хрущев, чтобы вручить области орден. Рязанцы собрались посмотреть на Никиту Сергеевича. Он ехал в открытой машине, рядом Ларионов, тоже совершенно лысый, только на голову выше. Все им аплодировали. Это было фантастическое событие для провинциального города, который вожди не баловали вниманием.

Пример Рязани показывал, что идеи Хрущева осуществимы. Вдохновленный подвигами Ларионова, Никита Сергеевич произнес перед рязанцами большую речь. Хрущев говорил, что Рязанская область все может сделать и еще способна увеличить производство картофеля, потому что картофель — пища и для королей, и для бедняков.

Дело было за малым — сдать государству три плана. Но за год поголовье скота не могло увеличиться в три раза.

Что же толкнуло Ларионова на эту авантюру? Это были времена, когда славу, успех, благоволение начальства приносили не столько реальные дела, сколько громкие почины и инициативы, стахановское движение, маяки пятилетки.

И Хрущев, и Ларионов пренебрежительно относились к образованию и образованным людям. Ларионов часто повторял слова Никиты Сергеевича:

— Школа дает только знания, а ум — от матери.

Ларионов не просто умел держать нос по ветру, он старался быть первым во всякого рода начинаниях. Когда Сталин в начале 1953 года устроил «дело врачей-убийц», Ларионов тоже первым проявил инициативу: доложил в ЦК, что ведущие рязанские хирурги убивают пациентов, и потребовал от областного управления госбезопасности арестовать врачей.

В Рязань отправилась комиссия во главе с будущим министром здравоохранения академиком Борисом Васильевичем Петровским. В обкоме Ларионов сообщил, как о деле выясненном, что вредительством занимаются четыре руководителя кафедр Рязанского мединститута — профессора В. А. Жмур, М. А. Егоров, Б. П. Кириллов и И. Л. Фраерман. Причем по инициативе обкома профессор Егоров уже арестован. На очереди остальные.

Борис Петровский побеседовал с рязанскими врачами, и у него возникло подозрение, что все четыре рязанских хирурга стали жертвой доноса, а доносчик — врач, который работал у каждого из этих профессоров и отовсюду был отчислен как плохой хирург. Потом он устроился в обкомовскую поликлинику, поближе к начальству, и, похоже,

стал сводить счета с обидчиками.

Две недели Петровский обследовал работу рязанских хирургов и пришел к выводу, что это прекрасные специалисты, которые работают в очень трудных условиях — нет медикаментов, инструментов, шовного материала. Опытный Петровский ввел вероятного жалобщика в состав комиссии, которая в полном составе подписала заключение.

Итоги работы комиссии рассматривались на бюро обкома. Оно началось в три часа ночи. Секретарь обкома Ларионов был крайне недоволен, услышав, что в действиях врачей отсутствует состав преступления, а городские власти, напротив, не проявляют внимания к медицине. Ларионов прервал Петровского:

— А вот у нас имеется другая информация. Мы знаем, что профессора Кириллов и Жмур плохо оперируют. Из-за них пострадала женщина — член партии, которая после плохо проведенной операции погибла от метастазов рака грудной железы.

Этот случай Петровскому был известен. Он сказал, что рак был очень запущен и печальный исход предотвратить было невозможно. Борис Васильевич попросил назвать фамилию врача, который информирует обком. Ларионов без желания назвал имя.

Тогда Петровский с возмущением произнес:

— Очевидно, вы не знаете, что этот врач был введен в состав нашей комиссии и подписал акт, который я только что огласил? Иначе как двурушничеством поведение этого, с позволения сказать, врача назвать нельзя.

Ларионов с угрозой в голосе сказал, что обком во всем разберется. Когда комиссия поехала в Москву на машине, водитель включил радиоприемник, и все слышали сообщение о болезни Сталина, о том, что состояние тяжелое, отсутствует сознание и наблюдается дыхание типа Чейна — Стокса. Водитель спросил, что означают эти симптомы?

Петровский объяснил:

— Это конец...

Алексей Ларионов, крестьянский сын, не мог не понимать, что законы биологии не позволяют за один год в несколько раз увеличить производство мяса, но это был верный путь навстречу.

Конечно, и в те времена люди вели себя по-разному. Один, получив команду, все поля засеивал кукурузой, которая на севере никогда не росла, и оставлял область без урожая. Другой сеял кукурузу только вдоль дорог, чтобы начальство успокоить, но докладывал, что все указания выполнил.

Особо рьяных исполнителей начальнических указаний высмеивали

популярные куплетисты Рудаков и Нечаев:

*Шел в Воронеж поезд с грузом
И свалился под откос.
Для уборки кукурузы
Кто-то рельсы все унес.*

«Умельцы» широко использовали принятое правительством Российской Федерации постановление о передержке скота. Постановление открывало дорогу для составления прекрасных отчетов о сдаче мяса государству — в отсутствие самого мяса.

«Заготовительным органам разрешалось давать квитанции о приемке скота, оставляя его в хозяйствах на доращивание, — вспоминал Геннадий Иванович Воронов, в ту пору первый секретарь Оренбургского обкома партии. — Проще говоря, если у меня был теленок весом в пятьдесят килограммов, я оформлял его как бы сдачу, получая при этом квитанцию и деньги за пятьдесят килограммов будто бы сданного мяса.

Дорастил его до ста килограммов — получил еще одну квитанцию и деньги еще за пятьдесят килограммов. Я хотел его дорастить, скажем, до трехсот килограммов, а он дотянул до ста пятидесяти — и сдох! В результате деньги у меня есть, квитанции о сдаче мяса тоже есть, нет пустяка — мяса.»

В августе 1959 года Рязанская область сдала пятьдесят с лишним тысяч тонн. Это и была реальная цифра. Где же взять остальное? Возникали разные идеи. Рязанским школьникам поручили разводить кроликов. Но кроликами план не выполнишь.

Хрущев помог Ларионову.

Никита Сергеевич считал, что общественное хозяйство в состоянии накормить всю страну, а личное подсобное хозяйство только отвлекает людей от полноценного труда. Специалисты предостерегали Хрущева от поспешных решений. Личное подсобное хозяйство давало крестьянам половину их дохода, больше половины овощей, мяса и молока (см.: Отечественная история. 2000. № 1).

Но Хрущев ничего не желал слышать. Ему не нравилось даже то, что колхозник имеет свое хозяйство, а когда этим занимались рабочие в совхозе или тем более горожане, то он считал это недопустимым отставанием, перечеркиванием марксистских идей. Зачем людям держать скот, если молоко и мясо есть в магазине?

20 августа 1958 года бюро ЦК КПСС по России приняло постановление «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках».

На декабрьском пленуме Хрущев потребовал сократить размеры приусадебных участков и количества скота в личном владении работников совхозов:

— Наличие больших приусадебных участков и скота в личной собственности стало серьезным препятствием на пути развития производства.

Многолетний помощник Хрущева по сельскому хозяйству Андрей Степанович Шевченко (он был членом-корреспондентом ВАСХНИЛ) отговаривал Никиту Сергеевича от этой идеи, но безуспешно. Приняли решение: совхозам в ближайшее время выкупить скот у своих рабочих и служащих.

Ларионов воспользовался хрущевской идеей. На пленуме Рязанского обкома решили закупить у населения не менее десяти-пятнадцати тысяч голов скота и сдать его государству.

А тут Никиту Сергеевича охватила новая идея. Мало того что люди занимаются своей коровой, вместо того чтобы работать на государство, они еще кормят скотину дешевым хлебом! Поднять цену на хлеб нельзя по политическим соображениям. Тогда летом 1959 года приняли закон, запрещающий тем, кто живет в городах и рабочих поселках, держать в личной собственности скот — коров, коз, свиней.

«В 1959 году, — рассказывал партийный работник из Новосибирска Александр Филатов, — в обкомы направляется «для обсуждения» проект указа о ликвидации скота у горожан. В то время его держали даже в Новосибирске. У нас тоже была корова. А как кормить семью с двумя малыми детьми, когда моя зарплата была девятьсот рублей?»

Тем самым Хрущев загубил подсобное хозяйство, которое кормило многие семьи, особенно в маленьких городах. Люди поначалу охотно продавали скот. Отдали корову — легче стало, не надо было спозаранку вставать ее доить. А потом из магазинов все исчезло — и мясо, и молоко. Пожалели, что без коровы остались. Но уже назад не вернешь. Большие города худо-бедно снабжали, а маленькие города попали в беду — остались без продовольствия.

Ларионов сразу понял, что новое хрущевское постановление открывает возможность сдать под видом государственных поставок скот, который фактически отбирали у населения. Зиновий Романов, который был в те годы заместителем управляющего Рязанской конторой Госбанка,

вспоминал:

— Ларионов позвонил и спросил, нельзя ли выделить деньги на закупку этого скота у населения, чтобы он пошел не на рынок и не под нож, а на пополнение ферм района.

Скот у людей скупали по низким ценам и сразу же сдавали государству. Потом выяснилось: на мясокомбинаты отправили значительную часть основного стада и молочных коров, под фиктивные расписки забирали скот у частных владельцев. Но всего мяса, собранного в области, оказалось недостаточно, чтобы рапортовать Москве. Тогда за деньги колхозов, взятые в банках в кредит, стали покупать скот в соседних областях.

К 10 октября сдали государству сто две тысячи тонн мяса, это уже было два плана. А хотели сдать три.

— Не выполнить план, — говорил на пленуме обкома Ларионов, — это престиж потерять, честь запятнать.

Тогда уже пошли на приписки. Скажем, область получила право часть заготовленного мяса продавать в магазинах. Но на прилавки оно не поступало. Его «продавали» колхозам и совхозам, а те вновь сдавали это мясо государству... Конечно же областные чиновники делали это с ведома первого секретаря, уверенные, что в случае чего он их и прикроет.

12 октября 1959 года Хрущев принял в своем кремлевском кабинете Ларионова, поздравил его с успехом. 15 октября Ларионов вновь был у Хрущева. Так часто первый секретарь ЦК КПСС ни одного другого местного партийного руководителя не принимал.

16 октября Никита Сергеевич устроил в Кремле прием в честь тружениц Рязанской области, награжденных различными орденами. Хрущев поздравил их с тем, что они сдали два плана. После такого приема — как было не оправдать надежд первого секретаря ЦК КПСС!

17 декабря комиссия доложила Рязанскому обкому, что область выполнила обязательства по производству мяса — сдали более ста пятидесяти тысяч тонн — в три раза больше, чем в предыдущем году.

Через десять дней Хрущев присвоил Ларионову звание Героя Социалистического Труда и пригласил в Москву министром сельского хозяйства. Ларионов обещал в следующем, 1960 году сдать четыре плана — двести тысяч тонн мяса.

На пленуме ЦК КПСС, проходившем с 22 по 25 декабря, Хрущев восхищался успехами рязанцев. В написанный для него доклад помощники включили отдельный раздел — «Чему учит пример тружеников Рязанской области».

Алексей Николаевич Ларионов, получив «Золотую Звезду» героя, писал сыну Валерию, который решил стать моряком:

«До сих пор я хожу, как в угаре. Первым в стране (секретарь обкома) я получил Героя, первым за сорок два года Советской власти. Не знаю, хватит сил или нет, но все отдам Родине, народу, Ленинской партии, до последней капли крови, до последнего вздоха.

Еще раз крепко обнимаю и целую тебя, Валерик.

Папа».

Старший брат Ларионова, Степан Николаевич, был в Архангельске видным большевиком. В семье рассказывали, что в ноябре 1918 года англичане и белогвардейцы расстреляли Степана во дворе тюрьмы.

Старшего Ларионова в семье никогда не забывали.

Алексей Николаевич писал сыну:

«Ты знаешь, что тринадцати лет я вступил в комсомол. Толчок — подвиг дяди Степы. Я дал клятву идти его путем и шел этим путем всю жизнь».

В июле шестидесятого в письме сыну вновь звучит напоминание о дяде-революционере:

«Валерий, милый, дорогой!

Прими от меня этот подарок — портрет дяди Степы как выражение самых лучших, дорогих чувств к тебе. Дядя Степа — для меня — призыв, знамя, идея — все, во имя чего я прожил жизнь. Я очень хочу и думаю, что это будет так: ты, сынок, с честью будешь идти по тому пути, по которому шли мы с дядей Степой.

Обнимаю, крепко целую.

Папа».

Госполитиздат в серии «Вопросы партийного строительства» уже выпустил брошюру Ларионова «Успех решает организаторская работа». Если бы не выяснилось, что мнимые три плана — это обман, Ларионов с почетом переместился бы в Москву и сделал большую карьеру.

Алексее Николаевичу не повезло. Он перестарался, в Москву потоком пошли возмущенные письма. В другой ситуации закрыли бы глаза. Но, видимо, нашлись люди, которые обо всем доложили Хрущеву, чтобы утопить опасного конкурента. Началось разбирательство, и быстро выяснилось, что план выполнен с помощью махинаций и приписок.

Слава оказалась мимолетной. В газетах еще славили подвиг рязанцев, ставили Ларионова в пример другим секретарям, а он отправил Хрущеву шифровку: просил освободить от должности и дать ему пенсию по инвалидности. Хрущев даже не ответил. Крушение рязанского

эксперимента Никита Сергеевич переживал, наверное, еще сильнее, чем сам Ларионов. Хрущев понял, что его надежда разом поднять животноводство и накормить людей неосуществима.

Первый секретарь Свердловского обкома Андрей Павлович Кириленко тоже откликнулся на призыв Хрущева поднять животноводство и пустил под нож немалую часть поголовья. Область, правда, осталась без скота. Но это вскрылось позже, когда Кириленко уже стал членом политбюро, и тут уж никто не смел пикнуть.

Нечто подобное творилось во многих областях. Крестьян заставляли добровольно-принудительно продавать скот, который тут же сдавали в счет поставок мяса государству. Самые ушлые скупали скот в соседних областях. Сливочное масло покупали в магазинах и везли на заготовительный пункт. Развращающий обман приобрел повсеместный характер.

«Нас, секретарей обкомов и председателей облисполкомов, по очереди вызывали «наверх», требуя, чтобы мы подписали обязательства в два, два с половиной раза повысить производство мяса, — вспоминал Геннадий Воронов. — Наша область взяла обязательства достаточно скромные, зато реально вполне выполнимые — 1,3 годового плана. Помню, как напирали на меня: «У тебя восемнадцать тысяч быков — это же девять тысяч тонн мяса, сдай! И вообще, кто же это в век ракет на быков рассчитывает?» — «Ладно, — говорю, — положим, сдам я этих быков на мясо. А на чем зимой сено на фермы возить буду? На ракетах?»»

А в Хабаровском крае первый секретарь Алексей Шитиков решил не отставать от рязанцев. Под его давлением председатель колхоза «Трудовая слава» Федор Ватутин сдал на заготовительный пункт всех свиней, кроме свиноматок, весь молодняк крупного рогатого скота — и тоже выполнил три плана.

Его хвалили на весь край и дали премию — отрез на костюм. А на следующий год колхоз и одного плана не смог выполнить...

Так долго не могло продолжаться. В 1960 году производство мяса упало. Хрущев был обескуражен. Он отправил очередную записку в президиум ЦК: «Если не принять необходимые меры, то мы можем скатиться к положению, которое у нас было в 1953 году».

Никита Сергеевич распорядился проверить слухи о том, что Ларионов пошел на аферу, надо «решительно осудить такие явления, когда некоторые работники совершенно безрассудно берут обязательства». Проверка шла долго. Итоговый документ подписал заместитель председателя бюро ЦК по РСФСР Аверкий Борисович Аристов. Его же Хрущев и «назначил»

виновным.

Пленум ЦК собрали в Большом Кремлевском дворце, куда пригласили партийно-хозяйственный актив со всей страны. На пленуме зачитали покаянное письмо Аристова.

«Сидел он здесь же, в зале, и молчал, — вспоминал прилетевший их Хабаровска Алексей Чёрный. — На нем, как говорится, лица не было. Я знал Аристова по его работе в крае. Это были два разных человека: волевой, принципиальный руководитель в Хабаровске и какой-то потерянный, придавленный обстоятельствами человек здесь».

Когда самого Хрущева отправят на пенсию, рязанскую историю поставят ему в вину. В октябре 1964 года на пленуме ЦК, на котором снимали Хрущева, Суслов выступал с главной обличительной речью. Он ко всему прочему сказал:

— Не вникнув в суть дела, товарищ Хрущев без всяких к тому оснований поднял на щит такое позорное дело, как рязанское. Вспомните, как он рекламировал опыт очковтирателя и авантюриста Ларионова, предлагавшего выполнить в течение года трехлетний план по заготовкам мяса. Подобным авантюристическим экспериментом был нанесен серьезный урон общественному животноводству колхозов и совхозов.

В бюро ЦК по РСФСР Ларионову стали подбирать замену. Он написал грустное письмо сыну, военному моряку:

«Сынок, я устал прежде всего физически, устал от нечеловеческого напряжения, от всех переживаний. А их было много. Двенадцать лет взяла Рязань. И каких лет? Самых цветущих. Рязань — подмосковная дыра, как назвал ее т. Сталин... Были очень, очень тяжелые случаи. Поток анонимок с клеветой. Кем только меня не представляли. И буржуем, и врагом, и контрреволюционером, и т. д.

Были и более сатанинские дела. Например, «Ленинградское дело». Ведь я работал в ЦК вместе с Кузнецовым, а он был объявлен заговорщиком. Два года, пока шло следствие, я изо дня в день ждал, что меня тоже арестуют».

В последний день, уходя из обкома, он почему-то оставил своему помощнику все личные документы, депутатское удостоверение, ордена. Словно знал, что это ему уже не пригодится.

Считается, что Ларионов пришел домой и, зная, что его ждет, застрелился. Личное оружие у него было.

Но бывший помощник Ларионова рассказывал по рязанскому радио, что, как только узнал о смерти первого секретаря, они с начальником областного управления госбезопасности открыли его сейф, все было на

месте, в том числе личное оружие.

— У нас, технических работников обкома, — рассказывала нашей съемочной группе Антонина Сачкова, которая в те годы работала в Рязанском обкоме, — разговор такой был, что он два плана выполнил честно, а ему повесили еще и третий. Третий план — это, конечно, только председателя сдавать на мясо. И у него не выдержало сердце. Сердечный приступ. Я сама печатала некролог, от сердечной недостаточности он умер.

Сохранилось «медицинское заключение о болезни и причине смерти секретаря Рязанского обкома КПСС тов. Ларионова Алексея Николаевича»:

«Тов. Ларионов Алексей Николаевич длительное время страдал гипертонической болезнью с общим атеросклерозом с преимущественным поражением коронарных сосудов сердца и аорты, с частыми обострениями заболевания в 1957, 1959 и 1960 годах.

С 13 по 17 сентября с. г. перенес грипп.

22 сентября в 21 час 05 минут внезапно наступила смерть при явлениях острой сердечно-сосудистой недостаточности.

Патологоанатомическое исследование тела показало наличие распространенного атеросклероза сосудов, множественные рубцы стенки левого желудочка сердца, отек мозга, отек легких, цианоз внутренних органов.

Причиной смерти явилась острая сердечно-сосудистая недостаточность.

Е. В. Литвина, зам. зав. облздравотделом

П. С. Бельский, главный врач областной больницы № 2

Н. А. Троицкий, профессор

И. Е. Мацуев, профессор

П. З. Котлярчук, областной патологоанатом, кандидат медицинских наук».

Сосед Ларионовых по дому Анатолий Миронов вспоминал:

— Мне его жена, Александра Васильевна, рассказывала. Он пришел домой, сел на диван. Не то внук, не то племянник — к нему на руки. Она говорит: «Леня, обед готов». Он: «Шура, как я устал». Когда она с кухни вернулась в комнату, он уже был мертв.

В «Приокской правде», органе обкома и горкома, областного и городского Совета депутатов трудящихся, от 24 сентября 1960 года (это была суббота) первая полоса была отдана под некролог и траурные сообщения:

«Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Президиум Верховного Совета СССР с глубоким прискорбием извещают,

что 22 сентября 1960 года после тяжелой болезни скончался товарищ Ларионов Алексей Николаевич — первый секретарь Рязанского обкома партии, член Центрального Комитета КПСС, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда».

Разанские газеты поместили некролог, подписанный местными чиновниками, в котором говорилось: на посту первого секретаря «проявил большие организаторские способности, был зачинателем многих славных дел рязанских коммунистов и всех трудящихся, добившись больших успехов в развитии экономики и культуры области...

А. Н. Ларионов был верным сыном Коммунистической партии, талантливым организатором и энергичным руководителем. Коммунисты и все трудящиеся Рязанской области навсегда сохраняют в своей памяти светлый образ Алексея Николаевича Ларионова — активного и стойкого борца за великое дело коммунизма».

Комиссия по организации похорон первого секретаря обкома информировала рязанцев:

«Гроб с телом А. Н. Ларионова установлен в большом зале Дома политического просвещения Рязанского обкома и горкома КПСС (ул. Ленина, 18). Доступ к гробу для прощания с покойным открыт: 24 сентября с 9 часов утра до 22 часов и 25 сентября с 9 до 12 часов дня.

Вынос покойного из Дома политического просвещения 25 сентября в 13 часов.

Похороны состоятся на Скорбященском кладбище».

— Хоронили — весь город пришел, не пройти было, — вспоминает Антонина Сачкова, которая при Ларионове работала в обкоме. — Венков больше сотни. Я тоже несла венок. Очень жалели о нем.

Ларионов жил в доме 53/а на улице Свободы. Это был партийный дом, там селили всех первых секретарей. Вдова Александра Васильевна после смерти мужа и младшего сына перебралась из четырехкомнатной квартиры в двухкомнатную.

О смерти Алексея Николаевича Ларионова в Рязани продолжают говорить и спорить по сей день. Первого секретаря поминают добрым словом — не было другого такого хозяина в городе.

Хрущев отменил пропуска в обкомы и министерства, и люди запросто приходили к начальству. Ларионова поджидали утром перед входом в обком, просили помочь с жильем или с работой, знали, что внимательно выслушает и обязательно поручит кому-то разобраться и помочь. Он был человек простой и доступный.

— Идешь на работу, ты внизу — он стоит наверху лестницы, —

вспоминает Антонина Сачкова. — Обязательно подождет, чтобы поздороваться. Я — простой человек, он руку подаст, спросит: как себя чувствуете? Как дома? Я знаю, что, например, в колхозах он каждую доярку знал по имени-отчеству, каждого скотника по имени-отчеству.

— Года два назад, — рассказывал Анатолий Миронов, сосед семьи Ларионовых, — на автовокзале столкнулся с человеком. Он ехал сестре картошку копать, я — матери. Разговорились. Он: Ларионова знаешь? Мать дояркой была. Он приезжал, надевал резиновые сапоги, шел в коровник и каждой доярке целовал руку. Вот человек был...

Нам не дано знать, что именно пережил этот человек в последние минуты своей жизни, о чем сожалел и кого винил. Теперь не так уж важно, как именно ушел из жизни знаменитый первый секретарь Рязани, кавалер «Золотой Звезды». Если он и не покончил с собой, то все равно совершил политическое самоубийство, когда решился на откровенную авантюру.

Впрочем, есть и другая точка зрения. Говорят, что у него не было выбора, что он сделал то, чего от него требовали в Кремле... Конечно, беда, если система власти устроена так, что выгоднее врать и придумывать. Но выбор все-таки есть всегда. Все сидели в этом классе. Почему же он захотел стать первым учеником?..

Самое же интересное состоит в том, что на Хрущева эта история, похоже, не произвела впечатления. Он счел рязанскую авантюру «извращением» и пребывал в уверенности, что сумеет догнать и перегнать Америку. В январе 1961 года, через четыре месяца после смерти Героя Социалистического Труда Алексея Ларионова, Хрущев выступал в Киеве на пленуме республиканского ЦК, то есть говорил не на публику, а обращался к высшей номенклатуре:

— Украина может не только досрочно выполнить семилетку по производству мяса, молока, но и быстро решить задачу — догнать США по производству продуктов животноводства на душу населения. Некоторые могут сказать, черт его знает, Хрущева, положение у нас сейчас, тут бы быть живу, а не жиру, а он нам начинает голову морочить — догнать Америку. Да, товарищи, догнать. Не только догоним, но и перегоним.

Никита Сергеевич отвлекся от написанного текста и объяснил украинскому ЦК, почему он так уверен в победе над американцами:

— Наши учебные заведения выпускают в три раза больше инженеров, чем в Соединенных Штатах Америки, а известно, у кого знания, у кого наука, у того будущее. Мы сейчас интернаты начали строить. Недалеко то время, когда мы будем богаты и всех детишек возьмем в интернаты. А это не только обучение грамоте, это воспитание, это влияние на души, чтобы

удержать от дурных влияний с тем, чтобы создать ему наилучшие возможности, с тем, чтобы воспитать из него настоящего человека, о котором говорил Горький.

Зал бурно зааплодировал, хотя едва ли члены ЦК хотели, чтобы их собственных детей поголовно забирали в интернаты для воспитания из них людей будущего. Возбужденный своими планами Хрущев продолжал:

— Американцев беспокоит один вопрос — когда? Я им отвечал: можете себе в блокнотик записать — в 1970 году мы вас догоним (бурные аплодисменты) и пойдем дальше, а в 1980 году в два раза будем больше производить, чем производит Америка. (Бурные аплодисменты.)

Через несколько месяцев после этой речи Твардовский побывал в Ярославле. Записал в дневнике:

«Пустые магазины и рынки, уныние на женских (да и на мужских) лицах. Два сорта рыбных консервов. Безрыбная Волга.»

ГЛАВНЫЙ КОНТРОЛЕР СТРАНЫ

Шелепину в роли председателя КГБ пришлось заниматься рязанской историей и выяснением причин смерти первого секретаря обкома. Теперь ему предстояло предотвратить повторение подобных авантюр.

Структура Комитета партийно-государственного контроля дублировала правительство и аппарат ЦК. Комитет мог самостоятельно проводить расследования, наказывать провинившихся и передавать дела в прокуратуру и суд. Говорят, что таким широким полномочиям противились первые заместители председателя Совета министров Алексей Косыгин и Анастас Микоян, понимая, что создание нового комитета существенно ослабляет власть правительства.

Хрущев хотел, чтобы ведомство партийно-государственного контроля превратилось в разветвленную структуру, параллельную партийному аппарату. Причем эта структура в силу двойного подчинения — и правительству, и ЦК партии — выходила из-под контроля аппарата. Фактически новый комитет подчинялся только одному Никите Сергеевичу.

Внутрипартийная инквизиция сохранялась в форме партийной комиссии при ЦК КПСС с урезанными полномочиями. Председателем комиссии остался неизменный Шверник, его первым заместителем сделали Зиновия Тимофеевича Сердюка, недавнего первого секретаря ЦК компартии Молдавии.

Прямо на пленуме, 23 ноября 1962 года, секретарь ЦК Шелепин был утвержден председателем Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совмина. В тот же день Хрущев заодно сделал Александра Николаевича и заместителем главы правительства, объяснив:

— Ему надо будет иметь дело с министрами, с государственными органами, и надо, чтобы он имел необходимые полномочия.

Такой набор должностей сделал Шелепина одним из самых влиятельных в стране людей. Некоторые историки даже делают вывод, что реальная власть в стране постепенно переходила от Хрущева к Шелепину. На местах руководитель областного комитета партгосконтроля автоматически избирался секретарем обкома и заместителем председателя облисполкома. Тем самым контролеры обретали независимость от местных органов.

Через несколько дней после пленума, 27 ноября, было принято формальное решение образовать Комитет партгосконтроля, а еще через

день, на заседании президиума ЦК, возник вопрос о статусе комитета и о материальном положении его сотрудников.

— Мы разговаривали с Шелепиным, — сказал Хрущев, — были разные варианты организационной структуры этих органов, и мы договорились, что партийно-государственные органы должны создаваться однообразно и в Союзе, и в республиках, и в областях. Надо, видимо, иметь секретаря обкома и в том, и в другом обкоме и, видимо, заместителя или начальника отдела советско-партийного контроля. А уже в производственном управлении будет уполномоченный, тоже с группой или один — это платные.

Хрущев ликвидировал сельские райкомы, аппарат на селе был представлен парткомами производственных управлений.

Никита Сергеевич посмотрел на Шелепина:

— А главным образом, будут привлечены люди на общественных началах. Важно больше привлекать общественность и поменьше создавать платный аппарат. Помню, раньше существовали рабочие кооперативы, в которых дежурили члены правления. Дежурство было ежедневным в течение всех часов работы кооператива. Работала и ревизионная комиссия, которая в конце месяца снимала остатки, взвешивала весь товар, подсчитывала. Контроль был строго налажен. В шестнадцатом году, перед революцией, я был не то членом правления, не то членом ревизионной комиссии на руднике и знаю, какое это колготное дело.

Секретарь ЦК Фрол Козлов, занимавшийся партийными кадрами, предложил:

— Секретари получают заработную плату в обкоме партии, а весь аппарат будут содержать советские органы, чтобы не брать аппарат на партийный бюджет.

Шелепин возразил:

— По материальному и правовому положению сотрудников исполкомов надо приравнять к работникам партийных органов, а обеспечение пусть идет по советскому бюджету, а то получается большая разница. Инструктор обкома партии зарплату получает в два раза больше инструктора облисполкома. Мы бы просили по зарплате приравнять к партийному аппарату.

Хрущев недовольно буркнул:

— Вы подходите с меркой — лучше там, где больше платят. Это важный показатель, но не главный.

— Мне трудно быть ведомственным, — отверг обвинение Шелепин, — потому что ничего еще нет.

— Не будем сейчас решать, — сказал Хрущев, — давайте подсчитаем и посмотрим. Видимо, то, что вы предлагаете, не подойдет. Если мы будем проводить по бюджету советских органов, то сразу бросится в глаза, что ставки разные. Это не годится.

— Я подсчитал, что положено на содержание этого аппарата, — начал Шелепин.

Но Хрущев не дал ему договорить:

— Вряд ли будет правильным становиться на такую позицию. Зачем нам показывать, что партия имеет большой бюджет? Может быть, аппарату госконтроля установить особые ставки?

— Правильно, — поддержал его Козлов.

— Пусть представят разработанные и обоснованные предложения, — подал голос Косыгин, — и тогда рассмотрим.

— Механически переносить на партийный бюджет не следует, — гнул свое Козлов, защищая свою кассу и не желая повышать статус подчиненных Шелепина.

— Да, это будет пахнуть конвертами, — согласился Никита Сергеевич.

При Сталине всему высшему чиновничеству тайно выдавали вторую зарплату (иногда большую, чем официальная) — в конвертах, с которой не платились не только налоги, но и партийные взносы. Хрущев покончил с этой практикой.

— Вывести их из общей сетки, — предложил Косыгин, — чтобы заработная плата была выше. Это нужно для того, чтобы привлечь квалифицированные кадры.

— Да, они же будут заниматься и ревизией, — согласился Хрущев, — так что им нужно создать материальную независимость.

— Они должны получать не больше, чем инструктор обкома, — сказал Шелепин, чтобы Козлов и другие не думали, будто в новой структуре люди будут получать больше, чем в партийном аппарате.

Комиссия в составе Козлова, Брежнева, Микояна, Косыгина, Воронова, Суслова и Шелепина была создана для рассмотрения проектов структуры и штатов Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета министров, а также положения о комитете.

Отделы и сектора комитета соответствовали структуре аппарата ЦК партии. Работа у Шелепина в комитете считалась престижной, на роль начальников отделов и их заместителей брали первых секретарей обкомов. Номенклатура должностей тоже соответствовала цековской — инспектор, заведующий сектором, заместитель заведующего отделом, заводделом. В

центральной аппарате работало примерно четыреста пятьдесят человек, значительно больше, чем предполагал Хрущев, но меньше, чем в каком-нибудь союзном министерстве.

Договорились, что в зарплате и обеспечении различными номенклатурными благами сотрудников комитета приравняют к аппарату ЦК партии, то есть заведующие секторами, заведующие отделами и их заместители, работающие у Шелепина, получают то же, что и их коллеги на Старой площади. А инспекторам Комитета партгосконтроля зарплату положили даже на пятьдесят рублей больше, чем инструкторам ЦК КПСС.

Первым заместителем Шелепина в комитете стал Иосиф Васильевич Шикин, профессиональный военный политработник. В звании бригадного комиссара он был членом военного совета Северного фронта, начальником политуправления Ленинградского и Волховского фронтов. В июле 1942-го его утвердили заместителем начальника Главного политуправления Красной армии, летом 1945-го назначили членом военного совета Главного командования советскими войсками на Дальнем Востоке. Но вдали от Москвы он пробыл недолго.

В том же году Шикин получил погоны генерал-полковника и был назначен начальником ГлавПУРа. Это были тяжелые годы для армии, когда командные кадры, особенно связанные с маршалом Жуковым, подверглись репрессиям. Генерал Шикин сыграл в этом не последнюю роль. Его называли одним из гонителей Жукова. Генерал Шикин участвовал в заседании Высшего военного совета 1 июня 1946 года, когда по предложению Сталина Жукова сняли с должности главнокомандующего сухопутными войсками и решили «вопрос о т. Жукове передать для дальнейшего рассмотрения в партийном порядке в партколлегию ЦК ВКП(б)».

В 1949 году Шикина убрали из ГлавПУРа и сделали начальником Военно-политической академии имени В. И. Ленина. В вооруженных силах перевод в академию обычно означает первый шаг к пенсии. Но Шикина, напротив, из академии взяли в аппарат ЦК. Задачи были те же — контролировать кадры. Он быстро вырос в должности — инспектор, заместитель заведующего, первый заместитель заведующего отделом партийных органов ЦК по союзным республикам. Пока Александр Николаевич Шелепин заведовал отделом, Шикин был у него заместителем.

В 1961 году, в период резкого ухудшения отношений с Албанией, Хрущев командировал Иосифа Шикина послом в Тирану. Но отношения между двумя странами прервались, посольство было отозвано. Тогда Шелепин взял его первым замом — уже в новый комитет.

Простым заместителем председателя Комитета партийно-государственного контроля назначили Павла Васильевича Кованова, который сделал карьеру по идеологической линии. С военных лет работал в отделе пропаганды ЦК, курировал всесоюзное радио. С должности заместителя заведующего агитпропом его отправили вторым секретарем ЦК в Грузию вести воспитательную работу после студенческих волнений в марте 1956 года.

Еще одним своим заместителем Шелепин сделал старого товарища по комсомолу — Владимира Ивановича Залужного, который с 1953 года был секретарем ЦК комсомола, курировал отдел рабочей молодежи и управление делами. Он ушел из комсомола одновременно с Шелепиным в апреле 1958-го и тоже в аппарат ЦК партии, но на меньшую должность — инспектором. Два года Владимир Залужный был вторым секретарем Кемеровского обкома и охотно принял предложение Александра Николаевича опять поработать вместе.

Бывший председатель расформированной Комиссии советского контроля при правительстве Георгий Васильевич Енютин без работы не остался. Его утвердили председателем Комитета партийно-государственного контроля Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета министров России. Членом ЦК партии он уже был, его назначили дополнительно заместителем председателя Совмина РСФСР.

Первым заместителем у него стал еще один опальный чиновник Виктор Михайлович Чураев, который после войны был первым секретарем Харьковского обкома, потом работал в аппарате ЦК. Он в 1959 году сменил Семичастного на посту заведующего отделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам. Но Хрущев переменял свое отношение к нему, и Чураева сослали в российский комитет партгосконтроля. И на этой должности Виктор Чураев оставался очень влиятельным человеком, секретари обкомов его смертельно боялись.

У него был один недостаток — пристрастие к горячительным напиткам. Рассказывают, что его жена корила мужа:

— Если бы ты не пил, твои бы портреты носили на демонстрациях.

Комитет партийно-государственного контроля разместился в здании на Ильинке, где после перестройки находился Конституционный суд. Создание Комитета партгосконтроля было представлено как важнейшее событие в жизни страны. Идеологический аппарат организовал всенародный отклик. Целая группа писателей отправила Шелепину письмо, поддерживая создание «подлинно всенародного контроля, уничтоженного в период культа личности Сталина»:

«В годы деятельности ЦКК — РКИ рядом с миллионами добровольных контролеров активно работали советские писатели... Мы считаем себя наследниками этой драгоценной традиции и готовы принять участие в работе комитета».

Письмо, опубликованное 5 декабря 1962 года в «Литературной газете», подписали очень знаменитые прозаики и поэты.

Бывший первый секретарь Калининского обкома комсомола Алексей Николаевич Лукьянов, учась в Академии общественных наук при ЦК КПСС, защитил диссертацию на тему «Партийно-государственный контроль в промышленности».

За полгода комитеты были созданы во всех республиках, краях и областях, городах, что действительно сделало Шелепина важнейшей фигурой в стране. Он выдвигал на руководящие должности людей, которых знал. Например, председателем Комитета партийно-государственного контроля Латвии стал Эльмар Карлович Беман, еще один бывший секретарь ЦК ВЛКСМ, курировавший отдел спортивно-массовой работы. Его сразу же избрали секретарем ЦК компартии республики и заместителем председателя Совмина Латвии.

20 декабря 1962 года на заседании президиума ЦК приняли постановление о реорганизации партийного аппарата. В нем записали:

«Во вновь образуемых промышленных и сельских крайкомах и обкомах партии должно быть, как правило, четыре секретаря, один из которых является заведующим идеологическим отделом, а другой — председателем партийно-государственного контроля».

Местные аппараты были небольшими — десять-пятнадцать человек. В городках и районах назначался один только председатель Комитета партгосконтроля. Но он работал с группами, создаваемыми на общественных началах. Поэтому у представителей комитета власть была большая. И директора, и партийные секретари вынуждены были с ними считаться.

Итоги проверок докладывались на заседании комитета. В состав союзного комитета вошли секретарь ВЦСПС, секретарь ЦК ВЛКСМ, который руководил отделом «Комсомольского прожектора», заместители главного редактора «Правды» и «Известий» — они выпускали тематические полосы в своих газетах. Обязательно вызывали руководителей правительства, министров.

Комитет партийно-государственного контроля мог отстранить от работы любого человека своим решением или внести такое предложение в ЦК КПСС, если речь шла о номенклатурном работнике. Менее

провинившихся работников штрафовали — на два-три оклада, это было и позорно, и накладно. Но главное — требовали от министерств и ведомств немедленно исправить выявленные недостатки. Министры не смели перечить Шелепину.

29 ноября 1962 года на президиуме ЦК рассматривали вопрос «О реализации решений ноябрьского пленума ЦК КПСС».

Взял слово Шелепин:

— Очень много вопросов возникает, которые связаны и с качеством продукции. У нас по многим показателям система планирования устарела, и особенно на предприятиях легкой промышленности. Вот сейчас у нас, например, швейных изделий на три миллиарда рублей лежит на складах, не берут, потому что устарели фасоны, не годятся. Об этом много говорили в газетах «Правда», «Известия». Там все идет по валу: ботинки, например, не по фасону, а по весу, если подметка тяжелая сделана, значит, предприятию лучше. Я не знаю, какой подход найти. Это очень большой и сложный вопрос. Я его ставлю в порядке постановки. Может быть, надо ряд комиссий создать, может быть, Госплану поручить, чтобы они подумали и внесли свои предложения, потому что это связано и с качеством продукции, но изменения тут надо внести. Как конкретно, я сейчас не знаю, что предложить...

Руководители великой державы не знали, как наладить производство приличной обуви. Единственное предложение — создать множество комиссий, которые, может быть, что-то придумают... Никита Сергеевич Хрущев, как обычно, поделился дореволюционным опытом:

— В старое доброе время частник — а за границей сейчас каждый магазин — объявлял, бывало, весной, когда переходили на летнюю форму, распродажу остатков зимних товаров. Потому что, во-первых, хранить ему было невыгодно, а во-вторых, устаревал фасон. И тогда со скидкой продавал. И он выручал деньги, которые пускал в оборот. А иначе они полгода лежали бы мертвым капиталом. Это торговцы, капиталисты хорошо усвоили, а наши бюрократы этого не знают, поэтому кончился сезон — валенки на склад и лежат там, а их моль бьет. Это, товарищи, дело местных партийных организаций. Надо, товарищи, заниматься торговлей. Ленин говорил, надо учиться торговать.

Хрущева все чаще тянуло на воспоминания. С одной стороны, это естественно для человека в возрасте. С другой — он инстинктивно сравнивал происходящее с прошлым и не мог понять, почему сейчас не удастся то, что так легко получалось раньше.

— Я работал в Бауманском районе секретарем райкома, — рассказывал

Никита Сергеевич. — Там есть швейная фабрика, раньше называлась имени Клары Цеткин, наверное, и сейчас так. И вот Бауманский район, совнархоз и должен собрать конференцию жителей. Что они производят, какие фасоны — вот надо выставить и начинать производить. Устаревшее, то, что залежалось, надо с уценкой продавать, только с уценкой, потому что в этом году с уценкой не продашь, на следующий год большую уценку дашь или выбросишь. Я помню, бывало, мать ходила, объявляли продажу остатков с уценкой. На платье надо четыре аршина, а там два аршина, в магазине ему не место, и немножко дешевле продавали. И покупали люди, которые экономно жили, не имели денег. Так же и с обувью. Один покупает нового фасона, а другой покупает на полтинник дешевле старого фасона. Он сам понимает, что старый фасон, но говорит: на работу купил. У нас все это обюрократили. И тут никакая инструкция не поможет, тут надо браться за дело.

9 января 1963 года на президиуме ЦК Хрущев опять держал речь об изменении структуры управления народным хозяйством. Заодно сообщил, что уезжает на съезд Социалистической единой партии Германии в Восточный Берлин, сказал:

— На время моего отъезда товарищ Козлов будет вести вопросы, так?

Все согласились.

— Хорошо. — Хрущев пребывал в хорошем настроении. — Никто другой не покушается?

— Нет, — сказал Микоян.

— Почему ты все первый говоришь?

В зале засмеялись.

Хрущев продолжал в том же духе:

— Я был в Туркмении, сегодня мне Малин счет показал. Они пишут в счете, что дали мне какую-то тужурку или жакет. Я жакета не получал (смех в зале). Тут же цену указывают. Затем они пишут: ковер с портретом Хрущева стоит столько-то (смех), конь стоит столько-то плюс расходы на транспортировку коня, обеды стоят столько-то. Оформлено все чин чинном. Это возмутительно! Так что имейте в виду, когда пригласят вас на обед, скажите — лучше сам привезу, дешевле будет стоять (смех), а на обед съел то, что мне на год хватит. Я говорю, счет счетом, хорошо, я буду отрабатывать, но не мог съесть на такую сумму. Конь — на конном заводе, он мне не нужен. И на сотню рублей медикаментов! (Смех.) Я не болел и никаких медикаментов не ел, а счет мне прислали. (Смех.) Был обед для парламентской индийской делегации, это тоже на мой счет. Я говорю, я с ними не обедал, я только их принимал, но не угощал.

— А они там обедали, — уточнил Фрол Козлов.

— У меня не обедали. Они в Туркмении обедали — и за мой счет. После войны товарищ Гречуха — был такой украинский президент, — напомнил Никита Сергеевич, — поехал в Черновцы и там обнаружил счет на две или три бочки пива, как будто он выпил. А у него язва желудка, он, кроме воды, ничего пить не может... Я теперь, куда приеду, скажу — обедать буду один. Отдельный обед и отдельный счет. Мясо мне запрещено есть, а там я съел столько, что и за год не съем...

Упомянутый Хрущевым Михаил Сергеевич Гречуха после войны был председателем президиума Верховного Совета Украины, потом его переместили на пост первого заместителя главы республиканского правительства.

Несмотря на трудное продовольственное положение страны, начальники принимали друг друга с невиданной роскошью. Помощник первого секретаря ЦК компартии Белоруссии Кирилл Мазуров вспоминал, как они с шефом приехали к соседям, в Киев:

«Когда перед ужином заглянул в столовую, у меня помутилось в глазах. Стол был раскинут персон на двадцать. От края до края сплошной лентой стояли бутылки всех размеров, форм и расцветок засургученные и сверкающие серебром и золотом. А вокруг закуски, сплоченные так, что и палец меж ними не вставишь. Сверкающий хрусталь, крахмальные салфетки, горы фруктов, кроваво-красные ломти арбузов...»

Хрущев чувствовал себя прекрасно, был полон сил. На пленуме ЦК в феврале 1963 года произнес пятичасовую речь о сельском хозяйстве. Говорил легко, без натуги:

— Тут предлагали в деревнях строить пятиэтажные дома с лифтами. Этого мы не можем, рано еще. Я предлагаю старых и больных селить на нижние этажи, а на пятый этаж — молодежь, холостых, пусть женятся, а потом, если надо будет, улучшать. Вниз селить. Да я и сейчас на пятый этаж готов с молодежью соревноваться...

10 сентября 1963 года на президиуме ЦК обсуждали вопрос «О лучшем использовании минеральных удобрений».

Хрущев завел речь о предложении секретаря ЦК Подгорного и заместителя председателя Совета министров Полянского поднять цены на картофель. И его сразу потянуло на воспоминания:

— Я помню детство, мы буквально на картошке выезжали. Брали картофелину, пекли или засыпали немного мукой, чтобы связать эту тертую картошку. У нас большинство людей уезжали на шахты, в Петербург, Одессу, Ялту, бежали, кто куда мог, потому что прокормиться не могли

жители. Те, которые оставались, только картошкой спасались. Картошка прекрасно родила. Донбасс жил за счет картошки курской и орловской. Я помню, когда мы с отцом в Донбассе работали, эту картошку ели, чудесная картошка.

В его устах свойственная немолодым людям ностальгия по ушедшей юности приобретала политический характер. Он, наверное, и сам не замечал, что из его собственных слов неоспоримо следовало: раньше было лучше, в царские времена рабочему человеку жилось легче, чем при социализме.

— Почему же сейчас картошки нет? — задавался вопросом Хрущев. — Потому что не стали удобрять. Минеральных удобрений тогда не было, был навоз. Правда, сейчас у нас, конечно, выросло потребление картошки. Следовательно, нам надо как-то поднять производство. Мы решение приняли, а картошки нет. Товарищи, картошка-то этого не понимает. Как Подгорный рассказывал, у них один егерь, который организовывал охоту, говорил Кириченко, когда тот ругался, что на него зверь не идет: зверь же дикий, он бежит куда хочет, а не на первого секретаря (веселое оживление в зале). Как и картошка, она же решения ЦК не понимает, ей надо условия создать, тогда она будет расти. Вот смотрите, я беседовал с рабочими. Они говорят: лука нет, цингой болеем. Ну, как это может быть, чтобы лука не было? Шпинат. Вот, говорят, стоит десять копеек по старым ценам, и теперь тоже десять копеек. Или там сельдерей. Что это? Мелочь. Я же помню, в Донбассе болгары снабжали. Бывало, у болгарина мать или жена покупают картошку, так он сельдерей пучок бесплатно дает, потому что это мелочь. Это вот, говорит, мое, бери. А у нас цены выросли на эту дребедень в десять раз. Ну что за позор! Так что мы будем теперь приучать людей, что коммунизм, и вы кушайте суп без сельдерей, без петрушки, без укропа?! Социализм есть, а укропа нет, картошки нет и прочего нет...

Когда-то Хрущев легко находил объяснение — и виновных. В январе 1938 года Сталин перевел его в Киев первым секретарем республиканского ЦК. В июне Никита Сергеевич проводил съезд компартии Украины и заговорил о продовольственном снабжении:

— Перебои с овощами — результат вражеской работы, потому что разве можно допустить, чтобы на Украине не было капусты или огурцов. Ну, кто может поверить, чтобы Украина была без капусты, была без огурцов, была без картошки. Это вообще не укладывается в голове. Когда нам сдавали в ЦК КП(б)У дела, мы спросили старое руководство — как же можно объяснить перебои с овощами — они вместо ответа вертелись, как все равно карась на горячей сковородке, потому что объяснить это

безобразие ничем нельзя. Это только лишь вражеская работа может довести до такого состояния дело с овощами.

Четверть века спустя Никита Сергеевич не мог свалить вину за отсутствие продуктов на мифических врагов народа. Тем более что тех, кого он в 1938-м уверенно называл врагами, сам уже и реабилитировал. В определенном смысле он пребывал в растерянности, не понимал, почему в Советском Союзе нет того, что в изобилии в других странах.

Побывав за границей, Хрущев всякий раз возвращался пораженный увиденным. На сей раз он заговорил о том, что югославские животноводы экономнее советских, у них на откорм свиней уходит втрое меньше кормов.

— Вот я был на Украине месяца два назад вместе с Подгорным. Он говорит: откармливаем до ста тридцати килограммов, потому что тогда сало в ладонь. Кто это сало в ладонь ест? И украинцы не едят. Это старое понятие о сале. А вы посмотрите, что значит в ладонь сало получить, сколько надо свинью откармливать, сколько ее надо содержать! В два раза больше, чем если откармливать этого поросенка до веса девяносто килограммов, то есть на бекон. Весь капиталистический мир откармливает свиней только на бекон, потому что это самое выгодное, и я бы сказал, само приятное для потребления. Вот я спорил с Подгорным, он не согласился. Говорит, ты уже оторвался от Украины, а мы тут настоящие, щирые украинцы. Так это растратчики народного богатства! Если бы они были фермерами, они бы пролетели в трубу со своей системой. Я правильно говорю, товарищ Подгорный?

— В основном, — осторожно ответил Подгорный.

В зале веселое оживление.

— А мне больше и не надо, — сказал Хрущев, — я на большее не претендую.

В зале опять заулыбались. Но Никита Сергеевич был настроен отнюдь не благодушно:

— Вот вам, товарищи. Если Подгорный так мыслит, так он же не последний человек в нашей партии. А сколько у нас таких Подгорных? Миллионы.

— Никита Сергеевич, вы мне приписываете, такого не было, — оправдывался Подгорный.

— Да когда американский фермер Гарст приехал и узнал о ста тридцати килограммах, он возмутился и сказал, что будет в ЦК жаловаться Хрущеву.

Новый взрыв смеха.

— Это он насчет минеральных удобрений сказал, что будет жаловаться

Хрущеву, — поправил его Подгорный.

— И по свиньям, — стоял на своем Никита Сергеевич.

— А по свиньям, когда ему сказали, он сказал: правильно, — продолжал Подгорный. — Потому что иначе колбасы без сала не сделаешь.

— Я не думаю, что он мог это сказать, — ответил Хрущев. — Вряд ли кто из американцев захочет заплатить больше за то, что сало толще, потому что все хотят купить, чтобы меньше было жира и больше мяса. И вы сами, когда сырое сало едите, так говорите: мне «с пид черевка». А это как раз от живота и там сало самое тонкое. Верно?

— Верно, — наконец согласился Подгорный.

Хрущев закончил довольно угрожающе:

— Надо сейчас людей, которые у нас в руководстве, обучить, кто не знает, а кто не хочет учиться, их надо заменять. Другого выхода нет.

Памятуя о Новочеркасске, он высказался против повышения цен:

— Товарищи, покамест мы будем по-дурацки поднимать цены на продукты сельского хозяйства, но не будем заниматься организацией труда и зарплатой, никакие деньги нас не выручат. Вы, как в бочку бездонную, будете бросать деньги. Вот смотрите, мы подняли цены на мясо. Ну и что, выросло мясо? Почему? Да порядок остался тот же. Как были убыточные хозяйства, как были идиоты директора совхозов, так они и остались на месте. Следовательно, мы только подняли честь его. Тогда убытки его били, поэтому был виден дурак и умный. А теперь мы дали дураку государственную дотацию в виде поднятия цен, поэтому он вышел в умные. Но он прибавки не дал.

Весной 1963 года комитет Шелепина получил право проверять деятельность силовых органов — КГБ, МВД и вооруженных сил. Это создавало ему совершенно особое положение в системе власти.

Никита Сергеевич использовал Шелепина как дубинку в отношениях с другими руководителями страны. Симпатий Шелепину со стороны товарищей это не прибавляло.

23 декабря 1963 года на президиуме Хрущев отчитывал своих подручных. Досталось и заместителю главы правительства Дмитрию Полянскому. Хрущев заговорил об оплате труда в сельском хозяйстве и обрушился на Полянского:

— Товарищ Полянский, я с вами не согласен. Это несогласие складывается в какую-то линию. Вы берете на себя смелую задачу защиты вопроса, которого вы не знаете. В этом тоже ваша смелость. Но это не ободряет ни меня, ни других. Я полагаться в этих вопросах на вас очень затрудняюсь. Вы бросаете безответственные фразы.

— Вы меня спрашиваете, я отвечаю. Я вам заявляю, что хлеб для государства и колхозные продукты дешевле, чем совхозные.

Раздраженный Хрущев повернулся к Шелепину:

— Товарищ Шелепин, вы возьмите справку и суньте в нос члену президиума. Я, прежде чем ехать, взял справку от ЦСУ. Вы извращаете. Вы не правы.

— Не суйте в нос, — огрызнулся Полянский. — Я человек. Как с вами разговаривать? Если высказал свое мнение, сразу обострение. Может, отношение такое ко мне?

— Видимо так, я не отрицаю. У меня складывается очень большое недоверие. Я на вас положиться не могу. Это, может, субъективное дело. Пусть президиум решает. Садитесь на мое место, я на ваше сяду.

— Не надо волноваться, — стоял на своем Полянский. — И Минфин, и Госплан показали цифрами, что от колхозов продукция дешевле.

— Я остро этот вопрос поставил, товарищи. Я Полянского считаю не совсем объективным. Мы очень остро говорили по пенсионным вопросам. Вы оказались правы или я?

— Почему любой из нас должен войти с предложением обязательно идеальным? — сопротивлялся Полянский. — Там подписали пять членов президиума помимо секретарей ЦК. Почему считать, что это товарищ Полянский внес?

— Вы его готовили. Вы у меня создали впечатление настороженности.

— Напрасно такое впечатление сложилось, — резко ответил Полянский. — По одному факту нельзя судить.

— Не по одному, — угрожающе заметил Хрущев. — Может быть, это возрастное дело, но я расстраиваюсь, волнуюсь, реагирую. Видимо, пока я не умру, буду реагировать. Ничего с собой не могу сделать. Казалось бы, мне какое дело. Мне семьдесят лет, черт с вами, делайте что хотите. Но я коммунист. Пока я живу, пока я дышу, я буду бороться за дело партии...

И чуть позже в разговоре Хрущев добавил:

— Видимо, мне пора на пенсию уходить. Не сдерживаю свой характер. Горячность.

«А ЧТО ЕСЛИ НАМ СОЗДАТЬ ДВЕ ПАРТИИ?»

Высшие чиновники действительно боялись Хрущева. Когда приехавший на пленум ЦК в Москву руководитель Белоруссии Кирилл Мазуров оказался в больнице (его с нервным истощением уложили в больницу для начальства на улице Грановского), выступить поручили второму секретарю республиканского ЦК Федору Анисимовичу Сурганову. Помощник Мазурова побежал искать Сурганова. Тот обедал в ресторане гостиницы «Москва».

«Дождавшись, пока Сурганов дожует котлету, — вспоминал помощник первого секретаря ЦК компартии Белоруссии Борис Павленок, — я подошел и негромко сказал:

— Федор Анисимович, Мазурова забрали в больницу. Он передал, что вам завтра выступить на пленуме.

Сурганов дернулся, будто его ударило током, резко отодвинул тарелку и сказал голосом капризного ребенка:

— Не буду!

Вечером все члены бюро, прибывшие на пленум, собрались в номере у Сурганова. Притыцкий кипятился, Киселев острил, Шауро вставлял отдельные замечания. Сурганов в тренировочном костюме расхаживал по номеру. Он взялся править текст сам, но, увидев, что у него трясутся руки, я предложил:

— Федор Анисимович, вы диктуйте, а я буду править.

Но когда поменялись местами, толку от него все равно не было. Испуг перед выходом на трибуну парализовал — Никита мог сбить с мысли вопросами, затюкать репликами, а то и просто сказать: какой вы секретарь ЦК.»

Постоянное недовольство Хрущева соратниками носило отнюдь не возрастной характер. Он видел, что экономическая ситуация в стране ухудшается. Закупки хлеба увеличивались, но урожая все равно не хватало — ни пищевой промышленности, ни животноводству. 1963 год был особенно неудачным.

С 9 по 13 декабря 1963 года в Москве заседал пленум ЦК. Хрущев прочитал обширный доклад «Ускоренное развитие химической промышленности — важное условие подъема сельскохозяйственного

производства и роста благосостояния народа».

В узком кругу высоких партийных руководителей он признался:

— Суровая зима, а затем жестокая засуха нанесли ущерб важнейшим сельскохозяйственным районам страны... Озимые на миллионах гектаров погибли.

В 1963-м впервые за границей купили девять с половиной миллионов тонн зерна, десять процентов урожая. Хрущев, оправдывая закупки зерна за границей, сказал, что если бы в обеспечении хлебом действовать методом Сталина, то и сейчас хлеб можно было бы продавать за границу:

— Хлеб продавали за границу, а в некоторых районах люди пухли от голода. Да, товарищи, это факт, что в сорок седьмом году в ряде областей страны, например, в Курской, люди умирали с голоду. А хлеб продавали. Партия решительно осудила и навсегда покончила с подобным методом.

Почему же зерна перестало хватать тогда, когда начался рост сельского хозяйства? В хрущевские годы страна стала жить лучше. Люди больше ели сахара, рыбы, мяса, чем до войны. А сельское хозяйство не справлялось. В середине 1950-х, в годы хрущевских реформ, деревня получила приток рабочей силы.

Сокращалась армия — многие демобилизованные вернулись домой. Разрешили вернуться в родные места репрессированным народам, а это в основном были крестьяне. Немало горожан в приказном порядке отправляли в деревни — председателями колхозов и совхозов, специалистами. В деревню распределяли выпускников сельскохозяйственных учебных заведений, добровольцев, осваивавших целину. Это конечно же сильно укрепило деревню.

Но к концу 1950-х люди двинулись обратно — из деревни в города. Хрущев сделал великое дело — освободил крестьянина от крепостничества. С февраля 1958 года крестьяне стали получать паспорта. Этому права они были лишены постановлением ЦИК и Совнаркома от 27 декабря 1932 года.

До 1958 года крестьяне могли уехать из колхоза, только получив справку из сельсовета или от председателя колхоза. А им запрещали отпускать людей. При Хрущеве колхозникам, желающим уехать, стали давать временные паспорта, и они обретали свободу передвижения. Правда, окончательно право на паспорт крестьяне получили, только когда 28 августа 1974 года появилось постановление ЦК и Совмина «О мерах по дальнейшему совершенствованию паспортной системы в СССР» (инициатором постановления был министр внутренних дел Николай Анисимович Щелоков).

Паспорт открыл сельской молодежи дорогу в город, где было комфортнее и интереснее, где можно было учиться, найти работу по вкусу и жить в приличных условиях. По старому закону, все молодые люди, выросшие на селе, автоматически в шестнадцать лет зачислялись в члены колхоза, даже если они этого не хотели. Они бежали из деревни под любым предлогом. Обычно не возвращались после службы в армии. За четыре последних хрущевских года, с 1960-го по 1964-й, из деревни в город ушло семь миллионов сельских жителей.

В принципе, сокращение сельского населения — явление нормальное и прогрессивное, когда является следствием роста экономического прогресса в сельском хозяйстве. Но вот этого как раз и не было! Советское сельское хозяйство оставалось на низком уровне, и отток молодых людей был для него болезненным.

Желание покинуть деревню усиливалось нелепыми хрущевскими идеями, когда крестьян лишали приусадебного хозяйства, вынуждали сдавать домашний скот, когда взялись укрупнять колхозы и сселять деревни. Идея у Хрущева была хорошая — создать современные агрогорода, более комфортные, удобные для жизни, а обернулось все разорением привычной жизни. И, наконец, огромные деньги и ресурсы съедала гонка вооружений.

Хрущев создал производственно-территориальные управления сельским хозяйством, разделил обкомы и крайкомы на промышленные и сельские, наивно полагая: будут конкретные чиновники, которые отвечают за сельское хозяйство, будет больше отдача. Но всё потонуло в аппаратных интригах.

Малообразованный первый секретарь попадал под обаяние таких мистификаторов, как Трофим Денисович Лысенко, обещавших немедленное решение всех проблем в сельском хозяйстве, и следовал их советам.

Зять Хрущева, известный ученый Николай Шмелев, вспоминал, как однажды дома у первого секретаря вспыхнул скандал из-за Лысенко. Спровоцировала его Рада, дочь Никиты Сергеевича, которая закончила помимо журналистского факультета Московского университета еще и биологический. Она спросила отца, не опасается ли он, что разгром генетики может оказаться столь же пагубным, как и запрет кибернетики при Сталине. Раду Никитичну поддержал брат Сергей, трудившийся в конструкторском бюро создателя ракетной техники Владимира Челомея.

Аджубей тоже пытался что-то сказать, но Хрущев его оборвал:

— Вы, Алексей Иванович, член ЦК и не имеете права идти вразрез с

партией.

«Никита Сергеевич, — вспоминал Шмелев, — мрачнел, багровел, огрызался, как затравленный волк, отседавшей на него со всех сторон родни, что-то несвязное такое возражал... А потом как грохнет кулаком по столу! Как закричит в полном бешенстве, уже почти теряя, видимо, сознание... Господи, как страшно было! Ну сейчас, прямо сейчас удар хватит человека. Прямо на глазах.

— Ублюдки! Хриstopродавцы! Сионисты! — бушевал советский премьер, грохоча по столу кулаком так, что все стаканы, все тарелки, вилки, ножи прыгали и плясали перед ним. — Дрозофилы! Ненавижу! Ненавижу! Дрозофилы-ы-ы-ы — будь они прокляты!

Ни до, ни после я его таким больше не видел никогда. Конечно, охваченная ужасом семья мгновенно смолкла. И он вдруг тоже так же внезапно, как и начал, замолчал, с шумом отбросил от себя стул и вышел из-за стола.»

Рада Никитична хлопнула дверью, уехала и неделю не приезжала к родителям.

Когда Хрущева сняли, Петр Ефимович Шелест возмущался в Киеве:

— Товарищи, академик Сахаров — наш молодой замечательный атомщик-теоретик, один из создателей нашего атомного и водородного оружия — выступил в Академии наук и сказал в адрес Лысенко, что у нас биологическая наука загнана, она на неправильном посту и что товарищ Лысенко только мешает развитию биологической науки и поэтому надо как-то решать эти вопросы. (Шум в зале, аплодисменты.) Лысенко способствовал разгону кадров в науке сельскохозяйственной, а вообще, если взять, то у нас сельскохозяйственной науки так и нет. А что Хрущев? Вызывает прокурора. Ты, Лысенко, напиши заявление, а вы, юристы, найдите такую статью, чтобы привлечь Сахарова к ответственности за нанесение оскорбления.

На мартовском пленуме 1962 года Хрущев предложил заменить травопольную систему земледелия академика Вильямса пропашной, то есть отказаться от посевов многолетних и однолетних трав, распахать луга и засеять луга и чистые пары кукурузой.

Под парами (плюс луга) стояли шестьдесят миллионов гектаров. Хрущеву казалось, что если их засеять — это будет колоссальная прибавка к сельскому хозяйству. А ведь чистые пары — важнейший способ борьбы с сорняками. Луга нужны для выпаса скота.

31 мая 1962 года постановлением правительства было принято решение о повышении закупочных цен на животноводческую продукцию.

Это должно было стимулировать колхозы и совхозы, привести к увеличению производства мяса и молока. Но одновременно росли розничные цены на эти продукты; это вызвало массовое возмущение в стране и закончилось Новочеркасском.

В 1963 году с прилавков исчезли мясо, гречка, белый хлеб, кондитерские изделия. Зерно спешно закупили за границей. Погасить в стране недовольство пытались обычными способами.

25 апреля 1963 года на заседании президиума ЦК рассматривалась записка секретаря ЦК по идеологии Леонида Ильичева «о заглушении зарубежных радиопередач». Страх перед западными радиопередачами всегда преследовал советских руководителей. Они даже не отдавали себе отчета в том, что тем самым признавали шаткость выстроенной ими системы, которая могла рухнуть в результате всего лишь радиопередач.

Первым делом решили прекратить выпуск радиоприемников с коротковолновым диапазоном.

Хрущев распорядился:

— Давайте поручим товарищу Устинову, чтобы он с Калмыковым рассмотрел и разработал вопрос о производстве радиоприемников, которые работали бы только на прием от наших радиостанций.

Валерий Дмитриевич Калмыков возглавлял Госкомитет по радиоэлектронике. Комитет подчинялся Дмитрию Федоровичу Устинову как председателю Высшего совета народного хозяйства.

— Без коротких волн, — уточнил Косыгин.

— Быстро любители приспособливают и практически трудно это сделать, — заметил Борис Николаевич Пономарев.

— Приспособливают не все, — возразил Хрущев.

— Приспособливают как раз тогда, когда коротковолновые выпускают, — сказал Ильичев. — Мы им сами даем возможность.

— Выпустили девять миллионов штук, — с горечью заметил Брежнев.

— Почему это сделали? — грозно спросил Хрущев.

— Было решение прекратить, но не выполнили, — дал справку Ильичев. — Самое главное возражение было Министерства торговли: потребитель не берет без коротких волн. Они же соображают. Не берут, и затовариваются.

— А надо сократить производство, — отрезал Хрущев.

— Других не будет, эти будут брать, — пренебрежительно бросил Косыгин.

— А давайте посмотрим, — вдруг предложил Хрущев, — может, произвести эти, без коротких волн, а те заменить. Обратиться к населению.

И заменить. Пусть товарищи Устинов и Шелепин разберутся и, может быть, тогда ответят те люди, которые нарушили решение ЦК и правительства.

Но все-таки Никита Сергеевич понимал, что одними запретами делу не поможешь:

— Надо построить более широкую телевизионную сеть. Надо занять людей разумной пищей, и тогда люди не будут этого делать. В городах надо перевести радиотрансляцию через сеть. Я не знаю, может быть, налог увеличить на индивидуальное использование радиоприемников, а за репродукторы — меньше брать.

— На средних и длинных волнах они меньше поймают, — уверенно сказал Косыгин.

— Одним словом, — заключил Хрущев, — надо организовать более разумное наступление на противника и не давать ему возможностей с нашей стороны, не облегчать ему возможности вести пропаганду по радио на нашу страну.

— Не подставлять бока, — вставил слово Сулов.

Но Хрущев уже успокоился:

— Будут некоторые слушать, пусть слушают. Я помню, во время войны, бывало, Гречуха, делать нечего ему, так «вин все знал, что нимцы кажут» на украинском языке. Он так и пропадал у радио. Все знали эту слабость.

В последние месяцы своего правления Хрущев понял, что повернул не туда. Стал требовать, чтобы колхозами перестали командовать, говорил, что сельское хозяйство надо интенсифицировать, что нужны комплексная механизация, мелиорация и химизация сельского хозяйства.

Николай Луньков, который был послом в Норвегии, вспоминает визит Хрущева в Осло. Во время прогулки Хрущев, его зять, главный редактор «Известий» Аджубей, и главный редактор «Правды» Сатюков ушли вперед. Министр иностранных дел Громыко сказал послу Лунькову:

— Вы поравняйтесь с Никитой Сергеевичем и побудьте рядом на случай, если возникнут какие-либо чисто норвежские вопросы.

В тот момент, когда Луньков приблизился, Хрущев оживленно говорил Аджубею и Сатюкову:

— Слушайте, как вы думаете, что если у нас создать две партии — рабочую и крестьянскую?

При этом он оглянулся и выразительно посмотрел на Лунькова. Тот понял, что надо отойти. Луньков присоединился к министру иностранных дел и на ухо пересказал Громыко услышанное. Министр осторожно

заметил:

— Да, это интересно. Но ты об этом никому не говори.

9 января 1964 года на президиуме ЦК обсуждали вопрос о пенсионном обеспечении и других видах социального страхования колхозников. Через полгода это, наконец, реализовалось в форме закона.

15 июля 1964 года Верховный Совет принял закон о пенсиях и пособиях колхозникам. Впервые в колхозной деревне появилась система социального обеспечения крестьян. Сталин-то считал, что колхозникам пенсии ни к чему. Мужчины получали пенсию в шестьдесят пять лет, женщины в шестьдесят. Хрущев ввел пенсии по инвалидности и в связи со смертью кормильца, пособия для беременных женщин.

Услышать благодарность за пенсии Хрущеву не довелось. Через несколько месяцев его самого отправили на пенсию...

Ни к кому Хрущев не относился с таким доверием и никого не поднимал так быстро, как Шелепина. Первый секретарь доверял Александру Николаевичу, ценил его деловые качества, поручал ему самые важные дела, в частности, партийные кадры и контроль над аппаратом.

— Хрущеву нравились его требовательность, ум. Шелепин не высказывал, держался скромно, на вторых ролях, — рассказывал Леонид Замятин.

Многие историки считают, что именно Шелепин был главным организатором акции по смещению Хрущева. Вчерашние комсомольцы, решительные и напористые, больше других были заинтересованы в том, чтобы в высшем эшелоне власти образовались вакансии. Они рвались на первые роли...

Дочь Хрущева, Рада Никитична Аджубей, в интервью рассказывала:

— Что касается группы, условно говоря, молодых, во главе которой стоял Шелепин и к которой, если хотите, принадлежал и мой муж, это было некоторое потрясение. У меня было такое убеждение, и я до сих пор в этом убеждена, что Хрущев как раз делал ставку на Шелепина. Он говорил в последнее время, сам говорил, что пора уходить, мы уже старые, надо освободить дорогу молодым. И я так думаю, что главная его ставка была как раз на Шелепина.

Александр Николаевич позднее рассказывал, что инициаторами смещения Хрущева были Подгорный и Брежнев. Они как члены президиума ЦК вели переговоры с другими руководителями партии. Пригласили и его для решающего разговора.

— Ты видишь, какая обстановка сложилась? — сказал Брежнев Шелепину.

Леонид Ильич перечислил: экономика идет вниз, впервые закупили хлеб за границей — это после освоения целинных земель. А Хрущев полгода в разъездах, а без него вопросы не решаются, с членами президиума не советуется.

Брежнев спросил:

— Как ты считаешь, не пора изменить эту ситуацию?

Шелепин ответил:

— Я согласен.

Правильно было бы сказать, что против Хрущева выступили две влиятельные группы.

С одной стороны, члены президиума ЦК Брежнев, Подгорный, Полянский, которым сильно доставалось от Хрущева. Они устали от постоянного напряжения, в котором он их держал.

С другой — выходцы из комсомола, объединившиеся вокруг Шелепина и Семичастного. Без председателя КГБ Семичастного выступление против первого секретаря ЦК в принципе было невозможно. А на Александра Николаевича ориентировалось целое поколение молодых партработников, прошедших школу комсомола.

Но разговоры в высшем эшелоне власти Шелепин с Семичастным вести не могли: не вышли ни возрастом, ни чином. Семичастный вообще был только кандидатом в члены ЦК. С хозяевами республик и областей беседовали в основном Брежнев и Подгорный, старшее поколение политиков. Однако с министром обороны маршалом Малиновским несколько раз беседовал именно Шелепин. Родион Яковлевич сказал, что армия в решении внутривнутриполитических вопросов участия принимать не станет, то есть не придет защищать Никиту Сергеевича. А накануне решающих событий окончательно подтвердил, что выступит против Хрущева вместе со всеми.

Никита Сергеевич был человеком фантастической энергии, огромных и нереализованных возможностей. Но отсутствие образования часто толкало его к неразумным и бессмысленным новациям, над которыми потешалась вся страна.

А с другой стороны, окружение Хрущева не одобряло его либеральных акций, критики Сталина, покровительства Солженицыну и Твардовскому, попыток найти общий язык с Западом, сократить армию и военное производство.

В августе 1963 года отдыхавший в Пицунде Хрущев пригласил к себе Твардовского. Александру Трифоновичу позвонил помощник первого секретаря по идеологии Владимир Семенович Лебедев:

— Так вот я докладывал Никите Сергеевичу. Тот спрашивает: «А он отдыхал в этом году? А то, может быть, мы бы здесь и встретились?..»

В Пицунде Хрущев принял видных советских писателей. После обеда попросил Твардовского прочитать поэму «Теркин на том свете». Много лет Александр Трифонович пытался ее напечатать — не разрешали!

«Чтение было хорошее, — записал в дневнике Твардовский, — Никита Сергеевич почти все время улыбался, иногда даже смеялся тихо, по-стариковски (этот смех у него я знаю — очень приятный, простодушный и даже чем-то трогательный). В середине чтения примерно я попросил разрешения сделать две затяжки...

Дочитывал в поту от волнения и взятого темпа, несколько напряженного, — увидел потом, что мятая моя дорожная, накануне еще ношенная весь день рубашка — светло-синяя — на груди потемнела — была мокра».

Когда Твардовский закончил чтение, раздались аплодисменты. Никита Сергеевич встал, протянул ему руку:

— Поздравляю. Спасибо.

Твардовский попросил у Никиты Сергеевича разрешения «промочить горло». Тот пододвинул поэту коньяк.

— Налейте и мне, — сказал он, — пока врача вблизи нету.

Дослушав поэму, Хрущев обратился к газетчикам:

— Ну, кто смелый, кто напечатает?

Вызвался Аджубей:

— «Известия» берут с охотой.

На аэродроме Лебедев сказал Твардовскому, что Никита Сергеевич просит дать возможность прочесть поэму глазами. Его смутили рассуждения насчет «большинства» и «меньшинства». И по личной просьбе Хрущева Твардовский выкинул вот такие строки:

*Пусть мне скажут, что ж ты, Теркин,
Рассудил бы, голова!
Большинство на свете мертвых,
Что ж ты, против большинства?
Я оспаривать не буду,
Как не верить той молве.
И пускай мне будет худо, —
Я останусь в меньшинстве.*

Никита Сергеевич не стал вникать в философский смысл стихов Твардовского, а автоматически откликнулся на слова о «большинстве» и «меньшинстве». А в меньшинстве не хотел оставаться даже всесильный первый секретарь ЦК...

У партийных секретарей были личные причины не любить Хрущева. Они жаждали покоя и комфорта, а Хрущев проводил перманентную кадровую революцию. Он членов ЦК шпынял и гонял, как мальчишек.

Поэт Андрей Вознесенский писал о Хрущеве:

«Пройдя школу лицедейства, владения собой, когда, затаив ненависть к тирану, он вынужден был плясать перед ним «гопачок» при гостях, он, видимо, как бы мстя за свои бывшие унижения, сам, придя на престол, завел манеру публично унижать людей, растаптывать их достоинство».

Вся советская история — это история непрерывной борьбы за власть. У Хрущева были сильные соперники. Он неустанно сражался с ними и одерживал одну победу за другой. Он проявил выдающийся талант в борьбе за власть. Хрущев — неоцененный в этом смысле человек. Он был гениальным мастером политической интриги. Ведь каких людей он как бы играючи убрал — Берию, у которого в руках была госбезопасность, Жукова, у которого были армия и народная слава! В 1957 году Никита Сергеевич чуть не в одиночку пошел против президиума ЦК и одолел всех. За каждой такой операцией стояла большая закулисная работа. Для этого надо было иметь острый ум и смелость.

Партийная номенклатура помогла Хрущеву получить власть и удержать ее. Но одновременно первые секретари осознали и собственную значимость. Они скептически смотрели на Хрущева. Что хотели — исполняли, что им не нравилось — не делали.

На XXII съезде под давлением Хрущева приняли программу построения коммунизма. Но всем было ясно, что построить коммунизм нельзя. Партийные секретари не хотели отвечать за невыполненные обещания. Им нужно было, чтобы Хрущев ответил за все. Так что это было серьезное противостояние. Или он их. Или они его.

Хрущева товарищи по партии боялись. Он умел внушать страх и в пожилые годы. Добреньким он никогда не был. Иначе бы не выжил. Но он был человек не злопамятный, снимал с должности и этим ограничивался. Сталин расстреливал, чтобы не оставались где-то рядом с ним недовольные и обиженные.

А Хрущев никого не добивал, переводил на менее значимые должности, и это создавало ощущение его слабости. Со временем все им обиженные утратили страх и объединились. Никита Сергеевич позволил

своему окружению сплотиться против него.

Хрущев совершил много тактических ошибок. Офицерский корпус не принял тех сокращений, которые он произвел в армии. Хрущев поссорился и с КГБ. Он пренебрежительно относился к госбезопасности и хотел, в частности, снять с чекистов погоны, превратить комитет в гражданское ведомство.

После 1960 года Хрущев не подписал ни одного представления КГБ на генеральское звание. Некоторые начальники управлений и председатели КГБ республик оказались всего лишь полковниками. Звание полковника председатель КГБ мог дать своей властью. А генерала — только решением президиума ЦК, которое оформлялось постановлением Совета министров.

Председатель комитета Семичастный несколько раз обращался к Хрущеву:

— Никита Сергеевич, неудобно получается. По всем неписаным положениям председатель КГБ в республике — старший воинский начальник. А он всего лишь полковник. Рядом министр внутренних дел — генерал.

Хрущев в шутку все переводил. Когда Семичастный опять завел речь о генеральских погонах, Хрущев его прервал:

— Пойдем обедать!

Зашли в Кремле в комнату, где обедали члены президиума ЦК, рядом со Свердловским залом. Хрущев сказал:

— Вот пришел председатель КГБ, просит генеральские звания. Я ему могу только свои генеральские штаны отдать, ну, так он в них утонет.

— Никита Сергеевич, да я же не себе прошу...

Хрущев удержался от соблазна и себе звание тоже не повысил, в отличие от Брежнева, пожелавшего красоваться в маршальской форме. Как Хрущев пришел с войны генерал-лейтенантом, так с двумя звездочками и остался. А лизоблюды тоже его уговаривали:

— Как же так, Никита Сергеевич, вы Верховный главнокомандующий, а мы старше вас по званию?

— Ничего, — говорил Хрущев, — я с вами и так управлюсь.

Кончилось это тем, что он умудрился настроить против себя решительно всех. Он обзавелся таким количеством врагов, что уже не смог всех одолеть.

Хрущев любил рассказывать во всех подробностях, как именно он убирал своих соперников. И сплотившиеся против него секретари поступили так, как их учил Никита Сергеевич. Они воспользовались его отъездом, как это сделал сам Хрущев, готовя отставку Жукова. Они

сговорились с основной массой членов ЦК, как это сделал Хрущев, сражаясь с Маленковым и Молотовым. И они тоже использовали эффект внезапности, как это сделал Хрущев, пригласив ничего не подозревавшего Берию на заседание президиума правительства.

И окружение Никиты Сергеевича не позволило ему понять, что он остался в полном одиночестве. Газеты, радио и телевидение продолжали восхвалять Хрущева. Улицы были увешаны его портретами.

16 апреля 1964 года председатель президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев и секретарь президиума Михаил Порфирьевич Георгадзе подписали указ о присвоении звания Героя Советского Союза Никите Сергеевичу Хрущеву:

«За выдающиеся заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством в строительстве коммунистического общества, укреплении экономического и оборонного могущества Советского Союза, развитии братской дружбы народов СССР, в проведении ленинской миролюбивой внешней политики и отмечая исключительные заслуги в борьбе с гитлеровскими захватчиками в период Великой Отечественной войны, присвоить товарищу Хрущеву Никите Сергеевичу в связи с семидесятилетием со дня его рождения звание Герой Советского Союза с вручением ему ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»».

Физически Никита Сергеевич был еще крепок и мог работать. Его помощник Владимир Лебедев рассказывал писателю Корнею Чуковскому о Хрущеве:

«Работает с семи часов утра. Читает документы, корреспонденцию. Потом разговоры по телефонам. Приемы до семи вечера. Ни минуты свободной. Вообще можно сказать, что это самая тяжелая жизнь, без малейшего просвета — и врагу не пожелаю такой. Разве иногда он выезжает на охоту...»

Лебедев говорил и об изумительной памяти Хрущева: «Он помнит почти дословно все документы, которые когда-либо читал, хотя бы десятилетней давности».

Но, вероятно, Никита Сергеевич все-таки что-то почувствовал, недаром хотел вернуть в политику, а точнее, призвать себе на помощь маршала Жукова. Через семь лет после того, как Хрущев отправил Жукова в отставку, он вдруг сам позвонил Георгию Константиновичу. Примириительно сказал:

— Тебя оговорили. Нам надо встретиться.

Помощник Хрущева записал: после отпуска в Пицунде запланировать встречу с маршалом...

В последних числах сентября в Москву приехал президент Индонезии Сукарно — просить оружие. В Большом Кремлевском дворце в честь президента был дан обед. Леонид Митрофанович Замятин, который тогда работал в Министерстве иностранных дел, рассказал мне, что Хрущев на обеде произнес неожиданно откровенную речь.

Старшим на обеде был Подгорный, потому что Хрущев находился в отпуске. Никита Сергеевич тем не менее приехал, вошел в зал со словами, не сулившими его соратникам ничего хорошего:

— Ну что, мне места уже нет?

Место, разумеется, сразу нашлось. Хрущев сделал знак Подгорному:

— Продолжай вести.

Но в конце обеда, когда протокольные речи уже были произнесены, Хрущев заговорил:

— Вот интересно. Я недавно приехал из отпуска, а все меня уговаривают, что я нездоров, что мне надо поехать подлечиться. Врачи говорят, эти говорят. Ну, ладно, я поеду. А когда вернусь, я всю эту «центр-пробку» выбью. — И показал на сидевших тут же членов президиума ЦК: — Они думают, что все могут решить без меня...

Хрущев поступил опрометчиво в том смысле, что предупредил многих, что их снимет, и уехал отдыхать. Самоуверенность подвела Хрущева. Его отправили на пенсию раньше, чем он успел убрать более молодых соперников.

В борьбе за власть ни одна самая громкая и убедительная победа не может считаться окончательной. Всю свою политическую жизнь Хрущев старательно убирал тех, кто казался ему опасен, и окружал себя теми, кого считал надежными помощниками. Но в решающую минуту рядом с Никитой Сергеевичем не оказалось ни одного человека, который бы ему помог.

Хрущев оттолкнул от себя людей типа Николая Григорьевича Егорычева, который в сорок с небольшим лет стал первым секретарем Московского горкома и пользовался в столице уважением. В октябре 1941-го студент бронетанкового факультета МВТУ Николай Егорычев ушел добровольцем на фронт, сражался на передовой, дважды был ранен, один раз тяжело. После войны окончил институт. В 1956-м стал самым молодым секретарем райкома партии в Москве, в 1961-м возглавил столичный горком.

Егорычев рассказывал мне, как после сессии Верховного Совета он обратился к Хрущеву с просьбой о приеме. Никита Сергеевич не захотел идти в кабинет и предложил:

— Пойдемте-ка здесь поговорим.

Присели на скамейке на улице.

— Хорошо, что вы сами ко мне обратились, — сказал Хрущев. — Зачем Москва так много тратит электричества на освещение?

Первый секретарь жил в резиденции на Ленинских горах, ему оттуда был виден весь город. И в его представлении Москва была залита электрическим светом.

— Никита Сергеевич, это только кажется, — объяснил Егорычев. — В реальности некоторые районы мы очень плохо освещаем. Вы едете по шоссе, оно специально для вас очень хорошо освещается. На освещение города мы тратим десятые доли процента потребляемой городом энергии. Огромное количество электроэнергии съедает промышленность. Но мы сумели поднять коэффициент...

И Егорычев, окончивший после войны МВТУ, стал объяснять руководителю страны, что именно сделали для того, чтобы рациональнее использовать электроэнергию. Хрущев выслушал его с недовольным видом и ушел обедать. Члены президиума ЦК обедали вместе. Это завел Хрущев, чтобы в неформальной обстановке обсуждать важнейшие вопросы. После обеда Егорычеву перезвонил его предшественник на посту первого секретаря Московского горкома Петр Нилович Демичев, переведенный в ЦК:

— Что ты такое наговорил Хрущеву? Он пришел злой, говорит: все этот Егорычев знает!

Видимо, Хрущев обиделся на то, что Егорычев, молодой партийный руководитель, разбирается в том, что ему неизвестно.

В другой раз, принимая руководителя Москвы, Никита Хрущев поинтересовался:

— Сколько вы жилья ввели?

— Миллион квадратных метров, — с гордостью ответил Егорычев.

Хрущев недоверчиво переспросил:

— Сколько? Сто тысяч?

— Миллион, Никита Сергеевич.

Он разозлился:

— Мы когда-то мечтали сто тысяч вводить. Слишком хорошо Москва живет!

Соединился с председателем Госплана:

— Москве больше не давать денег!

Егорычев на следующий день приехал в Госплан:

— Что делать?

А ведь строительные работы были развернуты уже по всей Москве. Председатель Госплана развел руками:

— Я все понимаю, но есть прямое распоряжение Хрущева.

— Полмиллиона квадратных метров ты мне позволишь за счет кооперативного жилья построить?

— Да.

— Хорошо, остальное я возьму у министров, у которых есть деньги, а жилье им нужно.

Энергичный и напористый Егорычев собрал у себя министров, и они тут же нашли деньги на восемьсот тысяч квадратных метров. Первый секретарь горкома собрал строителей:

— Работайте.

Хрущев, в последний раз отдыхая в Пицунде, позвонил оттуда Егорычеву, специально поинтересовался: как идет строительство?

— То есть ему доложили, что я, несмотря на запрет, продолжаю строить, — рассказывал Егорычев. — Он бы меня снял, если бы его не скинули.

Большое недовольство вызывало растущее влияние хрущевского зятя.

7 марта 1963 года Алексея Ивановича Аджубея с женой принял папа римский Иоанн XXIII. Это было по-своему историческое событие.

1 марта в Цюрихе заседал комитет, присуждавший премию мира имени Бальцана. Эту премию основала дочь бывшего главного редактора итальянской газеты «Коррьере делла сера» Бальцана, который после прихода фашистов к власти вынужден был уехать в Швейцарию. В состав комитета входили и четыре советских представителя. Среди лауреатов премии был известный советский математик академик Андрей Николаевич Колмогоров.

Комитет присудил премию папе римскому «за его деятельность во благо братства между людьми и народами». Помимо золотой медали лауреату премии полагался миллион швейцарских франков.

7 марта в Ватикане папа Иоанн XXIII собрал журналистов, чтобы выразить благодарность за награду. Среди журналистов находились главный редактор «Известий» Аджубей и его жена. Зять Хрущева выразил желание встретиться с папой. Тот согласился. Руководитель службы протокола Кардинале и епископ Виллебрандс провели Аджубея с женой в личную библиотеку папы. Беседу переводили собственный корреспондент «Известий» и аббат Кулик из Восточного института в Риме.

Итальянских журналистов потом интересовало, о чем папа беседовал с посланцем безбожного коммунистического режима. Корреспонденту газеты

«Темпо» Аджубей с легкой иронией заметил:

— Могу лишь сказать, что получил от папы пакет с множеством секретов.

Алексей Иванович очень доброжелательно отозвался о папе римском:

— Это человек большой и подлинной простоты. Раскройте пошире глаза, хорошо посмотрите на него, и вы сразу проникнетесь к нему глубоким уважением и неожиданным доверием.

Рада Никитична тоже поделилась впечатлениями:

— Когда папа встал с кресла, то, глядя на его руки, которые нас благословляли, мне вдруг захотелось сказать ему, что у него руки крестьянина, как у моего отца. Я не осмелилась сказать ему это, но это так. Я внимательно смотрела на его руки, когда он передавал сувениры для меня, Алексея и моего отца.

По словам личного секретаря папы Лориса Каповилла, Иоанн XXIII показал гостям картины и на французском языке объяснил их смысл. Он подарил дочери Хрущева четки:

— Мои сотрудники сказали мне, что не католическим принцессам я должен дарить медальоны или монеты, но я все же дарю вам эти четки, дабы вы знали, что кроме торжественных молитв и псалмов папа читает и домашнюю молитву, ту, что еще ребенком он выучил перед очагом в своем доме, пока мать готовила весьма скудный обед. Это та молитва, которую папа читает ежедневно для всех рождающихся на свет детей, чтобы каждый, будь то католик или не католик, обрел благословение и спасение души.

Желая также послать благословение детям своих гостей, Иоанн XXIII спросил их имена, и Рада Аджубей тихо, почти шепотом ответила:

— Никита, Алексей и Иван.

Узнав, что русское имя Иван соответствует его собственному — Иоанн, папа римский сказал:

— По возвращении обласкайте детей и особенно Ивана от моего имени, а другие пусть не обижаются.

Говоря с Аджубеем, папа привел строфы из Библии о сотворении мира и отметил:

— Вначале был свет. Свет моих глаз встретился со светом ваших глаз. Пусть Господь, если на то будет его воля, поможет приходу добра.

10 мая в Ватикане состоялась церемония вручения премии. В королевском зале папского дворца среди множества высокопоставленных гостей присутствовал председатель Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами Сергей Романовский, бывший

секретарь ЦК ВЛКСМ.

Частная аудиенция, данная зятю и дочери Хрущева, свидетельствовала не только о желании Иоанна XXIII наладить отношения с безбожным коммунистическим режимом, но и о высоком положении Алексея Аджубея. В Москве это мало кому нравилось. С особым раздражением за поездками Аджубея наблюдали те, кто профессионально занимался внешней политикой. Им тяжело было работать с Хрущевым.

Однажды министр иностранных дел Громыко пришел к Никите Сергеевичу — докладывать свои соображения. Надел очки и стал читать подготовленную лучшими аналитиками министерства записку.

Хрущев нетерпеливо прервал министра:

— погоди, ты вот послушай, что я сейчас скажу. Если совпадет с тем, что у тебя написано, хорошо. Не совпадет — выбрось свою записку в корзину.

И выбросил Громыко в корзину все, что долго готовил со своим аппаратом, и покорно слушал первого секретаря, который своего министра иностранных дел ни в грош не ставил. В отставку Громыко не подал, даже не обиделся, принял как должное, потому что понимал: если хочешь сделать карьеру, на начальство не обижайся.

Рассказывают, будто Никиту Сергеевича отговаривали делать Громыко министром, отзывались о нем: безынициативный, дубоватый. Но Хрущеву нужен был грамотный специалист-международник без собственного политического веса, который станет беспрекословно исполнять его указания, и он отмахнулся от возражений:

— Политику определяет ЦК. Да вы на этот пост хоть председателя колхоза назначьте, он такую же линию станет проводить.

Никита Сергеевич с каждым годом со все большим удовольствием занимался международными делами. Министра иностранных дел он считал просто чиновником и самостоятельной роли для него не видел. Андрей Громыко был поставлен в весьма невыгодное положение. Его низвели до роли эксперта — приглашали, когда нужна была формулировка, совет, справка. Первую скрипку в выработке политики играло окружение Хрущева. Министру Громыко оставалась рутинная работа, мало интересная для профессионала.

Никита Сергеевич не упускал случая подразнить Громыко. Говорил своему окружению:

— Смотрите, как молодо выглядит Андрей Андреевич. Ни одного седого волоска. Сразу видно, что он сидит себе в своем уютном закутке и чаек попивает.

Громыко делал вид, что улыбается.

Хрущев не скрывал своего отношения к министру, пренебрежительно говорил о нем:

— Можно не сомневаться, что Громыко в точности выполнит данные ему инструкции, выжмет из собеседника максимум. Но не ждите от Громыко инициативы и способности принимать решения под собственную ответственность. Типичный чиновник.

Хрущев посмеивался над министром, считал его трусом. Утверждают, что в своем кругу Никита Сергеевич будто бы говорил:

— Прикажи Громыке сесть голой задницей на лед, он с перепугу сядет.

Ходили слухи, что зять первого секретаря ЦК метил на место министра иностранных дел, поскольку «для Никиты Сергеевича Аджубей — первый авторитет». Хрущеву нравилось назначать на высокие посты молодых людей. На Смоленской площади ждали перемен. Знали, что решимости для такого неожиданного назначения Хрущеву хватит.

«Я смотрел на его голову в первом ряду ложи Большого театра, — записывал в дневнике заместитель министра иностранных дел Владимир Семенов, — в темноте был виден огромный череп и усталое лицо, жесткое и сосредоточенное. Тут же был Алексей Иванович Аджубей, живой, острый, подвижный как ртуть. Он теперь один из ближайших по внешним делам.

А в МИДе странно. В предчувствии перемен идет глухая и мелкая борьба страстей вокруг весьма личных аспираций. Глупо и противно, когда в этом участвуют достойные люди, цепляющиеся за пуговицы на мундирах».

Может быть, Алексей Аджубей, очень одаренный человек, и стал бы министром, но Хрущева раньше отправили на пенсию.

17 сентября 1964 года, проводя перед отпуском заседание президиума ЦК, Хрущев завел речь о том, что надо решать, когда собирать очередной съезд партии — в конце 1965-го или в начале 1966-го, и распорядился:

— Подбор кандидатур теперь уже наметить.

Первый секретарь уже в который раз выразил недовольство тем, что в высшем эшелоне скопилось слишком много пожилых людей. Не предполагал тогда, что очередной съезд пройдет без него самого. Уже сговорившиеся между собой члены президиума слушали первого секретаря с преувеличенным вниманием. И месяца не пройдет, как Хрущева уберут из главного кремлевского кабинета...

Генерал Виктор Иванович Алидин, в ту пору начальник Седьмого управления КГБ, вспоминал, что где-то в начале 1964 года среди части

руководящего состава госбезопасности стали ходить разговоры о возможной замене Хрущева. В июле с Алидиным доверительно беседовал один из руководителей КГБ. Сказал, что идет подготовка к смещению Хрущева, а его место займет Шелепин.

В конце июля генерал Алидин уезжал в отпуск. Перед отъездом Семичастный ему сказал:

— Отдыхайте, пожалуйста, но к пятнадцатому августа возвращайтесь в Москву. Вы будете очень нужны.

Алидин понял, что это связано со снятием Хрущева.

Один из шелепинских соратников, Николай Николаевич Месяцев, вспоминал, как в начале осени 1964 года он отправился по грибы вместе с Николаем Романовичем Мироновым, который заведовал отделом административных органов ЦК КПСС.

У них было общее прошлое. Месяцев в 1941-м закончил военно-юридическую академию Красной армии (морской факультет) и был назначен младшим следователем Третьего (контрразведывательного) управления наркомата военно-морского флота, а затем следователем Управления особых отделов НКВД СССР. Два года служил в отделе контрразведки «Смерш» 5-й гвардейской танковой армии. А после войны — еще полгода в Главном управлении контрразведки «Смерш».

Перед смертью Сталина Месяцева назначили помощником начальника следственной части Министерства государственной безопасности по особо важным делам.

А Николая Романовича Миронова, в ту пору секретаря Кировоградского обкома, в 1951 году, когда Сталин распорядился посадить очередную команду чекистов и образовались вакансии, взяли в Министерство госбезопасности сразу на генеральскую должность — заместителем начальника Главного управления военной контрразведки.

Потом Николай Миронов возглавил управление госбезопасности в Ленинграде. А в 1959 году Хрущев поручил ему важнейший отдел административных органов ЦК. Николай Миронов, как и Брежнев, до войны работал в Днепропетровске. Они сблизились, и именно Миронов принял активное участие в подготовке свержения Хрущева.

Между Мироновым и Месяцевым тоже установились дружеские отношения. Они жили на дачах Управления делами ЦК в Усове, удобство которых состояло в том, что в поселке была столовая, куда можно было ходить с семьей или брать там обеды и ужины на дом.

Когда, набрав грибов, они возвращались, Миронов откровенно сказал Месяцеву:

— Среди членов Центрального комитета зреет мнение о целесообразности смещения Хрущева с занимаемых им постов и замены его другим товарищем. Вряд ли мне надо говорить тебе о причинах такого мнения. Толковали мы с тобой о положении в стране, и не раз. Меня интересует, как ты отнесешься к смещению Хрущева?

— Положительно, — ответил Месяцев.

— Ты понимаешь, что разговор строго между нами? — уточнил Миронов.

— Понимаю, не беспокойся.

Месяцев, поработав советником-посланником в Китае, был назначен заместителем к Юрию Андропову в отдел ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Поэтому он ждал какого-то сигнала от Андропова, но тот молчал.

Николай Миронов тоже больше не возвращался к этому разговору. И вдруг пригласил к себе в кабинет и сообщил Месяцеву, что вопрос об отставке Хрущева вот-вот будет поставлен:

— В «Правде», «Известиях» и на телевидении предполагается замена первых лиц. Мне поручено предложить тебе возглавить Госкомитет по телевидению и радиовещанию. Поверь, твоя кандидатура обстоятельно обсуждалась.

Месяцев был ошеломлен предложением. Спросил Николая Романовича:

— Как бы ты поступил на моем месте?

— Ответил бы согласием на предложение товарищей из ЦК.

— Кого именно?

— Тех, кто придет на смену Хрущеву.

— А кто это?

— Те, кого изберет пленум.

Месяцев понял, что дальнейшие вопросы на сей счет неуместны.

— Сколько времени мне дается на раздумья?

— Завтра дашь ответ.

Вернувшись к себе, Месяцев позвонил Андропову. Дежурный секретарь ответил, что Юрий Владимирович уже уехал. Советоваться было не с кем. В своей способности руководить радио и телевидением Месяцев не сомневался — «знал, что справлюсь». Его смущало, почему Миронов не назвал имен. Боятся, что Месяцев их предаст? Если бы так думали, не стали бы делать такое предложение. Скорее, не уверены, что все получится, как задумано...

На следующее утро они с Мироновым встретились в лифте. Месяцев

твердо сказал:

— Николай Романович, я согласен. Можешь сообщить об этом людям в масках.

— Не шути, — отрезал Миронов. — Так требует обстановка.

— Догадываюсь, — заметил Месяцев, — но ведь мы с тобой не из пугливых.

Николай Романович Миронов погиб за несколько дней до отставки Хрущева, когда потерпел катастрофу самолет, на котором советская делегация во главе с новым начальником Генерального штаба маршалом Сергеем Семеновичем Бирюзовым летела в Югославию на празднование двадцатилетия освобождения Белграда. Самолет из-за плохой видимости врезался в гору. Если бы заведующий отделом административных органов ЦК не погиб, его бы ждала большая карьера.

13 октября Хрущев прилетел в Москву на заседание президиума. В правительственном аэропорту Внуково-2 первого секретаря ЦК и председателя Совета министров встречал один только председатель КГБ Владимир Ефимович Семичастный.

Дело было не только в том, что Семичастный должен был сменить охрану Хрущева и вообще проследить, чтобы темпераментный Никита Сергеевич не предпринял каких-то неожиданных действий. Не всякий решился бы в тот момент оказаться один на один с Хрущевым. Никита Сергеевич все еще оставался первым человеком в стране, и его боялись.

Семичастный много лет спустя рассказывал, что Брежнев даже предлагал физически устранить Хрущева — не верил, что им удастся заставить его уйти в отставку. Не хочется подвергать сомнению слова Владимира Ефимовича, но люди, знавшие Брежнева, сильно сомневались, что он мог такое сказать — не в его характере.

По другим рассказам, в какой-то момент у Брежнева сдали нервы, он расплакался и с ужасом повторял:

— Никита нас всех убьет.

А вот Семичастный Хрущева не боялся. Чего-чего, а воли, решительности и властности у Владимира Ефимовича было хоть отбавляй.

Генерал-лейтенант Николай Александрович Брусницын, в те годы заместитель начальника Управления правительственной связи КГБ, вспоминал, как его вызвал Семичастный.

Хрущев еще отдыхал в Пицунде. Семичастный властно сказал, что ему нужно знать, кто и зачем звонит Хрущеву.

— Владимир Ефимович, — твердо ответил Брусницын, — этого не только я, но и вы не имеете права знать.

Семичастный тут же набрал номер Брежнева:

— Леонид Ильич, начальник правительственной связи говорит, что это невозможно.

Выслушав Брежнева, Семичастный спросил заместителя начальника Управления правительственной связи:

— А что можно?

— Что конкретно надо? — уточнил Брусницын.

— Надо знать, кто названивает Хрущеву.

— Это можно, — согласился Брусницын, — положено иметь такую информацию на спецкоммутаторе.

— Хорошо. Каждый час докладывайте, кто звонил.

На государственную дачу в Пицунде линия правительственной междугородной ВЧ-связи шла через Тбилиси. Ее отключили, сославшись на повреждение аппаратуры. Хрущева соединяли через спецкоммутатор Москвы, так что председателю КГБ немедленно докладывали о всех телефонных переговорах Никиты Сергеевича...

Семичастный приказал Управлению военной контрразведки, и в первую очередь особистам Московского военного округа, немедленно сообщать ему даже о незначительных передвижениях войск. Три дня, пока снимали Хрущева, личный состав некоторых оперативных подразделений Комитета госбезопасности, в первую очередь хорошо подготовленных офицеров Девятого управления, держали на казарменном положении в полной боевой готовности.

Спустившись по трапу, Хрущев спросил Семичастного:

— Где остальные?

— В Кремле.

— Они уже обедали?

— Нет, кажется, вас ждут.

Хрущев из аэропорта сразу приехал в Кремль. В три часа дня началось заседание президиума. Недовольный тем, что его сорвали с отдыха, Хрущев поздоровался и спросил:

— Ну, что случилось?

Сам сел на председательское кресло и повторил:

— Кто же будет говорить? В чем суть вопроса?

Из всех, кто присутствовал на заседании президиума ЦК, сторону Хрущева занял только — да и то условно — Анастас Иванович Микоян. Остальные яростно атаковали Хрущева. Никогда в жизни он не слышал таких обвинений.

Шелепин, когда до него дошла очередь высказаться, среди прочего

сказал, что в угоду Хрущеву его сыну Сергею — молодому человеку — было присвоено звание Героя Социалистического Труда и присуждена Ленинская премия.

Сергей Хрущев обиделся на Шелепина:

«Александр Николаевич Шелепин постоянно демонстрировал мне если и не дружбу, то явное дружеское расположение. Нередко он первый звонил и поздравлял с праздниками, всегда участливо интересовался моими успехами. Мне, конечно, льстило дружеское отношение секретаря ЦК, хотя где-то в глубине души скрывалось чувство неудобства, ощущение какой-то неискренности со стороны Шелепина...»

Никита Сергеевич не сразу понял, что его намерены отправить в отставку, оправдывался и возражал. Заседание президиума ЦК закончилось поздно вечером. Решили назавтра продолжить.

Хрущев отправился к себе на Воробьевы горы. Он еще оставался первым секретарем и главой правительства. Но фактически его отрезали от внешнего мира. Об этом позаботился Семичастный. Никита Сергеевич не смог позвонить ни своей жене, которая лечилась на чехословацком курорте Карловы Вары, ни дочери Юле в Киев.

Личную охрану первого секретаря Семичастный сменил. Чекисты, которые были обязаны даже ценой собственной жизни защищать Хрущева, собрали свои вещи и исчезли. Начальник Девятого управления полковник Владимир Яковлевич Чекалов без колебаний подчинился Семичастному.

«Удивительно все же, — писал в дневнике Александр Твардовский, — как такой многоопытный, прожженный, хитрый и комбинаторный человек от политики оказался столь незрячим в отношении собственного, самым им созданного окружения, не говоря уже о том, что он не заметил всеобщего нараставшего изо дня в день изменения отношения к себе, принимая за чистую монету митинговые аплодисменты «организованных» сборищ на площадях и стадионах, в многотысячных залах и в цинично-подхалимской печати — за выражение любви народной. Как он не заметил нарастания иронического к себе отношения.

Ругают, боятся, даже не любят — это еще полбеды в судьбе государственного деятеля такого масштаба, а когда смеются, перестают слушать, зная все наперед — беда непоправимая».

13 октября, около полуночи, Месяцева вызвали в приемную Брежнева. Николай Николаевич из третьего подъезда по улице перешел в первый. Брежнев сидел в торце длинного стола для заседаний. Косыгин — сбоку. Подгорный — напротив, рядом с ним расположился Демичев. Вслед за Месяцевым вошел Ильичев.

Брежнев спросил:

— Кто поедет на радио представлять Николая Николаевича на коллегии комитета?

Подгорный предложил:

— Ильичев. Это его епархия. Его хорошо знают. Ильичева интересовал практический вопрос:

— Хрущев может присутствовать в радиотелевизионных программах или убрать его из эфира совсем?

— Убрать совсем, — откликнулся Демичев.

— Да, так будет правильно, — согласился Брежнев.

Леонид Ильич напутствовал Месяцева:

— Коля, желаем тебе успеха. На днях встретимся. В случае чего звони.

В ту ночь, вспоминал Месяцев, они с Ильичевым долго плутали по Замоскворечью. Водитель никак не мог найти здание радиокомитета. Когда все-таки добрались, Ильичев распорядился собрать членов коллегии. К двум часам они были на месте. Предшественник Месяцева — Харламов находился в зарубежной командировке и не подозревал о том, что происходит в Москве.

Михаила Аверкиевича Харламова убрали, потому что он был тесно связан с хрущевским окружением. Один из его подчиненных описывал характерную сцену. В кабинете председателя комитета идет совещание. Вдруг Харламов снимает трубку вертушки и звонит Аджубею:

— Алеша, завтра суббота, и вы с Радой у нас. Нет, в прошлую субботу мы были у вас. Теперь наша очередь. Ждем.

И это — нарочито в присутствии подчиненных. Желание показать свою близость к семье Хрущева дорого обошлось Харламову.

Ильичев коротко сообщил, что Месяцев назначен председателем госкомитета, а Харламов будет переведен на другую работу. Секретарь ЦК доверительно объяснил руководству комитета, что Хрущев совершил крупные ошибки и его судьбу будет решать пленум ЦК.

Месяцев поинтересовался у членов коллегии: может быть, кто-то по принципиальным соображениям возражает против смещения Хрущева? Среди руководителей радио и телевидения сторонников Никиты Сергеевича не оказалось. Месяцев всех распустил по домам, кроме своих заместителей, которых попросил лично просмотреть все программы будущего дня, чтобы в них не упоминался Хрущев.

«Где-то в районе часа ночи, — вспоминала Валентина Хмельницкая, редактор отдела выпуска главной редакции информации, — проходя мимо приемной председателя комитета, вижу, что на стене справа от двери, где

висела табличка с фамилией Харламова, пустое место. Ну, думаю, хозяйственники решили подновить ее, воспользовавшись командировкой председателя.

Приступаю к очередному выпуску новостей. Но телефонный звонок прерывает мою работу: незнакомый мужской голос просит меня с готовым выпуском новостей для «Маяка» зайти в приемную председателя.

Как? Ведь он же за границей?

Впервые за годы работы захожу в полуосвещенную приемную. Чуть левее — кабинет. Мне кажется в нем холодно и неуютно. Мне навстречу из-за стола спешит, улыбаясь, среднего роста худощавый мужчина:

— Здравствуйте! Я — Николай Николаевич Месяцев. Садитесь. Покажите мне выпуск «Маяка», который подготовлен для эфира.

Берет текст и с первой же страницы что-то решительно вычеркивает, именно вычеркивает, а не правит. Через пару минут возвращает мне материалы:

— С этого часа каждый информационный выпуск, прежде чем отнести его в студию, приносите мне на визу. Да, и внимательно посмотрите мою правку.

Выйдя из кабинета, я тут же открываю выпуск и вижу на первой странице официальной хроники вычеркнуты имя и должность Хрущева. Вместо этого написано: «Сегодня в Кремле состоялась встреча...»

Ночь Месяцев провел на новом рабочем месте.

«Конечно, я понимал, что для меня означало сохранение Хрущева на его высоких постах, — вспоминал Месяцев. — Тюрьма. И не только...»

Замы доложили руководителю радио и телевидения, что вычеркивание Хрущева завершено. Заместитель председателя комитета по внутрисоюзному вещанию Алексей Архипович Рапохин, тоже бывший секретарь ЦК ВЛКСМ, провел нового начальника по редакциям и службам.

Никита Сергеевич не выдержал давления. Он устал. Промаявшись всю ночь, утром 14 октября Хрущев появился на заседании президиума уже готовый подать в отставку и уйти. Все участники заседания единогласно высказались за то, что Хрущев должен уйти на пенсию.

В последний раз предоставили слово Хрущеву. Он был подавлен. Говорил:

— Я рад за президиум, что он такой зрелый. Все, что сейчас делается, это победа нашей партии. Я уйду и драться с вами не стану — идеология и основа у нас с вами одна. Я понимаю, что это моя последняя политическая речь — лебединая песня. На пленуме я выступать не буду, но хотел бы обратиться к пленуму с просьбой.

Ему отказали. На глазах у Хрущева появились слезы:

— Напишите заявление о моем уходе, о моей отставке, я его подпишу. Я полагаюсь на вас в этом вопросе. Скажите, где мне жить. Если нужно, я уеду из Москвы.

Кто-то откликнулся:

— Зачем это делать? Не нужно.

— Если у вас пойдут дела хорошо, — сказал Хрущев, — я буду только радоваться и следить за сообщениями газет. Спасибо за совместную работу, за критику.

От имени Хрущева Гришин и Ильичев составили заявление:

«ЦК КПСС

Товарищи члены ЦК КПСС, кандидаты в члены ЦК КПСС, члены Центральной ревизионной комиссии КПСС!

В связи с преклонным возрастом и учитывая состояние моего здоровья, прошу ЦК КПСС удовлетворить мою просьбу об освобождении меня от обязанностей первого секретаря ЦК КПСС, члена президиума ЦК КПСС и председателя Совета министров СССР.

По изложенным выше причинам я не могу исполнять ныне возложенные на меня обязанности.

Обещаю Центральному комитету КПСС посвятить остаток своей жизни и сил работе на благо партии, советского народа, на благо построения коммунизма».

Никита Сергеевич поставил свою подпись.

В тот же день в шесть вечера в Свердловском зале Кремля созвали пленум ЦК. С докладом выступил секретарь ЦК Михаил Андреевич Суслов, который зачитал заранее подготовленное обвинительное заключение по делу Хрущева. Решили прений не открывать — чтобы не давать слова Хрущеву. Никто из членов Центрального комитета и не попросил слова. Единодушно освободили Хрущева от его должностей.

На пост первого секретаря предложили Брежнева. Председателем Совета министров рекомендовали Алексея Николаевича Косыгина, который последние четыре года был одним из двух первых заместителей Хрущева в правительстве.

14 октября, в течение всего дня, никто новому руководителю радио и телевидения Месяцеву не позвонил. Он пытался узнать, что происходит на Старой площади, но в руководящих кабинетах никого не обнаружил. Вторую ночь он тоже провел на рабочем месте. Только утром позвонили из ЦК и сказали, что посылают указ о назначении Месяцева председателем Госкомитета по радиовещанию и телевидению.

В семь вечера его принял Брежнев.

В кабинете нового первого секретаря ЦК КПСС было многолюдно. Помимо Месяцева присутствовал недавний руководитель идеологического отдела ЦК Владимир Ильич Степаков, которого отправили руководить «Известиями». Все говорили свободно и раскованно. Брежнев держался дружелюбно, просил не стесняться и в случае необходимости звонить ему... Месяцева на ближайшем съезде партии избрали кандидатом в члены ЦК, сделали депутатом Верховного Совета.

Александр Шелепин вспоминал позднее, что после пленума, на котором Хрущева отправили на пенсию, все члены президиума ЦК собрались с ним попрощаться. Все стояли. Никита Сергеевич подходил к каждому, пожимал руку. Когда подошел к Шелепину, вдруг сказал:

— Поверьте, что с вами они поступят еще хуже, чем со мной...

Шелепин тогда, наверное, только усмехнулся. Но Никита Сергеевич не ошибся.

Сам он никак не мог оправиться от удара. Бывший помощник Хрущева по идеологии Владимир Лебедев рассказывал Твардовскому:

«Первое время Никита Сергеевич очень переживал, просто плакал горячими слезами, постепенно только утих и, может быть, смирился. Все это было полнейшей неожиданностью».

По словам Рады Никитичны, Хрущев ожидал худшего. На даче метался по дорожкам, предполагал, что его могут арестовать или сослать.

Александра Твардовского вместе с другими редакторами пригласили в ЦК, и ведавший литературой Дмитрий Алексеевич Поликарпов рассказал, как снимали Хрущева.

Твардовский записал в дневнике:

«Ни тогда, ни теперь никто ничего не спрашивал у народа, даже у партии. Все решается группой в десяток человек, а затем выносятся в круглый зал, происходит привычно-автоматическое голосование («прения будем открывать?») — было спрошено и теперь для проформы».

То, что устранение его проведено его же методом, «внутренним оформлением», без обсуждения, без объяснения народу истинных причин, под стыдливым и натянутым «собственным желанием» — это не сулит ничего доброго...

Та же сила, что подняла его на вершину власти, та самая, с помощью которой он устранил даже такое на своем пути препятствие, как Молотов и другие, — она же теперь и стряхнула его с ветки истории — обкомы.

Помню, как на одном из первых его пленумов (по развенчанию Берии) плакал на трибуне один довольно слащавый украинский секретарь обкома:

сколько он страху натерпелся в ожидании ареста. Плакал натуральными слезами. Вообще получилось, что «культ личности» — это прежде всего и главным образом тяжелые переживания секретарей обкомов и равных им или вышестоящих в ожидании ночного визита берианских молодцов.

С первых своих шагов Никита Сергеевич дал гарантии, что больше этого не будет, секретари могут спать спокойно. И тогда в пятьдесят седьмом он позвал их в момент борьбы с «антипартийной группировкой», они явились и отплатили ему верной службой.

Но когда, увлеченный «зудом реорганизации», он дошел до амебного разделения обкомов и лишил их власти («два, значит, ни одного»), лишил этого объекта честолюбивых мечтаний о месте «первого», они, хотя и проголосовали автоматически за это решение, но уже простить этого ему не могли — всё бы другое простили — кукурузу и прочее, а этого нет.

И вот их призвали, чтобы проголосовать против него, и они это сделали со сластью, вложив в автоматику традиционного голосования всю искренность своего волеизъявления — с репликами, аплодисментами, чуть ли не улюлюканьем против него, сидевшего молча на крайнем месте за столом президиума.

Боже мой, сколько запоздалого раскаяния, горечи, гнева и возмущения было в его груди на этом последнем для него пленуме в круглом зале».

После пленума ЦК Александр Шелепин завел в свой кабинет уже снятого с должности хрущевского зятя Аджубея. Они с давних пор были на «ты». Заказал чаю с неизменными сушками, которые выпекали специально по заказу управления делами ЦК. Посоветовал ошеломленному происходящим Алексею Ивановичу:

— Не уехать ли тебе года на два из Москвы? Полезут ведь иностранцы с интервью. А потом мы тебя вернем.

Аджубей благоразумно отказался.

— Ушел бы Хрущев в семьдесят лет на пенсию, — вздохнул Шелепин, — мы бы ему золотой памятник поставили.

Наверное, ему было несколько неудобно перед Аджубеем: Алексей Иванович неизменно нахваливал Шелепина тестю.

Для самого Алексея Аджубея все происшедшее было ударом. Он дружил с Шелепиным и не мог предположить, что тот примет деятельное участие в свержении Хрущева и что его самого выбросят со всех должностей. Правдисту Илье Шатуновскому Аджубей незадолго до октябрьского пленума, выпив несколько рюмок, сказал:

— Вот некоторые полагают, что как только Хрущев сойдет со сцены, мне будет крышка. А почему? Кто-то захочет отыграться на мне за

Хрущева? Но за что?

Аджубей вернулся в «Известия» прощаться с редакцией. Он в последний раз сидел в редакторском кресле.

«Конечно, прощаться пришли не все, — вспоминал Мэлор Стуруа, который всю жизнь проработал в «Известиях». — Одних заморозил страх, другие ходили в обиженных, третьим были не по нутру ни Аджубей, ни Хрущев со своими новациями».

Бывшего главного редактора проводили до дома два человека, другие не решились.

Никита Сергеевич считал председателя КГБ Владимира Семичастного и его предшественника Александра Шелепина лично преданными ему людьми. Он действительно высоко вознес этих молодых людей, но относительно их настроений и планов сильно ошибся...

Может, Шелепин и Семичастный зря приняли участие в свержении Хрущева? Им было бы лучше, если бы он остался. Не жалели ли потом Шелепин и его друзья, что все это сделали?

— Нет, — говорил Владимир Семичастный. — Хрущев к нам хорошо относился, он даже не поверил, когда ему сказали, что мы с Шелепиным участвовали. Но дело не в этом. Обстановка в стране была такая, что нельзя было больше этого терпеть. Мы ошиблись с Брежневым, хотя объективно у него все данные были. Косыгин бы подошел, но он всегда был на вторых ролях. А Брежнев подходил по всем данным. Вторая роль в партии, занимался космосом, ракетными делами. Симпатичный, общительный...

Свержение Хрущева не вызвало недовольства в стране. Напротив, возникла надежда на обновление и улучшение жизни. Появились молодые и приятные лица. Старое-то партийное руководство за небольшим исключением представляло собой малосимпатичную компанию.

Через месяц, на ноябрьском пленуме ЦК, окончательно решилась судьба хрущевского зятя. Алексей Аджубей не пошел на пленум, полагая, что ему лучше там не появляться — не мозолить глаза, и ошибся, потому что он понадобился. Председательствовавший Брежнев зачитал решение президиума: вывести Аджубея из состава ЦК КПСС. Но Алексея Ивановича не оказалось в зале. Работников общего отдела ЦК, ведавших подготовкой пленума, отрядили его искать. Нашли.

Брежнев сказал:

— Теперь, товарищи, о дальнейшем порядке нашей работы. Перед тем как перейти к международным делам, давайте вернемся к вопросу о товарище Аджубее. В момент, когда я докладывал пленуму предложение президиума ЦК КПСС, товарища Аджубея не было. Сейчас товарищ

Аджубей присутствует. Товарищ Аджубей присутствует?

Алексей Иванович откликнулся из зала:

— Да, я здесь.

Брежнев кивнул:

— Я повторю, что президиум ЦК рассмотрел вопрос о товарище Аджубее и принял решение внести на обсуждение пленума ЦК вопрос о выводе товарища Аджубея из состава членов Центрального комитета за допущенные им ошибки в работе и поведении. Уже говорили, что в соответствии с уставом этот вопрос должен быть решен путем тайного голосования. Товарищ Аджубей, имеете ли вы желание выступить на этом вопросе?

— Два слова хочу сказать.

— Пожалуйста, товарищ Аджубей. — Леонид Ильич демонстрировал партийный демократизм.

Но ни жестом, ни тоном он не показал, что они с Аджубеем были на «ты». Еще недавно Леонид Ильич дорожил хорошими с ним отношениями.

Алексей Иванович пытался найти аргументы в свою защиту:

— Во-первых, я хотел бы сказать товарищам, что я не присутствовал на первой части пленума потому, что поздно меня предупредили, а не из неуважения к собравшимся... Хотел бы также сказать о том, товарищи, что я прошел обычный журналистский путь. Десять лет работал в «Комсомольской правде», воспитывался без отца, с матерью, кончал университет заочно, был практикантом, репортером, завотделом, редактором, главным редактором, а в 1959 году, когда был назначен в «Известия», постарался сделать так, как я мог, вместе с товарищами, чтобы была интересная газета. Естественно, что в деятельности газеты, наверное, были недостатки, промахи и даже ошибки. Я только хотел сказать членам Центрального комитета партии, президиума ЦК, это знают товарищи, что никогда в деле не использовал свое положение или родственные отношения. Я никогда не огрызался на критические замечания, мне никогда не приходило этого в голову...

Но его оправдания не имели никакого значения. Как положено, избрали счетную комиссию, проголосовали, и Аджубей, уже оставшийся без работы, перестал быть членом ЦК. 17 ноября все газеты поместили информационное сообщение о пленуме, там говорилось и о выводе Аджубея из состава ЦК.

Потом Алексей Иванович сожалел, что неубедительно говорил на пленуме, сосредоточился на семье, а надо было рассказать об успехах газеты, о том, что почти втрое увеличился тираж... Да какие бы слова он ни

нашел, судьба его была решена. Алексей Иванович был не просто зятем Хрущева. Он стал очень влиятельной и самостоятельной фигурой, вызывал ненависть и раздражение партийного чиновничества.

Суслов, говоря на пленуме об Аджубее, назвал его «политически незрелым человеком»:

— Президиуму пришлось принимать меры, чтобы обезвредить развязную и безответственную болтовню этого гастролера. Президиум Центрального комитета освободил Аджубея от работы редактора газеты «Известия».

В зале заплодировали и закричали:

— Правильно!

В докладе, подготовленном Полянским для пленума, еще жестче говорилось об Аджубее:

«Хрущев все чаще поручает ответственные переговоры не руководителям партии и государства, не министру иностранных дел, а своему зятю. Политика становится, так сказать, семейным делом, и Аджубей теперь его особо доверенный человек. Товарищ Хрущев ежедневно, порой неоднократно, ссылается на него: Аджубей сказал то-то, посоветовал то-то.

Он стал исполнителем многих его затей во внутренней и внешней политике, в расстановке кадров. Хотя надо прямо сказать — это совершенно неподготовленный для таких целей человек и к тому же болтливый, опасный человек, с авантюристическими замашками.

Недавно по поручению товарища Хрущева Аджубей ездил в ФРГ. В беседах с западными журналистами Аджубей вел себя безответственно, делал заявления, которые дали повод западной прессе изображать дело таким образом, будто Советский Союз в интересах улучшения отношений с ФРГ готов пойти на уступки милитаристам за счет Германской Демократической Республики и Народной Польши...»

История и в самом деле вышла громкая. Алексей Аджубей в силу своего особого положения и самостоятельности (и, пожалуй, самоуверенности) за границей говорил и рассуждал куда более свободно, чем любой советский чиновник самого высокого ранга.

«Во время летней поездки в ФРГ, — записал в дневнике Владимир Семенов, который в Министерстве иностранных дел курировал немецкое направление, — Аджубей, оказывается, многожды повторял, что Ульбрихт не вечен, что он стар и у него будто бы рак, намекал, что Россия не раз сдерживает орды монголов, катившиеся на Европу.

Вспоминаю, как Аджубей говорил мне перед поездкой в ФРГ: «Я к вам

заеду, конечно, и к Громыко. Вы же знаете эти дела. А в общем я найду, что сказать, конечно». И не приехал, конечно».

А в Восточной Германии ревниво следили за всеми советскими руководителями, приезжавшими в ФРГ. Всякое неосторожное слово трактовалось как предательство идей социализма. В прежней ситуации полученный из ГДР донос на Аджубея списали бы в архив, а в октябре 1964 года он стал желанным поводом для увольнения хрущевского зятя. В первых числах ноября руководители Восточной Германии нагрянули в Москву — знакомиться с новым руководством.

«Вчера встречал делегацию ГДР, — записал в дневнике Семенов. — Ульбрихт весь седой, но бодрый, в приподнятом настроении и настроен как-то зло. Тут, конечно, сказались хулиганские выходки против него Аджубея. Мы получили материалы об этом от Ульбрихта — подобных безобразий не приходилось еще читать».

Аджубей почему-то думал, что его высокое положение объясняется исключительно его талантами, а не должностью его тестя. Он действительно был очень талантливым редактором, но этого было недостаточно для того, чтобы стать редактором «Известий» и членом ЦК. Он вел себя на равных даже с членами президиума ЦК, с некоторыми из них перешел на «ты», обращался к ним запросто — «Лёня, Саша». Никто другой себе такого не позволял.

Известинец Леонид Шинкарев рассказывал, как к Аджубею подошел член ЦК и первый секретарь Иркутского обкома Семен Николаевич Щетинин и выразил недовольство публикацией в газете о делах в области. Наставительно, как привык разговаривать с журналистами, заметил:

— Обком не станет возражать, если редакция переведет собкора в другую область!

Аджубей побагровел:

— Мы доверяем нашему корреспонденту! Собкоры «Известий» — это те же партийные работники, но еще умеющие писать. Ваше отношение к критике, товарищ Щетинин, настораживает. Советую подумать над этим!

В тот момент иркутский хозяин не посмел противоречить хрущевскому зятю, но и Семен Щетинин, и другие первые секретари не простили Аджубею, что, поверив в свою звезду, он не считался с аппаратом.

Первый секретарь ЦК компартии Украины Петр Шелест у себя в Киеве жаловался своим соратникам на Аджубея:

— Товарищи, газета «Известия» — это же семейная газета Хрущева! (Аплодисменты.) Кадры избивает. Знаете, что «Известия» может по

любому секретарю обкома, любому, понимаете, руководителю, заслуженному у нас, может какую гадость... (С места: «Правильно!» Аплодисменты.) Вот недавно было, товарищи. Всем известен Петр Кривонос. Он, как все мы, имеет и недостатки, и положительные качества. Нету человека, который бы идеально кристально чистым был, такого бы человека мы взяли под колпак и ходили на экскурсию смотреть... Так вот написали о Кривоносе «Свадьба с премией». Фельетон. Это же опозорили человека, коммуниста, члена ЦК нашего, депутата Верховного Совета — за что? Я звонил Аджубею: Алексей Иванович, здравствуйте. Он: ну, разве это вопрос первого секретаря ЦК. Он мне дает направление, какими вопросами мне заниматься. Речь идет о коммунисте, о члене Центрального комитета нашей партии, Украины, мне справку о Кривоносе подготовили. Он: ну, хорошо, спасибо за разъяснение, и положил трубку. Ну вот, мы ему дали разъяснение, сняли его с редактора газеты. (Аплодисменты.).

Больше никого из хрущевского окружения не тронули, все остались при своих партийных регалиях, даже бывший главный редактор «Правды» Павел Алексеевич Сатюков. Твардовский, который присутствовал на пленуме, записал в дневнике: «Сатюков был как маслом облитый, ликовал: меня, мол, снять-то сняли, но не вывели».

Бывшего главного редактора «Правды» перевели в журнал «Агитатор» на небольшую должность, потом председатель Гостелерадио Сергей Георгиевич Лапин взял его к себе руководителем главной редакции научно-популярных и учебных программ.

Алексей Иванович Аджубей в сорок лет остался без работы. Его куда не хотели брать, потом устроили в иллюстрированный журнал «Советский Союз». Печататься он мог только под псевдонимом. Сама фамилия хрущевского зятя была под запретом. В какой-то момент его вызвали в ЦК и сказали: надо вам вместе с женой перебраться в Благовещенск, работой обеспечим.

Рада Никитична написала письмо дочери Брежнева — Галине Леонидовне. Письмо дошло до адресата и возымело действие. Аджубей пригласил Константин Устинович Черненко, успокоил: все утрясется.

«Какая драматичная судьба! — писал Анатолий Друзенко, один из талантливых журналистов-известинцев. — Пять лет в «Известиях» — беспрецедентное могущество, ничего невозможного, заслуженная слава, поклонение, зависть. Последующие двадцать пять (!) — забвение и безмолвие...»

МОГ ЛИ ШЕЛЕПИН СМЕНИТЬ БРЕЖНЕВА

На ноябрьском пленуме 1964 года Александр Николаевич Шелепин получил повышение, вошел в президиум ЦК. Его включили и в состав Главного военного совета при Совете обороны СССР, о чем в газетах в ту пору не писали. Само существование Совета обороны было секретом. Теперь Шелепин уже официально воспринимался как один из руководителей страны. В реальности — и это станет ясно очень быстро — его влияние определялось особым расположением к нему Хрущева. После его ухода положение Шелепина стало шатким, несмотря на членство в президиуме (политбюро) ЦК.

Как же у него складывались отношения с Брежневым?

— Вначале они были едины, — рассказывал Валерий Харазов. — Они даже семьями встречались, вроде бы дружили, а потом возникли разные мелкие проблемы, оставлявшие, однако же, неприятный осадок.

Между Брежневым и Шелепиным быстро пробежала черная кошка.

— Брежневу сначала был нужен сильный человек, который бы имел ключи к КГБ и поддержал его как лидера партии и государства, — рассказывал Леонид Замятин. — Образовался тандем Брежнев — Шелепин. Но потом Брежнев стал присматриваться к Шелепину. И доброхотов много оказалось, которые о Шелепине разное рассказывали...

Внешне Брежнев вел себя очень дружелюбно, многозначительно намекал Шелепину, что, дескать, ты меня будешь заменять во время отпуска или командировок. А потом, уезжая, оставлял на хозяйстве других. Шелепину не доверял.

Как-то старый друг по комсомолу Вячеслав Кочемасов заехал в ЦК к Шелепину, поинтересовался, какие у него теперь обязанности. Все думали, что Шелепин будет вторым секретарем. Александр Николаевич развел руками:

— Постоянных обязанностей у меня нет, есть только постоянные разговоры.

— На несколько месяцев Шелепин был выдвинут на вторую роль, — рассказывал Владимир Семичастный. — Брежнев вручил ему оргдел, кадры, все самое важное. Шелепин этим занимался. Затем кадры Брежнев передал новому секретарю ЦК Капитонову и замкнул его на себя. А

Шелепину поручил легкую и пищевую промышленность, финансы.

Ключевым в аппарате ЦК был отдел организационно-партийной работы. Все кадровые перемещения номенклатуры регулировались этим отделом. Поэтому Брежнев поставил во главе отдела Ивана Васильевича Капитонова, человека, который ничего не смел сделать без его ведома.

Очень скоро у Шелепина начались конфликты с ведущими членами президиума ЦК.

2 сентября 1965 года на президиуме ЦК в конце заседания Брежнев сказал, что надо обсудить записку первого секретаря ЦК компартии Украины Петра Ефимовича Шелеста о работе союзного Министерства внешней торговли: Киев просил разрешить республике самостоятельно заниматься внешней торговлей. Леонид Ильич сразу уточнил, что не знал о существовании письма, поскольку находился в отпуске. Это был сигнал: первый секретарь инициативу украинцев не поддержит.

Решительно все члены президиума возразили против предоставления Украине права самостоятельно торговать с заграницей. Микоян сказал, что еще сорок лет назад был решен вопрос о монополии внешней торговли и его пересмотр невозможен.

Записка Шелеста стала поводом для политических обвинений. Члены президиума говорили, что Шелест не только подрывает ленинский принцип монополии внешней торговли, но и искажает ленинскую внешнюю политику. Заговорили о том, что на Украине слабо ведется борьба против буржуазного национализма, что республиканское руководство претендует на особое положение, проявляет местничество, нарушает государственную и плановую дисциплину.

Поставили Шелесту в вину и то, что вывески на магазинах и названия улиц написаны на украинском языке. Севастополь — город русской славы, а надписи на украинском. На эту тему резко высказались Суслов и Косыгин. Не ожидавший такой реакции Шелест сказал, что он теперь понимает ошибочность своего письма и готов взять его обратно. Но товарищи по президиуму ЦК не дали ему возможности избежать проработки.

— Товарищ Шелест, — сказал Микоян, — ваш долг, приехав в Киев, сообщить обо всем членам президиума ЦК компартии Украины, навести настоящую самокритику в связи с той политической ошибкой, которая вытекает из вашего предложения, и сделать необходимые выводы.

Новый секретарь по вопросам идеологии, науки и культуры Демичев заявил, что на Украине и в самом украинском Центральном комитете вообще процветает национализм и в партийном аппарате в Киеве почти не

осталось русских.

Еще жестче выступил Шелепин, который сказал, что за политическую ошибку Шелеста несет ответственность не только он сам, но и Подгорный, который, пользуясь своим положением второго человека в партии, никому не позволяет вмешиваться в дела Украины.

«Кураторство над Украиной» — это была опасная формулировка. За «кураторство над Ленинградом» при Сталине расстреляли члена политбюро Николая Вознесенского и секретаря ЦК Алексея Кузнецова.

— Дело дошло до того, что в Севастополе при вручении награды Черноморскому флоту, флоту русской славы, все выступления были на украинском языке, — возмущался Шелепин. — В Крыму русских больше, но передачи по радио, по телевидению ведутся на украинском языке. И вообще украинский язык насаждается в ущерб русскому. Так что националистическая линия просматривается не только во внешней торговле, но в политике, в идеологии.

Шелепин потребовал провести пленум ЦК компартии Украины и по-настоящему разобраться, что происходит в республике.

Шелест отверг все обвинения. Зло ответил Шелепину:

— Что касается оргвыводов, то вы не разбираетесь, что делается на Украине. Если вы хотите созвать пленум, то созывайте и послушайте, что вам там скажут!

Столь же резко реагировал на обвинения Подгорный.

Анастас Микоян увидел в этой атаке на украинское руководство проявление великодержавного шовинизма. Но потом пришел к выводу, что за этой схваткой стояла попытка группы Александра Шелепина подорвать позиции влиятельной украинской группы, на которую первоначально опирался Брежнев.

Леонид Ильич спустил это дело на тормозах. Он примирительно сказал, что сомневается, надо ли проводить пленум, наверное, достаточно того, что члены президиума обменялись мнениями, а товарищ Шелест все замечания учтет.

Брежнев, с одной стороны, был обеспокоен жесткостью атаки со стороны Шелепина, а с другой — доволен ослаблением позиций Подгорного. Это развязывало ему руки. Он не хотел видеть Подгорного в роли полноправного второго секретаря и нашел ему место председателя президиума Верховного Совета.

Брежнева поначалу считали руководителем слабым, временным. А стране нужна крепкая рука, вот и думали, что Брежневу придется уступить место более молодому, образованному и энергичному лидеру Шелепину.

Вокруг него группировались в основном недавние выходцы из комсомола, которые занимали видные посты в органах госбезопасности, внутренних дел, аппарате ЦК, идеологических учреждениях.

— Скоро все переменится. Леня долго не усидит, придет Шелепин. Шурик меня не забудет, ему без меня не обойтись. Надо только немного подождать, — говорил Аджубей, ссылаясь на старых приятелей по комсомолу — директора ТАСС Дмитрия Горюнова и заместителя управляющего делами ЦК Гранта Григоряна.

По словам Аджубея, «Шелепин ни в грош не ставил Брежнева. Да тот по силе характера не годился и в подметки Шелепину, «железному Шурику», как называли его в ближайшем окружении... Многое обещало Шелепину победу в предстоящей схватке с Брежневым. Он к ней готовился. Однако не учел, что силу ломит не только сила, но и хитрость. И тут ему было далеко до Брежнева».

— Брежнев — работник максимум областного масштаба, а не руководитель огромного государства, — говорил Леонид Замятин. — Примитивный, две-три мысли связать не в состоянии, теоретических знаний никаких. Ему все речи писали...

Сам Шелепин (уже на пенсии) рассказывал помощнику Горбачева Валерию Болдину:

— Теоретически Брежнев был малограмотным. Ленина, видимо, не читал. В этом я убедился, например, когда работал в Завидове. Он меня пригласил, готовили доклад на XX1У съезде партии. Я был поражен: самых основных произведений Ленина он не знал. И литературные произведения не читал. Он, кроме «Крокодила», ничего не читал. Я убедился, что никакие идеи, предложения, мысли у Брежнева не возникали — не помню этого. Единственное, что он говорил: «Это слово, может быть, заменить на другое». Вот и вся его роль в подготовке доклада к съезду.

Это было столкновение не только двух личностей. Молодые партийные руководители, которые свергли Хрущева, ждали больших перемен в политике, экономике, личной судьбе, а получилось, что они убрали Хрущева только для того, чтобы Леонид Ильич мог наслаждаться властью.

Владимир Семичастный говорил:

— Мы с Шелепиным занимали довольно критическую позицию с момента прихода Брежнева к власти. Это убеждало его, что мы куда-то рвемся. Его напугало, что операция с Хрущевым была проведена так тихо и спокойно.

Наверное, Леонид Ильич опасался, что Шелепин с Семичастным и его

захотят убрать, как убрали Хрущева.

Люди, которые знали их обоих, говорят, что Брежнев только казался добродушным. Он мягко стелил, но спать было жестко. Александр Николаевич Шелепин был немногословным, волевым, организованным, держал себя в руках, не любил расхлябанности. Но едва ли он был таким уж крутым и жестким, каким его изображали.

— «Железный», значит, все должен подминать под себя, так? — говорил о Шелепине Николай Месяцев. — А он был демократичный по натуре человек. Милый, симпатичный парень. И он не был мстительным. У нас ведь принято: как попал в беду, так вколачивают в землю по уши. А он не мстил людям.

— Разговоры, что он был очень крутой, думаю, завели, чтобы его дискредитировать, — считал Николай Егорычев. — А не было этого на самом деле. Он был демократичным и доступным. Я знал только двух человек в руководстве страны, которые сами снимали телефонную трубку, Косыгина и Шелепина. К остальным надо было пробиваться через помощников и секретарей. Причем если Шелепин был на совещании и не мог разговаривать, он всегда потом сам перезванивал...

Самому Шелепину было неприятно, что его называют «железным Шуриком».

«Я никогда не тяготел к диктаторским методам руководства, — писал он уже будучи на пенсии. — Считаю себя убежденным демократом, и это хорошо видели товарищи, работавшие со мной, близко меня знающие на протяжении многих лет».

А мог все-таки Александр Шелепин стать первым человеком в стране?

Его слабым местом считалось отсутствие опыта практической работы. Из комсомола он перешел сразу в КГБ, а затем в ЦК. Он никогда не руководил регионом или какой-то отраслью народного хозяйства.

С одной стороны, он не был своим для первых секретарей обкомов. Говорят, что они бы его не поддержали. С другой — в областях и краях многие партийные руководители были выходцами из комсомола. Они с уважением относились к Шелепину. Он был самым молодым членом политбюро и, возможно, самым умным. Так что у него был шанс стать первым.

Александр Исаевич Солженицын писал тогда: «Готовился крутой возврат к сталинизму во главе с «железным Шуриком»...» Шелепин представлялся Солженицыну монстром: ««Железный Шурик» не дремлет, он крадется там, по закоулкам, к власти, и из первых его движений будет оторвать мне голову».

— Шелепин не глупый был человек, с хорошим образованием, — вспоминал академик Александр Николаевич Яковлев, который в те годы руководил отделом пропаганды ЦК партии. — Способный, но догматик. На секретариате ЦК однажды он выступил в защиту Лысенко. Тошнехонько было его слушать.

У Шелепина было сложное отношение к Сталину. На посту председателя КГБ он многое сделал для процесса реабилитации незаконно осужденных. Он безусловно осуждал репрессии 1937 года. Но за остальное, по мнению Шелепина, особенно за победу над Германией, Сталин заслуживает глубокого уважения. В этом он радикально расходился с Хрущевым.

— Александр Николаевич был своего рода сталинистом, — говорил Леонид Замятин. — Получилось, что Хрущев, когда начал борьбу со сталинизмом, опирался на человека, который был против него самого.

— Он был прожженный сталинист андроповского типа, может быть, даже жестче, — считал Александр Яковлев. — А положительное в нем было то, что он говорил: начинать обновление надо с партии, чтобы аппарат вел себя прилично. Мне нравилось, что он говорил о привилегиях как о заболевании партийно-государственного аппарата...

«Он имел репутацию сталиниста, — вспоминает Карен Брутенц, который многие годы работал в международном отделе ЦК, — не исключено, специально созданную брежневцами, опасавшимися честолобивого деятеля, который, считалось, нацелился на пост генсека.

Между тем именно Шелепин выступил на XX11 съезде КПСС с бескомпромиссным докладом, посвященным сталинским репрессиям. Он возглавлял реабилитационные комиссии и за его подписью — он какое-то время был председателем КГБ — нет ни одной записки об арестах. Впрочем, не исключено и то, что он был не прочь несколько «натянуть вожжи» после хрущевских метаний».

Шелепин настаивал на том, чтобы в партийных документах акцентировался классовый подход, требовал давать отпор империализму и добиваться взаимопонимания с маоистским Китаем. Интеллигенция и даже часть аппарата ЦК боялись его прихода к власти, считая, что это станет возвращением к сталинским порядкам.

Шелепин (да и Семичастный) с его характером и решительностью внушал страх не только самому Брежневу, но и многим другим высшим чиновникам, вцепившимся в свои кресла. Им куда больше нравился Брежнев с его основополагающим принципом: живи и давай жить другим.

Шелепин представлял молодую, образованную часть аппарата, которая

пришла на государственные должности после войны. Она исходила из того, что экономика нуждается в обновлении, в реформах и прежде всего в технической модернизации. Она хотела экономических реформ при жесткой идеологической линии. Это примерно тот путь, который избрал Китай при Дэн Сяопине. Молодые партийные руководители поддерживали Косыгина и Шелепина. Если бы Шелепин возглавил страну, страна пошла бы, условно говоря, по китайскому пути.

— Он был сторонником того, чтобы открыть частные парикмахерские, часовые мастерские. Считал глупостью ликвидацию промкооперации... — рассказывал Валерий Харазов. — А то еще был период, когда выпускали только большегрузные автомобили, а возили на них три ящика. Но была линия, и никто не хотел от нее отходить. А он понимал: это глупость...

Характер Шелепина проявился во время одной знаменитой истории, имевшей серьезные последствия.

«Комсомольская правда» в июне 1965 года опубликовала невиданно резкую статью писателя Аркадия Сахнина «В рейсе и после», дискредитировавшую обласканного властью генерального капитан-директора Одесской китобойной флотилии Героя Социалистического Труда Алексея Соляника, чье имя гремело по всей стране. Он руководил флотилией из трех десятков судов-китобойцев, тогда еще промысел китов не был запрещен.

Из статьи следовало, что капитан-директор Соляник — самодур и хам, занимается махинациями. Флотилия вела промысел в тропиках, в тяжелых условиях, моряки болели и умирали, их тела замораживали и доставляли в порт только после окончания промыслового рейса.

Главным редактором «Комсомольской правды» был известный журналист и поэт Юрий Петрович Воронов, его первым замом — Борис Дмитриевич Панкин. Они вдвоем и решили опубликовать статью Сахнина.

Панкин потом вспоминал, что они учитывали и настроения Шелепина, который по старой привычке опекал «Комсомольскую правду».

«Больше всего на свете, — писал Панкин, — Шелепин боялся идеологической ереси. Но считал, что питательной почвой для нее является реальное зло — бюрократизм, коррупция, своевластие партийных и советских вельмож. С этим он призывал бороться не на жизнь, а на смерть. Прущая наверх «днепропетровская мафия» была для него олицетворением многих из этих зол. Все это делало Шелепина естественным нашим союзником».

Руководство Украины возмутилось, потребовало наказать газету. Председатель президиума Верховного Совета Украины Демьян Сергеевич

Коротченко заявил членам Одесского обкома:

— Статья лживая. В обиду мы Соляника не дадим. Из этого и исходите.

Бюро Одесского обкома приняло решение:

«Целый ряд фактов в указанной статье изложен необъективно, а в отдельных случаях рассчитан на сентиментальную слезливость обывателя. Героический труд коллектива коммунистического труда освещен как рабский труд подневольных людей.

Товарищ Соляник заслуживает суровой критики, но делать это такой ценой, как сделала газета, не нужно и вредно. Это привело к дезинформации общественного мнения как у нас в стране, так и за рубежом».

В Москве за Соляника вступился и самый влиятельный выходец с Украины, член президиума ЦК Николай Викторович Подгорный. С его мнением вынужден был считаться и Брежнев. Секретарь ЦК КПСС, отвечавший за идеологию, Михаил Андреевич Сулов поручил отделу пропаганды и партийной комиссии при ЦК разобраться и доложить.

Отдел пропаганды, которым руководил Александр Николаевич Яковлев, изучил ситуацию с флотилией, привлёк прокуратуру и составил служебную записку: за исключением некоторых мелочей статья правильная.

Партийная комиссия поддержала эти выводы. Первый заместитель председателя парткомиссии Зиновий Сердюк, в прошлом секретарь компартии Украины, не очень любил новое киевское начальство, поэтому не горел желанием наказывать газету. В Одессу отправился ответственный контролер парткомиссии Самойло Алексеевич Вологжанин. Он выяснил, что Соляник присваивал деньги, которые выделялись ему на закупку продовольствия для моряков, зато щедро оделял подарками сильных мира сего в Одессе, Киеве и Москве. Так что покровителей у него оказалось предостаточно. Вологжанин представил соответствующую справку Сердюку. Тот прочитал и сказал:

— В таком виде информация не пойдет. Товарищ Подгорный выразил недовольство вашей работой. Недоволен и первый секретарь ЦК компартии Украины товарищ Шелест.

Но Вологжанин был человеком принципиальным и отказался переделывать справку. Его поддержал и помощник Сердюка Стефан Могилат, который спустя почти четыре десятилетия и рассказал, как все это было. Сердюк подписал справку. Он понимал, какими будут последствия. Ему стало плохо. Его уложили на диван в комнате отдыха, дали валидол.

Через четыре месяца, в октябре, вопрос обсуждался на секретариате ЦК. Председательствовал Суслов. Первому он дал слово Алексею Солянику. Чувствуя мощную поддержку, капитан-директор уверенно заявил, что статья в «Комсомолке» — это клевета, подрыв авторитета руководства, оскорбление коллектива... Требовал наказать газету и тех, кто ее поддерживает.

Вдруг открылась дверь, и появился Брежнев. Леонид Ильич никогда не приходил на заседания секретариата — это был не его уровень. Он председательствовал на политбюро. Брежнев молча сел справа от Суслова. Присутствующим стало ясно, что генеральный секретарь пришел поддержать Соляника. Известно было, что у Брежнева особо тесные отношения с украинским руководством.

Все выступавшие дружно осудили газету и поддержали Алексея Соляника. А относительно записки отдела пропаганды ЦК дипломатично говорили: отдел не разобрался, не глубоко вник. Все шло к тому, что надо наказать газету и реабилитировать Соляника. И тут слово взял Александр Шелепин, секретарь ЦК и член политбюро:

— У нас получилось очень интересное обсуждение. Но никто не затрагивал главного вопроса: а правильно в статье изложены факты или неправильно? Если неправильно, то давайте накажем и главного редактора «Комсомолки», и тех, кто подписал записку. А если факты правильные, то давайте спросим у товарища Соляника: в состоянии он руководить делом или нет? У него во флотилии самоубийство, незаконные бригады... Давайте решим главный вопрос.

В зале заседаний секретариата наступила гробовая тишина. Все растерялись, потому что Шелепин был еще в силе и его слово многое значило. Его возмущение не было наигранным. Александр Николаевич искренне ненавидел коррупцию и бюрократизм советского аппарата.

Тут, как ни в чем не бывало, заговорил Суслов. Его выступление было шедевром аппаратного искусства:

— Вопрос ясен. Правильно товарищи здесь говорили, что товарищ Соляник не может возглавлять флотилию.

Но никто этого не говорил! Все, кроме Шелепина, наоборот, пытались его защитить!

— Здесь звучали предложения исключить товарища Соляника из партии, — продолжал Суслов, — но этого не надо делать.

Опять-таки никто этого не говорил!

— Вместе с тем мы не можем допустить, чтобы существовали незаконные бригады, — гневно говорил Суслов.

Карьера Соляника закончилась. Его сняли с должности, по партийной линии объявили строгий выговор с занесением в учетную карточку.

Потом выяснилось, что Соляник незаконно продавал изделия из китового уса в Новой Зеландии, Австралии, привозил из-за границы дорогие ковры и дарил их членам политбюро компартии Украины. Московских начальников он тоже не обделил вниманием. Суслов и Шелепин обо всем этом уже знали.

Брежнев не рискнул выступить в защиту Соляника, хотя пришел, чтобы его спасти. После слов Шелепина он предпочел промолчать.

Когда заседание закончилось, Брежнев подозвал к себе Александра Яковлева и главного редактора «Комсомольской правды» Юрия Воронова. Мрачно предупредил:

— Критиковать критикуйте, но не подсвистывайте!

То есть он свое отношение все-таки высказал.

Первого заместителя председателя парткомиссии Зиновия Сердюка вызвал к себе Подгорный и велел написать заявление об уходе на пенсию. Причина? Близость к Хрущеву и «избиение кадров». Это был излюбленный брежневский способ решения проблем.

В «Комсомольской правде» исход секретариата ЦК восприняли как победу и отметили ее распитием горячительных напитков. А через несколько месяцев главному редактору «Комсомолки» Юрию Воронову предложили должность заместителя главного редактора «Правды». Это выглядело повышением, и Воронов не мог отказаться. Но в решении политбюро было написано другое: назначить ответственным секретарем — а эта должность на ступеньку ниже, что означало наказание за историю с Соляником. Вскоре Воронова сослали корреспондентом «Правды» в Берлин и долго не разрешали вернуться в Москву.

Тут уж Шелепин ничего не мог поделать. Идеологические кадры не были в его ведении. Правда, «Комсомолке» повезло: новым главным назначили Бориса Панкина. Он умудрялся как-то ладить и с партийным и комсомольским начальством и делать интересную газету в самые трудные времена.

Юрия Воронова в брежневские времена несколько раз пытались назначить то заместителем главного редактора «Литературной газеты», то главным редактором «Литературной России», но представления тормозились в ЦК. Из берлинской ссылки его вернул Горбачев и назначил заведующим отделом культуры ЦК. Говорили, что он помнил Воронова еще по комсомольским годам. Потом сделал главным редактором «Литературной газеты».

Воронова сопровождала репутация смелого, даже отчаянного редактора. Но литгазетовцы были разочарованы. Он оказался куда осторожнее своего предшественника Александра Борисовича Чаковского, отправленного на пенсию. Видимо, годы опалы оставили след. Однажды журналисту, потребовавшему объяснений, почему снята его статья, Воронов снисходительно сказал:

— Вы этого, разумеется, не можете знать. Но я-то точно знаю, что именно каждый из членов политбюро может вычитать в этой статье...

Бывший член политбюро Вадим Медведев рассказывал, что, перебравшись из Ленинграда в столицу, он обнаружил: в центральных органах власти, в правительстве и в аппарате ЦК поразительно мало москвичей. Тон задавали напористые провинциалы из разных кланов. Это было не случайностью, а результатом продуманной кадровой политики.

Брежнев не любил столичных жителей, потому что среди них оказалось много сторонников Шелепина. На ключевые должности Брежнев расставлял тех, кого знал много лет и кому доверял. Он не забывал старых знакомых, помогал им, и они ему преданно служили. Леонид Ильич стал вводить в руководство новых людей — в качестве противовеса «комсомольцам» Шелепина. Брежнев нуждался в поддержке, особенно поначалу, пока его позиции не окрепли. Ему понадобились годы на то, чтобы убрать из политбюро сильные и самостоятельные фигуры. Только тогда он смог успокоиться. А до того постоянно ждал подвоха от товарищей по партии. Он же помнил, как легко удалось снять Хрущева.

Зачем же, интересно, Шелепин противопоставлял себя остальным членам партийного руководства?

— Он больше противопоставлял себя Брежневу, — говорил Владимир Семичастный. — А почему резко выступал? Да по-другому нельзя было пробить вопросы. Там надо характер показывать.

Характер у Шелепина был резкий, лавировать он не умел. В отличие от Брежнева, который никогда не горел на службе, Шелепин вкалывал. Члены политбюро стали его сторониться, видя, что Леонид Ильич к нему плохо относится.

Чем же Брежнев был лучше Шелепина? У Брежнева была завидная биография — работал на заводе, воевал, прошел целину, был первым секретарем обкома, первым секретарем в Молдавии, в Казахстане. Он установил хорошие отношения с военными и промышленниками. Это имело значение. А у Шелепина в послужном списке — комсомол, КГБ и Комитет партийно-государственного контроля. Это не те должности, которые прибавляют друзей. Партийного контроля боялись еще больше,

чем КГБ. Шелепин был строгий, по долгу службы суровый. А рядом улыбающийся симпатичный Леонид Брежнев, который умел ладить с людьми.

Николай Месяцев рассказывал:

— Молодой Брежнев — уважительно относящийся к людям, добрый, умный, красивый парень. Женщины от любви к нему теряли головы, на мужчин он тоже производил приятное впечатление. Но когда он почувствовал, что такое власть, он стал другим человеком. Слаще власти ничего нет и быть не может.

Леонида Ильича беспокоило, что должность председателя Комитета партийно-государственного контроля дает Шелепину слишком большую власть, и он придумал хитрый ход.

6 декабря 1965 года на пленуме ЦК Брежнев поставил вопрос о преобразовании комитета:

— Сейчас органы контроля называются органами партийно-государственного контроля. Это не совсем точное название. Оно недостаточно полно отражает тот факт, что контроль в нашей стране является народным. Поэтому будет правильным преобразовать эти органы и назвать их органами народного контроля...

Кто решился бы возразить Леониду Ильичу?

— Не вызывает ли это сомнения у членов ЦК? — вопрошал Брежнев на пленуме.

В зале раздались голоса:

— Все ясно.

— Кто желает выступить по этому вопросу?

Желающих не нашлось. Единогласно проголосовали за преобразование комитета.

— Товарищи, — продолжал Леонид Ильич, — мы считаем, что председатель Комитета народного контроля не должен быть по положению секретарем ЦК и заместителем председателя Совета министров.

Зал согласился.

— В связи с этим, — изящно завершил Брежнев свою интригу, — не имеется в виду оставлять товарища Шелепина председателем Комитета народного контроля. Товарищ Шелепин будет работать секретарем ЦК. Вопрос об освобождении его от обязанностей заместителя председателя Совета министров СССР будет решать сессия Верховного Совета, которая завтра начнет свою работу. Это правильно, товарищи?

Зал поддержал Брежнева.

Александр Николаевич Шелепин утратил полномочия, которые

фактически делали его вторым по влиянию человеком в президиуме ЦК. Но всем еще казалось, что Шелепин — ключевая фигура в партийном аппарате.

— Я пришел на работу в ЦК в шестьдесят шестом году, — рассказывал Наиль Бариевич Биккенин, который со временем стал главным редактором журнала «Коммунист». — Тогда еще окончательно не было определено, кто же станет лидером — Брежнев или Шелепин. Это я сразу почувствовал: любой первый секретарь обкома, приходивший к Шелепину, обязательно шел и к Брежневу. И наоборот.

Михаил Степанович Капица, бывший заместитель министра иностранных дел, вспоминал, как в январе 1966 года в Ханой отправили советскую делегацию. Поездка была секретной, речь шла о военной поддержке Вьетнама.

Делегацию возглавлял Шелепин, который, как считал Капица, занимал второе место в партийной иерархии, с ним поехали секретарь ЦК Дмитрий Федорович Устинов, отвечавший за военную промышленность, и генерал Владимир Федорович Толубко, первый заместитель главнокомандующего ракетными войсками стратегического назначения.

«Времени до поездки оставалось мало, — вспоминал Капица, — и мы часто работали вместе с Шелепиным, который требовал подготовить весомые директивы, яркую речь на приеме. Шелепин был взвинчен, потому что как раз в это время западные разведки и печать ежедневно подбрасывали вымыслы о том, что он намеревается отстранить Брежнева и стать во главе партии и государства.

Брежнев заходил в кабинет Шелепина, и они обменивались мнениями о предстоящем визите Брежнева в Монголию и Шелепина — во Вьетнам.

Я вспоминаю сейчас об этом, и в голову приходит мысль, что эти одновременные поездки не были случайными: Брежнев, который побаивался Шелепина, не хотел оставлять его в Москве во время своего отсутствия. В СССР уже существовала практика устранения руководителей во время их отсутствия в столице...

В Ханое перед ужином ко мне подошел прикрепленный к делегации вьетнамец и предложил подать на ужин лягушек. Он поведал, что недавно Фидель Кастро прислал Хо Ши Мину лягушек, так называемых быков, весом в пятьсот граммов. Хо Ши Мин распорядился запустить их в пруд у дворца президента. Но по ночам лягушки поднимали такой бычий рев, что Хо Ши Мин распорядился поскорее отправить их на кухню.

Предложение мне понравилось. Шелепин и Устинов спросили, что за необычное блюдо им подали, я пояснил, что это — полевая курочка (так

зовется блюдо в Китае). Все остались довольны ужином. Но когда мы вернулись в кабинет посла Ильи Сергеевича Щербакова, я проговорился, что мы ели; посол спокойно подтвердил: поужинали мы кастровскими лягушками... После этого Шелепин при встречах всегда жаловался, что я его лягушками накормил...

По пути из Ханоя в Москву мы сделали остановку в Иркутске, чтобы подождать прилета из Улан-Батора Брежнева и возглавляемой им делегации, в которую, в частности, входили член политбюро, первый секретарь компартии Казахстана Кунаев, министр иностранных дел Громыко и министр обороны Малиновский.

Тогда-то состоялась известная «вечеря», во время которой Шелепин жаловался, что на него, дескать, возводят напраслину, что он вовсе не стремится узурпировать власть и стать руководителем партии и государства, что он искренне поддерживал и поддерживает Леонида Ильича...»

Брежнев и его сподвижники оказались хитрее в политике, чем Шелепин и его молодые друзья. А ведь шелепинское окружение даже предупреждали, что готовится расправа.

Шелепинскую команду подслушивали, хотя Семичастный был председателем КГБ.

— Я узнал, что помимо той службы подслушивания, которая подчинялась Семичастному как председателю КГБ, была еще особая служба, которая подслушивала и самого Семичастного, — рассказывал Николай Месяцев. — Я Владимиру Ефимовичу об этом сообщил. Он говорит: «Этого не может быть!» А я говорю: может...

Один певец пришел к Николаю Месяцеву, вывел его будто бы погулять и на улице по-дружески рассказал, что накануне пел на даче у члена политбюро Андрея Павловича Кириленко, очень близкого к Брежневу. И случайно услышал, как Кириленко кому-то говорил: «Мы всех этих молодых загоним к чертовой матери». Дескать, имейте в виду...

— Они переиграли нас, — признал Николай Месяцев. — Мне во время поездки в Монголию Цеденбал говорит: «Что вы себя ведете как дети? Вам, как курам, головы отвернут». Что они и сделали. В политике нельзя ходить в рубашке нараспашку.

С поездкой Шелепина в Монголию связана история, о которой ходят легенды. Подробно эту историю описал Леонид Шинкарев, который работал собственным корреспондентом «Известий» в Улан-Баторе и выпустил объемистый двухтомник «Цеденбал и его время».

В марте 1965 года в Монголию прилетел Шелепин, в состав советской

делегации входил и председатель Гостелерадио Месяцев. После недельной поездки по стране первый секретарь ЦК монгольской народно-революционной партии Юмжагийн Цеденбал устроил ужин в своей резиденции. Николай Николаевич Месяцев, в компании шумный, веселый, шепутной, обнимал Шелепина и неоднократно предлагал за него выпить.

Когда делегация вернулась в Москву, пошли разговоры о том, что Брежнев получил из Улан-Батора шифровку от Цеденбала, в которой говорилось, что подвыпивший Месяцев называл Шелепина «будущим генеральным секретарем нашей партии». И будто бы после этого Брежнев и решил покончить с «комсомольским заговором».

Но жена Цеденбала, русская женщина Анастасия Ивановна Филатова, уверяла Леонида Шинкарева, что Цеденбал такую телеграмму посылать бы не стал:

— Месяцев действительно говорил о Шелепине: «Вот будущая величина!» Это было при мне. Все были выпившие. Возможно, советский посол или офицер спецслужб проинформировали свое руководство, а сочинили, будто Цеденбал передал.

Ни представитель КГБ, ни посол в Улан-Баторе не решились бы доносить на члена президиума ЦК Шелепина. Тем более что в Москве шифровка попала бы в руки Семичастного. И он один решал, какие телеграммы показывать руководителям партии и государства.

Посол, конечно, мог напрямую обратиться и к Брежневу, но посольский шифровальщик тоже был офицером госбезопасности, и КГБ знал все, что посол сообщает в Центр. Словом, едва ли поездка в Монголию как-то повлияла на отношение Брежнева к Шелепину. Но характерно, что слухи такие ходили, в аппарате судачили о соперничестве Брежнева и Шелепина. Эти разговоры не могли не доходить до Леонида Ильича.

Заинтересовала Шинкарева и другая сторона этой истории:

«Еще во время встречи делегации в аэропорту и потом в поездках по городу жена Цеденбала ловила на себе быстрые взгляды Александра Николаевича Шелепина: что-то должно было произойти».

Анастасия Филатова была красивой, эффектной женщиной. Она не могла не откликнуться на мужское внимание, да еще со стороны такого человека, как Шелепин.

«Даже на склоне лет, — пишет Шинкарев, — Анастасия Ивановна затруднялась объяснить, какое сумасшествие нашло на нее в тот вечер, почему за столом один только Шелепин привлекал ее внимание и она в ответ на его взгляды тоже вскидывала на него глаза чаще, чем это

позволяли правила приличия. Он был умен, красив, статен, остроумно поддерживал разговор, но по натуре был, она это слышала, бонвиван, любитель разыгрывать людей, особенно женщин. Он знал свою власть над ними, придумывал легкие с ними игры.

«Ты посмотри, какие у нее глаза! Посмотри, какие волосы!» — шептал Шелепин сидевшему рядом Месяцеву, не привлекая чужого внимания, но достаточно громко, чтобы слова доносились до пылающих ушей хозяйки. Пылкость Шелепина, одного из первых лиц в СССР, так поразила Анастасию Ивановну, что даже тридцать лет спустя, забыв многие важные моменты жизни, она до деталей помнила тот возбужденно-радостный для нее вечер».

Через много лет, живя в Москве со своим отправленным в отставку мужем, она рассказывала Леониду Шинкареву:

— Наутро Месяцев мне признался: «Слушай, Шурик всю ночь о тебе говорил, ты его сразила». Словом, у нас начался красивый роман. В делегации с ним была одна дама, секретарь какого-то райкома партии, она его жутко ревновала, но мы находили возможности пообщаться. Ездили на рыбалку, фотографировались. А за столом он снова говорил про мои глаза и объяснялся в любви. Некоторое время спустя Цеденбал отправлялся в Москву как глава монгольской официальной делегации, и я летела с мужем. Сопровождать делегацию в поездке по Советскому Союзу поручили Шелепину. Наш роман был на людях, мы ни разу не были наедине. Я же тоже к нему симпатии питала, какие-то чувства к нему были. Но он боялся! «Нас застукают», — говорит. «У вас же друг Семичастный». — «Нет, — вздохнул, — я ему не доверяю».

Похоже, Анастасия Ивановна сильно заблуждалась на его счет. Это на ее горизонте впервые за многие годы жизни в Монголии возник такой интересный мужчина — да еще на высокой должности, способный вызвать сильные чувства. Александр Николаевич Шелепин женским вниманием никогда не был обделен. Далеко от дома, в приятной компании, за хорошим столом он мог пофлиртовать с красивой хозяйкой, но не более того. Шелепин понимал, что должен быть осторожен, и не рискнул бы карьерой ради красивых глаз.

ПРОБА СИЛ В ПОЛИТБЮРО

Пробой сил стал вопрос о назначении Николая Анисимовича Щелокова союзным министром охраны общественного порядка. Брежнев хорошо знал Щелокова. Еще перед войной Николай Анисимович работал в Днепропетровске, там был избран секретарем райкома, потом председателем горисполкома. А Леонид Ильич Брежнев был тогда секретарем Днепропетровского обкома.

В июле 1941-го Щелоков ушел в армию. Военная карьера сложилась скромно: заместитель начальника тыла группы войск, начальник политотдела дивизии, корпуса. Но главным в его военной карьере оказалось то, что уже после войны он служил в политуправлении Прикарпатского военного округа. А начальником у него был Брежнев.

После демобилизации Щелокова оставили на Украине заведовать промышленным отделом республиканского ЦК. В 1953 году его перебросили в соседнюю Молдавию и назначили первым заместителем председателя Совета министров республики. А главой Молдавии был Леонид Ильич.

Брежнева вскоре забрали из Молдавии, и они расстались на долгие пятнадцать лет. Но когда Леонид Ильич возглавил страну, он вспомнил всех своих молдавских друзей. Константин Устинович Черненко стал заведовать общим отделом ЦК КПСС. Сергей Павлович Трапезников — отделом науки и учебных заведений. Семен Кузьмич Цвигун стал первым заместителем Андропова. А Щелокова Брежнев в 1966 году сначала сделал вторым секретарем ЦК компартии Молдавии, а потом перевел в Москву — руководить воссозданным Министерством внутренних дел СССР.

Союзное МВД распустил Хрущев. Он любил министров внутренних дел еще меньше, чем председателей КГБ.

24 декабря 1955 года на заседании президиума ЦК обсуждался вопрос о внесении дополнений в сентябрьский указ президиума Верховного Совета «О досрочном освобождении из мест лишения свободы инвалидов, престарелых, лиц, страдающих неизлечимым недугом, беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей». Зашел разговор о министре внутренних дел. Заведующий общим отделом ЦК Малин записал: «...т. Круглов — неважный минвнудел. Подобрать на это дело другого человека». Поиск кандидата поручили секретариату ЦК.

Хрущев постепенно избавлялся от старых кадров. Люди из

Бериевского НКВД на министерских постах его только компрометировали. А генерал-полковник Сергей Никифорович Круглов был министром внутренних дел целых десять лет: семь лет при Сталине, три после него. В конце 1945 года Круглов сменил Берия на посту наркома внутренних дел.

30 января 1956 года на президиуме ЦК приняли решение утвердить вместо Круглова министром внутренних дел Николая Павловича Дудорова, профессионального строителя.

Хрущев его хорошо знал. Руководя Московским горкомом, он поставил его заведовать отделом строительства и строительных материалов МГК, потом сделал заместителем председателя Мосгорисполкома. Став руководителем партии, назначил Дудорова заведующим отделом строительства ЦК. Все удивлялись такому странному выбору, а Хрущеву нужен был человек со стороны. Роль МВД снижалась. Из министерства забрали и передали в состав КГБ пограничные войска.

При Николае Дудорове возвращали в родные места репрессированные народы, выпускали политзаключенных. Министр пытался реформировать места заключения — закрыть исправительно-трудовые лагеря, то есть перестать использовать рабский труд заключенных и позволить осужденным отбывать срок поблизости от дома. Это вызвало протест председателя КГБ Серова, и в ЦК предложения министра внутренних дел отвергли.

На коллегии министерства в 1956 году Дудоров говорил:

— Милиция не ведет настоящей борьбы с криминалом. Бандиты годами действуют безнаказанно, а никаких мер никто не принимает. Половина личного состава неграмотна, а другая половина имеет образование ниже среднего. Люди нас ненавидят и ненавидят за дело — ведь очень много преступлений совершают сами работники милиции, а это тягчайшее зло.

На заседании президиума ЦК 6 ноября 1958 года Хрущев выдвинул неожиданную идею: «Не настало ли время создать добровольные милицейские части?» Поскольку ему самому непонятно было, как добровольцы могут работать в милиции на постоянной основе, изо дня в день, то последствий его слова не имели.

Под влиянием Хрущева спецслужбы даже пытались отказаться от использования доносчиков или, иначе говоря, тайных информаторов. В 1956 году министр внутренних дел Дудоров подписал приказ о постепенном прекращении агентурной работы.

Это объяснялось еще и тем, что в реальности сексоты в милицейской системе занимались преступной деятельностью, только безнаказанно,

потому что они были нужны, и куратор спасал их от наказания. Это носило массовый характер. Агенты-уголовники конечно же давали полезную информацию, но они соглашались давать информацию, только если им не мешали «работать». Под влиянием своей агентуры оперативные работники сами совершали правонарушения: утаивали деньги, выделяемые для вознаграждения агентуры, использовали конспиративные квартиры для пьянок и интимных отношений с женщинами-информаторами, а то и сами занимались преступными делами, например, за деньги прекращали уголовные дела.

Милиция имела доверенных лиц, секретных осведомителей и резидентов (подробнее см.: Вопросы истории. 2004. № 4). Доверенные лица работали бесплатно, их вербовка не оформлялась. Это были любители, которые сообщали участковым о всех подозрительных лицах. В многоквартирном доме участковый обязан был иметь доверенное лицо на каждой лестничной площадке.

Секретные осведомители вербовались для слежки за теми, кто подозревался в преступной деятельности. Лучшими осведомителями считались продавцы, официанты, чистильщики обуви, которых в те годы было немало. Им платили деньгами или продуктами.

Резидентами служили пенсионеры, бывшие сотрудники правоохранительных органов, которые имели на связи двадцать-тридцать осведомителей. Они трудились за зарплату.

26 декабря 1959 года появилось постановление ЦК «Об упразднении МВД СССР», а 13 января 1960 года оно было оформлено указом президиума Верховного Совета. Хрущев решил, что вполне достаточно иметь республиканские министерства.

Бывшему министру Дудорову дали странный пост генерального правительственного комиссара Всемирной выставки, которая должна была открыться в 1967 году в Москве. Похоже, ему повредило соперничество с председателем КГБ Серовым. Иван Александрович был, естественно, ближе к Хрущеву.

Но через два года Дудоров получил привычное назначение в систему строительства — начальником Главмоспромстрой-материалов при Мосгорисполкоме с правами министра. Судьба его сложилась непросто. У него было два сына. Младшего однажды утром нашли без сознания под окнами. Прокуратура пришла к выводу, что он упал с балкона девятого этажа. Старшего сына бывшего министра внутренних дел обвинили в изнасиловании, когда он на севере проходил производственную практику. Он получил срок и был отправлен в лагерь (подробнее см.: Новые известия.

2001. 11 августа).

Сам Николай Дудоров едва не лишился партбилета и свободы. В 1962 году генеральный прокурор Роман Руденко доложил в ЦК, что при Дудорове в Министерстве внутренних дел был утерян особо секретный документ — «Выписка из плана мероприятий по обеспечению немедленного перехода руководства страны на военное положение в случае внезапного нападения противника». В нарушение правил Дудоров передал документ своему заместителю, а тот распорядился снять две копии. При ликвидации министерства выяснилось, что одна копия исчезла. В августе 1962 года Комитет партийного контроля объявил Дудорову строгий выговор с занесением в учетную карточку.

Бывший министр считал наказание несправедливым, писал в ЦК, на что в Комитете партконтроля ответили, что за такие проступки по закону его могли предать суду, так что он может считать, что еще легко отделался.

Министром внутренних дел РСФСР был генерал-лейтенант Николай Павлович Стаханов, который прежде командовал пограничными войсками. На чужой стезе он чувствовал себя неуютно и прослужил недолго. В июле 1961 года его освободили от должности и отправили на пенсию — ему как раз исполнилось шестьдесят лет.

Его место занял бывший заместитель Шелепина по КГБ Вадим Степанович Тикунов. Он был на двадцать лет моложе своего предшественника, единственный юрист среди всех министров внутренних дел с 1917 года. Тикунову присвоили специальное звание — генерал внутренней службы второго ранга.

Когда Вадима Тикунова назначили российским министром, он по-свойски пожаловался начальнику Седьмого управления КГБ Виктору Алидину:

— Очень не хочется идти на работу в систему МВД, но Шелепин настаивает, говорит, что эту должность может занять Серов. А он нам совсем не подходит.

Генерал армии Иван Серов был человеком Хрущева. В тот момент он был в опале, возглавлял военную разведку, но Шелепин, видно, опасался, что Хрущев помилует старого знакомого и сделает Серова министром.

Летом 1962 года республиканские МВД были переименованы в Министерства охраны общественного порядка. Для Хрущева аббревиатура МВД ассоциировалась с Берией, и он хотел перевернуть эту страницу истории.

Тикунов оставил о себе хорошую память среди профессионалов. Он добился от правительства разрешения работникам милиции бесплатно

пользоваться городским и пригородным транспортом. По его предложению каждый год 10 ноября стали отмечать День милиции. На первом празднике выступил Никита Сергеевич Хрущев.

При Тикунове коллегия министерства приняла решение об использовании милицией резиновых палок и наручников, а в местах заключения разрешила в случае необходимости пускать в ход слезоточивый газ. Тикунов добивался оснащения органов внутренних дел автотранспортом, мобильными радиостанциями, магнитофонами.

После ухода Хрущева Тикунов доказал новому руководству страны, что численность милиции нужно не сокращать, как требовал Никита Сергеевич, а увеличивать. В 1965 году ему разрешили набрать в органы внутренних дел России более двадцати тысяч человек и сделали упор на вербовку агентуры.

На XXIII съезде Тикунова включили в состав кандидатов в члены ЦК, избрали депутатом Верховного Совета СССР, наградили орденом Ленина. Все это сулило продолжение удачной карьеры.

23 июля 1966 года появился указ президиума Верховного Совета СССР о воссоздании союзного Министерства охраны общественного порядка. Предполагалось, что министром останется Тикунов, он уже принимал поздравления. Но шло время, а решения политбюро все не было. Брежнев захотел поставить во главе союзного министерства своего человека — Николая Анисимовича Щелокова.

Решения в политбюро принимались только единогласно. А против назначения Щелокова министром решительно возразил Шелепин. Председатель КГБ Семичастный в политбюро не входил, но влияние имел большое, особенно в кадровых делах. Он тоже отговаривал Брежнева назначать Щелокова министром.

Семичастный говорил:

— Я знал его по Украине, знал его делишки. Да и вообще: получается, что Брежнев повсюду таскает за собой Щелокова. Я Леониду Ильичу сказал: зачем он вам нужен? К тому же есть готовый министр — Вадим Тикунов.

Видя сопротивление Шелепина и Семичастного, Брежнев отозвал проект решения политбюро о назначении Щелокова. Но не отказался от своей кандидатуры, а стал готовить почву для назначения Николая Анисимовича. Если бы Брежнев дал слабину и назначил другого человека, аппарат увидел бы, что власть у группы Шелепина. Так что назначение Щелокова было для Брежнева вопросом принципиальным.

Леонид Ильич подолгу беседовал с членами политбюро, убеждая их в

своей правоте, и добился своего. В сентябре 1966 года Тикунова вызвал в ЦК Брежнев. Генерального секретаря интересовали два вопроса: способна ли милиция вмешаться в политическую жизнь? И насколько милиция взаимодействует с КГБ (госбезопасностью еще руководил Владимир Семичастный)? Борьба Брежнева с Шелепиным была в самом разгаре, и Леонид Ильич, видимо, побаивался оставлять в руках «комсомольцев» оба силовых ведомства.

Вадим Тикунов ответил, что милиция не способна на авантюризм. Даже если бы нашлись отдельные личности, милиция на это не пошла бы. А с КГБ министерство взаимодействует не так уж часто — во время массовых мероприятий и в борьбе с валютчиками.

Брежнев доверительно сказал, что есть мнение назначить министром Щелокова, а Тикунову предложил остаться в союзном МВД первым замом. Тикунов не мог спорить с генеральным секретарем и согласился. Но Брежнев не захотел оставлять шелепинского человека на второй по значению должности в МВД. Шли месяцы, а Тикунов не получал назначения. Он звонил в отдел административных органов: что происходит? Ему отвечали: не торопись, подожди, все решится.

В ноябре Тикунов встретился с новым министром. Щелоков сказал, что Вадим Степанович напрасно волнуется:

— Леонид Ильич все решит. Только не надо никуда ходить и не надо никому звонить...

На следующий день Тикунов все же побывал у заведующего отделом административных органов ЦК Николая Ивановича Савинкина. Тот подтвердил, что Тикунов получит пост первого заместителя министра. Потом ему неожиданно предложили место заместителя председателя Комитета народного контроля. Тикунов отказался. Он стал добиваться приема у генерального секретаря.

Брежнев принял его, сказал, что в МВД ему нет смысла возвращаться, и предложил работу в отделе кадров дипломатических и внешнеторговых органов (отдел заграничных кадров) ЦК КПСС. Через два года, в октябре 1969-го, Тикунова отправили советником-посланником в Румынию. Должность была невысокая, учитывая его послужной список, но Вадима Степановича снова принял Брежнев — оказал внимание. Леонид Ильич всегда действовал по принципу: ни с кем без нужды не ссориться.

Тикунов прекрасно понимал, что сломало ему карьеру, и пытался объяснить с генеральным секретарем, говорил, что его отношения с Шелепиным и группой бывших комсомольцев не носят политического характера. Они просто друзья, не может же он с ними вдруг порвать

отношения. Брежнев ни на чем не настаивал.

В марте 1974 года Вадима Тикунова сделали послом в Верхней Вольте (ныне Буркина Фасо). Он грустно пошутил:

— Хорошо еще, что в Верхнюю Вольту отправили, а могли бы и в Нижнюю загнать.

В августе 1978 года его перевели послом в Камерун. Эти небольшие африканские государства практически не интересовали советскую внешнюю политику, и работа там была просто ссылкой. К тому же в этих странах тяжелый климат. Умер Вадим Степанович Тикунов в июле 1980 года, ему было пятьдесят девять лет...

Позиции Шелепина сильно ослабли, когда его друг и соратник Владимир Семичастный потерял пост председателя КГБ.

Все началось с побега Светланы Иосифовны Аллилуевой, дочери Сталина. Когда-то ей завидовали миллионы. Люди представляли себе ее фантастически счастливую жизнь. Как далеки они были от реальности!

Ей было всего шесть лет, когда ее мать, Надежда Аллилуева, застрелилась после размолвки с мужем. Но о том, что в реальности произошло с матерью, Светлана узнала только через много лет. После рокового выстрела в Кремле она оказалась в полнейшем одиночестве, была лишена друзей и подруг, радостей общения с людьми.

Отношения с отцом у Светланы складывались очень сложно. В детстве она была его любимицей. Потом что-то случилось: то ли он разочаровался в девочке, то ли окружающие вовсе ему опротивели, но дочь стала его раздражать. Она очень страдала и подсознательно искала мужчину, который бы не только подарил ей свободу, но и был бы в какой-то степени похож на отца. Не потому ли все браки Светланы Сталиной оказались неудачными и быстро распадались? Ни один из ее мужчин не принес ей подлинного счастья. Но и ее мужчинам пришлось несладко. Человек, которого она полюбила первым, десять лет провел в местах не столь отдаленных. Суровая плата за одно любовное свидание.

С Алексеем Яковлевичем Каплером, которого помнят как замечательного ведущего «Кинопанорамы», ее познакомил брат Василий. Он привез Каплера на дачу. Алексей Яковлевич был известным сценаристом, по его сценариям были поставлены популярные фильмы «Ленин в Октябре», «Ленин в восемнадцатом году», «Котовский».

Это были ноябрьские праздники. Каплер и Светлана танцевали модный тогда фокстрот. Ей так хотелось с кем-нибудь поговорить откровенно. И перед ней был взрослый и умный человек, готовый ее слушать. Он был старше ее на двадцать два года. Светлана еще училась в

школе. Каплер приходил к ее школе, стоял в подъезде соседнего дома. Подойти боялся. Сотрудники Первого отдела НКВД, ведавшие охраной руководителей партии и правительства, неотступно следовали за дочкой вождя.

Потом уже они вместе ходили в Третьяковку, в театры. Гуляли по заснеженной Москве. Каплер приводил Светлану в просмотровый зал Комитета кинематографии, показывал ей новейшие американские фильмы. Ей запомнилась лента «Белоснежка и семь гномов» Уолта Диснея.

Потом Каплер улетел в Сталинград. Однажды в «Правде» Светлана Сталина прочитала статью военного корреспондента Каплера, написанную в форме письма с фронта любимой женщине. Она сразу поняла, что это письмо адресовано именно ей. Статья заканчивалась словами: «Сейчас в Москве, наверное, идет снег. Из твоего окна видна зубчатая стена Кремля...»

Светлана испугалась, что теперь и отец все поймет. Она не знала, что все ее телефонные разговоры прослушивались и записывались. Начальник сталинской охраны генерал Николай Власик уже велел предупредить Каплера, что ему лучше уехать подальше из Москвы. Но тот влюбился по уши и не внял предупреждению.

3 марта 1943 года Алексея Каплера, лауреата Сталинской премии первой степени, кавалера ордена Ленина, арестовали. Его обвинили в том, что он «поддерживал близкую связь с иностранцами, подозрительными по шпионажу». Речь шла об иностранных деятелях культуры, приезжавших в Советский Союз. Встречи с ними проходили по решению ЦК и под присмотром чекистов. Решив, что этого недостаточно, в обвинительное заключение добавили: «...будучи антисоветски настроенным, Каплер в своем окружении вел враждебные разговоры и клеветал на руководителей ВКП(б) и Советского правительства».

Следствие шло долго. Решили через суд это дело не пропускать, чтобы не привлекать внимания, оформили через особое совещание при народном комиссаре внутренних дел.

Через полгода, 25 ноября 1943 года, особое совещание постановило: «Каплера А. Я. за антисоветскую агитацию заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на пять лет».

Его отправили на Север, в Воркуту. На его счастье, нашлась работа лагерным фотографом. Он отсидел пять лет и в 1948 году приехал в Москву. Это была ошибка. Вероятно, чекисты боялись, что он вновь встретится с дочерью вождя. Его арестовали и дали еще пять лет исправительно-трудовых лагерей. На свободу он вышел по бериевской

амнистии.

Тяжелый, деспотичный характер Сталина не позволял ему примириться с тем, что дочь уже взрослая и имеет право на собственную жизнь, на любовь. Но желание Светланы вырваться из Кремля на свободу лишь усилилось. Как только ей исполнилось восемнадцать лет, она вышла замуж за одноклассника своего брата — Григория Морозова. Ей так хотелось обрести какого-то близкого человека, хоть кого-нибудь, кто будет ее любить и думать о ней.

Отец был недоволен зятем-евреем, но пробурчал:

— Черт с тобой, делай, что хочешь...

Потребовал, чтобы она никогда не являлась к нему с мужем. Только когда она развелась, Сталин пригласил ее отдохнуть летом вместе. Григорию Иосифовичу Морозову запретили видеться с сыном. Он зарабатывал на жизнь, публикуя статьи под псевдонимом.

Потом Светлана вышла замуж за сына члена политбюро Андрея Александровича Жданова, перспективного партийного работника Юрия Жданова.

«Наш брак со Светланой, — рассказывал много позже сам Жданов, — состоялся в апреле 1949 года. В те времена наша семья и Светлана обитали в условиях кремлевского затворничества. Светлана была на похоронах моего отца. Потом мы стали встречаться на нашей квартире.

Я с утра до вечера на работе, мать одна в кремлевском заточении. Светлана разделяла ее одиночество. Наши встречи участились, и дело закончилось браком. Я засадил Светлану за выписывание библиографических карточек из Маркса, Ленина, Павлова для своей работы. Она все делала очень аккуратно, некоторые карточки я храню по сей день. Но, видно, допустил психологический промах: Светлана стремилась к собственной литературной работе, стремилась к самовыражению.

Это я проглядел, что и послужило причиной утраты контакта, а потом и развода».

Попав в семью главного партийного идеолога, Светлана была потрясена обилием сундуков, набитых «добром», и вообще сочетанием показной, ханжеской «партийности» с махровым мещанством. Осенью 1952 года брак распался.

Светлана писала отцу:

«Что касается Юрия Андреича Жданова, то мы с ним решили расстаться. Это было вполне закономерным завершением, после того, как мы почти полгода были друг другу ни муж, ни жена, а неизвестно кто,

после того, как он вполне ясно доказал мне — не словами, а на деле — что я ему ничуть не дорога и не нужна, и после того, как он мне вторично повторил, чтобы я оставила ему дочку.

Нет уж, довольно с меня этого сушеного профессора, бессердечного «эрудита», пусть закопается с головой в свои книжки, а семья и жена ему вообще не нужны, ему их вполне заменяют многочисленные родственники.

Словом, я ничуть не жалею, что мы расстались, а жаль мне только, что впустую много хороших чувств было потрачено на него, на эту ледяную стенку!»

После XX съезда Светлана встретила с вернувшимся из ссылки своим дальним родственником Иваном Сванидзе. При рождении его называли Джонридом в честь американского журналиста, написавшего знаменитую книгу об Октябрьской революции — «Десять дней, которые потрясли мир».

Сванидзе лишился родителей в одиннадцать лет — отца расстреляли, а мать отправили в ссылку, где она умерла. Сванидзе и Аллилуева сошлись. Но две несчастные и истерзанные души не могли дать покоя и утешения друг другу. Светлана писала потом о своей никчемной, дурацкой, двойной, бесполезной и бесперспективной жизни, полной жесточайших потерь и горчайших разочарований и утрат. Близость к власти может дать человеку комфорт, почести, показное уважение, но не делает человека счастливым.

После смерти отца личная жизнь Светланы Аллилуевой оставалась предметом постоянного беспокойства высшей власти. Особенно с того момента, когда она познакомилась с иностранцем. Индийский коммунист Раджи Бридж Сингх жил в Москве и работал переводчиком в Издательстве иностранной литературы. Их роман протекал под неусыпным вниманием оперативных работников Седьмого управления КГБ. Это управление занималось наружным наблюдением за выявленными иностранными шпионами и прочими подозрительными лицами, включая дочь Сталина.

За Светланой следили точно так же, как следили за ее братом, Василием Сталиным, до самой его смерти в марте 1962 года. Больше всего боялись контактов сталинских детей с иностранцами. А тут роман с гражданином Индии!

Мешать Светлане, зная ее характер, не решились. Но следили неотступно. Докладывали Семичастному. Читая сводки службы наружного наблюдения, молодой председатель КГБ и предположить не мог, какую роковую роль в его собственной судьбе сыграет всего через несколько лет эта женщина.

Чекисты напрасно опасались, что Светлану Аллилуеву кто-то пытается

завербовать. Все, что она делала в своей жизни, она делала, подчиняясь собственным чувствам и желаниям. Она вообще была человеком очень самостоятельным и, несмотря ни на что, вышла замуж за индийца. Но ей опять не повезло. Ее четвертый муж — он был значительно ее старше — оказался человеком больным и вскоре умер у нее на руках. Он завещал похоронить его на родине. Светлана Аллилуева попросила разрешения исполнить его последнюю волю.

Политбюро очень не хотело выпускать ее за границу. Но ее покойный муж был коммунистом, Индия — более чем дружественная страна, и оснований отказать не нашлось. С разрешения главы правительства Косыгина, Светлану скрепя сердце отпустили, правда, в сопровождении двух чекистов. Но те не уследили.

7 марта 1967 года, когда в Москве готовились достойно отметить День международной солидарности женщин, дочь Сталина Светлана Иосифовна Аллилуева пришла в американское посольство в Дели и попросила политического убежища. Ее немедленно вывезли в Италию, потом в Швейцарию, а оттуда уже доставили в Соединенные Штаты.

Брежнев сильно разозлился, но, хорошенько подумав, сообразил, что нет худа без добра. Бегство Светланы Аллилуевой оказалось удобным поводом избавиться от человека, которого он не хотел видеть рядом с собой. Леонид Ильич давно ждал повода сменить председателя КГБ.

Это произошло 19 мая 1967 года на заседании политбюро.

Шелепин отсутствовал. Болел. Но, похоже, Семичастный обиделся на старого товарища: почему он все-таки не пришел и не высказал своего мнения? Впрочем, расклад сил в политбюро был таков, что попытка Шелепина защитить Семичастного была бы безуспешной.

Тогдашний руководитель Украины Петр Шелест подробно описал эту сцену в своих воспоминаниях. Перед заседанием политбюро Шелеста пригласил к себе Брежнев, предупредил:

— Имей в виду, что сегодня мы будем решать вопрос об освобождении Семичастного от должности председателя КГБ.

Для Шелеста это было неожиданностью.

— А какая причина?

Брежнев хотел уклониться от разговора.

— Много есть поводов, позже все узнаешь. Я пригласил тебя, чтобы посоветоваться, где лучше использовать Семичастного. Мы не намерены оставлять его в Москве.

— А почему все-таки освобождаем, какая причина? — настаивал Шелест.

Брежнев почти с раздражением сказал:

— Я же тебе говорю, что позже все узнаешь. — И продолжал о своем:
— Не хочется его и обижать сильно. Может быть, ты что предложишь на Украине?

Шелест предложил назначить Семичастного первым секретарем обкома, например, в Кировоградской области.

Брежнев задумался:

— Нет, на партийной работе использовать его нежелательно. Какие еще могут быть варианты?

Тогда Шелест предложил дать Семичастному должность заместителя председателя Совета министров республики.

Брежнев согласно кивнул:

— Первого заместителя.

Шелест возразил:

— Уже есть два первых.

Брежнев отмахнулся:

— Это не преграда. Пиши записку в ЦК, учредим дополнительную должность первого зама.

На политбюро Брежнев вынул из нагрудного кармана какую-то бумажку, посмотрел и сказал:

— Позовите Семичастного.

Семичастный, который не знал, по какому вопросу его пригласили, казался растерянным...

Брежнев объявил:

— Теперь нам надо обсудить вопрос о Семичастном.

— А что обсуждать? — спросил Семичастный.

— Есть предложение освободить вас от должности председателя КГБ в связи с переходом на другую работу, — ответил Брежнев.

Семичастный был ошеломлен:

— За что? Со мной на эту тему никто не разговаривал, мне даже причина такого перемещения неизвестна...

Последовал грубый окрик Брежнева:

— Много недостатков в работе КГБ, плохо поставлена разведка и агентурная работа... А случай с Аллилуевой? Как это она могла уехать в Индию, а оттуда улететь в Соединенные Штаты?

Первый секретарь ЦК компартии Грузии Василий Мжаванадзе добавил:

— За Светлану кто-то же должен отвечать.

Владимир Семичастный резонно возразил, что он не давал согласия на

выезд Аллилуевой. Косыгин пояснил:

— Это я разрешил, она плакала, просила.

Но все это не имело никакого значения. Брежнев заранее обо всем договорился с большинством членов политбюро.

— Поедете на Украину, — жестко сказал он.

— Что мне там делать? — спросил Семичастный.

— Мы вам там найдем работу, — ответил Шелест.

Семичастный не сдавался:

— Что вы мне должны искать, Петр Ефимович? Я состою на учете в парторганизации Москвы, а не у вас. Почему же вам искать мне работу? Я член ЦК КПСС, а не ЦК компартии Украины, не надо путать эти вещи.

Но его уже никто не слушал. Вопрос был решен. Новым председателем КГБ был утвержден секретарь ЦК Юрий Владимирович Андропов. На политбюро создали комиссию по передаче дел в КГБ. В комиссию вошли секретарь ЦК Андрей Павлович Кириленко, председатель Комитета партийного контроля Арвид Янович Пельше, первый заместитель председателя Совета министров Кирилл Трофимович Мазуров, Андропов и Семичастный.

Семичастный уехал на Лубянку. Когда мы снимали фильм о Шелепине, он рассказывал мне в мельчайших подробностях, что произошло потом. Он пригласил двух своих заместителей, чтобы сообщить им о решении политбюро. Всего у него было четыре заместителя. Но один лежал в больнице, другой уехал в Ленинград выступать на партийном активе. Должен был ехать Семичастный. Но в ЦК его неожиданно попросили воздержаться от поездки...

Через полтора часа после заседания политбюро в кабинет председателя КГБ заглянул порученец из приемной:

— Товарищ генерал, в здании члены политбюро!

— Сколько их там?

— Много!

— Где они сейчас?

— Вошли через ваш подъезд.

С площади Дзержинского в старое здание КГБ заходили только председатель и его заместители.

— Приглашай их сюда, в кабинет, — сказал Семичастный.

Появились Кириленко, Пельше, Мазуров, Андропов. Андрей Павлович Кириленко — старший.

Кириленко вроде как с улыбкой говорит:

— О, так вы тут чаек пьете! Можно к вам присоединиться?

— Пожалуйста, располагайтесь, — предложил Семичастный. — Можно и другое гостям предложить, если пожелаете. Это ведь Комитет госбезопасности...

— Нет, нет!

Расселись. Семичастный спросил Кириленко:

— Что случилось?

— Вот, дела пришли принимать. Вы же были на политбюро, все слышали.

Испугались, понял Семичастный.

— Вы что, думаете, я ночью заговор учиню? До утра подождать не можете? У меня же здесь второй дом — и документы, и книги, и костюмы, и рубашки, и галстуки... Я утром прихожу в одном, днем в погонах, вечером — на прием — опять переодеваюсь. Мне же все это собрать надо и отвезти домой. Вы ведь меня не предупредили за неделю.

Это их не смутило. У них уже весь сценарий был расписан. Кириленко попросил собрать коллегия комитета. На это ушло часа два. Был уже вечер, начальники управлений по дачам разъехались.

Семичастный сказал Кириленко:

— Что же у вас за подход к кадрам такой? Неужели не могли со мной посоветоваться о моей будущей работе? Неужели я не заслужил того, чтобы меня спросили, подходит мне работа или не подходит? Я вот приду домой, там два комсомольца — сын и дочь. Мне же им что-то надо объяснить.

Вдруг подал голос Андропов:

— А я что своим объясню?

Семичастный его обрезал:

— Юрий Владимирович, зачем вы это говорите? Ваши поймут, что вас выдвинули на значительно более важный пост. Что, ваши дети не разберутся, куда вас выдвинули? А вот я своим объяснить не смогу...

Эта перепалка продолжалась, пока съезжались члены коллегии КГБ СССР. Решили пригласить — помимо членов коллегии — начальников отдельных управлений и отделов, непосредственно подчиненных руководству комитета.

— Надо, чтобы Цинев обязательно был, — сказал Андропов. Георгий Карпович Цинев, начальник Третьего управления (военная контрразведка), не был членом коллегии КГБ, зато он принадлежал к кругу личных друзей генерального секретаря — днепропетровские кадры. Они с Брежневым работали вместе еще до войны. Семичастный решил, что Цинев был нужен на заседании, чтобы в случае чего слово нужное сказать, поддержать назначение Андропова.

— Цинев в госпитале. Ему операцию сделали, — напомнил Семичастный.

— Нет-нет, не сделали, — поправил его Андропов.

— Юрий Владимирович, если вы приехали с готовым списком, кто должен прощаться со мной, тогда вы и командуйте! — вспыхнул Семичастный.

Андропов замялся.

Начальник секретариата по громкой связи доложил, что Цинева нет. Председатель КПК Пельше, которого срочно отозвали из Праги — он был там в составе делегации, устало сказал:

— Давайте без Цинева!

Семичастный проявил характер:

— Нет, раз есть указание провести коллегию с участием товарища Цинева, то надо обязательно так и сделать.

Минут через десять доставили Цинева.

Председательствовал на коллегии Кириленко. Пельше как старейшине было поручено доложить решение политбюро. А докладывать нечего. Никаких происшествий не случилось. Владимир Ефимович давно работает, политбюро решило перевести его на другую работу. А вместе него рекомендуется Юрий Владимирович Андропов. Вот он здесь присутствует, просим любить и жаловать.

Кириленко попросил членов коллегии оказать всяческую поддержку Юрию Владимировичу, чтобы он мог быстрее освоиться в новом для него деле. Затем он предложил Андропову занять председательское место. Юрий Владимирович был краток, он призвал всех к дружной работе и обещал в ближайшее время познакомиться с каждым из руководителей.

После этого члены коллегии разошлись.

Генерал Отар Давидович Гоциридзе, бывший комсомольский работник (он работал с Шелепиным в ЦК ВЛКСМ), которого Семичастный сделал начальником оперативно-технического управления КГБ, рассказывал через много лет:

— Я был на той коллегии, когда нам неожиданно сообщили, что Семичастный освобожден от должности председателя. Владимир Ефимович вел себя с большим достоинством...

Кириленко сказал Семичастному: пиши шифровку всем резидентам нашей разведки.

Семичастный отказался:

— А чего я буду о своих похоронах оповещать? Пусть новый председатель пишет.

— Он еще не знает, как это делать.

— Все он знает! А потом есть секретариат, помощники. Зачем самому сидеть, рисовать? Дайте команду. Шифровки надо отправить не только резидентам, но и начальникам управлений областей. Такой-то сдал, такой-то принял. — И вдруг Семичастный спохватился: — А чего вы шум подняли, когда еще нет указа президиума Верховного Совета? Меня указом назначали, указом и снять должны, и Андропову указ нужен.

Семичастного успокоили:

— Указ сейчас будет.

А откуда он может взяться, если все члены президиума Верховного Совета разъехались по республикам? Буквально через двадцать минут заходит порученец из секретариата: приехал фельдъегерь.

— Пусть заходит.

Приносят пакет. Там указ. Ну, это только улыбку могло вызвать.

Андропов с Семичастным ни о чем не говорил, попросил ключи — и все. Кириленко хотел сразу после коллегии Семичастного выпроводить: можешь уезжать. Владимир Ефимович возмутился:

— Позвольте, мне еще надо с бумагами и с вещами разобраться.

Упирались, но им пришлось согласиться.

Семичастный уехал с Лубянки часа в четыре утра, когда отправил домой коробки с книгами, ненужные бумаги сжег, нужные отдал в секретариат. Потом Кириленко влетело за то, что он так снисходительно отнесся к бывшему председателю КГБ: оставил Семичастного в кабинете одного и не изъяс бумаги из его сейфа.

— Они, верно, ожидали, что там план переворота лежит. — До конца жизни Семичастный не мог забыть этой истории.

Перед отъездом на Украину Семичастный позвонил Брежневу, сообщил, что отбывает. Леонид Ильич спросил:

— Вы хотели бы ко мне зайти? У вас ко мне вопросы?

Семичастный ответил:

— Нет, у меня вопросов к вам нет.

Брежнев обиделся.

23 мая Владимир Ефимович приехал в Киев. По словам Шелеста, он был потрясен и растерян. 29 мая появился указ президиума Верховного Совета СССР о назначении Семичастного первым заместителем председателя Совета министров республики.

Это была бессрочная ссылка.

Политическая карьера Семичастного закончилась, когда ему было всего сорок три года. Другие в этом возрасте еще стоят у подножия олимпа

и зачарованно смотрят вверх. Он не верил, что все кончено. Думал, что все переменится и он сможет вернуться. Тем более что он был моложе сменявших друг друга генсеков и членов политбюро. Но путь в Москву ему был закрыт.

В правительстве Украины Владимир Ефимович занимался вопросами культуры и спорта. Он, наконец, получил высшее образование — в 1973 году окончил исторический факультет вечернего отделения Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко.

В Киеве Семичастный проработал четырнадцать лет. Его не хотели возвращать в Москву. Так Брежневу было спокойнее. Летом Шелесту из Крыма позвонил член политбюро Николай Викторович Подгорный, который отдыхал вместе с Брежневым. Вдруг спросил, когда и куда едет в отпуск Семичастный.

«Я понял, — пишет Шелест, — что Брежнев следит за Семичастным. Он опасается его общения с Шелепиным и другими молодыми кадрами. Я лично за Семичастным ничего особенного не замечал, он честный и прямой человек, к делу относится добросовестно, старается вникнуть в малознакомую ему работу.

Безусловно, он был угнетен, ожесточен, при упоминании имени Брежнева, казалось, по его телу проходит ток высокого напряжения, и не трудно представить, что бы Семичастный мог сделать с Брежневым, если бы ему представилась такая возможность...»

После того как Шелепина и Семичастного убрали из политической жизни, они оказались под контролем госбезопасности. Два бывших председателя КГБ разговаривали друг с другом, зная, что бывшие подчиненные их подслушивают.

— Мы выходили на улицу и на свежем воздухе разговаривали, — рассказывал Семичастный. — Беседы, не предназначенные для чужого уха, мы в помещении старались не вести. Мы понимали, что все контролируется и ставится на учет. Хотя иногда мы делали это назло, чтобы знали наше мнение...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЦСПС

Леониду Ильичу Брежневу не хватало образования, но он был искушенным политическим бойцом и мастером аппаратной интриги. Его недооценили. У Брежнева было чутье на людей. Он точно знал, кто за него, а кто против.

— Мы, кто помоложе, были доверчивы, — рассказывал Николай Егорычев. — Если бы не были доверчивы, может, Шелепин и занял его место... Когда снимали Хрущева, Брежнев нас обвел вокруг пальца. Он клялся и божился, что будет проводить линию XX и XXII съездов. Мы были с ним предельно откровенны. У меня с Леонидом Ильичом было много разговоров. Он все знал о моих настроениях. И когда пришел к власти, он уже знал, с кем ему не по пути. Делал вид, что хорошо к нам относится, а в душе был готов с нами распрощаться. Нам пришлось очень трудно... За годы работы в комсомоле Шелепин вырастил целое поколение руководителей областного, республиканского уровня. Они стали секретарями обкомов, заместителями министров. Вокруг Александра Николаевича собрались деятельные, динамичные, преданные ему люди. Молодая часть партийного и государственного аппарата вся ему симпатизировала. Птенцы гнезда Шелепина, выходцы из комсомола занимали важнейшие должности в стране. Госбезопасность, Министерство внутренних дел, телевидение, ТАСС — там везде были друзья Шелепина.

— Когда нас всех разогнали, — вспоминал Николай Месяцев, — нам часто говорили: не может быть, чтобы у вас не было организационной спайки. Но ее не было, мы всегда оставались просто друзьями и единомышленниками. Часто собирались у меня на даче. Но не было таких разговоров, что надо Брежнева свергать и ставить Шелепина. Я знал, что все это прослушивается или может прослушиваться. Я же сам в госбезопасности работал... Хотя были и среди нас дурачки, которые, поддав, вставляли на стол и кричали: «Да здравствует Шелепин!»

— Комсомолята ему и навредили, — считает Валерий Харазов. — По пьяной лавочке говорили, что наш «железный Шурик» скоро будет хозяином страны. А эти пьяные разговоры становились известны.

— Я один раз читал тетрадку, какие КГБ рассылал, — рассказывал Леонид Замятин. — В ней запись разговора комсомольских работников в гостинице. Они, видно, в баньке мылись и заодно обсуждали текущую политику, всем характеристики давали... Эту запись со вниманием читали

и выводы делали.

А что сам Шелепин? Он намекал, что хотел бы стать генеральным секретарем?

— Александр Николаевич любил беседовать с глазу на глаз, — говорил Николай Егорычев. — Но мы не говорили о том, что он должен занять место первого. Разговоры сводились к тому, что страна остановилась в развитии, пятится назад. Вот что нас беспокоило...

Неужели группа молодых руководителей, которая сплотилась вокруг Шелепина, не хотела получить возможность воплотить свои идеи на практике?

— Нет, мы просто еще не созрели для того, чтобы брать на себя ответственность за государство, — признавался Владимир Семичастный. — Рядом с Микояном, Подгорным, Сусловым мы были комсомольцами в коротких штанишках. Нам на что-то претендовать было смешно...

Считается, что даже будущий член политбюро и академик Александр Николаевич Яковлев принадлежал к команде Шелепина. Я спрашивал Яковлева: действительно ли его планировали назначить на высокий пост, если бы к власти пришел Шелепин?

— Это полнейшая чепуха, — ответил Александр Николаевич. — Когда стали разбираться с этой молодежной группой, у них вроде бы действительно какой-то список нашли. И якобы в одном списке была и моя фамилия. Но я-то тут при чем? Мне что-то импонировало, например, выступления Шелепина против привилегий. Что я ему симпатизировал, не скажу, что я к нему относился отрицательно, тоже не скажу.

Но разговоры в Москве шли о том, что Шелепин и его друзья уже даже составили некий теневой кабинет министров, распределили должности. Член политбюро и первый заместитель главы правительства Дмитрий Степанович Полянский остановил на сессии Верховного Совета Месяцева и ернически спросил:

— Ну, как дела, член теневого кабинета?

Месяцев возмутился:

— Что это за провокация?!

Дмитрия Полянского Шелепин и его друзья не любили.

— А вы знаете кличку Полянского? Остап Бендер, — говорил Шелепин Валерию Болдину. — Он утром начинал работу с телефонных звонков. В течение часа всех обзвонит, узнает, где и что нового. Допустим, вас наградили орденом Ленина. Он первый звонит: «Хочу тебя поздравить. На президиуме хотели тебе дать орден Трудового Красного Знамени. Но я выступал несколько раз, прислушались и дали тебе орден Ленина».

Так существовал ли все-таки комсомольский заговор против Брежнева?

— Я думаю, это миф, — говорил Александр Яковлев. — По пьяной лавочке где-то что-то сказали. Но кто у нас по пьяной лавочке групп не создает? Протрезвеют, а группы нет.

— А что же было на самом деле?

— Была группа влиятельных людей, которая хотела поставить во главе страны Алексея Николаевича Косыгина. С ним связывали прогрессивные экономические реформы, возможность проведения более здоровой линии. Я бы тоже не возражал, если бы Брежнева сменил Косыгин.

Судя по всему, Брежнев пытался настроить Шелепина против главы правительства. Шелепин рассказывал, как Леонид Ильич ему звонил:

— Слушай, Саша, завтра будем обсуждать такой-то вопрос. Я тебя прошу, ты поддай Алексею...

«Известно, что Шелепин и его окружение, в отличие от Брежнева, с интересом и сочувствием относились к реформаторским идеям Косыгина, — отмечал Карен Брутенц. — Альдо Баланьини, секретарь Всеитальянской конфедерации профсоюзов, слывший среди своих коллег социал-демократом, рассказывал, что Шелепин произвел на него впечатление прогрессивного человека. Такое же впечатление возникло у меня от нескольких с ним бесед (мы были соседями по подъезду) уже в его пенсионную пору».

Иначе события того времени описаны в воспоминаниях Анастаса Ивановича Микояна:

«Совершенно неожиданно для меня группировка Шелепина в начале 1967 года обратилась ко мне с предложением принять участие в борьбе против группировки Брежнева.

С июня 1966 года я уже не был в составе президиума ЦК, но членом ЦК и членом президиума Верховного Совета оставался. И вот мне сообщили, что группировка Шелепина недовольна политикой Брежнева и что ее поддерживают большинство членов ЦК. В начале 1967 года мне предложили принять участие в борьбе против Брежнева, выступить первым исходя из моего авторитета в партии, после чего они все выступят и сместят Брежнева с поста первого секретаря.

Это предложение сделали, конечно, тайком, через моего младшего сына. Сын добавил от себя, что его заверили, что я буду восстановлен в президиуме ЦК и так далее.

Я ему передал мой ответ:

— У меня нет никаких личных оснований быть на стороне Брежнева и

его окружения, а тем более защищать его. Однако это вопрос политический, и я не вижу, с какими политическими аргументами и собственными намерениями группировка Шелепина выступает. Уже поэтому я не могу быть застрельщиком в их борьбе. Пусть поставят вопрос на пленуме ЦК: выскажут претензии, сформулируют свою программу действий. Тогда каждый член ЦК, в том числе и я, сможем решать, как себя вести. И я буду выступать и голосовать исходя из политических соображений, а не из личных.

Кончилось же дело тем, что секретарь МГК Егорычев, соратник Шелепина, выступил на пленуме ЦК с резкой, но малообоснованной критикой Министерства обороны и ЦК: Москва, мол, плохо подготовлена к внезапному нападению со стороны США.

В ответ выступили маршалы и генералы, возразившие, что Егорычев не может судить, ибо ни разу не бывал на совещаниях по этим вопросам, хотя является членом военного совета Московского военного округа.

Брежнев понял эту вылазку как начало открытой борьбы против него. После этого пленума Шелепин был переведен в ВЦСПС, а позже выведен из руководства и отправлен на пенсию. Егорычев уехал послом в Данию, а Семичастный был отправлен на партийную работу в Сумскую область на Украине».

В этом описании много неточностей. Поэтому возникают сомнения: может быть, память подвела Анастаса Ивановича, а может быть, подвели те, кто помогал написать книгу? Эти воспоминания вышли уже после смерти Микояна.

Брежнев методично отодвигал Шелепина и дискредитировал его команду. Пошли разговоры о том, что вот комсомольцы пытаются захватить власть в стране, в партии. Леонид Ильич был внешне доброжелателен, но очень хитро всех разогнал. Устранением Шелепина и его команды занималось умелое брежневское окружение.

— Там были крупные мастера закулисной игры, знатоки кадровой кухни, — рассказывал Николай Месяцев. — Зайдешь в кабинет, стол совершенно пустой, ни одной бумаги, будто нет в государстве дел. А они по телефону орудуют: этого надо убрать, того назначить, третьего загнать куда-нибудь подальше. Действовали Суслов и Кириленко — этот костолом был такой, что будь здоров. Вот они постепенно и вытащили из-под Шелепина все властные структуры...

На должность управляющего делами ЦК Шелепин предлагал своего человека, Гранта Тиграновича Григоряна. Он был заместителем управляющего. Но Брежнев его не утвердил. Зачем ему шелепинский

человек на таком важном посту, где в руках все партийное имущество?

Брежнев позаботился о том, чтобы и должность начальника Четвертого главного управления при Министерстве здравоохранения (кремлевская медицина) не занял человек, считавшийся ставленником Шелепина. Леонид Ильич тогда еще не жаловался на здоровье, но угадал важность этой позиции. Состояние здоровья высших людей в государстве — бесценная информация в борьбе за власть.

Человек тридцать-сорок из окружения Шелепина разослали кого куда, большей частью послами в малозначимые и далекие государства.

В апреле 1967 года перестал быть генеральным директором ТАСС Дмитрий Петрович Горюнов, бывший главный редактор «Комсомольской правды». После отставки Хрущева Горюнов не прервал отношений с Алексеем Аджубеем. Они встречались в компании бывших комсомольских работников. Все это становилось известным. Доброхоты советовали встречаться пореже. Дмитрий Горюнов не прислушался — и поехал послом в Кению.

Вместо него генеральным директором ТАСС стал Сергей Георгиевич Лапин, человек с богатой биографией, очень консервативными убеждениями и едким юмором. Он окончил два курса Ленинградского историко-лингвистического института и пошел работать в «Винницкую правду». В 1942 году, когда другие воевали, его взяли в отдел печати ЦК, и он пошел в гору. После смерти Сталина Лапина перевели в Министерство иностранных дел. При Брежневе он поехал послом в Китай, а через два года возглавил ТАСС.

Брежнев Лапину безгранично доверял. Сергей Георгиевич этим пользовался и наиболее важные разговоры начинал такой фразой:

— Я вчера обедал с Леонидом Ильичом...

После этого возражать Лапину решался только тот, кто завтракал или ужинал с генеральным секретарем.

Распустили отдел международной информации ЦК, которым руководил Дмитрий Петрович Шевлягин, потому что в его составе было много «комсомольцев». Шевлягин в 1934 году окончил Московский юридический институт, а потом еще и Высшие юридические курсы при Академии внешней торговли. В 1968 году его перевели в МИД и отправили послом в Алжир. На следующий год он скончался в возрасте пятидесяти шести лет. Считалось, что первый председатель правления Агентства печати «Новости», бывший член бюро ЦК ВЛКСМ и главный редактор «Комсомольской правды» военных лет Борис Сергеевич Бурков тоже был близок к Шелепину.

«Борис Сергеевич был открытый и приветливый человек, демократичный и общительный, — вспоминал его подчиненный Карэн Хачатуров, — мог всплакнуть, делая добро, любил застолье, суету дальних странствий, примечал талантливых журналистов, не дергал по пустякам подчиненных, поощрял их инициативу, органически не любил склок и, главное, — умел сплавивать коллектив».

Борис Бурков пытался попасть в брежневский круг, пробиться к Леониду Ильичу, но безуспешно. Его убрали из АПН, которое превратилось в огромное пропагандистское ведомство. Место председателя занял Иван Иванович Удальцов, который был советником-посланником в посольстве Чехословакии во время подавления Пражской весны, требовал введения советских войск и получил повышение.

«Иван Иванович Удальцов, — свидетельствовал Хачатуров, который стал его заместителем, — был не просто ретроград, он был воинствующим, стремился довести свои убеждения до каждого. Перетряхнув кадры, Удальцов ключевые должности заполнил инструкторами различных отделов ЦК, в большинстве своем способными только помыкать подведомственными им организациями».

Председатель Гостелерадио Николай Месяцев кому-то сказал про члена политбюро Кириленко, что у того всегда пустой стол и он сам с собой от скуки в крестики-нолики играет. Андрею Павловичу немедленно донесли, это стало последней каплей.

В апреле 1970 года Месяцев вернулся из командировки в Хабаровск. Встречавший его в аэропорту генеральный директор Центрального телевидения Петр Ильич Шабанов, в прошлом комсомольский работник, отвел его в сторону и предупредил: вас только что освободили от должности. Месяцева отправили послом в Австралию.

Его пригласил к себе Брежнев. Поглядывая в окошко, он курил сигарету и хвалил за работу в Гостелерадио, объяснил, что нужно укреплять дипломатический фронт, поэтому посылаем послом в Австралию. Но это, дескать, назначение временное.

Два месяца новый посол стажировался в Министерстве иностранных дел, побывал в Комитете госбезопасности и в военной разведке. «Разговоры носили сухой, формальный характер, — вспоминал Месяцев. — Я хорошо знал, что за мной приглядывают, каждый из своего угла, — таково задание «свыше»».

Провожали посла немногие. Когда один из его недавних подчиненных в Гостелерадио вернулся из аэропорта, ему позвонил новый руководитель Сергей Лапин:

— А мы вас разыскивали.

— Я же предупредил Энвера Назимовича Мамедова (первого заместителя председателя), что буду на аэродроме.

— Знаю, — сказал Лапин. — Вы напрасно поддерживаете месяцевщину.

— Не понимаю, о чем идет речь.

— Ну, поймете, поймете, — обещал Лапин...

Пребывание в Канберре в самом деле оказалось для Николая Николаевича недолгим, но вовсе не потому, что в Москве ему предложили новую должность. Он поехал в Австралию один, без семьи. Жена и дети остались в Москве.

«Он не сумел с честью выдержать испытание немилостью, — пишет Борис Чехонин, бывший тогда заведующим отделением ТАСС в Австралии. — Посол засыпал московских друзей просьбами помочь ему скорее вернуться в столицу. «Ты знаешь, — признавался он в минуту откровенности, — в Москве мне светит пост члена Верховного суда». Но официальная Москва молчала. И тогда полномочный представитель советского правительства не выдержал: начал злоупотреблять горячительными напитками и чересчур увлекаться женским полом».

С Месяцевым обошлись невероятно жестоко: отозвали, уволили с работы и в августе 1972 года исключили из партии «за грубое нарушение норм коммунистической морали». На заседании Комитета партийного контроля при ЦК председательствовал член политбюро Арвид Янович Пельше. «Меня обвинили в посягательстве на честь и достоинство женщины», — пишет в своей книге Николай Месяцев. По его мнению, причиной стали доносы, состряпанные работниками Комитета госбезопасности.

«Поползла пущенная КГБ зубодробительная легенда — отозван за попытку изнасилования в сиднейской гостинице приезжей советской балерины, — вспоминает Борис Чехонин. — Мы, работавшие в Канберре, ничего не слышали о подобном инциденте. Да и вряд ли у посла была такая возможность. Во время поездок по стране он, как правило, был не один. Его повсюду сопровождали лица, отвечающие за безопасность.

Да и с точки зрения секса у посла не наблюдалось проблем. Зачем пускаться в сомнительные авантюры с приезжими, когда все необходимое под рукой, тут же в посольстве?..

Практиковались совместные походы в сауну, где можно было полюбоваться стройными телами жен молодых дипломатов, выбрать то, что тебе приглянулось, и за стаканом виски перебросить мост к «неуставным

отношениям» с очередной пассивей».

Гостелерадио Сергей Георгиевич Лапин руководил пятнадцать лет, пока Горбачев не отправил его на пенсию. Генеральным директором ТАСС стал еще один доверенный человек Брежнева Леонид Митрофанович Замятин.

— ТАСС, это то, что дает нам информацию, — сказал Леонид Ильич своему тезке. — Я хочу, чтобы ты отбирал информацию, чтобы я первым узнавал, что происходит...

Иначе говоря, генеральный секретарь ЦК КПСС хотел, чтобы главный источник информации о положении в стране и мире был в руках лично ему преданного человека.

Вслед за Семичастным Брежнев убрал первого секретаря Московского горкома Николая Григорьевича Егорычева, одного из самых молодых руководителей партии. Поначалу Брежнев его поддерживал, но быстро убедился, что Егорычев, прямой, целеустремленный, некорыстный, думающий только о деле, — не из его команды. Егорычев не желал подчиняться новым веяниям, и это стало злить Брежнева.

Горком готовил торжественный вечер по случаю двадцатипятилетия разгрома немцев под Москвой. Пригласили представителей от всех городов-героев. Егорычеву позвонил секретарь ЦК по кадрам Иван Капитонов:

— Почему не позвали никого из Новороссийска?

— Это не город-герой.

— Но там же воевал Леонид Ильич, — со значением заметил Капитонов, — надо все-таки пригласить.

— Ну, хорошо, — согласился Егорычев.

— И надо предоставить им слово.

— Нет, это нельзя.

— Но там воевал Леонид Ильич, — повторил Капитонов.

— Если мы это сделаем, мы только повредим Леониду Ильичу, — твердо сказал Егорычев.

И он позвонил Суслову:

— Михаил Андреевич, вот Капитонов настаивает на том, чтобы товарищам из Новороссийска было предоставлено слово. По-моему, этого делать не следует.

— Вы правы.

После торжественного собрания «Правда» подготовила целую полосу с выступлением Егорычева. А вышел небольшой материал. И тут же позвонил Суслов:

— Товарищ Егорычев, вы не упомянули некоторых маршалов, они обижаются.

— Михаил Андреевич, я упомянул тех, кто воевал под Москвой.

— А маршала Гречко? Он ведь министр обороны.

— Но он не воевал под Москвой!

— Но он же министр обороны!

— Михаил Андреевич, я перечислил тех, кто указан в статье маршала Василевского, которая только что опубликована в «Коммунисте», это же орган ЦК КПСС.

На самом деле недовольство маршалов не имело значения. Это Брежнев был недоволен докладом Егорычева. Потому что его имя прозвучало только в конце доклада, когда зашла речь о современных делах. Едва представился повод, как Брежнев избавился от Егорычева.

На пленуме ЦК, который собрался после арабо-израильской войны в июне 1967 года, Егорычев сказал, что из событий на Ближнем Востоке надо извлечь уроки. Первый секретарь Московского горкома по должности входил в военный совет округа противовоздушной обороны Москвы. И он заговорил о том, что система ПВО столицы устарела.

Выступление Егорычева вовсе не было направлено против Брежнева. Он рассчитывал на поддержку генерального секретаря. Но посмел вторгнуться в военную сферу, которая была монополией Брежнева. Выступление Егорычева секретарь ЦК по военной промышленности Дмитрий Федорович Устинов счел критикой положения дел в оборонном комплексе. А самому Брежневу не понравилось выдвинутое Егорычевым другое предложение:

— Может быть, настало время, продолжая линию октябрьского, шестьдесят четвертого года, пленума ЦК, на одном из предстоящих пленумов в закрытом порядке выслушать доклад о состоянии обороны страны и о задачах партийных организаций, гражданских и военных.

Это было истолковано как недоверие Брежневу, как стремление потребовать от него отчета. Внешняя политика — прерогатива генерального секретаря. Доверенные секретари из «группы быстрого реагирования» получили указание дать отпор Егорычеву. На следующее утро слово взял первый секретарь ЦК компартии Узбекистана Шараф Рашидович Рашидов. Он с укором сказал московскому секретарю:

— Николай Григорьевич, противовоздушная оборона столицы начинается не в Москве, она начинается в Ташкенте.

Егорычева раскритиковали и остальные выступавшие. Брежнев в заключительном слове говорил, как много ЦК занимается военными

делами и противовоздушной обороной в том числе. Председательствовал на этом заседании пленума ЦК Александр Шелепин. Едва ли он в тот момент предчувствовал, что судьба Егорычева окажется связанной с его собственной.

После пленума Брежнев обзвонил членов политбюро:

— Московская городская партийная организация нуждается в укреплении, и Егорычева стоило бы заменить. Я предложил Гришина. Все согласились...

Заместитель председателя КГБ Георгий Карпович Цинев после снятия Егорычева разогнал руководство московского управления госбезопасности. Цинев кричал на заместителя начальника управления полковника Георгия Леонидовича Котова, который прежде был помощником Егорычева:

— Ваш Егорычев что, не понимал, что делает?! Его выступление — это же был пробный шар. Это был выпад против Леонида Ильича! Что вы там задумали?! Заговор против Леонида Ильича затеяли?!

Первым секретарем Московского горкома сделали Виктора Васильевича Гришина, который был председателем ВЦСПС. Опытный и осторожный чиновник, он никогда не шел против воли генерального секретаря.

«Он не сидел, — описывал Гришина один известный литературовед, — а торжественно и величественно восседал, как некий парт-Саваоф, божество, не знаю даже, с кем его сравнить. Это была истина в последней инстанции, та, которая обжалованию не подлежит. К нему бесшумно подходили какие-то люди с какими-то бумагами. Он говорил, кивал, подписывал, и каждое движение, жест, подпись означали бесповоротное решение чьих-то судебных...

Гришин говорил очень тихо — знал, что его услышат, внимание гарантировано, никто не перебьет, не возразит».

Когда Виктора Гришина перевели в горком, у Брежнева появилась возможность решить судьбу Шелепина, оставшегося без поддержки.

Александр Николаевич совершил тактическую ошибку, настроив против себя других членов политбюро ЦК.

— Шелепин не брал себе охраны, — рассказывал Владимир Семичастный. — Брежнев меня спросил: почему Шелепин без охраны ездит? Я говорю: он же отказывается от охраны. Пусть скажет, я ему завтра хоть взвод поставлю. Тут Шелепин встает и говорит: «Леонид Ильич, а зачем нас охранять? Я считаю, что нужно охранять три первых лица — первого секретаря, председателя президиума Верховного Совета и главу правительства. А нас-то чего охранять? От кого?»

Шелепин, даже когда был председателем КГБ, ходил без охраны. Его товарищи стыдили:

— У тебя же полный портфель государственных секретов.

Заодно Шелепин выступил против «иконостасов». Он сказал, что ему стыдно, когда во время демонстрации он стоит на мавзолее, а рабочие несут его портрет. Зачем повсюду выставлять портреты вождей?

Члены политбюро замолкли. Но тут вмешался многоопытный секретарь ЦК Сулов, ведавший идеологией:

— Это традиция такая. В этом проявляется авторитет партии. Нас не поймут, если отменим.

На этом обсуждение вопроса закончилось.

Председатель КГБ Семичастный встал:

— Ну так как, ставить Шелепину охрану?

Шелепин махнул рукой:

— Ставь...

Шелепин раздражал товарищей по партийному руководству разговорами о том, что члены политбюро оторвались от масс. Кому такое понравится? Крайне щепетильный, он не делал себе никаких поблажек. За все платил.

Он подготовил большую записку о том, что высшим руководителям необходимо вести себя скромно. Товарищи по партийному аппарату стали относиться к нему с опаской, а потом с ненавистью.

Александр Николаевич высказался также против того, чтобы члены политбюро сами себя награждали орденами. Ну, тут уж он и вовсе задел товарищей за живое... Сам он был награжден четырьмя орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Красной Звезды и шестью медалями.

Вячеслав Кочемасов рассказывал:

— На политбюро он выступил за пересмотр всей системы привилегий для начальства. Речь шла и о зарплате, и о дачах, и о специальном питании, машинах, охране. Он говорил твердо, убежденно. Он все это высказал. Воцарилось молчание. Никто не берет слова. Наконец Подгорный говорит: «Ну, вот Саша у нас народник, придумал все...» Члены политбюро с облегчением заулыбались и все его предложения благополучно похоронили...

Известный философ Мераб Мамардашвили сформулировал это так:

— Советская власть, которая придерживается всего среднего (это доказал Брежнев), ничего слишком активного или революционного, даже в свою пользу, не терпит. Почему не удалась карьера Шелепина? Потому, что он слишком определенный. Они даже этого не любили.

В первых числах марта 1967 года Шелепин приехал в Калинин, где его выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР. Церемония была ритуальной, как и слова, которые в таких случаях обязательно произносились. Но речь Шелепина была необычной.

— Характеризуя меня как кандидата в депутаты, — говорил Шелепин, выступая в областном драматическом театре, — товарищи главным образом говорили о моих положительных качествах и не упоминали о присущих мне недостатках... Но руководители — это не ангелы и не святые, а люди, как все, и стало быть, как все люди, они имеют недостатки. Есть эти недостатки и у меня.

Таких слов его коллеги по руководству страной никогда себе не позволяли: недостатков у советских вождей быть не могло. Речи членов политбюро внимательно просматривались, и всякое отклонение от канонов замечалось. И не одобрялось.

Проба сил в истории с Щелоковым и Тикунным, освобождение Семичастного от должности, которое прошло как по маслу, показали Брежневу, что он набрал силу и может не считаться с Шелепиным. Более того, нет смысла держать его внутри партийного аппарата. Зачем ему видеть брежневскую политическую кухню изнутри?

На расширенном заседании политбюро с участием местных партийных руководителей обсуждался вопрос о крупных животноводческих комплексах в Российской Федерации. Шелепин выступил резко, критиковал Центральное статистическое управление за представление искаженных цифр, возражал против ликвидации мелких и средних животноводческих ферм, говорил о тяжелом положении на селе и потребовал отправить в отставку министра сельского хозяйства Владимира Владимировича Мацкевича.

Брежнев был знаком с Мацкевичем еще с послевоенных лет. В свое время первый секретарь Днепропетровского обкома наладил хорошие личные отношения с министром сельского хозяйства Украины Мацкевичем. Потом они сотрудничали, когда Брежнев работал в Казахстане. Мацкевичу многое сходило с рук.

В 1962 году министр охраны общественного порядка России генерал внутренней службы второго ранга Тикуннов доложил в ЦК:

«3 февраля с. г. около 20 часов в гостиницу «Москва» пришел в нетрезвом состоянии депутат Верховного Совета СССР, председатель Целинного крайисполкома Мацкевич В. В., который пытался завести к себе в номер студентку МГУ Ашурову, 1943 года рождения, находившуюся в холле 5 этажа. Дежурная по этажу и горничная вступились за Ашурову, за

что Мацкевич оскорбил их нецензурной бранью».

Став главой партии, Брежнев сделал Мацкевича союзным министром сельского хозяйства.

Поэтому Леонида Ильича разозлили слова Шелепина. На следующий день Брежнев позвонил Александру Николаевичу:

— Ты можешь сейчас зайти ко мне?

Когда Шелепин пришел, тот обрушился на него:

— Как понимать твоё вчерашнее выступление? Твоя речь была направлена против меня!

— Почему вы так считаете?

— А ты что, не знаешь, что сельское хозяйство курирую я? Значит, все, что ты говорил вчера, это против меня. Какое ты имел право вносить предложение о снятии с работы Мацкевича? Ведь это моя личная номенклатура!

Это было предупреждение. Однажды Александр Николаевич приехал в Кремль на очередное заседание политбюро. Его зазвал к себе Брежнев. В кабинете его сидел Суслов. Леонид Ильич предпочел вести сложный разговор с Шелепиным не в одиночку, а опираясь на авторитет «главного идеолога» партии.

— Знаешь, надо нам укрепить профсоюзы, — сказал Брежнев. — Есть предложение освободить тебя от обязанностей секретаря ЦК и направить на работу в ВЦСПС председателем. Как ты смотришь?

Шелепин ответил, что никогда себе работы не выбирал и ни от какой не отказывался. Хотя он прекрасно понимал, что укрепление профсоюзов Брежнева совершенно не интересует. Ему нужно было убрать его из партийного аппарата.

Брежнев и Суслов, который весь разговор просидел молча, поднялись. Все вместе перешли в соседнюю комнату, где уже собрались остальные члены политбюро. Брежнев сказал, что они с Сусловым рекомендуют перевести Шелепина в ВЦСПС. Членом политбюро он останется, чтобы поднять авторитет профсоюзов.

В июле 1967 года Шелепина утвердили председателем ВЦСПС. Представить нового председателя на пленум ВЦСПС приехал Суслов. Через два месяца, 26 сентября, на очередном пленуме ЦК, Александра Николаевича Шелепина освободили от обязанностей секретаря ЦК.

Работавшая с Шелепиным Александра Павловна Бирюкова, тоже секретарь ВЦСПС, считает, что он был лучшим главой профсоюзов.

«Когда я пришла на работу в ВЦСПС, — рассказывала Бирюкова газете «Воронежский телеграф», — он мне сказал: «Готовьте записку в ЦК,

чтобы до двадцати пяти — тридцати процентов мощностей оборонного комплекса выпускали оборудование для легкой, текстильной, пищевой промышленности». И мы написали такую записку..

Шелепин развернул строительство столовых и профилакториев на предприятиях. За пять лет мы вдвое увеличили число санаториев. По всей стране строились пионерские лагеря».

Новый руководитель профсоюзов считал необходимым сосредоточиться на охране труда и здоровья людей, требовал, чтобы его подчиненные по всей стране добивались от администрации, директоров предприятий улучшения условий работы и жизни рабочих. В ведении профсоюзов находилось огромное хозяйство — санатории, дома отдыха, профилактории, туристические базы, пионерские лагеря, стадионы, клубы и дома культуры. В состав ВЦСПС входили Центральный совет по управлению курортами профсоюзов, Центральный совет по туризму, Центральный совет Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов.

«Шелепин занялся развитием курортной базы, — вспоминал тогдашний председатель Сочинского горисполкома Вячеслав Воронков, — наметил построить курортный городок пансионатов. Этот курортный город на тысячи мест представлял собой комплекс, где отдыхающий получал все ему необходимое. Городок имел большие перспективы. Шелепин поддержал мое предложение о геолого-разведочных работах по поиску поблизости мацестинских вод. Нашли высокотермальные и йодобромные воды.»

Александр Николаевич по-прежнему демонстрировал стиль руководства и поведения, непривычный для брежневского окружения.

«В ВЦСПС был огромный гараж, — рассказывала Александра Бирюкова, — а Александр Николаевич отказался от прикрепления «Волги» к его семье, сказал: «Моя семья может ездить на метро и другом общественном транспорте». У всех членов политбюро были отдельные столовые, откуда им развозили обеды, а Шелепин отказался. И у нас в ВЦСПС была кухня, откуда каждому секретарю носили обед в кабинет. Шелепин сказал: «Зачем?» Устроил для нас общую столовую и сам обедал вместе с нами, пользуясь тем же меню».

Впрочем, в роли главы профсоюзов энергичный и популярный Шелепин тоже был неудобен Брежневу.

— Шелепин, как человек большой энергии, стал бывать на заводах, общаться с рабочими, — рассказывал Леонид Замятин. — Выдвинул программу социальной поддержки рабочего класса, занялся

строительством санаториев для рабочих. Популярность его росла.

Говорят, что Шелепин вдохнул новую жизнь в безвластные профсоюзы. При нем профсоюзные комитеты почувствовали себя более уверенно и на равных говорили с администрацией, не позволяя директорам нарушать права рабочих.

— Пришел Шелепин в профсоюзы, другой климат — можно прийти к человеку, он примет, выслушает, поможет, — говорил Николай Егорычев. — Но работать Шелепину уже было трудно. Когда его перевели в ВЦСПС, он на каждом шагу чувствовал, что его оттирают.

Владимир Семичастный вспоминал:

— У него уже вообще не ладились отношения с Брежневым. Все предложения, которые он вносил, работая в ВЦСПС, либо мариновались, либо отклонялись. Шелепин оказывался в глупом положении перед своим активом. Он действовал энергично, но его идеи благополучно проваливались. Брежнев сбивал его авторитет и опускал до уровня обычного чиновника.

Брежнев по-прежнему воспринимал Шелепина как соперника. Тесные контакты с Шелепиным стали опасным делом.

У нового генерального директора ТАСС Леонида Замятина возникла идея построить дом отдыха для тассовцев с помощью профсоюзов. Обратился к Александру Николаевичу. Тот выразил готовность помочь. Встреча с Шелепиным едва не окончилась для Замятина опалой.

Его срочно вызвали в Барвиху к Брежневу.

Охранник сказал:

— Леонид Ильич гуляет возле озера.

Замятин пошел искать генерального секретаря. Леонид Ильич прогуливался с какими-то людьми. Увидев Замятина, отошел с ним в сторону, где их никто не слышал:

— Если бы я тебя не назначил на эту должность два месяца назад, то сегодня бы снял.

— Чем же я провинился? — спросил Замятин.

— Ты у Шелепина в ВЦСПС был?

— Да, я хотел ускорить строительство дома отдыха, — ответил Замятин.

— Но ты с ним еще и обедал?

— Он меня пригласил.

— О политике говорили? Честно.

— Ни слова. Только о социальных делах.

Генеральный секретарь объяснил Леониду Митрофановичу без

обиняков:

— Всех идеологов, которые окружали Шелепина, мы отослали за рубеж или в другие места. Сейчас он ищет новых людей на идеологическом фронте, формирует новую команду. И тебя не случайно пригласил пообедать. Он, видишь, не бросил своих идей. Мне это не нравится. И мы с этим покончим. Может, я виноват, что не предупредил тебя, но я не мог предположить, что ты сразу поедешь к Шелепину... Тебе надо знать, каких друзей выбирать...

«Из органов госбезопасности начали удалять бывших комсомольских работников, которых привел туда Шелепин, — рассказывал первый секретарь Хабаровского крайкома Алексей Клементьевич Чёрный. — Для Брежнева и его приближенных он становился подозрительной личностью. Приведу такой незначительный пример. В нашем крае встал вопрос о председателе краевого совета профсоюзов».

Алексей Чёрный предлагал на эту должность бывшего первого секретаря крайкома комсомола Николая Григорьевича Путинцева. Кандидатуру следовало согласовать с Москвой. Чёрный, уверенный в положительном ответе, позвонил председателю ВЦСПС. Реакция была неожиданной: «Шелепин стал буквально упрашивать меня не настаивать на этой кандидатуре».

— Меня и так обвиняют, что в органы КГБ я натаскал комсомольцев, — объяснил он первому секретарю Хабаровского крайкома, — а теперь то же скажут о ВЦСПС. Я прошу тебя, Алексей Клементьевич, сними кандидатуру Путинцева.

Председателем крайсовпрофа назначили другого человека.

Искусствовед Даль Орлов вспоминал, как главный режиссер театра «Современник» Олег Николаевич Ефремов к пятидесятилетию Октябрьской революции поставил пьесу Михаила Филипповича Шатрова «Большевики». Цензура ее запретила. Министр культуры Екатерина Алексеевна Фурцева взяла на себя смелость разрешить спектакль. Полгода он шел без разрешения.

Когда, наконец, получили разрешение, главный редактор «Труда» Александр Михайлович Субботин позволил опубликовать положительную рецензию. Но чтобы подстраховаться, послал газетную полосу Шелепину в ВЦСПС. Шелепин прочитал и разрешил. Подпись члена политбюро была законом для цензуры.

В идеологических делах Александр Николаевич оставался ортодоксальным. В апреле 1972 года он обратился в ЦК:

«Направляю в порядке информации записку «О некоторых ошибках в

освещении истории и роли рабочего класса в отдельных работах Института истории Академии наук СССР», которую представил в ВЦСПС тов. Г. Шарапов — ректор Высшей школы профсоюзного движения ВЦСПС. Просим разрешить опубликовать в газете «Труд» статью о книге «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония». Текст статьи прилагается.

Прошу рассмотреть».

Критика работы академического института была уничтожающей, хотя демагогической и не очень грамотной:

«За последнее время в ряде книг, подготовленных Институтом истории СССР, имеет место искаженное толкование некоторых коренных положений марксистско-ленинской теории о характеристике рабочего класса и его роли в победе Октябрьской революции и строительстве социализма и коммунизма в нашей стране.

В этих книгах содержатся ошибочные утверждения, противоречащие ленинскому учению о гегемонии пролетариата, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, о союзе рабочего класса и беднейшего крестьянства в Октябрьской революции, о руководящей роли рабочего класса и беднейшего крестьянства в советском обществе...

«Новые» положения о месте и роли советского рабочего класса находятся в полном противоречии с решениями XXIV съезда КПСС, выступлениями Генерального Секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на съездах, пленумах ЦК КПСС, на XV съезде советских профсоюзов».

Заручившийся поддержкой Шелепина ректор профсоюзной школы — не единственный, кто атаковал директора Института истории СССР члена-корреспондента Академии наук СССР Павла Васильевича Волобуева. Он был настоящим ученым, собирал вокруг себя талантливых людей, которые серьезно изучали историю своей страны. Они пытались отойти от устоявшихся трактовок советской истории и неминуемо столкнулись с коллегами-ортодоксами, которые верностью партийным догмам, как правило, компенсировали собственную бездарность.

Коллеги информировали аппарат ЦК о том, что Волобуев в своем институте «ревизует кардинальные положения марксизма-ленинизма». Отдел науки и учебных заведений ЦК вел настоящую войну против Волобуева. Директор института не был диссидентом. В прошлом он сам работал в аппарате ЦК партии и чувствовал себя довольно уверенно. Но партийные догмы пересмотру не подлежали. В конце концов его убрали с должности. Новым директором Института истории стал тот самый бывший заведующий сектором отдела науки ЦК, который добился снятия Павла

Волобуева.

В конце декабря 1969 года секретарь ЦК и заведующий международным отделом Борис Николаевич Пономарев представил руководству партии написанную от руки записку «Об исполнении расходов «Международного фонда помощи левым рабочим организациям» за 1969 год». Это был один из самых больших секретов партии — суммы в долларах, которые Москва выделяла иностранным компартиям.

Борис Пономарев докладывал:

«В 1969 году помощь была оказана 73 партиям и национально-демократическим организациям в сумме 14.787.000 долларов.

Итальянской компартии в 1969 г. была сокращена сумма помощи вдвое (до 3.700.000 долл.)

Из средств фонда 1969 г. не было израсходовано 1.763.000 долларов.

Вносится предложение о создании фонда 1970 года на уровне 1969 года, в размере 16.550.000 долларов, в том числе:

от КПСС — 14.000.000 долларов...»

Остальные деньги вносили другие социалистические страны. В приложении, также написанном от руки, перечислялись иностранные партии и суммы, которые им предлагалось выделить в следующем году. Деньги передавались резидентами КГБ. Суммы были согласованы с Брежневым и Сусловым, которые уже поставили свои подписи, поэтому остальные члены политбюро просто расписывались на записке Пономарева.

Только Шелепин предложил наказать итальянских коммунистов, которым предлагалось ассигновать три миллиона семьсот тысяч долларов. Происходившее в Советском Союзе отвращало европейцев от компартий, и европейские коммунисты стали критиковать советскую действительность. Итальянцы делали это откровеннее других.

Шелепин расписался на записке Пономарева, но добавил:

«Возможно, по итальянской компартии следовало бы несколько сократить сумму помощи».

Это нарушило ход голосования.

Документы понесли Брежневу с короткой припиской:

«Леонид Ильич, направляю проект постановления ЦК (о международном фонде), проголосованный членами политбюро. Фонды на будущий год предусмотрены в размере прошлого года.

При голосовании т. Шелепин вносит предложение сократить сумму помощи Итальянской компартии до 3 м. д., хотя она и так уже сокращена вдвое».

Пожелание Александра Николаевича учитывать не стали. Его инициатива, скорее, вызвала раздражение: опять влез не в свое дело.

Сам Шелепин вспоминал, как накануне одного из пленумов ЦК он зашел к главе правительства Косыгину. Сказал, что как руководитель профсоюзов настаивает на принятии поправок к пятилетнему плану, предусматривающих повышение жизненного уровня людей. Изложил конкретные предложения ВЦСПС. Предупредил: если Косыгин этого не сделает, то он выступит сам.

Косыгин немедленно пересказал разговор Брежневу. Тот буквально через час пригласил к себе Шелепина.

Сразу спросил:

— Какие у тебя отношения с Косыгиным?

— Вы же знаете, что на заседаниях политбюро мы с ним по принципиальным вопросам остро спорим, — ответил Шелепин.

Это Брежнева вполне устраивало.

— Ты говорил Косыгину, что собираешься выступать на пленуме?

Шелепин подтвердил и объяснил, что именно он намерен сказать. Брежнев попросил его не выступать и твердо обещал учесть его предложения. Но ничего не сделал. Главное для него было — не пустить Шелепина на трибуну партийного пленума.

Александр Николаевич не делился своими неприятностями даже с близкими друзьями.

— Я приехал из Вильнюса, — рассказывал Харазов, в ту пору второй секретарь ЦК компартии Литвы. — Зашел к нему на работу. Никаких разговоров в его кабинете не вели, понимали, что это бесследно не пройдет. Когда он отдыхал в Литве в Паланге, вот тогда погуляли и наговорились вдоволь. Однако он никогда не рассказывал, что у них делалось в политбюро, хотя и я был на партийной работе.

ОПАЛА

Известный дипломат Борис Иосифович Поклад был старшим помощником первого заместителя министра иностранных дел Василия Васильевича Кузнецова. Однажды утром Покладу позвонил помощник Брежнева по международным делам Александр Михайлович Александров-Агентов. Он поинтересовался, отправлена ли уже в ЦК записка относительно зарубежной поездки Шелепина.

Поклад ответил, что проект записки подготовлен и находится у Кузнецова, исполнявшего в тот момент обязанности министра.

— Василий Васильевич, — доложил Поклад, — к сожалению, в данный момент уехал из министерства.

Александров попросил сообщить Кузнецову, что запиской интересуется Брежнев. Сотрудники секретариата первого заместителя министра бросились искать Кузнецова. Звонили по всем телефонам, но он словно пропал. Минут через сорок вновь позвонил Александров. Узнав, что Кузнецова нет и связаться с ним не удалось, попросил прислать записку без подписи и. о. министра.

Дисциплинированный Поклад ответил, что без разрешения Кузнецова он не может послать записку и приложит все силы, чтобы найти шефа. Александров недоуменно заметил:

— Но эту записку ждет Леонид Ильич!

Борис Поклад оказался в безвыходном положении. Если он отправит записку, Кузнецов будет недоволен: почему без моего ведома?! Если не отправит, шеф будет еще больше недоволен: как вы могли не выполнить поручение Леонида Ильича?!

Около часа дня раздался новый звонок Александрова, не скрывавшего своего раздражения. Он сказал, что Леонид Ильич просто удивлен, почему до сих пор нет записки, которую он давно ждет.

Поклад не выдержал и отправил документ. Он понял, что записка позарез нужна к заседанию политбюро. После заседания политбюро приехал, наконец, Кузнецов и предъявил претензии своему помощнику:

— Почему вы без моего разрешения отправили проект записки в ЦК, хотя знали, что я ее не подписал?

Борис Поклад объяснил, что держался до последнего и отослал записку, когда в ЦК уже лопнуло терпение.

«На следующий день утром, — вспоминал Поклад, — мне позвонил

Александров и принялся благодарить. Он говорил, что я проявил понимание всей сложности ситуации и так далее. Возникает вопрос: а в чем, собственно, эта самая сложность? Как потом стало известно, надо было отправить Шелепина за границу, чтобы за время его нахождения там освободить от занимаемых постов».

В 1975 году Шелепин во главе профсоюзной делегации поехал в Англию. Его плохо встретили — демонстрациями и протестами. Устроили ему настоящую обструкцию. Для англичан он оставался бывшим председателем КГБ, который отдавал приказы убивать противников советской власти за рубежом. Вспомнили историю убийства Степана Бандеры и приговор западногерманского суда, который назвал организатором убийства Шелепина.

Относительно этой поездки в Англию ходят разные слухи. Одни утверждают, что это заранее было известно: Шелепину в Лондон лучше бы не ездить, и руководство британских профсоюзов говорило советскому послу, что лучше было бы командировать кого-то другого. Но в Москве на эти предупреждения внимания не обратили.

По мнению же Александры Бирюковой, которая была секретарем ВЦСПС, как раз в ЦК КПСС не рекомендовали Шелепину лететь в Лондон, но он настоял, потому что серьезно относился к международному профсоюзному движению и хотел наладить отношения с руководством британских тред-юнионов.

Есть еще одна версия. Накануне визита Шелепина одна из британских газет опубликовала статью, в которой читателям напоминали, что глава советских профсоюзов — ярый сталинист и бывший глава карательных органов. Написал эту статью московский журналист Виктор Луи, который был женат на англичанке и писал для британской прессы. В Москве его называли Виталием Евгеньевичем. Люди, которые его знали, начиная с сына Хрущева, считали, что он оказывал услуги Комитету госбезопасности.

Возле здания британских профсоюзов собралась протестующая толпа. Бывший сотрудник лондонского бюро АПН Владимир Добкин вспоминает, что Шелепина пришлось вывозить через черный ход, а посольского водителя, который вышел к лимузину, приняв, видимо, за Шелепина, закидали яйцами и пакетами с молоком.

На пресс-конференции глава советских профсоюзов Шелепин счел необходимым произнести ритуальные слова, предназначавшиеся, понятное дело, не для английских, а для советских журналистов — чтобы они передали их в Москву:

— Товарищи, я искренне счастлив, что работаю под руководством

верного ленинца, одного из выдающихся деятелей коммунистического движения, неутомимого борца за мир во всем мире Леонида Ильича Брежнева...

Но все это уже не имело значения. Его судьба была решена. Неудачная поездка в Англию стала для Брежнева поводом вывести Шелепина из политбюро. У них произошел очень резкий разговор. Внешне очень сдержанный, Александр Николаевич был горячим человеком. И он просто взорвался:

— В таком случае я уйду.

И Брежнев с радостью воспользовался его эмоциональной реакцией. Он моментально согласился:

— Уходи.

Шелепин тут же написал заявление. Брежнев сразу обзвонил всех членов политбюро, и через несколько часов решение было принято.

««Старики», — пишет Карен Брутенц, — удалили с политической сцены «молодого» Александра Шелепина — человека несомненно умного, волевого («железный Шурик») и неамбициозного, с явными организаторскими способностями (все эти качества он неосторожно продемонстрировал в ходе антихрущевского заговора), со своей позицией. Был хорошим оратором, мог подолгу «держат» аудиторию, говорил без бумажек. Потерпевший поражение в противостоянии с Брежневым, Шелепин был изгнан из политбюро после того, как в Англии его закидали гнилыми помидорами (акция, подозреваю, организованная не без помощи наших спецслужб). Претерпев такой «афронт», он уже не мог оставаться на политическом олимпе».

Его вывели из политбюро на пленуме ЦК 16 апреля 1975 года.

— Я ничего об этом не знал, — рассказывал мне Валерий Харазов. — На пленуме Брежнев вдруг зачитывает заявление Шелепина. Я был потрясен. Мне как кандидату в члены ЦК присылали протоколы заседаний политбюро. Там была и фотокопия его заявления. Оно было написано от руки. Я узнал его почерк.

Возможно, Александр Николаевич до последнего момента не думал, что это случится — что его выведут из политбюро, что он, которого всегда отмечали и повышали, останется вне руководства страны. Настроение у него было ужасное.

Через день после пленума, 18 апреля, Шелепин — уже в роли отставника — написал Брежневу еще одно письмо:

«Дорогой Леонид Ильич!

Извините меня, что, несмотря на Вашу огромную занятость, решил

обратиться к Вам с настоящим письмом. Вы знаете, что всю свою жизнь я отдал служению великому делу ленинской партии. С 1934 по 1958 год был на комсомольской работе, а с 1958 г. и до последних дней — на партийной и профсоюзной работе.

В финскую войну, где находился с первого и до последнего дня войны добровольцем, был сильно обморожен; в годы Великой Отечественной войны был контужен и ранен. Несколько лет назад перенес операцию (вырезан желчный пузырь). Все это сказывается на здоровье и особенно в последние годы, хотя я это терпеливо переношу и не жалуясь врачам, к которым я очень и очень редко обращаюсь.

В свете этих и других обстоятельств, после беседы с Вами, Леонид Ильич, и решения Пленума ЦК КПСС, я решил обратиться к Вам, дорогой Леонид Ильич, к членам Политбюро ЦК КПСС и Секретариата ЦК КПСС с убедительной просьбой: перевести меня в порядке исключения на пенсию. Прошу Вас, Леонид Ильич, убедительно прошу, удовлетворить эту мою просьбу.

Вы знаете, что это моя единственная просьба к Вам, т. к. я никогда с личными просьбами к Вам не обращался. Поверьте, что я все тщательно обдумал и поэтому обращаюсь к Вам с этой настоятельной просьбой. И поэтому прошу Вас, дорогой Леонид Ильич, удовлетворить ее.

Все, что Вы сделали для меня хорошего в жизни, я никогда не забуду, до конца своих дней».

Письмо, написанное ясным и четким почерком, в общем отделе ЦК перепечатали и принесли генеральному секретарю.

Брежнев прочитал и пометил: «В круговую по ПБ». Это означало, что с письмом надо ознакомить всех членов высшего партийного руководства.

Сотрудники общего отдела положили письмо в папочку и понесли по этажам. Первым после Брежнева его прочитал Суслов, потом Подгорный, Косыгин... Каждый расписывался на полях. Подписей собралось на целую страницу.

Шелепину еще не было шестидесяти, формально для пенсии рановато. Но существовала такая практика — некоторых освобожденных от должности партийных работников досрочно отправляли на пенсию. Но отпускать Шелепина не захотели. По политическим соображениям: уход на пенсию после пленума — вызов, демонстрация несогласия с партийным руководством. В таком контексте последняя фраза шелепинского письма — «Все, что Вы сделали для меня хорошего в жизни, я никогда не забуду, до конца своих дней» — воспринималась как ерническая.

Брежнев с Сусловым такого допустить не могли. Пусть смирит

гордыню, подчинится генеральному секретарю и потрудится на низовой работе. Суслов сурово отчитал Шелепина.

Пришлось Александру Николаевичу писать новое письмо, каяться:

«Дорогой Леонид Ильич!

Я обращался к Вам с просьбой о предоставлении мне пенсии. Как сказал мне тов. Суслов М. А., это письмо вызвало у Вас и других товарищей соответствующую реакцию.

Леонид Ильич! Сделал я это с единственной целью — немного привести себя в порядок и подлечиться, а затем попросить ЦК КПСС предоставить мне любую работу, без чего я не мыслю свою жизнь.

Поверьте мне, что сделал я это в минуту слабости, и прошу извинить меня за это. Не хочу, чтобы у Вас и товарищей сложилось обо мне превратное мнение. Если это возможно, то прошу Вас возвратить мне то мое письмо и считать, что его не существовало. Буду Вам за это благодарен.

Обещаю Вам, Леонид Ильич, ЦК КПСС, что приложу все свои силы, чтобы оправдать доверие ЦК КПСС на новом участке работы».

Суслов сообщил Брежневу, что проблема с Шелепиным решена. Поэтому его второе письмо не перепечатывали и Брежневу не показывали. Заведующий общим отделом ЦК Константин Черненко, к которому поступило шелепинское письмо, устно информировал Леонида Ильича и Михаила Андреевича.

Вернувшись к себе в кабинет, Константин Устинович, как полагалось, написал на письме:

«Доложено тт. Брежневу Л. И. и Суслову М. А.».

И расписался.

Уход Шелепина из политбюро было сигналом для окончательной кадровой чистки бывших комсомольцев.

«Мне стало ясно, что придется уходить на пенсию, — вспоминал бывший секретарь ЦК ВЛКСМ Николай Романов, много лет руководивший спортивным ведомством. — Попал в опалу не только я, многие бывшие комсомольские работники оказались в таком же положении. В семьдесят пятом году был вынужден подать заявление».

СМЕРТЬ МАШЕРОВА. НАЗНАЧЕНИЕ ГОРБАЧЕВА

Это произошло 4 октября 1980 года. На шоссе Москва— Брест черная правительственная «чайка», которая шла с большой скоростью, врезалась в грузовик с картошкой. От удара машина загорелась. Милиционеры вытащили из «чайки» троих человек. Двое были мертвы. У третьего вроде бы билось сердце. Его повезли в больницу. Но врачам оставалось только констатировать смерть.

В результате автомобильной катастрофы погибли кандидат в члены политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК компартии Белоруссии Петр Миронович Машеров, его водитель и охранник.

Жена Машерова, Полина Андреевна, отдыхала в Карловых Варах. Там были и другие отдыхающие из Белоруссии. Они рассказывали, как в тот день после длительной прогулки вернулись в санаторий и увидели у входа сотрудника охраны Машерова и медицинскую сестру.

Полина Андреевна вскрикнула:

— Что-то с Петром случилось!

Охранник громко (жена Машерова в молодости стала слабо слышать) сказал:

— Полина Андреевна, мы привезли вам скорбную весть — Петр Миронович погиб.

Она сказала, ни к кому не обращаясь:

— Всю партизанку я не отходила от него ни на шаг, берегла, как могла. А тут. Первый раз поехала без него на отдых, бросила одного. И вот.

Врач по профессии, она была призвана в армию в 1941 году. Ее часть попала в окружение, в 1942-м Полина Андреевна оказалась в партизанском отряде, где Машеров был комиссаром.

Смерть Петра Мироновича вызвала сначала глухие разговоры и перешептывания, а затем откровенные речи о том, что это была не авария. Машерова убили. Для подозрений оснований было предостаточно.

Вроде бы даже сотрудники ГАИ поговаривали, что дело нечисто, кто-то это подстроил. Прислали нового председателя республиканского КГБ, сменили начальника личной охраны Машерова, и, наконец, бронированный ЗИЛ, положенный ему как кандидату в члены политбюро, отправили в ремонт.

Посты ГАИ на шоссе не предупредили о поездке Машерова, и поэтому не были приняты надлежащие меры безопасности. И водитель грузовой машины, которая врезалась в «чайку», накануне почему-то уже проехал тем же маршрутом. Тренировался?

Версий было множество.

Говорили о том, что он пал жертвой кремлевских интриг, подковерной борьбы, когда решалось, кому быть наследником Брежнева.

Леонид Ильич будто бы намеревался поставить Машерова во главе правительства — вместо Косыгина. Тогда после смерти Брежнева Машеров стал бы генеральным секретарем. Но Машерова убрали, потому что он после войны возглавлял белорусский комсомол и принадлежал к «комсомольской группе» Шелепина.

Выходит, если бы Машеров остался жив, то стал бы главой страны. И многие уверены, что эта автокатастрофа не могла быть случайностью. «Мы знали, что отца убили», — говорит дочь Машерова.

Есть и другие версии, помельче масштабом.

Будто бы на брестской таможне задержали бриллианты, принадлежавшие дочери Брежнева Галине. Машеров отказался замять дело, и тогда министр внутренних дел Николай Щелоков организовал устранение Машерова. Брежнев не возражал, потому что завидовал Машерову, его популярности, обаянию, молодости...

Вот почему на похороны Машерова прислали из Москвы только секретаря ЦК Михаила Васильевича Зимянина. Остальные члены партийного руководства не желали лететь в Минск. Причем появление Зимянина вызвало недоумение в республике — знали, что отношения между ним и покойным Машеровым были, мягко говоря, натянутыми.

А тут еще неожиданно отправили в отставку предшественника Машерова на посту главы республики Кирилла Трофимовича Мазурова, который был первым заместителем председателя Совета министров и членом политбюро. Мазурова сняли со всех постов «по состоянию здоровья», хотя он был моложе и крепче остальных членов политбюро.

Все эти версии, собранные вместе, действительно производят впечатление заговора. Но после смерти Машерова прилетевшие из Москвы следователи прокуратуры по особо важным делам провели самое тщательное расследование, такое, что хоть в учебники заноси. Вывод был однозначный: дорожно-транспортное происшествие.

Виноват был водитель грузовика, который вез картошку, — Николай Пустовойт. Он слишком устал и, возможно, задремал. Машина, шедшая впереди, затормозила и прижалась к краю проезжей части — водитель

увидел впереди спецкортеж. А Пустовойт вывернул руль влево, хотя надо было поворачивать вправо, и врезался в «чайку» Машерова. Пустовойт остался жив, суд приговорил его к пятнадцати годам лишения свободы.

Виновата была служба охраны Машерова, которая пренебрегла правилами уличного движения и ведомственными инструкциями. Впереди спецкортежа должны были идти автомобили ГАИ со специальной окраской и включенными проблесковыми маячками. А перед «чайкой» Машерова ехала обычная «Волга», на которую водитель не обратил внимания.

Виноват был водитель Машерова, пожилой уже человек, который страдал от радикулита, не очень хорошо видел, да с годами и реакция становится замедленной. Петру Мироновичу назначили более молодого и умелого водителя, но старый не позволил ему сесть за руль.

А как же политическая сторона дела?

Другого выходца из Белоруссии, члена политбюро Кирилла Мазурова, сняли не после смерти Машерова, а за два года до этого. И одно событие не имело отношения к другому.

Почему Брежнев расстался с Мазуровым?

— Мы все получали для служебного пользования закрытую информацию, — рассказывал Мазуров в интервью газете «Советская Россия», — и в одном из сообщений я как-то прочитал, что дочь Брежнева плохо вела себя во Франции, занималась какими-то спекуляциями. А уже и без того ходило немало разговоров на эту тему. Пришел к Брежневу, пытался по-товарищески убедить, что пора навести ему порядок в семье. Он резко отчитал меня: не лезь не в свое дело... И по другим поводам стычек было немало. Наконец однажды мы сказали друг другу, что не хотим вместе работать. Я написал заявление.

Брежнев иначе трактовал причины своего недовольства Мазуровым, которого называл беспомощным руководителем. В Завидове он рассказывал о нем команде, писавшей ему выступление. Заместитель заведующего международным отделом ЦК Анатолий Сергеевич Черняев записал его слова:

«Письмо получил от тюменских нефтяников. Жалуются, что нет меховых шапок и варежек, не могут работать на двадцатиградусном морозе. Вспомнил, что, когда еще был секретарем в Молдавии, создал там меховую фабрику. Позвонил в Кишинев: говорят — склады забиты мехами, не знаем, куда девать. Звоню Мазурову, спрашиваю, знает ли он о том, что делается в Тюмени и в Молдавии на эту тему. «Разберусь», — говорит. Вот вам и весь общесоюзный деятель!»

Люди сведущие говорили, что когда у них был выбор, к кому из

первых замов Косыгина обратиться — Полянскому или Мазурову, то предпочитали Полянского. Мазуров избегал принимать решения.

Но почему же вот уже столько лет не исчезают слухи о том, что Машеров был убит, что против него затевался заговор? Слухи о заговоре, о том, что Машерова убили, появились потому, что в те годы всё скрывали, всё утаивали.

Петра Мироновича Машерова уважали в республике. До войны он два года поработал учителем в средней школе. После нападения нацистской Германии на Советский Союз ушел в партизанский отряд. Его мать, Дарью Петровну, расстреляли немцы. В сентябре 1943 года он возглавил подпольный Вилейский обком комсомола. В августе 1944-го ему присвоили звание Героя Советского Союза. «Золотая Звезда» открыла ему дорогу в высокие кабинеты. Через год после войны он уже стал секретарем ЦК республиканского комсомола по кадрам.

Петра Мироновича ценили за скромность, доступность, заботу о республике. Даже просто за то, что на фоне остальных членов политбюро он выглядел молодым и приятным человеком.

Но при этом он был таким же ортодоксальным партийным секретарем, как и его коллеги. Алексей Иванович Аджубей вспоминал, как летом 1952 года они с руководителем белорусского комсомола Машеровым были командированы в Австрию на слет молодежи в защиту мира. В Вене им повсюду виделись агенты ЦРУ. Бывший партизан Машеров, едва шевеля губами, говорил Аджубею:

— Это шпик, запоминай его, Алексей, заметаем следы...

Машеров был моложе и симпатичнее своего предшественника Мазурова, но не все минские работники были рады новому хозяину. Жаловались: если при Кирилле Трофимовиче в бюро ЦК господствовал принцип коллегиальности и спокойствия, то при Петре Мироновиче появились начатки авторитаризма. При всей кристальной честности, энтузиазме и деловитости, готовности все взвалить на себя, Петр Миронович имел одну слабость: он, как соловей, любил слушать свой голос.

«В кабинете первого секретаря, — вспоминал Борис Павленок, поставленный руководить республиканским кинематографом, — я едва успевал открыть рот, как Машеров начинал просвещать меня то по литературной части, то поучать, как вести мелиорацию, сеять картошку, организовать уборку. Мне так и не удавалось высказать волнующие меня проблемы. Все было мило, сердечно, и я уходил обогащенный чем угодно, только не тем, за чем приходил».

Петра Мироновича Машерова почему-то называли оппозиционером, говорили, что Брежнев его не любил. Но это не так. Напротив, он произносил такие же речи во славу Брежнева, как и грузинский руководитель Эдуард Шеварднадзе, и азербайджанский первый секретарь Гейдар Алиев.

Брежнев ценил Машерова, но как республиканского руководителя, не более того. Приглашал его с женой к себе домой, на охоту в Завидово. Часто звонил, советовался. Но переводить в Москву не собирался. Машеров жаловался на то, что его зажимает украинская группа в руководстве страны.

Николай Егорович Матуковский, собкор «Известий» в Белоруссии, вспоминал, как обратился к Машерову:

— Петр Миронович, почему наш Минск не город-герой? Ведь он же буквально стоит на костях его защитников! Люди не понимают вашей скромности...

Корреспондент «Известий» попал в больное место. Машеров попытался закурить, у него дрожали руки:

— Ты думаешь, я не ставил этого вопроса? Зарубили! Слишком много там украинцев, которые не хотят, чтобы наш Минск сравнялся с их Киевом. А я всего лишь кандидат в члены политбюро... Наш главный противник — Подгорный. Почему-то он активнее других выступает против нашей звезды.

В июне 1974 года все-таки появился указ о присвоении Минску звания города-героя. А вручить столице Белоруссии «Золотую Звезду» Брежнев сподобился только через четыре года, в июне 1978-го. У Леонида Ильича любыми были другие республики и другие первые секретари.

Просьбы Машерова в Москве часто встречали отказ.

Петр Миронович в разговоре с Андроповым назвал имя чекиста, белоруса, которого хотел бы видеть в кресле начальника республиканского КГБ. Андропов не хотел отказывать Петру Мироновичу. Зимой 1970 года председатель КГБ Андропов вручал генеральские погоны начальнику управления госбезопасности по Ставропольскому краю Эдуарду Болеславовичу Нордману.

Юрий Владимирович сказал ему:

— Готовься к возвращению в Белоруссию. Будем рекомендовать тебя председателем комитета.

Эдуард Нордман был только рад.

Перед самой войной он начал работать в Пинском райкоме комсомола. Как только началась война, ушел в партизаны и воевал до самого

освобождения Белоруссии. В двадцать восемь лет он был секретарем райкома партии, потом его отправили в Москву учиться в Высшую партшколу. Когда вернулся с дипломом — это был 1958 год, — его отправили начальником управления в республиканский комитет госбезопасности. В 1965-м перевели в центральный аппарат.

После разговора с Андроповым прошел месяц, другой, третий. И председателем КГБ Белоруссии назначили генерала Якова Прокофьевича Никулкина... Он был на девять лет старше Нордмана, в госбезопасности служил с 1940 года, и ему уже собирались оформить пенсию.

Нордман не мог понять, что произошло: почему Андропов отказался от своего слова? И только потом начальник Девятого управления (охрана высших руководителей партии и государства) генерал Сергей Николаевич Антонов объяснил Нордману:

— Знаешь, что произошло с твоим назначением?

— Нет, не знаю.

— Когда Юрий Владимирович доложил Брежневу о твоей кандидатуре, тот сказал: «Вы что, не понимаете, что Петро (так Брежнев называл Машерова) подтягивает к себе партизан? Мы же ничего не будем знать, что он там замышляет!»

Бдительный Брежнев не хотел, чтобы Машеров окружал себя людьми, с которыми он связан давними отношениями, которые больше ориентировались бы на Петра Мироновича, чем на Москву. Поэтому в Минск отправили генерала Никулкина, который служил в Монголии советником по линии госбезопасности.

А Нордмана, которого Машеров просил Андропова вернуть на родину, отправили председателем республиканского комитета в Узбекистан. Это был красивый ход: выдвинули Нордмана, но в Узбекистан. Эта командировка закончилась для Нордмана печально. С хозяином республики Шарафом Рашидовым он не сработался...

В последний раз он видел Машерова за год до трагедии, когда был в Минске проездом.

«Стоим с сотрудниками из охраны, — вспоминал генерал Нордман. — Давно знакомые ребята. Во дворе две машины: «ЗИЛ-117» и сзади «Волга» охраны.

— А где, — спрашиваю, — машина сопровождения?

— Она идет у нас впереди метров за пятьсот-шестьсот, — отвечает начальник охраны полковник Валентин Сазонкин.

— Как же можно так ездить, да еще в такой туман? Впереди ЗИЛа должна быть машина сопровождения.

— Мы не раз говорили Петру Мироновичу, а он — ни в какую. Скажите вы, он к вам прислушается.

Сели в ЗИЛ. Улучив момент, говорю:

— Петр Миронович, непорядок — машины сопровождения впереди нет.

— Ты же знаешь, я не люблю кортежей.

— Да не о кортежах, о безопасности речь.

Короче, разговор не получился. Ушел он от обсуждения этой темы. Но человек я настырный, есть у меня такой грех. Еще раз улучив момент после ужина, снова взялся за свое:

— Петр Миронович, я очень вам советую изменить порядок сопровождения машины. До добра это не доведет. Разве можно так, да еще при таких туманах? Я бы никогда такого не позволил.

— Я помню, как ты организовал мою охрану на Северном Кавказе и в Ташкенте. Ты бы мою машину зажал в кольцо.

— В кольцо не в кольцо, а впереди машину поставил бы обязательно. У меня на Кавказе иного выхода не было. Там не было широких минских проспектов. На Кавказе условия более чем жесткие. Но за все годы ни разу не было ЧП, хотя иногда бывало на грани, ходил, как говорится, по лезвию ножа и не раз хватался за валидол.

— Ну, хорошо, Эдуард Болеславович, оставим этот разговор...

Самое странное было утром следующего дня. Звоню по вертушке председателю КГБ республики Никулкину:

— Яков Прокофьевич, меня беспокоит, как организовано сопровождение машины Петра Мироновича. Так ведь и до беды недалеко.

— А чего это тебя беспокоит? Чего лезешь не в свои дела?

Отбрил он меня, наивного, чисто.

— Ты не сердись, Яков, за мое неуместное вмешательство, но ты же понимаешь, чем все может кончиться, когда охрана допускает безразличие к требованиям безопасности охраняемого лица. Ты же знаешь решение политбюро и приказ КГБ. Там четко записано: лично отвечает за жизнь охраняемого местный начальник КГБ. В данном случае — ты...

— Знаю, не раз говорил об этом Машерову. Он слушать не хочет. Знаешь, пошел он... Он сам в политбюро, сам принимает решения, сам не выполняет, а я должен его убеждать...»

По мнению генерала Нордмана, Машеров стал жертвой стечения роковых обстоятельств.

А вот Михаил Сергеевич Горбачев, как бывший комсомольский секретарь Ставрополя, едва не пострадал из-за Шелепина.

Некоторые его ненавистники называют Горбачева агентом ЦРУ. А в реальности он вполне мог стать руководителем КГБ. Конечно, сейчас трудно представить себе Михаила Сергеевича в генеральском мундире. Но однажды его едва не взяли в органы госбезопасности. И помешал этому Владимир Ефимович Семичастный.

В 1966 году в Ставрополь была отправлена бригада сотрудников центрального управления Комитета госбезопасности с заданием проверить работу краевого управления КГБ. Руководил бригадой уже упоминавшийся полковник Эдуард Болеславович Нордман из Второго главного управления (контрразведка) КГБ.

В Ставрополе у Нордмана было одно деликатное поручение от заместителя председателя КГБ по кадрам Александра Ивановича Перепелицына, который прежде руководил белорусскими чекистами. Генерал Перепелицын попросил Нордмана присмотреть среди местных партийных работников человека, которого можно было бы сделать начальником областного управления госбезопасности. Перечислил критерии:

— Молодой, не больше тридцати пяти, с высшим образованием, с опытом работы.

У Нордмана в Ставрополе тоже нашлись партизанские друзья. Секретарь крайкома по кадрам Николай Лыжин посоветовал Нордману:

— Лучшей кандидатуры, чем Горбачев, ты не найдешь.

В то время Михаил Сергеевич Горбачев только что был избран первым секретарем Ставропольского горкома партии. Перепелицыну кандидат понравился:

— То, что надо: молодой, прошел по партийной лестнице.

Перепелицын пошел с этой кандидатурой к председателю КГБ Семичастному. Владимир Ефимович отверг предложение категорически:

— Горбачев? Не подойдет, его даже не предлагайте.

Почему председатель КГБ отверг предложенную кандидатуру, теперь уже узнать невозможно. Но отказ Семичастного спас Михаила Сергеевича.

Через несколько лет, в 1970 году, Горбачева хотели сделать уже первым секретарем Ставропольского крайкома. Проверить кандидатуру Горбачева Брежнев поручил первому заместителю председателя КГБ Семену Кузьмичу Цвигуну.

К тому времени начальником краевого управления госбезопасности был назначен Эдуард Нордман. Произошло это так.

Весной 1968 года Нордман с группой офицеров работал в Грозном. В середине июня по аппарату ВЧ-связи ему позвонил начальник управления

кадров КГБ Виктор Михайлович Чебриков, уточнил:

— Один в кабинете?

Нордман попросил всех выйти.

— Прошу завтра быть в Москве. Вылетай первым рейсом.

— А что случилось? — встревожился Нордман.

— Вчера было заседание коллегии, посоветовались и решили, что поедешь работать в Ставрополь начальником краевого управления.

— Виктор Михайлович, — взмолился Нордман, — я ведь только три года как из Белоруссии приехал. Семья толком не акклиматизировалась в Москве, дети учатся. Дайте хоть с женой посоветоваться.

— Мы не жену посылаем работать, а тебя. Советуйся, но завтра быть в Москве.

«Уже первого июля я был на новом месте службы, — вспоминал Нордман. — Ставрополь встретил жарой под сорок градусов и пылью. Старый, уютный губернский город. В основном двух— и трехэтажные дома, зеленые улицы.

В двадцатых числах июля на пленуме вторым секретарем краевого комитета партии утвердили Михаила Сергеевича Горбачева. Первый секретарь Леонид Николаевич Ефремов приболел, затем уехал в отпуск. На хозяйстве, как говорится, остался Горбачев. Общались с ним почти ежедневно. Михаил Сергеевич производил хорошее впечатление. Молодой, энергичный, общительный...

Семья была скромной. Дочь Ирина — умная, красивая девочка-старшеклассница, Раиса Максимовна — скромный преподаватель сельхозинститута. Жили без излишеств. По выходным выезжали на природу. Ходили пешком по двадцать и более километров. Бражничать не любили. Правда, по праздникам собирались у друзей...»

Леонид Николаевич Ефремов был при Хрущеве кандидатом в члены президиума ЦК и первым заместителем председателя бюро ЦК по РСФСР. В Ставрополе он оказался из-за своей близости к Хрущеву. Но держать его на партийной работе Брежнев не хотел и отправил в Госкомитет по науке и технике. Прежде чем попрощаться, спросил:

— А кого выдвинем первым секретарем крайкома вместо тебя?

Ефремов сказал, что не ожидал такого поворота дела, специально на эту тему не думал, ни с кем не советовался. Но все первые секретари были присланы из Москвы. А почему бы не выдвинуть человека из краевой парторганизации?

Брежнев одобрительно кивнул:

— В принципе, твои соображения правильны. К нам приходят письма

из Ставрополя, что много посылаем руководителей сверху. Но кого конкретно рекомендовать на пост первого секретаря, если не посылать работника из ЦК? Какие у тебя соображения?

Ефремов сказал, что есть две кандидатуры — председатель краевого исполкома Николай Васильевич Босенко и второй секретарь крайкома Михаил Сергеевич Горбачев.

— Как ты охарактеризуешь каждого в отдельности? — спросил Брежнев.

К отбору первых секретарей обкомов и крайкомов Леонид Ильич относился исключительно серьезно.

— Босенко постарше, участник войны, он был первым секретарем промышленного крайкома в Ставрополе, когда существовало разделение партийных организаций на промышленные и сельские. Так что он готовый первый секретарь. Горбачев — молодой работник, окончил Московский университет, активный человек. Два года работает вторым секретарем.

Ефремов добавил, что Горбачева, по его сведениям, выдвигал на партийную работу Федор Давыдович Кулаков.

— Можно узнать его мнение и о Горбачеве, и о Босенко. Наверное, скажет свое слово и Юрий Владимирович Андропов. Он родился на станции Нагутская Ставропольского края. Он хорошо знает своего земляка Горбачева и может дать ему свою оценку.

Брежнев сказал, что они обдумают этот вопрос в ЦК.

И вот теперь начальнику Ставропольского управления Нордману позвонил Цвигун:

— Приезжай на пару дней в Москву.

— Так я же совсем недавно был, Семен Кузьмич. У меня и вопросов никаких нет.

— Ну, я же не каждый день приглашаю. Приезжай.

Когда Нордман вошел в кабинет первого заместителя председателя КГБ, Семен Цвигун доверительно сказал Нордману: в крае предстоят перемены. Понадобится новый первый секретарь. Кого будем назначать? Нордман тоже назвал двоих — Босенко и Горбачева. Выбор сделал в пользу Михаила Сергеевича:

— Он моложе Босенко на тринадцать лет, юрист, перспективный.

Цвигун возразил:

— Он ведь первым секретарем крайкома ВЛКСМ работал в одно время с Шелепиным и Семичастным. Одна ведь банда шелепинская, комсомольская.

Нордман сразу возразил:

— Семен Кузьмич, не входит Горбачев в эту команду.

— Откуда ты это знаешь, ведь недавно там работаешь?

И тогда Нордман рассказал, как предлагал Горбачева взять в кадры КГБ и как Семичастный с ходу отверг его кандидатуру. А сказал бы что-нибудь другое, не видать Михаилу Сергеевичу повышения, не сложилась бы у него карьера.

Для Горбачева это была последняя и решающая проверка. В январе 1970 года он занял высшую ступеньку в руководстве краем...

Но в определенном смысле началом своей карьеры Горбачев действительно был обязан Шелепину и Семичастному. В 1955 году, после очередного пленума, руководители комсомола Шелепин и Семичастный обратились к местным секретарям с просьбой. Учебные заведения страны выпустили слишком много юристов, философов и историков. Трудоустроить их по специальности невозможно, возьмите их на работу в комсомол.

— Только я вернулся в Ставрополь, — вспоминал тогдашний первый секретарь крайкома комсомола Виктор МIRONENKO, — мне звонит Горбачев.

После Московского университета Михаила Сергеевича, молодого юриста, распределили в родные края, в ставропольскую прокуратуру. Но в правоохранительных органах шло послесталинское сокращение штатов. Горбачев оказался без работы.

— Я позвонил краевому прокурору, — рассказывал МIRONENKO. — Он говорит: есть место следователя, он не хочет. А у меня в крайкоме была вакансия — нужен был заместитель заведующего отделом пропаганды. Ну, я и взял Горбачева.

Горбачев долгое время поминал добрым словом земляка, который открыл ему дорогу в политику. Потом отношения прервались. Виктор МIRONENKO попал под подозрение как человек, близкий к Шелепину и Семичастному. Бывших «комсомольцев» Брежнев считал опасными для себя. За ними следил КГБ. Задача состояла в том, чтобы не допустить их возвращения на заметные посты.

Когда в 1978 году после смерти члена политбюро Федора Давыдовича Кулакова Горбачева решили сделать секретарем ЦК по сельскому хозяйству, в последний момент его назначение опять едва не сорвалось. И все из-за того, что Виктор МIRONENKO позвонил опальному Семичастному в Киев и разговор зашел о Михаиле Сергеевиче.

Семичастный спросил МIRONENKO:

— Слушай, я не помню, Горбачев у нас когда работал?

— Так это вы подписывали решение о его назначении первым

секретарем крайкома, — напомнил МIRONЕНКО.

Киевлянина Семичастного интересовали последние московские новости:

— Знаешь, чего тебя спрашиваю? Говорят, вместо Кулакова то ли Горбачев будет, то ли наш Моргун.

Первый секретарь Полтавского обкома Федор Трофимович Моргун тоже считался кандидатом на пост секретаря ЦК по сельскому хозяйству. Моргун учился в Днепропетровске, что для Брежнева было большим плюсом, работал на целине, получил «Золотую Звезду» Героя Социалистического Труда.

Все разговоры Семичастного записывали. Фамилии, которые называл бывший председатель КГБ, фиксировались. А именно в эти дни оформлялись все документы, необходимые для избрания Горбачева секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству, с чего и началось его восхождение к вершинам власти.

— Говорят, что Горбачева тут же вызвал Андропов и предупредил: будь осторожен, видишь, кто тебя поддерживает, — рассказывал МIRONЕНКО.

Михаила Сергеевича спасло особое отношение к нему Суслова и Андропова.

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ПЕНСИЯ БЫ ПРИГОДИЛАСЬ

Отправлять Александра Николаевича Шелепина на пенсию было рано. В мае 1975 года его освободили от должности руководителя ВЦСПС и подыскиали ему унизительно маленькую должность заместителя председателя Государственного комитета Совета министров СССР по профессионально-техническому образованию (в 1978 году название комитета несколько изменили), который ведал в основном производственно-техническими училищами (ПТУ) для молодежи.

Это, конечно, было издевательством. Когда Суслов пригласил Александра Николаевича и сказал, что ему предлагается такая должность, Шелепин ответил:

— Я же молотка никогда в руках не держал, не говоря уж о чем-то более серьезном. Как я буду учить будущий рабочий класс?

При Сталине 15 мая 1946 года было образовано Министерство трудовых резервов — на базе Главного управления трудовых резервов при Совете министров СССР и Комитета по учету и распределению рабочей силы. Министром стал Василий Прохорович Пронин, который в военные годы был председателем Моссовета.

После смерти Сталина, в ходе большой реорганизации правительства, Министерство трудовых резервов распустили.

При Хрущеве 27 июля 1959 года образовали Государственный комитет Совета министров СССР по профессионально-техническому образованию. Через четыре года, 21 января 1963 года, его упразднили, вернее переподчинили Госплану. При Брежневе 16 октября 1965 года комитет восстановили как самостоятельное ведомство.

В Госкомитете по профтехобразованию работал еще один выходец из комсомола — Вадим Аркадьевич Саюшев. Он был значительно моложе Шелепина. Когда Александр Николаевич руководил комсомолом, Саюшев был еще секретарем Ленинградского обкома ВЛКСМ. С октября 1961-го по декабрь 1964 года, когда Шелепин уже ушел, Саюшев был вторым секретарем ЦК ВЛКСМ.

Потом Вадима Саюшева назначили заместителем председателя Госкомитета по профтехобразованию. Через три года сделали первым замом. Саюшев рассказывал мне, что, когда Шелепина перевели в комитет,

Суслов вызвал председателя — Александра Александровича Булгакова и откровенно объяснил:

— Вокруг Шелепина должен быть вакуум, поручить ему надо что-то малозначимое и позаботиться о том, чтобы у него не было никаких внешних связей.

Харьковчанин Александр Александрович Булгаков начинал трудовую жизнь стеклографистом в местном комитете Южного машиностроительного треста. Отслужив в армии, он поступил на вечернее отделение Харьковского электротехнического института. Когда началась война, его перевели на автобронетанковую ремонтную базу, в 1942 году он стал парторгом бронетанкового ремонтного завода. После войны Булгакова сделали вторым секретарем Харьковского горкома, потом председателем Харьковского горисполкома, в январе 1954-го утвердили вторым секретарем Харьковского обкома. В 1959 году его перевели в Москву секретарем ВЦСПС. Летом 1964-го он возглавил Госкомитет по профессионально-техническому образованию.

Александр Булгаков, вернувшись от Суслова, собрал заместителей, пересказал им весь разговор. Он был горд поручением Михаила Андреевича — ему доверили перевоспитание оторвавшегося от народа бывшего члена политбюро...

Шелепину поручили заниматься учебниками. Более всего его поражала и возмущала необязательность чиновников, с которыми он теперь имел дело. Он, находясь на высоких должностях, привык, что его поручения немедленно исполняются. А тут вступила в дело бюрократическая волокита да и чиновная опасливость: зачем сломя голову исполнять поручение Шелепина, если даже соприкасаться с ним опасно?

В 1976 году Александр Шелепин приехал в родной Воронеж на сорокалетие школы.

«Наша группа собралась около памятника Никитину, — вспоминала его одноклассница Людмила Насонова, ставшая врачом, — он подошел к нам — буквально на пять минут. Видно, у него уже было плохое настроение, рассказывать о себе ничего не хотел. Нина сказала: «Не будем настаивать...» Это была наша последняя встреча.»

В июле 1983 года Александра Булгакова отправили на пенсию. Вскоре ушел из комитета и Вадим Саюшев — он стал генеральным директором ВДНХ СССР. Шелепин рассчитывал, что его сделают председателем комитета и это станет шагом к возвращению к большим делам. Брежнев к тому времени уже умер, так что старое больше не имело значения. Но опала с Шелепина вовсе не была снята.

Новым председателем комитета сделали первого заместителя Капитонова в отделе организационно-партийной работы ЦК Николая Александровича Петровичева. Он был ровесником Шелепина. Перед войной его призвали в армию, он сразу оказался на политработе, всю войну провел далеко от фронта — инструктором, затем начальником Дома Красной армии в Московском и Южно-Уральском военном округах.

В 1946 году он демобилизовался, стал заместителем директора ремесленного училища по культурно-воспитательной работе в Тушине. На следующий год его взяли инструктором в Тушинский горком партии. Из горкома — в обком, из обкома в ЦК, и Капитонов сделал его своим первым замом. Но в какой-то момент Петровичев разонравился Андропову, ставшему генеральным секретарем, и получил назначение в заштатный комитет по профтехобразованию.

Для Шелепина это было крайне неудачно. Работая в отделе организационно-партийной работы, Николай Петровичев очищал кадры от шелепинских людей. В частности, убрал с партийной работы Валерия Харазова.

— Шелепин мне в карьере не помогал, и я к нему не обращался, — рассказывал мне Харазов. — Когда меня отправляли в Казахстан, он ни слова не сказал: зачем вы его посылаете? И в Литву меня Капитонов послал, он меня знал по Москве... Когда всех комсомольцев разогнали, я последний остался при должности. Потом только выяснил, что республиканский КГБ фиксировал, кто из Москвы ко мне приезжает, с кем я встречаюсь.

К шестидесятилетию Харазова наградили всего лишь орденом «Знак Почета», по рангу ему полагалась более высокая награда. Приятели звонили и выражали сочувствие:

— Ты что натворил? За что тебя наказали?

Харазова вызвали в Москву. Перед отъездом первый секретарь ЦК компартии Литвы Пятрас Пятрович Гришкявичюс сказал ему:

— Валерий Иннокентьевич, имейте в виду: я о вас никогда и никому ничего плохого не говорил.

В Москве Петровичев заявил Харазову:

— Тебе надо уходить, потому что тобой Гришкявичюс недоволен.

Харазов ответил:

— Неправда. Гришкявичюс сам мне сказал...

Тогда Петровичев высказался откровенно:

— Рви с Шелепиным! Или придется уходить с партийной работы.

— Нет, — твердо ответил Харазов. — Я связан с ним с детства, а вы

хотите, чтобы я отказался от такой дружбы?

— Тогда будет хуже, — пригрозил Петровичев.

— Пусть будет хуже, но дружбу с Шелепиным я не порву...

Партийная карьера Харазова закончилась, ему предложили должность первого заместителя председателя Республиканского комитета народного контроля, сказали:

— Материально не пострадаете.

Валерий Иннокентьевич еще оставался кандидатом в члены ЦК, ходил на пленумы. В Свердловском зале Кремля очень тесно, все друг друга видят. По залу уверенной походкой прошел зять Брежнева, первый заместитель министра внутренних дел Юрий Михайлович Чурбанов.

— Все вокруг угодливо привстают, он снисходительно здоровается, — вспоминал Харазов. — Мимо меня прошел, вдруг повернулся: что это он здесь делает? То есть он хорошо знал, что я отстранен и почему отстранен...

Когда тот же Петровичев, снимавший людей с работы за дружбу с Шелепиным, оказался у него начальником, Александр Николаевич не выдержал и подал заявление о пенсии.

Не жалел ли потом Шелепин, что поссорился с Брежневым, не говорил ли: «Эх, не надо было мне так?..»

— Если бы у него в характере такое было, он бы, наверное, изменил свое поведение раньше, — считал Николай Егорычев. — Думаю, он был просто честным человеком, иначе себя вести не мог...

Поразительно то, что у Шелепина осталось так много верных ему друзей. Что же такое было в Шелепине, что все его друзья буквально влюблены в него были?

— Мы все чувствовали, что имеем дело с умным, толковым, порядочным, добрым человеком, который искренне служит своей стране, — говорил Николай Егорычев. — Он был до щепетильности честным человеком. Ни дачи, ни машины, ничего у него не было...

Может быть, все дело в том, что, находясь на высоком посту, Александр Николаевич многое мог сделать для друзей? Хорошо, наверное, иметь друга — члена политбюро?

— Мы дружили с пятого класса и до гробовой доски. Но никогда на нашу дружбу не влияло его высокое положение, — рассказывал Валерий Харазов. — Я занимал куда более скромные посты, но он никогда не способствовал моему продвижению. Я никогда не звонил ему на работу, только домой в воскресенье, в будние дни вечерами. И никогда у меня не возникало желания попросить его помочь. С самого начала у нас была

определенная моральная основа. Друга не надо выдвигать, пусть он сам будет выдвигаем людьми, если они увидят качества, достойные выдвижения...

Шелепин на людях держался сдержанно, и мало кто знал, каков он на самом деле. Многие говорили, что он был замкнутый, осторожный, себе на уме, лишенный романтизма. В Переделкине был дом отдыха ЦК комсомола. Там в субботу и воскресенье собирались руководители комсомола, выпивали, забавлялись, играли во что-то. Шелепин держался в стороне.

— Да, он в домашней обстановке был очень веселый, обожал розыгрыши! — вспоминал Харазов. — Я как-то заболел, а Шелепин зовет в гости. Я объясняю: «Не могу встать». Через час звонок, человек в халате: «У вас инфекционный больной? Мы должны его забрать». Я в ужасе привстал. Смотрю: в белом халате — Семичастный, а Шурка стоит на лестнице и хохочет. Такой же шутник был Грант Григорян. Когда мы собирались, было очень весело. И никогда не обсуждали политические вопросы...

Воронежский краевед Владимир Елецких прислал мне запись беседы с Зинаидой Ивановной Иванковой, которая вышла замуж за Георгия Шелепина, брата Александра Николаевича. Они познакомились на танцах в парке Первомайский. Она вспоминала, что Александр Шелепин не забывал ни родного города, ни своих близких:

— Помню, как он приехал, когда город только-только освободили от немцев. Приезжал он по делам, но и к нам зашел. Город лежал в руинах, мы жили в подвале. После войны приехал, когда родители уже строили дом. А потом уже часто бывал — и один, и со старшей дочерью. И к себе приглашал. Почти каждый год мы приезжали к нему на дачу. Народу много собиралось. Как одной семьей сядем — огромный стол.

Его племянница, Людмила Георгиевна, школьная учительница, тоже сохранила лучшие воспоминания о дяде:

— Дядина дача располагалась в Серебряном Бору. В свободный час Александр Николаевич любил проводить время с детворой. Но очень сердился на неправду и проводил душевспасительные беседы на моральные темы. Я помню встречи Нового года. Его дочь Люда наряжалась Дедом Морозом и раздавала подарки из мешка. Рядом стоял Александр Николаевич и улыбался. Получали подарки все — и родня, и обслуга. Подарки подбирались обдуманно, недовольных не было. А потом все усаживались за праздничный стол у красивой елки. Единственной проблемой были телохранители, следовавшие за ним буквально по пятам.

Видно было, что они его раздражали. Однажды он нас провожал и на перроне поскользнулся. К нему, сметая всех, подлетел охранник, чтобы поддержать. И дядя страшно смутился. Он часто приезжал в Воронеж со своей старшей дочерью. Он очень любил родителей. Всегда привозил подарки. И опять-таки телохранители ему мешали. Да и воронежские начальники тоже не позволяли нормально отдохнуть...

Власть портит. Но друзья уверены, что Александр Шелепин — исключение.

— Его власть не испортила, — говорил Валерий Харазов. — Я так смело говорю, потому что я его всю жизнь знал. И проговорили мы за жизнь столько, сколько ни с кем не говорили. Он был скромным человеком.

Шелепин тяжело переживал случившееся. По мнению Николая Егорычева, ему не хватало фронтовой закалки — кто через ад войны прошел, тому и на гражданке легче было:

— Пережить такое не просто. Мне или Месяцеву было легче, мы прошли фронт. Я ходил в атаку, схватывался врукопашную, мерз в окопах, у меня два ранения... Ну, освободили меня и что? Есть образование, есть работа — будем работать. Александр Николаевич отнесся к этому очень болезненно...

«Он несколько подрастерялся и сник, — писал в своих воспоминаниях Владимир Семичастный. — Перестал общаться. Бывшие комсомольцы и бывшие наши сослуживцы, видя его подавленность, стали больше обращаться ко мне как к более признанному лидеру. Он это чувствовал и, видимо, переживал.

Но я продолжал считать его лидером».

В апреле 1984 года Шелепина отправили на пенсию. Пенсию дали небольшую. Александр Николаевич написал письмо новому генеральному секретарю ЦК КПСС Черненко. Константин Устинович только что вернул партбилет Молотову, исключенному из партии при Хрущеве, был собой очень доволен и на политбюро сказал, что и другие бывшие руководители страны обращаются с различными письмами.

— Шелепин просит для себя обеспечения на уровне бывших членов политбюро, — сообщил Черненко.

— На мой взгляд, с него вполне достаточно того, что он получил при уходе на пенсию, — резко отозвался член политбюро и министр обороны Дмитрий Федорович Устинов. — Зря он ставит такой вопрос.

Устинов был другом Брежнева и потому Шелепина не любил. Более мягкий по природе Константин Устинович не был столь категоричен.

— Я думаю, что по всем этим вопросам мы пока ограничимся

обменом мнениями, — сказал он. — Но, как вы сами понимаете, к ним еще придется вернуться.

Черненко вскоре ушел в мир иной, а сменивший его Горбачев проявил большее великодушие к бывшему члену политбюро.

13 января 1988 года Шелепин отправил Горбачеву письмо:

«Уважаемый Михаил Сергеевич!

Позвольте сердечно поблагодарить ЦК КПСС, Совет Министров СССР и в первую очередь лично Вас, Михаил Сергеевич, и в Вашем лице членов Политбюро ЦК КПСС и членов Секретариата ЦК КПСС за положительное решение вопроса о моем материально-бытовом обеспечении.

Желаю Вам, Михаил Сергеевич, хорошего здоровья и больших успехов в Вашей выдающейся партийной и государственной деятельности.

Еще раз большое спасибо Вам.

С неизменным и глубоким к Вам уважением

А. Н. Шелепин».

Горбачеву благодарственное письмо даже не стали показывать. Заведующий общим отделом ЦК Валерий Болдин показал его секретарю ЦК Александру Яковлеву. Тот прочитал и, как положено, расписался на полях. Болдин добавил: «В архив».

Через два месяца, в конце марта 1988 года, Шелепин вновь обратился в ЦК. На сей раз к секретарю Егору Кузьмичу Лигачеву, ведавшему организационными делами:

«Уважаемый Егор Кузьмич!

В связи с упразднением Госпрофобра СССР, где я работал и состоял на партийном учете, прошу ЦК КПСС и лично Вас, Егор Кузьмич, разрешить в порядке исключения поставить меня на партийный учет в одной из цеховых партийных организаций аппарата ВЦСПС, где я до Госпрофобра СССР работал в течение восьми лет.

Партийный комитет (т. Фролов Е. А.) и руководство ВЦСПС (т. Шалаев С. А.) поддерживают эту просьбу.

О принятом Вами решении убедительно прошу Вас, Егор Кузьмич, поручить кому-либо из товарищей сообщить мне по телефону..

Извините за обращение непосредственно к Вам с указанной просьбой».

Егор Лигачев написал на письме: «Согласиться».

После выхода на пенсию членам партии полагалось перейти на учет в парторганизацию при жэке. Кто мог, избегал этого, чтобы не сидеть на партсобраниях в мало приятной для себя компании самых простых людей. Райкомы партии бдительно следили за тем, чтобы пенсионеров снимали с

учета в тех организациях, где они прежде работали, но для больших начальников делали исключение.

Однако 5 марта 1988 года ведомство, где Шелепин работал до пенсии, включили в состав нового Государственного комитета СССР по народному образованию. Александр Николаевич попросил старых друзей в ВЦСПС избавить его от необходимости ходить в жэк.

Через десять дней после получения письма один из помощников секретаря ЦК пометил, что все исполнено:

«По поручению т. Лигачева Е. К. сообщено тт. Белякову Ю. А. и Шалаеву С. А., а также т. Шелепину А. Н.».

Степан Алексеевич Шалаев был главой профсоюзов, Юрий Алексеевич Беляков — вторым секретарем Московского горкома партии, он курировал все оргдела в столичной партийной организации.

Персональные пенсии, прежде гарантировавшие отставникам приличное существование, исчезли вместе с советской властью. Шелепин трудно жил последние годы, нуждался. Жалел, что, работая в КГБ, отказался от генеральского звания. Генеральская пенсия бы пригодилась, особенно когда началась безумная инфляция и рубль обесценился.

Советская система показала, что если человек сопротивляется аппарату, то найдутся жернова, которые любого сотрут в порошок. К концу жизни Александр Николаевич Шелепин сильно изменился.

Незадолго до смерти, в 1992 году, он в последний раз поехал в родные края, в Воронеж, на семидесятилетие брата Георгия. Александр Николаевич нашел дом на улице Эртеля (бывшая Венецкая), в котором вырос. Хотел зайти, да новые хозяева даже на порог не пустили. Они уже забыли, кто такой Шелепин. А напомнить он не решился.

Всю жизнь он был застенчивым человеком, не в делах, а в личной жизни. Это даже трудно себе представить: с юности в центре внимания, в президиумах, на трибуне, в окружении множества людей — и застенчивый, скромный и даже смущающийся. Александру Николаевичу было не по себе, когда его узнавали на улицах, подходили поговорить.

— Он стеснялся, уходил от разговоров, — рассказывал Валерий Харазов. — Он прихрамывал к концу жизни, и у него плохо было с сердцем. Он умер от сердечного приступа. Позвонил мне из больницы: «Все хорошо, выписываюсь». Я обрадовался, а через два дня ему стало хуже. Неделью он пролежал в коме и умер, не приходя в сознание.

Это произошло в октябре 1994 года.

Похоронили Александра Николаевича Шелепина на Новодевичьем кладбище. Не в память о его прошлых заслугах, а потому, что там была

могила отца. В конце жизни Николай Георгиевич Шелепин тяжело болел, в 1967 году приехал в Москву лечиться и здесь скончался. Член политбюро Шелепин похоронил отца на Новодевичьем кладбище.

Сам Александр Николаевич завещал его кремировать и похоронить в могиле отца. Так и сделали. Урну с прахом положили в отцовскую могилу. Памятник у отца и сына один. А мать Шелепина осталась в Воронеже со средним сыном. Там они оба и похоронены, тоже рядом, на Коминтерновском кладбище.

Владимир Ефимович Семичастный пережил Шелепина на семь лет. Он умер 12 января 2001 года от инсульта. Всего трех дней не дожил до своего семидесятилетия.

В те годы я каждый вечер в главном выпуске новостей телекомпании «ТВ-Центр» выступал с комментарием к главному событию дня. Новости тогда начинались в восемь вечера. Я узнал о смерти Семичастного за пятнадцать минут до эфира — позвонил теперь уже тоже покойный Николай Григорьевич Егорычев.

Тему комментария я давно определил и набросал текст. Телесуфлером я никогда не пользовался, а текст клал перед собой — на всякий случай... Пока шел в студию, решил, что просто обязан сказать последнее слово о Семичастном, Шелепине, их поколении. Выбросил готовый текст в урну.

У меня было ровно пять минут в эфире. Смотреть на часы, когда выступаешь, неудобно. Попросил оператора, когда останется тридцать секунд до конца, махнуть мне рукой, чтобы я знал: пора завершать.

Я говорил о том, что ушел из жизни человек, сыгравший важнейшую роль в политической истории нашей страны. Я не был единомышленником Владимира Ефимовича Семичастного, но с уважением относился к нему, потому что у него были свои взгляды. И он им не изменил. Он был мужественным и смелым человеком. И еще я напомнил, что когда они с Шелепиным возглавляли КГБ, то в стране было меньше всего политзаключенных.

Пять минут — небольшое время. И я понял, что должен написать книгу о Шелепине, его друзьях и противниках и вообще о той эпохе...

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. Н. ШЕЛЕПИНА

1918, 18 августа — А. Н. Шелепин родился в Воронеже.

1936 — окончил среднюю школу.

1941 — окончил Московский институт философии, литературы и истории имени Н. Г. Чернышевского.

1939–1940 — служил в Красной армии, участвовал в советско-финляндской войне.

1940, сентябрь — инструктор МГК ВЛКСМ по работе среди студенческой молодежи.

Октябрь — заведующий военно-физкультурным отделом обкома комсомола.

1941 — секретарь МГК ВЛКСМ по военной работе.

1943, январь — секретарь горкома комсомола по пропаганде и агитации.

Апрель — секретарь ЦК ВЛКСМ по военной работе.

1949 — второй секретарь ЦК комсомола.

1952, октябрь — первый секретарь ЦК комсомола.

1958, апрель — декабрь — заведующий отделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам.

25 декабря — председатель КГБ при Совете министров СССР.

1961, октябрь — секретарь ЦК КПСС.

1962, октябрь — председатель Комитета партийно-государственного контроля при ЦК КПСС и Совете министров СССР.

Ноябрь — заместитель председателя Совета министров СССР.

1964, ноябрь — член президиума (политбюро) ЦК КПСС.

1965, декабрь — освобожден от должности председателя Комитета партийно-государственного контроля и заместителя председателя Совета министров.

1967, июль — председатель Всесоюзного центрального совета профсоюзов.

Сентябрь — освобожден от обязанностей секретаря ЦК КПСС.

1975, апрель — освобожден от обязанностей члена политбюро ЦК.

Май — освобожден от обязанностей председателя ВЦСПС.

Июнь — заместитель председателя Государственного комитета СССР

по профессионально-техническому образованию.

1984, апрель — вышел на пенсию.

1994, 24 октября — умер, похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

ИЛЮСТРАЦИИ

А. Меньш

Отец Александра Шелепина — Николай Георгиевич

Братья Александра Шелепина — Георгий и Леонид

Александр Шелепин (второй справа) со школьными товарищами. 1934
г.

*Десятый класс воронежской школы № 9. Александр Шелепин в центре.
1936 г.*

*Александр Шелепин с друзьями — Валерием Харазовым и Борисом
Рединым*

Братья Шелепины с друзьями

*В марте 1942 года секретаря Московского горкома комсомола
Александра Шелепина наградили орденом Красной Звезды*

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОМУНИСТИЧЕСКИЙ
СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ
№ 0174527 *

Фамилия Шелепин

Имя и отчество Александр Николаевич

Год рождения 1918?

Время вступления в ВЛКСМ сентябрь 1934?

Наименование организации,
выдавшей билет Соколовский Р-т, Москва

Секретарь В. Ф. Романов

30 декабря 1938 года

Уплата членских взносов за 1938 г.

Месяц	Месяч- ный за- работок	Членск. взнос	Подпись секретаря
Январь			
Февраль			
Март			
Апрель			
Май			
Июнь			
Июль			
Август			
Сентябрь			
Октябрь			
Ноябрь			
Декабрь	185	1/2	<u>В. Ф. Романов</u>

Комсомольский билет Александра Шелепина

XII съезд ВЛ КСМ. Слева в первом ряду — Николай Фирюбин и Николай Егорычев, слева во втором ряду — Афанасий Долгих

Александр Шелепин и Валерий Харазов

Александр Николаевич Шелепин

Хрущев доверял Шелепину все более высокие посты

Валерий Харазов (слева) стал крупным партийным работником, но лишился своей должности из-за того, что не порвал со своим другом Шелепиным

А. Н. Шелепин и В. Е. Семичастный

А. Н. Шелепин на трибуне

Александр Николаевич Шелепин всегда был очень спортивным

*На охоте. Шелепин — в центре, слева от него — друг и соратник
Владимир Семичастный*

С женой Верой Борисовной и дочерями Людмилой и Ольгой

*В ноябре 1964 года А. Н. Шелепин стал членом президиума ЦК КПСС и
Главного военного совета при Совете обороны СССР*

С главой правительства А. Н. Косыгиным

*С Н. В. Подгорным и Л. И. Брежневым после награждения орденом
Ленина*

На переговорах. Справа от А. Н. Шелепина Д. Ф. Устинов

*Александр Шелепин с женой и старым товарищем по комсомолу
Николаем Романовым*

Афанасий Долгих и его жена Нина Щербакова на даче Александра Шелепина в Сосновке

Дети и внуки были единственным утешением в последние годы

Александр Николаевич Шелепин с внучкой Верой